Виктор Морт
МЕРА
ПОДЛОСТИ
1973

Виктор Морт

МЕРА ПОДЛОСТИ

Всеславянское издательство
1970

A MEASURE OF BASENESS

BY

VICTOR MORT

LIBRARY OF CONGRESS CATALOG CARD NUMBER: 75-137654

Published By ALL-SLAVIC PUBLISHING HOUSE, Inc.

NEW YORK

1970

Гостеприимной Родине Марка
Твэна — с любовью и сочувствием!

АВТОР

Все книги издания Всеславянского Издательства
выходят при благосклонном участии и поддержке
князя С. С. Белосельского-Белозерского

МЕРА ПОДЛОСТИ

Мера подлости

> Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
> А жизнь людей мгновенна и убога,
> Но все в себе вмещает человек,
> Который любит мир и верит в Бога.
>
> **Н. Гумилев.**

Боже мой, как давно это было, и, как быстро пролетело время приблизив нас к этим беспокойным дням.

***

Появление в туманной дымке американской земли, для одних сан-францискогo моста, а для других зеленого массива Сеаттля, было и радостью и боязнью.

— Что ждет нас в этой стране? Новые мытарства? Унижения и неуверенность в завтрашнем дне? А может быть все обернется лучше... Одни оседали сразу же в Сан-Франциско или в Сеаттле, а другие двигались в провинцию, где был спрос на рабочие руки, да и заработок мог быть выше. Расставаясь брали адреса — а вдруг пригодятся!

Люди были молоды и этим было сказано все. Тут была надежда на лучшую жизнь, на возможность создать семью зажить по настоящему.

Разъехавшись, обеими руками взялись за работу, с мечтой о крепкой крыше, которая была утеряна...

На западном побережьи, в городе Клоудлэнд было несколько крупных лесопилок, бойня, две товарные станции

со многими подъездными путями и разные небольшие фабрики, но с перспективой на рост и процветание. Здесь рабочие были нужны всегда, так как дела разростались.

Все были веселы, здоровы, верили в лучшие времена. Правда, о приехавших никто не заботился, не помогал, но была работа и это самое главное; ведь каждая копейка была так нужна, так нужна. А здесь это был всемогущий доллар!

И пошли дни за днями, но они не были безрадостными потому что все были сыты, более или менее одеты и работа была постоянная и верная.

Что же еще надо человеку познавшему „сладость" беженской жизни и неуверенность в завтрашнем дне?.. Хлебнули горя достаточно и когда сравнивали свое „сегодня" с кошмарами прошлого, то считали себя счастливцами, особенно когда в доме была улыбка, детская радость и здоровье!

Это, вот теперь только живут прошлым, так как плохо настоящее и нет будущего, а в те годы были благодарны судьбе за все, тем более, что уже во многих квартирах „будущее" бегало по дому в коротких штанишках. Время шло... Приехало еще девятнадцать семейств и... посвятим депрессии поставившей Америку на колени только несколько строк, но пусть читатель поймет, что то были ужасные времена: нечем было платить за квартиру, питались в столовых Армии Спасения. Огромное большинство потеряло работу, ибо фабрики и заводы закрывались из-за отсутствия сбыта. Спасаясь, поселялись по несколько человек в одной комнате и если один работал, то этот „глава семьи" оплачивал комнату и отопление (дрова и уголь).

Ничего, прошли эти страшные годы, никто не умер от голода, не покончил жизнь самоубийством, по крайней мере среди русских. Выжили. Выжили и опять, как муравьи стали восстанавливать то, что было нарушено...

Вот когда появилась мысль, что надо как-то объединиться, создать что-то цементирующее взрослых и детей. Что же это может быть, как не церковь? Необходима до-

машняя церковка или часовня; раздобыть помещение легко; потом найти священника... Потом...

Американцы требовали работы, требовали темпа, но платили достаточно, а в остальном были отзывчивыми и добрыми. Ведь они и их предки прошли нелегкий путь, пока создали все это техническое великолепие и мощь своего государства. Если смогли они, начиная с ничего, то почему не сможем мы? Теперь было больше уверенности и сил. Люди уже по настоящему воспрянули духом, а тут еще кто-то узнал, что в Канаде, в Альберте, прозябает русский священник с матушкой, тяжело трудясь на лесоразработках. Она работает на ферме, а он в холоде и стуже, на открытом воздухе, под суровыми ветрами канадского климата.

Кирсанов, один из немногих говоривший по-английски, который был на хорошем счету у старшего мастера, рассказал ему в чем дело и чего хотят беженцы.

— Люди, которые хотят создать церковь, а не ищут бутлегера, чтобы купить у него из под полы бутылку виски, заслуживают всяческой поддержки, — сказал Платтау.

Он все записал, съездил в Эмиграционное Бюро и „поставил дело на колеса". — Теперь уж они не остановятся, пока стена не будет разбита и оттуда появится тот, кто вам нужен. — Ждите.

И правда, через шесть месяцев священник приехал. Людям было радостно и отрадно, что они живут в стране, где можно задумать что-то хорошее и осуществить его. Ведь, до сих пор их жизнь была полна случайностей и неожиданностей, а особенно трудно было семейным. Обвенчаться? Крестить ребенка? Где?

К приезду батюшки ему была подыскана комната недалеко от лесопилки и он сразу же взялся за работу. Да и выглядел он не просто: у него была апостольская внешность, красивые каштановые волосы до плеч, голубые глаза и хорошая, добрая улыбка. Он, как бы излучал теплоту, сразу располагающую к нему и детей и взрослых. Внешне и матушка была подстать своему мужу: рослая, красивая, да еще веселая, любящая пошутить, попеть песни...

Все были ими горды и довольны. Лучших и не надо!

Сначала решили достать по сходной цене лесоматериал и построить небольшую церковку.

— Это не будет дешево — сказал Платтау — найдем старый гараж, я помогу, а вы переделайте его. Ведь вам деньги нужны еще на многое.

И нашли. При работе около этого большого сарая, люди обнаружили у себя таланты, о которых даже не мечтали: оказались и плотниками, и малярами и даже кто-то слесарное дело освоил. Иконы дали свои, привезенные с собой, украсили их вышитыми полотенцами и искусственными цветами, созданными руками женщин. Старший мастер, приглашенный на освящение церкви, сделал ценный подарок: за его счет и из его материала была покрыта толем протекающая крыша. Огромные ворота в которые прежде въезжали грузовики заделали, но вырезали двери достаточные для крестного хода, на пасхальную Заутреню. Водрузили деревянный крест. Соорудили подсвечники, купили лампадки и побелили гараж изнутри. Пол пришлось настилать, так как вместо него была хорошо утрамбованная земля, обильно политая маслами.

Церковь освятили и плакали от радости, что и сами и дети могут молиться, просить и благодарить Бога за то, что имеют и будут еще иметь.

Уже появилась в этом полная уверенность!

А сами продолжали копаться в зловонной жиже боенских отходов, неся домой купленные за гроши обрезки мяса. А другие в холодной, проточной воде часами ворочали баграми огромные бревна, направляя их в ненасытное горло лесопилки, там же покупая за доллар огромный грузовик древесной коры для своих печей. Но на жизнь хватало, вполне хватало. Она была очень дешевой, а при экономии еще и в банк можно было положить кое-что, на черный день.

Страшная пора депрессии еще была свежа в памяти русских людей....

Отец Федор был бесконечно благодарен всем.

— Вот вам пример — говорил он — я молился и верил, что выберусь из Канады, буду около русских людей, около своего любимого церковного дела!

Когда, в воскресенье, теплились лампады, мерцали свечечки и в полутемном помещении (электричества еще там не было) раздавались полные веры слова, люди молились с такой глубиной, с такой верой, что слезы благодарности часто появлялись на молодых лицах жен и матерей.

В этих молитвах было все, все хорошее, что еще не было растрачено по миру и даже ребятишек охватывало родительское настроение. Дружно жили, дружно! А тут еще присоединилось несколько сербских семейств и уже в большие праздники места внутри не хватало.

По сохранившимся адресам прихожане писали письма в другие города и описывали прежде всего работу и условия труда, а потом хвалились своей спайкой и церковью. Да и город стоявший на большой, широкой реке был зеленым, чистым, с окрестностями напоминающими Россию или Украину.

Писали и об этом. Приехало еще около двадцати человек.

И летом, около бывшего гаража, после церковной службы, обсуждались насущные нужды и грядущие возможности.

Соседи-американцы, с удивлением и уважением смотрели на этих трудолюбивых чужестранцев, бедных и неимеющих собственных домов, которые еле-еле могли объяснить, что им надо, но не прожив и нескольких лет имели уже свою церковь. Пусть такую, но церковь.

— Это — говорил мастер — в вас внедрился дух первых пионеров осевших на этой земле много лет тому назад. Труд, крепкая семья, школа и церковь и страна при работоспособном населении превращается в сильную державу. Чем была наша Америка? Пустыни, леса, реки и горы. А теперь? Так и вы...

Матушка пошила хоругви, а отец Федор купил шесты. Это был приятный сюрприз когда в Великом Посту, хоругви

были водружены по бокам клиросов. Это был молчаливый призыв. Всякому хотелось дать что нибудь церкви от себя.

А люди все прибывали. О хорошей жизни и заработках в клоудлэндской колонии знали даже в Сан-Франциско.

С огромным трудом сколотили хор, стараясь втянуть туда и молодежь. Трудность была в том, что не было настоящего регента. Молодежь шла. Все было интересно, весело, радостно, приятно и создавало чувство гордости: особенно малым поколением залепетавшим по-английски. Уже были свои „хромающие" переводчики....

На пасхальную службу шли с охотой даже американцы. Уж очень величественно и красиво выглядела эта бедная гордость, в сравнении с каменными громадами храмов других вероисповеданий.

— Хоть мал золотник, да дорог! — говорили прихожане.

И вот, однажды, это было в июне, в теплый воскресный день, отец Федор закончил свою проповедь такими словами:

—... и нас уже столько, за эти несколько лет, что надо подумать о постройке настоящей церкви... — и умолк.

Все поняли серьезность слов священника и их значение. Такое заявление было сюрпризом для большинства. Невольно, буквально невольно, пронеслись мысли о больших расходах и о том, что они лягут тяжелым бременем на плечи прихода...

—... настоящий храм, с куполами, иконостасом, хорами и, если позволит закон, с колоколом. Я не прошу вас решать сейчас что-нибудь, но хочу, чтобы придя домой, вы подумали, поговорили и в одно из воскресений сказали свое „за" или „против". Только думаю, что при том единении и единомыслии, какое существует у нас — „против" не появится. Вы верующие люди. Ну, а что вера без добрых дел?

И только тогда дал целовать крест.

Авторитет настоятеля возрос в глазах людей, когда они увидели, что сан священнослужителя это его призвание,

данное ему свыше. Ведь он не только „служил службу" — он священнодействовал, он вкладывал душу в те слова, что произносил. Это видели, а главное чувствовали молящиеся... А потом его занятия с детьми русским языком и Законом Божьим....

— А как облегчается душа после беседы с ним, с нашим священником... Вот это действительно духовник, Божьей милостью....

Семья Шевцовых состояла из суровой матери, дочери, ее мужа и их сына Алеши. Молодые пошли работать не жалея сил и времени, а домашнее хозяйство и Алеша были на попечении бабушки. Она, фанатично верующая женщина, выговорила себе право каждое воскресенье возить мальчика с собой в церковь. Так как бабушка, этот вымирающий теперь тип, особенно в эмиграции, бесконечно любила внука, то этим открыла детское сердечко и завоевала его.

Алеша с охотой ездил с нею, путешествуя двумя трамваями. Но это их не страшило, им не было скучно, ибо они были очень дружны, а Анна Павловна обладала еще и чувством юмора и поэтому улыбка не сходила с лица ее спутника.

Странно было американцам видеть в трамвае такую парочку, говорящую на непонятном языке и громко смеющуюся. Зрители, хотя и не понимали, но не могли не улыбаться: широченная тетя и „шпингалетик" с дискантом...

Конечно, одним из первых в воскресную школу был записан Алеша и между отцом Федором и подрастающим малышом возникла такая дружба, что даже бабушке стало неприятно... Мальчик ждал этих уроков, всегда с радостью рассказывал о том новом, что услышал от батюшки и, когда получил возможность прислуживать во время богослужения — восторгу его не было пределов. Шутка ли: мать сшила ему серебрянный „халатик", как он называл свой стихарь, и он выносил большую свечу и ставил ее перед читающим Евангелие священником. Потом на подносе, с красивой салфеткой, носил просфоры из алтаря к свечному ящику.

Он был преисполнен чувством доверия и ответственности, а конкурентов было много, но не хватало облачения...

Кстати, в связи с работой школы провели и электричество.

Другие дети тоже занимались в церковной школе, но не были так захвачены, как Алеша. Он очень хотел научиться русскому языку, особенно читать и писать, но родители говорили, что это ему и не нужно, и не к чему. Тогда гулкий бас Анны Павловны наполнил всю квартиру и больше к этом вопросу не возвращались. Да, не во всех семьях были такие бабушки и не все они были такие настойчивые и упорные... В большинстве семейств старики родители были послушными исполнителями воли работающих детей и занимались домашними делами, не вмешиваясь в воспитание внучат, а только горестно вздыхали...

Бабушка радовалась своей жизни: то, что она приучила внука ездить в церковь, прислуживать там и изучать русский язык — а она втихомолку и дома занималась с ним — она считала самым главным делом своего существования и про себя гордилась этим, считая, что жизнь прожила не напрасно. А дочь с ее мужем „делали деньги".

Задушевные беседы, которые вел отец Федор с детьми, а говорил он с ними на разные темы, глубоко западали в душу Алеши. Все было и интересно, и умно и нужно этой маленькой головенке.

— Дай Господи надолго так! — шептала бабка отвечая на свои мысли.

2

Наряду с лаской и приветливостью, мог быть и суров отец-настоятель. Он был требователен к себе, а поэтому мог и прихожан обвинить с амвона в небрежности, в недостаточном внимании к детям, которому не должно быть места в русской семье. Особенную настойчивость он проявлял в вопросах школы и был просто жесток к нерадивым

родителям. С ним считались, уважали и старались заслужить его похвалу.

— Помните — говорил он — хорошо посаженное и ухоженное зерно даст то, что вам понадобится в будущем. Так и с детьми: берегите, любите и растите умело!

Узнав о болезни кого нибудь он, после изнурительного дня на лесопилке, садился в трамвай (об автомобилях еще никто не думал) и ехал не считаясь ни со временем, ни с усталостью. Он был и пастырь, и друг и наставник. Это был его долг и эту тяжелую нагрузку простого рабочего и священника он нес с радостью и улыбкой. А сколько семейных ссор и неполадок устранил он после откровенных разговоров с супругами.

Люди это понимали и очень ценили. Он приносил им бодрость, ласковое слово, суровое обличение и необходимое подчас утешение в горе и болезни. И нес не как служебную обязанность, ибо не получал никаких денег за свою „работу" и не брал их ни при каких обстоятельствах.

— Дайте старосте, в церкви. Мне не надо — был ответ на плату за требу...

Не одна неделя прошла пока вопрос „проварился" среди маленькой колонии и когда собрались в назначенный день, как обычно в воскресенье, то после службы приступили к обсуждению. Постройка нового храма — это не шутка!

Говорили долго, горячо и некоторые отговаривали, указывая, что несвоевременная выплата долгов, а их будет много, может лишить людей всех денег, которые они вложат в постройку. Заключительное слово взял настоятель:

— Дети мои, все высказанное здесь очень справедливо и верно. Мы рисковать не имеем права, ибо потерянные деньги это будущее наших детей и наше благополучие. А также мы должны помнить о черном дне, который может быть в каждой семье и, который можно устранить теми сбережениями, что вы вместо постройки отложили в банк на те полтора процента, которые он платит. Я не могу слепо призывать вас к этому важному решению, пока до мелочей не

будут взвешены все денежные обстоятельства. В этой стране идут навстречу во всем, но долгов не прощают. Выберите из вашей среды несколько человек, как бы строительную комиссию, а она с цифрами в руках доложит нам обо всех трудностях и обстоятельствах связанных с постройкой настоящего православного храма в нашем городе. Надо смотреть вперед: хотим ли мы, чтобы наши дети не отошли от веры Христовой, хотим ли мы трудясь и живя в этой стране, как другие нации — иметь свой благоустроенный храм? Он будет тем маяком, на свет которого будут слетаться со всех сторон уставшие души православных из других городов, местечек и ферм, где они кроме работы ничего не имеют. А вы по себе знаете, что не единым хлебом жив человек...

Хорошо и умно говорил отец Федор. Все чувствовали и теплоту и продуманность его слов. Говоря, он смотрел поверх голов собравшихся и вдохновенность его речи, тем более призывавшей к осторожности, обдуманности и деловому расчету, устраивала всех.

Да, поговорка „семь раз отмерь и один раз отрежь" здесь была более чем уместна.

На том и порешили: выбрали комиссию, дали ей наказ не спешить, связаться со знающими людьми, не забыв старшего мастера мистера Платтау, удивительно благосклонно относившегося к русским людям, которые оказались на производстве лучшими рабочими: не пили, не играли в карты, не искали злачных мест (а они были), а работали, обзаводились имуществом, с каждым годом улучшая свое материальное положение.

— Пишите своим землякам в другие города. Всем дам работу: кого к себе, кого на железную дорогу, в отели, на мебельную фабрику, на швейную, на спичечную. Людям умеющим трудиться в Америке всегда есть место. Будет время и у вас появятся и дома и автомобили. Мы тоже так начинали, как и вы, а теперь?

Это воодушевляло и наши старались во-всю...

Кирсанов был единственным говорившим хорошо по-английски; он уже продвинулся в старшие рабочие. В прош-

лом он был чиновником при каком-то губернаторе, по его словами. Это был тот человек, который возвращался с работы прилично одетым, а не в грязной спецовке и промокшей обуви.

Некоторые пробовали смеяться, но он это игнорировал очень корректно, с холодной вежливостью. Смотрел за собой и пользовался у женщин большим успехом...

Шли недели, месяцы, годы. Большинство из комнатенок переехало в квартиры, правда с железными печами, но все таки в две-три комнаты. Мебель и одежду покупали в магазинах „Армии Спасения", в которых имелось все на любой вкус. Граммофон с пластинками (русские были на вес золота) считался признаком достатка и зажиточности. Ели сытно, спали спокойно!

— Господи, благодарим Тебя денно и нощно!

Ах, да, вернемся к идее постройки своего храма. Комиссия в которую негласно вошел мистер Платтау работала во-всю. Помощь мастера была неоценимой. Отец Федор говорил, что его сам Бог послал, а раз так, то это перст Божий, указующий! Опыт мастера, его знание местных обстоятельств, рынка и знакомства были просто необходимы. Когда устраивались пикники, он, его жена и дети были неизменными участниками. Особенно любила эта пара русские песни... борщ и пельмени.

А песни пела лучше всех матушка Ольга Михайловна, да и цыганские романсы ей удавались. Может быть некоторые считали, что это не к лицу попадье, но всем было приятно послушать ее пение. Только Шевцова сурово сказала: — Ей лишь бы грудьми — перед людьми!

Наступил наконец день, когда с цифрами в руках — а это взяло более полугода — комиссия доложила собравшимся, что их ждет если обязательство на постройку будет взято. Настоятель во вступительном слове сказал:

— Могут быть среди нас колеблющиеся и не желающие этого строительства. Они заранее должны сказать об их отказе. Никто на них не будет в обиде, так как только до-

брая воля и чистая совесть даст этому святому делу успех и процветание. Ничто построенное на слезах, недовольстве и принуждении, начиная от работы и кончая браком, не даст радости и удовлетворения, а мы ведь будем строить церковь Христову и врата адовы не одолеют Ее...

Сверх всякого ожидания прения были недолговременны. Слишком крепко, за это время, внедрилась в души идея нового здания со светлым куполом и золоченым крестом на нем. Даже пессимисты, — а без них не бывает — высказались „за".

Старая церковка уже казалась неуютной, бедной, малой и непривлекательной.

Приняты были очень серьезные обязательства: начиная от посильных пожертвований и до обязательных „десятинок", то есть ежемесячных отчислений в размере десяти процентов от заработка. Примерная сумма постройки казалась огромной и просто страшно было подумать о невозможности ее выплатить. Тогда пропало все!

И все же, первый шаг был сделан. После долгих разговоров заказали план и, как говорили потом „разорились" на макет здания. Архитектор обещал к общему собранию сделать из фанеры и дощечек точную копию того, что будет из себя представлять храм в натуральную величину. Макет он сделает высотой в два фута, с церковным залом под храмом так, как хотелось многим. Увеличенный во много раз он будет тем, о чем они мечтали!

— Макет я покрою лаком и он будет выглядеть очень красиво. Такой вы можете сделать и самую постройку: не красить, а отделать лаком не пропускающим ни воды, ни сырости. Вид постройки будет и светлый и радостный.

Дали согласие и аванс в счет его работы. Назначили день общего собрания... И точно: в намеченный день, он приехал на своем автомобиле и привез долгожданную модель. Ее поставили во дворе, на стол и осторожно накрыли простыней. После короткого слова священника сняли полотно и все ахнули. Эта чудесно сделанная „игрушка" была предельно красива: на пяти куполах были металические золоченые кресты, а само здание светло-орехового цвета. Дей-

ствительно, было радостно сознавать, что мечта была уже близка к осуществлению и является реальностью, хотя бы в таком виде. Вокруг церкви была площадь из искусственной травы и цветов. Под крыльцом храма была дверь. Архитектор приподнял здание и поставил его на земь. — А здесь — сказал он — каменный подвал, в виде зала, в котором вы будете проводить собрания, устраивать обеды, благотворительные базары и поместится школа для детей и взрослых, которые захотят учиться английскому языку. Здесь будут уборные, умывальники, кухня, маленькая эстрада для елки и детских выступлений. В стороне можно будет сделать двух-комнатную квартирку для настоятеля, чтобы он жил при храме, со всеми удобствами.

Все удивлялись его предусмотрительности, а в этом не было ничего особенного: такие планы были в альбомах и для громадных храмов на тысячи человек и на церковушки, где нибудь на Аляске или в глухих городах Америки. Все зависело от средств.

Во всяком случае и проэкт, и макет всем очень понравился. Члены комиссии давали подробные ответы на финансовые вопросы, а архитектор освещал те или иные детали строительства. Переводил Кирсанов.

По его инициативе, уже полгода, как работал кружок по изучению английского языка; собирались у него, раз в неделю, по вечерам. Занималось только четырнадцать человек. Ольга Михайловна ходила тоже, но отец Федор отказался, ему было трудно, он очень уставал...

— Так, как-же — спросил настоятель — начинаем?

— Начинаем, батюшка, начинаем!

Так началось великое дело в жизни этой колонии — день закладки фундамента твердого решения — строить и довести до конца!

Расходились довольные, веселые, хотя без пессимистов не обошлось....

Участок купили не в центре города, а немного ближе к окраине, но и в этом была своя выгода. Во-первых — дешевле, а во-вторых недалеко от бойни и лесопилок, где работало большинство, а люди старались селиться поближе к

месту работы. Размер участка был тройной против обычного для постройки дома и хотя не особенно ровный, но давал возможность (мечта священника) засадить часть его фруктовыми деревьями для нужд прихода.

В один прекрасный день, теплый и солнечный, батюшка освятил место постройки и на отмеренном месте, под руководством подрядчика — он же привез инструменты и имел разрешение от города на постройку — начали копать... Кто-то из копавших запел, кто-то подхватил и хотя нестройно, но с воодушевлением, русская песня зазвучала на американской земле. Один женский голос звучал и радостно и победно. Умела петь женщина...

Соседи смотрели на работу очень доброжелательно. Всякая новая постройка, хорошая инициатива и доброе дело приветствовались и обществом и властями... Все были поражены и обрадованы, когда явившись после службы на место стройки, обнаружили, что земли из котлована уже нет, она вывезена и была площадь готовая для дальнейшего; а ведь совсем недавно здесь без системы тяжело двигались тачки с землей. Все это делала мудрая голова мистера Платтау...

Подрядчик, как-то предупредил Кирсанова, как старосту прихода, что ему будут нужны после работы люди, чтобы ложить стропила на готовые стены подвала для будущего пола церкви, он-же потолок для подвального помещения. Кирсанов, кто был единственным имевшим захудалый автомобилишко, урчавший, вонявший, но бегавший, с охотой подвозил ему рабочих, лишь бы самому не работать. Он же развозил по домам участников кружка английского языка...

Где-только мог мистер Платтау помочь своими связями — он выторговывал копейки и организации и торговые учреждения шли на уступки, ибо это была церковь, да еще людей не имеющих гроша за душой....

Ароматные доски и разных размеров балки шлепались с таким приятным звоном на землю, при разгрузке с грузовиков, у места стройки.

Правда, может быть нечего рассказывать о таких скучных вещах людям, которые приехали в Америку после 1950 года, да еще на все готовое: церкви, школы, библиотеки, комитеты помощи, благотворительные организации и даже готовая работа.

А тогда, в те годы все было и трудно и тяжело и доставалось совсем не легко. Какая нибудь книжка или пластинка обходила десятки семей, радуя слух и зрение. Весь восторг стройки поймут это пережившие, да люди с чутким сердцем, а для остальных это скучная история.

Настоятель не пропускал ни одного дня, чтобы не побывать на строительстве. Он похудел, загорел, очень уставал, но хотя бы два часа в будние дни он проводил там и пока возводились будущие стены, в подвале спешно создавались две комнатки для священника.

Уже были проведены трубы водопровода и временная струйка весело журчала для тех, кто хотел напиться или помыть руки у входа в подвал.

Конечно, все это гладко рассказывается, но не обходилось без трудностей: иногда денег не хватало; батюшка сказал об этом с амвона и просил о более аккуратном выполнении обязательств. И чтобы вы думали? Однажды, после службы супруги Чирковы остановили отца Федора.

— Вот что, батюшка, мы не знаем тут ни входов ни выходов, а комиссия найдет; мы хотим дать ей наши обручальные кольца, два браслета и золотые часики — пусть заложат их. Будет возможность — выкупим. Церковь важнее.

И они увидали слезы в глазах настоятеля.

— Я не ожидал, я просто не думал, что подобное может случиться! Спасибо, родные!

Это не стало секретом и некоторая часть прихожан откликнулась таким же способом. Однако, эти перебои с деньгами вновь разбудили дремавшие сомнения и неверие в свои силы. Группа осторожных и боящихся банкротства явилась к настоятелю с требованием пересмотра сметы.

— Батюшка, все может быть, все под Богом ходим. Вот эти хронические недостатки в расплате по счетам нас пу-

гают. Надо срочно собрать собрание и заняться вопросом уменьшения трат и удешевления постройки.

— Каким же образом?

— А вот Георгий Никандрович беседовал с одним архитектором и спросил можно ли вместо пяти куполов ограничиться одним, главным, большим и все. Тот ответил, что пока не начали крыши — можно и, что было бы труднее вместо одного возводить пять, а тут только надо изменить рассчет конструкции и вычертить новый план верха; это не так дорого, но удешевит постройку чуть ли не на тысячу долларов, а это большие деньги.

Было обидно слышать подобное, но с этим надо было считаться и страсти разгорелись. Все-же большинство вынуждено было уступить меньшинству. Ведь эти люди могли просто перестать платить, хотя и давали слово.

С такой возможностью надо было считаться, а создавать лишнее количество недовольных никто не хотел. Казначей прихода был тоже доволен.

— Ах, господа, что ни говорите, а береженного Бог бережет.

Это лето было таким радостным, таким памятным небольшой группе русских людей, затерянных где-то в просторах мира, далеко от родной земли.

Мелкие недоразумения все-же не нарушали единства и дружбы проявленной в это время, когда день за днем, почти на глазах у всех росло здание церкви... Людям этим было еще далеко до зажиточности: в квартирах еще стояли деревянные ящики-ледники, куда ежедневно клали брусок привозимого льда. Печи работавшие на дровах и угле постепенно переводили на масляное отопление. Стиральные машины были старые и примитивные, купленные по случаю, но все же сильно помогали хозяйкам.

Так и жили, не зарываясь, шаг за шагом улучшая свое материальное благополучие.

3.

На одном из заседаний церковного комитета отец Федор сказал:

— Господа, я с матушкой обсудил положение вещей и мы решили, что получив жилье я смогу оставить работу, чтобы целиком отдаться любимому призванию, если приход сможет ассигновать небольшую сумму на наше содержание. Это будет пределом моих мечтаний. Я буду день и ночь около того, чему посвятил всю свою жизнь и тогда все мое время я смогу отдавать нуждам прихода, а дел и нужд, вы сами знаете, у нас много.

Стало неловко. Все прекрасно понимали, что колония не может дать священнику столько, сколько он зарабатывал на лесопилке. Это ей не под силу, а дать мало... Но сколько же? Настоятель разъяснил:

— Возможно, что матушка пойдет работать и тогда нам не будет трудно.

Было решено платить ему сорок долларов в месяц, но с тем, чтобы при первой возможности увеличить эту сумму.

И, как только квартирка была закончена, священник переехал в свое новое жилище, но все заметили, что Ольга Михайловна была очень недовольна... А на стройке прибавился один преданный рабочий — это был о. Федор, который с утра до вечера возился там, делая много по указанию подрядчика, даже когда рабочий день был закончен.... Все торопились, чтобы до глубокой осени, когда пойдут дожди, крыша была готова начерно. Тогда часть бы заканчивала крышу и купол, а другие занялись бы внутренней отделкой, очень важной и подчас нелегкой.

Да, эта колония была крепкой семьей, спаянной одной верой, одной нуждой и одним интересом... Теперь так не живут. Почему?

Конечно, было бы неправдой сказать, что все шло гладко. Уже потом нашлись такие, что говорили о своей ошибке подписавшись на „десятину". Другие утверждали, что дали

согласие на постройку церкви под нажимом священника, да и отстать мол было неловко, когда все были „за"!

Таким образом платили все, но некоторые делали это и критиковали. Все-же видели люди и замечали, что грустный ходит отец Федор, что не легко ему далась эта постройка и все связанное с ней.

Еще одну зиму старая, холодная церковка честно послужила приходу и в будущем году было решено во что бы то ни стало пасхальную службу провести в новом храме, как бы он не выглядел. Иконы были заказаны в Сан-Франциско и Нью-Иорке...

Когда водружали крест на большой центральный купол, это был настоящий праздник. Светло-голубой купол, позолоченный крест, бледно-ореховые стены покрытые снаружи водоустойчивым лаком, радовали глаз и сердце...

Как часто трудности, казалось бы неодолимые побеждались общими усилиями. Это не только у общества или у государства, так бывает зачастую и у семьи, где все за одного и один за всех!

Ранней весной, по предложению настоятеля, каждая семья посадила по одному дереву, причем было рассчитано так, что аллея вокруг храма была усажена только березами, а уж позади них различные фруктовые насаждения...

— Не мы, так дети наши насладятся трудами наших рук!

Сад производил жалкое впечатление своими тонкими стволиками будущих фруктовых деревьев, но садоводство утешило:

— Через десяток лет вы не узнаете этого места. Сад будет, да еще какой! Поставите скамейки, так и уходить не захочется. Ваших фруктов никто пальцем не тронет, а на зиму будут для всех и варенья и компоты...

Так шло время... Сколько сил, включая сломанный палец, вложил отец Федор в это строительство, он и не считал и не думал. В нем был весь интерес его существования. А жилось не легко так, как матушка не работала а на скром-

ную „зарплату" священника не разгуляешься, хотя и жилье, и свет и тепло были бесплатными. Молчаливее стала и Ольга Михайловна...

Вопрос о том, какому святому посвятить этот храм был и спорным и жгучим. Впрочем, какие вопросы у нас в эмиграции не спорные и не жгучие? Все!

Но и тут авторитет пастыря утихомирил спорщиков.

— Я посвятил себя служению Богу и прошу вас дать нашему храму имя Серафима Саровского. Бог даст его обитель возродится на родной земле, опять во славу Господа и наша с вами будет заслуга, в том, что мы сохранили это имя, как человек пронесший домой по ветру горящую свечу, в великий Четверг.

Все споры прекратились сразу-же.

— Батюшка, неужели у нас всегда будет такой мир и в человецех благоволение?

— Нет, — с грустью ответил о. Федор — не может этого быть. Человек таким не создан. Наше счастье в том, что мы не знаем, что нас ждет, иначе было бы страшно жить.

Конечно, эти слова были сказаны не даром...

Пасхальная заутреня оказалась в этом году не только праздником православного прихода, а и всего города. Городские власти и общественные организации видели сколько вдохновенного труда вкладывали в постройку своего храма бывшие беженцы и радовались тому, что еще одна группа населения украсит город трудолюбивой и честной жизнью, объединившись вокруг своего храма и настоятеля. В эту святую ночь приехал мэр города и многие американцы любовались, как все было красиво, благолепно и какие волнующие песнопения исполнял много поработавший хор.

Было замечено, что в кружку опускалось серебро не только своими людьми... Одним словом, освящение храма и пасхальная служба были отмечены в прессе и среди населения...

Неожиданно мирная жизнь прихода была нарушена. Невозможное стало вероятным.

Это потрясающее событие случилось когда „отшумели" праздники и кончились обходы и объезды отцом Федором семей прихожана на дому, с традиционными пасхальными визитами. Никто не хотел этому верить. Ведь это был скандал в жизни прихода. Главное, что ни одна из „кумушек" не могла похвастаться, что она что-то знала или подозревала.

Выражение „гром среди ясного неба" было здесь наиболее подходящим. Старуха Шевцова, в тот же день послала зятя к настоятелю за формочками для просфор, которые раньше выпекала матушка и сама взялась за дело.

Да, Ольга Михайловна ушла из подвала на квартиру Кирсанова....

Не сговариваясь, сослуживцы по лесопилке перестали с ним здороваться и замечать его. Это рассматривалось, как оскорбление всей колонии. Сомнения исчезли и факт подтвердился, когда эта пара явилась в церковь, при чем Ольга Михайловна была в нарядном платье в красивой шляпке и с подкрашенными губами. Она улыбалась, но вокруг нее сразу же образовалась пустота. Она растерянно обратилась к одной из прихожанок, но та не глядя на нее перешла на другое место....

Срочно созванное заседание приходского совета (батюшка отсутствовал) предложило Кирсанову сдать дела и отказаться от звания старосты.

— Позвольте, меня выбирало общее собрание, а не совет. Я считаю....

— Знаете, что — сказал ему казначей, отводя его в сторону — ваш поступок это плевок в лицо всему, приходу. Он вас выбирал в совет, а почетную должность старосты дали вам мы. Мы вас ее и лишаем и выводим из состава приходского совета, не ожидая вашего письменного прошения об оном. Вам не место....

— Позвольте, в чем дело? Что случилось? Это моя личная жизнь....

— В других случаях, вы это наверное помните, вы же подвизались у какого то губернатора, такие дела заканчи-

вались дуэлью. Сейчас, мы жалкие беженцы, но благородства поступков в вопросах чести у нас никто отнять не может.. Вы поступили особенно подло зная, что в этом случае муж вам не отомстит за разбитую семейную жизнь и не даст публично по физиономии. Но ведь есть и другие люди, которые могут реагировать иначе. Не суетитесь и самое лучшее, если вы уедете из города, а если нет, то сделайтесь незаметным, как и подобает быть ничтожеству. Вы оскорбили человека с чистейшей душой и совестью, вы оскорбили Бога... Вы слизняк и мерзавец!..

Мистер Платтау узнал об этом от других и вызвал к себе своего помощника.

— Алекс — сказал он — я не хотел верить тому, что мне сказали. Нам, американцам, обычно нет дела до того, что делает наш рабочий вне фабрики и завода, но я так много отдал вашей церкви внимания, что это событие коснулось и меня. Именно потому что вы были в церкви вторым человеком — это особенно обидно. Я знаю, что лишаюсь хорошего помощника, но мне нет охоты подавать вам руку. Вы переводитесь на нашу другую лесопилку. Идите за чеком...

Внешне настоятель ничем не выдавал своих переживаний — только изчезла его обаятельная улыбка, да поперечная черточка внутреннего страдания легла между бровей. Только теперь, когда он говорит, то смотрит на собеседника, не сводя глаз, даже неловко становится; кажется, что он читает твои мысли, а они не всегда чистоплотные. А вот, когда слушает, то опускает глаза, как-бы боясь услышать неприятное и этим защищает себя от душевно неопрятных людей. А ходил, глядя под ноги, как будто бы был виноват.

За это время он ни разу не нарушил своего распорядка и продолжал, может быть даже больше, работать вокруг храма. Скамейки поставленные между березами, окаймлявшими здание церкви, были сделаны его руками...

Как всегда, при всеобщем возмущении, нашлись и защитники:

— А что ей, молодой да красивой век вековать под церковью, как в склепе?

— А когда выходила замуж о чем думала? Надеялась, что ее Федор деньги будет делать, разбогатеет? Такие люди, как он, только священниками и рождаются.

— Это понятно, конечно, но надо входить и в положение женщины тоже. Вот и детей у нее нет, а может и хотела.

— А может и нет. Нет, милая моя, такая и матерью будет такой же, как и женой. Вспомните ее песни и романсы. Не к лицу это было матушке и жене настоятеля.

Поговорили, поговорили и успокоились. У всех были свои заботы, трудности и семейные дела. Ведь, в конце-концов, чтобы не случилось с другим, а своя рубашка ближе к телу. Это уж столетиями проверено...

Ну, уж и конечно, никто не заводил разговоров с отцом Федором на эту тему, обходил ее, боясь сделать ему больно. Только больше заботы и сочувствия по отношению к нему проявляли люди. Он это видел и от этого было еще больнее. Теперь, оставшись один, он еще настойчивее и трудолюбивее работал на постройке и в школе. Алеша, его любимец, никогда не пропускал занятий и церковных служб. Впрочем, в этом огромная заслуга была и бабушки тоже. Она очень болезненно переживала событие в приходе и при упоминании имени Ольги Михайловны приходила в бешенство... Со-временем жизнь колонии опять вошла в колею. Долги были, долги выплачивались, бывали трудности, но с Божьей помощью все преодолевалось. Отец Федор работу в церковной школе не прерывал ни на одну неделю, кроме двух месяцев в году, летом. Да и то, вместо занятий он устраивал пикники, поездки на озеро, в лес, стараясь изо-всех сил сохранить единство колонии и заинтересованность людей в ее делах.

Детвора подростала и у нее появились свои „заботы" чуждые русским людям, но любовь к отцу Федору не остывала. Уж очень он любил „своих" детей и они платили ему тем-же. Спокойный, ровный в обращении, никогда не повышавший на них голоса, он лаской и хорошим словом добивался от них того, чего не могли достичь близкие подарками и криком....

Да, один из признаков любви — не раздражаться.

Желающих, среди детворы, прислуживать в церкви было больше, чем нужно, но облачения не хватало. Алеша прислуживал всегда — у него стихарь был собственный... Ах, как он любил своего духовного наставника!..

Чужая жизнь, чужие секреты всегда интереснее своих собственных и поэтому лезли с вопросами к Шевцовой.

— Ваша-де дочка дружит с Ольгой Михайловной. Что она говорит?

— Не копайтесь в чужой душе — обрывала она любопытных — если даже ваши руки вымыты душистым мылом. Загляните в свою, она тоже не без греха.

А то говорила и грубее — она могла. Люди знали это и уважали старуху. Но происшествие стало достоянием толпы благодаря самой виновнице. Ходя в гости и желая себя всячески обелить и выставить пострадавшей, она со скромным видом рассказывала так:

— Нас из Харбина вывезли в Канаду. Ехали, кто в чем мог и попали в небольшой городок Папок, это в Альберте. Сорок семейств на пароходе. Ну, люди попали на землю, а сами в ней ничего не смыслят. Брали в аренду фермы, мучились, прогорали. Ну, вы сами подумайте: куры, гуси, свиньи, коровы, овцы, бараны, цыплята. Выпускай, загоняй, корми, чисть, пои, лечи. С ума сойдешь и это каждый день с раннего утра до позднего вечера. А зимы там! У нас был старичок бывший полицмейстер Горгон по фамилии, так он свиньям пойло носил ведрами и приговаривал:

— А хоть бы подохли проклятые!

И это после такой должности и такого положения, а?

Ну и сам угас раньше, чем его свиньи — не вынес тягостей и холодов. А вот, только один Федор работы не боялся, не жаловался и других подбодрял. Откуда силы брались? Правда молодой был. Не только его люди любили, но и животные. Узнавали и бежали к нему. А он говорил мне:

— Нет благодати на том, кому животные не любы и кто животным не люб! И правда, я потом проверяла на себе, только неудачно. Да, что в Канаде, уже здесь, недалеко от церкви немцы живут и у них во дворе на цепи овчарка ходит. Так этот зверь, когда Федор мимо идет, стоит на дыбках у будки и хвостом виляет. Провалиться не вру, сама видела... Ну, вот. А он говорил, что его мечта быть священником. Смешно: молодой, красивый, сильный. Что общего? Я даже не верила ему...

4.

А вот наступил день, когда он застенчивый и скромный, сказал мне:

— Мне бы матушку и тогда приму посвящение. В Америке священники нужны, я знаю. А я и ухватилась за это. Значит нас выпишут туда и я буду где-то при церкви главной дамой, да еще и не работать. Конечно, согласилась. Мы и повенчались в Эдмонтоне. Это уже большой город у них. Он пошел работать на постройку подземной дороги. Тоже счастье, что взяли, там сотни мужчин с утра стояли наниматься. А его выбрали. Выглядит симпатично. А потом собрал денег и мы съездили в Монтреаль, где он получил это... Как это? Ага, рукоположение в сан... Кто-то из наших раньше уехал в Америку, попал в этот Клоудлэнд, рассказал о Федоре, ну нас и выписали.

И когда мы приехали, я думала, что он посвятился только, чтобы попасть в Америку, а он это всерьез! Ну, я и заспорила. При его способностях он мог попасть куда угодно, хоть на бойню, хоть на лесопилку или на завод. Одним словом, где хорошо платят и мы б зажили, как люди. Какое, даже разговаривать не хочет! К этой церкви его, как припаяли. Вы сами видите я женщина молодая, интересная. Мне и жизнь такая нужна. Люблю петь, веселиться, в гости ходить, потанцевать. А оказывается, что это матушке не к лицу. Да, что я прокаженная? На всю жизнь в темном ходить, да в цементном подвале жить? Поститься? Говеть? В

церковном сестричестве старое белье для посылок перебирать? А жить когда же? Может другие могут так, а я — нет, я не из того теста... Ну и началось!

Я требую, чтобы он оставил работу и пошел, как все. У других потихоньку и авты появились и одежда красивая и даже дома в рассрочку, а у нас две камеры в подвале и все думы только о том, чтобы людям помочь, людям сделать лучше, людям жизнь облегчить, детей направить на путь истины! А кто же о нас подумает? Кто нам облегчит жизнь? Кто нам поможет? Бог? Так у Него и своих делов хватает, а у людей свои заботы. А я вижу, что куда ни пойду — всем нравлюсь, а запою или затанцую — куды там! Просто нарасхват. А оказывается, что это грех. Другим радость, а мне грех. Главное, что не спорит, не кричит, не сердится. Уговаривает, на священные книги ссылается, на жизнь праведников указывает, а мне смешно, что я монашка, что-ли? А потом замолкнет, уйдет в церковь и молится. А меня это еще больше злит и распаляет. Может он по своему и прав, но за что я страдаю? Я ж не создана для такой жизни. Мне тогда еще, когда гараж красили, то Кирсанов говорил, что в Холливуде меня б в любую русскую труппу взяли или сниматься и за лицо и за осанку. А он знает, врать не будет. Ну и дошло до того, что я моему Федору прямо сказала:

— Ухожу от тебя. Опостыл. Зачахну я в этом холоде меж цементов!

И вы думаете, отговаривал? Замолчал, как угас. А я уже с Кирсановым сговорилась об уходе. Очень заботливый человек.

Знаю, что любит меня Федор крепко, знаю, что другой так никогда любить не будет — мы женщины на это чуткие. Но я жить хочу на виду, не прятаться под косынку сестричества. Хочу шляпу, духи, туфельки лаковые, хочу нравиться всем и всякому, такая уж у меня натура...

Рассказывала обо всем этом и смеялась, но дольше чем нужно, чтобы смех мог показаться искренним. А где нибудь в другом месте рассказывала такое:

— И как только начали переделывать этот гараж в церковку, так мой Федор только об этом и говорит, а когда новую начали строить, то и не спрашивайте. Ночью разбудите и он сразу начнет про постройку рассуждать и я увидела, что я на втором плане. А какая жена захочет быть у мужа на втором месте? Будь ты инженер или ученый или доктор, какая разница. Жена должна быть первая, а твое занятие второе. Что не так я говорю?

Все дамы согласованно кивали головами...

— А у нас не тут-то было. Проснется и о досках. Ложится и о краске. Ну, куда же это годится. Просто горит человек. Думать о том, что рядом живое существо — жена, которая хочет жить, как люди, он и не пробовал. Он может целые дни на стропилах сидеть, с подрядчиком спорить, гвозди вколачивать, стругать, пилить... А попробуйте о чем нибудь другом заговорить, так и глаза уже не блестят и усталый он, а на стройке и часов не считал, работал. Я поняла, что не любит он меня и, что церковь у него все, с нею у него самое главное в жизни, а я так — сбоку-припеку. И решила, что даже если уйду от него, то его жизни не нарушу, потому что это его вечная любовь. Попробуйте его оторвать от церкви или, как это? Отрешить. Так он бы с горя умер, а я уйду и не заметит. Вот я и пригрозила...

— Оленька — говорит — милая, я не могу тебя силой держать. Я могу только своей любовью. Ведь я женился на тебе по любви. Брак без любви-обуза! Сам говорит, а у самого слезы на глазах.

Выставляя себя жертвой, Ольга Михайловна и сама не верила в свои слова, но это была жалкая попытка оправдаться.

Хотя слушательницы и кивали головами, но общее мнение выразила Шевцова:

— И хорошо, что ушла. Эта из таких, что на языке мед, а под языком — лед!

А когда увидела ее в церкви, с десятком свечей, обходящей иконы, прошептала:

— Плату за блуд не неси в храм Божий!

Дома, семейные люди часто поднимали вопрос об одиночестве о. Федора и его добровольном „заточении" и испытывали чувство вины перед священником, особенно те, кто был близок к храму.

Но поведение его, обращение с прихожанами, как-то в корне пресекало возможность поднять вопрос о хлопотах перед Синодом в таком щекотливом деле, как развод. Он, как будто чувствовал то, о чем думали любившие его и холодная стена невидимо возникала при малейшей попытке затронуть это больное место в его жизни. Неужели он думал, что жена вернется?

Его часто приглашали в дома по всякому поводу, полагая, что ему на людях легче, но это, как раз было не так, а он не отказывал в просьбе. Быть одному ему было значительно приятнее. Выпивка, громкие разговоры, неудачные шутки и вся атмосфера искусственного веселья была чужда его натуре... Колония росла, особенно молодыми „побегами", ибо прибавление семейства являлось, как бы долгом каждого семьянина.

Жизнь была сытной, спокойной, безоблачной и на ее фоне устраивались концерты, вечера, спектакли, чтобы сборы от них шли на погашение долгов и на украшение церкви. Это было главным в жизни прихода.

Да, вот так скажешь „безоблачной" и как раз тучи и нагрянули.

Это была гроза, огромная гроза с молниями, громом и разрушениями! Грянула война!

Больше всего всех взволновало, что на русские города неожиданно посыпались немецкие бомбы, что страна оказалась к войне неподготовленной, что разгромленные армии отступают и солдаты десятками тысяч сдаются в плен... Затем — Перл-Харбор и на воздух взлетела и была потоплена американская эскадра; Америка вступила в войну и ее войска и снаряжение непрерывным потоком хлынули в Европу. Немцы победоносно шли по полям и просторам чужих стран,

неся смерть, ужас и гибель мирному населению.., Два мировых гиганта и соперника стали на несколько лет союзниками и тогда по „ленд-лизу" в Россию пошло все,что могло спасти ее от гибели. Советские грузовые пароходы стали появляться в американских гаванях, забирая снаряды, грузовики, самолеты, продукты питания и строительный материал.

Причаливали они и в порту Клоудлэнда.

Как это ни странно, а может быть в этом и нет ничего странного, но бывшие беженцы почувствовали себя и русскими и патриотами. Начались сборы денег на лекарства и самую разнообразную помощь стране и власти от которой ушли и которую ненавидели за разбитые жизни.

В церквах служились молебны о победе советскому оружию, появились подписные листы и матросов и командиров с охотой принимали в русских домах, угощая и одаривая, как бы искупая свою несуществующую вину перед страдающей в войне родиной.

Люди узнавали, что церкви дали больше свободы, что многие забитые и изуродованные храмы были открыты, что сотни священников выпущены из лагерей и служат в этих храмах.

-- Сейчас там — рассказывали гости — люди открыто молятся о разгроме врага и возносят молитвы Господу за кровь замученных убиенных и за слезы вдов и сирот. О, сейчас у нас все по другому — заканчивали они.

Когда в городе устраивались банкеты в честь дорогих союзников, где чествовали представителей великого советского народа, там стали появляться и наши беженцы... Однако, не все русские люди стали на такую точку зрения и не все церкви служили молебны о победе советского оружия...

Так возник первый и серьезный в истории этого прихода конфликт: вопрос о патриотизме и отношении к разрушаемой огнем и мечом родине — стал во всей остроте. Всегда мягкий и обходительный о. Федор занял самую крайнюю и непримиримую позицию.

— В нашем храме не будут служиться никакие молебны и никаких сборов вещей и денег в пользу страны советов я не допущу!

А с другой стороны он всячески приветствовал приглашение матросов в дома и посещение ими церкви.

— Пусть видят, как мы живем, будучи простыми, неквалифицированными рабочими. Пусть сравнивают свою жизнь с нашей, в этой стране. Мы ведь беженцы и страна нам чужая, а как она нас приняла и, как мы уверены в завтрашнем дне.

В одной из проповедей он сказал:

— Недальновидные люди, которые будут собирать деньги и вещи, чтобы передать их якобы нашему народу — глубоко заблуждаются. Все это пойдет не туда куда нужно, а только на укрепление власти погубившей миллионы людей в лагерях и ссылках. И невинных, к тому же! Человек поддерживающий сатанинскую власть — не христианин. Я призываю заблудшихся одуматься, а упорных в своей слепоте — оставить приход! Любящие Бога- — ненавидьте зло!.. Огромное большинство прихожан стало на сторону своего батюшки и согласилось с ним, но несколько семейств обвинили его в диктаторстве и посягательстве на их личную жизнь. Среди них были Кирсанов с Ольгой Михайловной, который на банкетах фигурировал в качестве переводчика. — Это он сводит личные счеты с нами. Если бы не мы, может быть он себя так не вел. Он до сих пор не может простить мне — говорила Ольга Михайловна. Нет, те кто хорошо знал о. Федора прекрасно понимали всю неправоту ее слов. Своей антипатии и нелюбви к советской власти, настоятель никогда не скрывал и всегда говорил, что горя и бед причиненных России, ей нельзя простить и бороться и сопротивляться ей нужно всеми средствами доступными эмиграции.

— Вне политики мы стоять не можем. Сейчас не такое время, чтобы молчать. Беседы с моряками, снабжение их нашими газетами и книгами, показ достатка и обилия в этой стране вообще и в наших семьях в частности наша задача

перед этими людьми. Мы должны долбить тот камень, который нам свалить не под силу, а пытаться мы всегда можем. Это наш долг, если мы антикоммунисты. А если сможем помочь кому нибудь оставить корабль и остаться с нами, то я буду первым в рядах помогающих беглецам. Я даже благославляю вас на это, дети мои.

Людям это не нравилось. Зачем в церковную жизнь вносить политику? Хватит. А вот, благодаря решительной позиции священника приход сохранил единство. Недовольство было, но ему верили и считали пастырем достойным...

Сведения и слухи из других городов говорили о больших неполадках и даже расколах в приходах доходившие до того, что отколовшиеся открывали свои церкви с большой и материальной помощью со стороны московской патриархии....

Там прекрасно понимали, что разбив эмиграцию и внеся в ее среду несогласие, вражду и ссору они этим собьют с ног еще одного серьезного противника, который одним своим существованием говорил миру настоящую правду!

Поэтому приходы под покровительством Москвы были особенно богатыми и утварью, и иконами, и внутренним убранством и обеспеченной жизнью их настоятелей.

Работы у о. Федора было более, чем достаточно, а он находил еще и еще. В беседах с родителями настаивал:

— Если мы сейчас, сегодня, не внушим нашим детям, что они русские, даже на чужой земле, если они не воспримут от нас нашей непримиримости — мы потеряем их. Когда наступит час возвращения — они не поедут, они потеряют чувство русскости. Никакая сытая и спокойная жизнь не угасит любви к родине у настоящего русского человека. И вот не дать угаснуть этому чувству — задача моя, задача ваша, дорогие родители. Мои беседы с детьми в школе, это мало, это очень мало, если они не слышат подобного от отца и матери. Не у всех есть такие бабушки, как у Шевцовых. Присматривайтесь к жизни ваших детей, к их интересам и вы увидите у них растущее равнодушие к тому, что нам дорого и свято. Это начало опасности.

Время летит, но работает оно не на нашу пользу. Любовью добьетесь многого. Особенно у детей. Их сердечки открыты вам, завоюйте их и гневаясь — не согрешайте...

5.

С советского грузового парохода исчез матрос. Капитан заявил властям, что тот украден. Начались поиски и даже два раза приезжали к о. Федору за справками и советом представители Эмиграционного Бюро.

Матрос пропал. А когда окончив погрузку пароход ушел, оказалось, что беглец жил в подвале церкви и в первое же воскресенье исповедывался и причащался. Отец Федор глубоко переживал эту первую в его жизни ложь, да еще в сане священника. Ведь он говорил, что понятия не имеет об исчезнувшем человеке, а тот в это время лежал на матрасике, под кроватью настоятеля. За матроса был внесен залог и он немедля устроился на лесопилку.

— Батя — сказал он своему спасителю — я вечный твой должник. Такие вещи не...

— Оставьте, только не благодарите меня. Это Бог нам помог обоим. Для Него нет ничего невозможного. Я верю в то, что кто чист душой, тот будет всегда услышан и тому не страшны никакие трудности и опасности жизни так, как они непреодолимы только для тех, кто мало и неглубоко верует.

— Я никого не подвел, никто за меня не пострадает, семьи у меня нет, а если упекут кого-либо из судового начальства, так это даже приятно.

Пахом Никитич все свое свободное время отдавал о. Федору и его работе по благоустройству церкви, но он и с деревьями возился, плотничал.

— Это, батя, то чего я дома не имел, а к чему имел тягу, к церкви то-есть. Теперь у тебя есть правая рука по всем неполадкам: трубы, провода, болты и гайки — моя империя — все они у меня будут по струнке ходить...

Этот простой человек понимал душевное состояние настоятеля и своим присутствием и разговорами отвлекал того от многих неприятных мыслей. Уже кто-то сказал, что не дело священника заниматься такими делами, как „красть" людей и заниматься политикой. Уже кто-то добавил, что если американцы узнают о том, что матрос скрывался в церкви, то ее закроют....

Много ли нужно для того, чтобы „муха стала слоном"?

А иногда хотелось побыть одному и Пахом становился в тягость, хотя было видно, что все разговоры и беседы Пахома шли от чистого сердца с преданностью и любовью. Не имея других интересов и привязанностей он всей душой хотел угодить дорогому для него человеку и это трогало о. Федора. Матрос никогда не затрагивал той больной темы о которой знал от прихожан, но всегда старался быть полезным и облегчить труд своего спасителя.

Две слабости довлели над его одинокой жизнью, он старался их скрыть, но очень неумело: курил не выпуская носогрейки и выпивал. Так, даже и в этом случае был деликатным: у батюшки в квартире сосал трубку впустую, не куря, а когда был на подпитии, то на глаза не показывался. На попытки „бати" повлиять на него, только виновато разводил руками.

— Не могу. Самокрутка почти с детства, а рыбаки да моряки, которые не пьют — несчастные люди, а я хочу быть счастливы человеком — смеялся он в усы — да, уж одно то, что ты попался на моем пути, это большое счастье. Таких людей я еще не встречал, ей-Богу. Ты посмотри: ведь ты ведешь людей к добру не всякими там нравоучениями и моралями, а примером. Примером своей жизни. Я и дома читал и на корабле и тут у людей беру, читаю все без разбору, абы по русски. Вот у Толстого написано, что мол надо жить не для себя, не для своих нужд, а для Бога и для ближних. А кто из нас так живет? Никто. А вот ты это показываешь на своем примере. У тебя нету жизни для себя, чего уж говорить, а вот до-поздна ходить по больным, мирить ссорящихся, молиться о всех и за вся, болеть душой за чужих

детей, на это тебя хватает. У тебя, я бы сказал, душа необъятная, я так понимаю. И еще: кого любят дети и животные, тот уже заранее хороший человек. Они кривить душой не будут — они не человек. Согласен?

— Уж, очень ты низко ставишь человека, Пахом.

— Я? Я не ставлю, он сам себя ставит и с каждым годом все ниже опускается. Я, когда к вам попал думал, что буду как ржавый гвоздь в чужом сапоге. Я-ж советский, а тут все православные-христиане. Да, ничего подобного: гавкают друг на дружку, судят, завидуют и похваляются. А гордиться — то надо семейной жизнью, дружбой детей и родителей, а главное детьми, что они растут родителям на утешение, а государству на пользу. А разве это так? Сами ж сознаются, что когда приехали сюда, то на коленях, в бывшем гараже стояли и говорили „Тебе, Господи!", а вот обжились, во весь рост стоят и просят „Подай, Господи!”

Батюшка слушал и грустно улыбался меткости определений и образному языку своего милого собеседника.

— Что-ж, материальные ценности дороже всего стали? Опускается человек до степени животного, по твоему?

— Э, я бы сказал, что таким сравнением животное обижаем. Оно не изменилось, а вот с нашим братом — беда. Где это написано: „И рече безумец в сердце своем: несть Бога”? Зазнался человек и плохо это для него кончится...

Так они сидели теплыми вечерами, на скамье у церкви, под тихий шорох березовых листьев, у фруктового сада, который с каждым годом становился все ярче, все привлекательнее....

Отгремела война. Поставленная на колени Германия жестоко расплачивалась за совершенные злодеяния, а сотни тысяч людей надеявшихся на сокрушение ненавистной им власти, теперь всеми силами, старались избежать возвращения домой. И появилось что-то новое в деятельности о. Федора. Оказывается, что оформлением каких то документов, можно было выписывать людей в Америку, спасая их от карающей руки коммунистов. Получив разъяснение Синода, он

созвал собрание прихожан, рассказал, что это за возможности и с помощью приходского совета был создан такой комитет, который гарантируя беженцам работу, имел возможность помочь им выехать...

В одну из церковных служб, все обратили внимание на солидного человека, опирающегося на палку, с гладко причесанными волосами, в очках на худом носу. Он стоял неподвижно, истово молясь и приложившись к кресту ушел, прихрамывая. Потом уже, батюшка рассказывал, что у этого господина осталась жена в Германии — ее не выпускали из-за пятен на легких — , а он уехал, чтобы посылать ей посылки и деньги, поправить ее здоровье и тогда выписать. В Нью-Йорке ему сказали, что здесь крепкий, хороший приход, лучше климат и всегда можно хорошо устроиться. Он и приехал. Сейчас работает у одного американца по разборке разбитых машин так, как сам специалист по моторам и эта работа, хоть и тяжелая, но его устраивает.

Он был человек суровый и неприветливый, снял комнату у Кирсанова, со столом. С людьми знакомства не заводил и было видно по всему, что личные заботы и болезнь жены лежат тяжелым грузом на его сердце...

Прошло два года и Паев начал проявлят активность: пришел на собрание, выступил с критикой работы приходского совета и указал на существенные недостатки в жизни самого прихода. Все признали справедливость его замечаний и он дал согласие быть избранным в церковный комитет, чтобы помочь и словом, и делом. Видя желание работать его избрали старостой. Он настоял на небольшом увеличении членских взносов, чтобы ускорить украшение храма, но предложение увеличить жалованье священнику, он провалил, указав в частном разговоре, что раз сам настоятель не просит об этом и живет привыкнув сам-себе готовить, то пока можно с этим повременить так, как есть более насущные нужды, добавив, что повидимому по болезни хозяина купит у него дело и сможет принять на работу нескольких новых приезжих, если таковые будут.

А люди приезжали, радостные и довольные, что вырвались наконец за океан и опять попали в свою среду, с род-

ными их сердцу нравами и обычаями. Это была уже не та публика, что приехала в Америку до войны. Она была проще и не блистала именами профессоров, ученых и военных, но ненависть к режиму от которого они бежали была свежей и не покрылась еще ржавчиной и налетом сытого равнодушия. Засучив рукава они взялись за устройство своей жизни, одновременно расширяя рамки общественной. Народ был напористый и энергичный. Уже на второй год пребывания их в этой стране, у некоторых появились автомобили и собственные дома, купленные в рассрочку. То, что старая эмиграция делала с опаской, оглядкой и боязнью, новая делала смело, настойчиво и рискуя. Примитивное объяснение своему поведению она давала такое:

— Вы, тут отгремели по двадцать и по тридцать лет и в люди вышли. Но у вас запас времени был, а мы приехали сюда не особенно молодыми и поэтому то, чего вы добились за четверть века мы должны за десятку! И не забывайте, что о вас никто не думал, когда вы приезжали сюда, а для нас и вы есть и всякие общества помощи дипи, и Роова, и „Родина", и церкви и Толстовский Фонд и всякое такое прочее. Да и едем мы на готовое: работа есть и квартира для нас подыскана добрыми людьми и проезд оплачен. Работай, только! Ну, вот мы и пустили в ход советский лозунг „Догнать и перегнать"! Но так, как мы на своем горбу вынесли хороший кусок советской власти, то и забыть нам ее трудно и рассчитаться хочется за многое...

Когда Паев купил у американца его дело, он сразу же поставил себе за правило: не только скупать части машин, но скупать за бесценок старые, ремонтировать их и перепродавать. Он на этом не плохо зарабатывал. Принимал на работу только русских и требовал от них не только дисциплины, но и разделения его взглядов. Зная золотые руки Пахома Никитыча он звал его перейти к нему, обещая чуть-ли не двойной заработок — Почему не хочешь Пахом? — спрашивал батюшка.

— Да, ведь не в деньгах счастье, в нашем возрасте. А почему ты ушел с лесопилки, где хорошо зарабатывал? А вот пошел сюда на половину и счастлив, а? Можешь объяснить?

— Церковь мое призвание, у нас это в роду, еще от деда. Это было с малолетства.

— Вот, вот. Я не могу сказать, что лесопилка моя мечта, хлеб-то она дает хороший, но представь себе, батя, что вода, река, деревья, природа — это моя радость с детства. Я ведь водник, по натуре. Есть на свете станция Свиягино, Уссурийского края, это в трехстах верстах от Владивостока, там недалеко озеро Ханка. Там я и жил. Там кета, там угри, ловили мы их. А на китайской стороне были покосы и крестьяне там косили сено для себя и рыбу ловили. Так и жили: по одной стороне китайцы, а по другой мы. Водку, ханой называется, носили с китайской стороны, в банках, на спине. Там были рыбаки, которые кету потрошили, а икру с кишками вываливали, как отбросы. Тогда постелишь кошму и лопатой наваливай полную телегу, а потом этой икрой обмазывали все стены, снаружи в избах, в коровниках, свинарниках, где только была глина. Это делали для того, чтобы икра своим клеем мешала глине осыпаться и крошиться. А на солнце все блестело как полированное. Вот так жили люди. Фазанов ловили на кукурузных полях на колышки с петлей. Он идет жирный, ленивый и как клюнет так и головой в петлю. А мы берем мешки и идем собирать „урожай". Парочка жирных фазанов стоила шестнадцать копеек. Понятно? Безо всяких хлопот, не стреляя и не тратя никакой аммуниции. Веревочка и забор из колышков.

Икры не ели — тошно было смотреть на нее, а тут в Америке она на базаре, да еще за деньги. Ну, вот так, около воды, да около полей, на российских посторах я и рос. А потом судьба загнала учиться на механика. Война тюкнула мордой в трюм корабля, к горячим машинам, без воздуха, без света и безо всего, что любил. Вот, Бог помог, вырвался, да еще как удачно: опять у воды, на свежем воздухе. А у хромого засяду за моторы, в грязь и масло, в мазут, в надоевшие мне запахи...

Никогда их не любил. Я вот, сказал о запахах и вспомнил о Бархатной Роще, была такая недалеко от Владивостока. Просто Божье чудо. Десятины две не больше, но только деревья с черными листьями, как бархат, а снизу они свет-

лее. Стволы, как бронзовые, но главное не в этом. Там жил один священник и держал пасеку, так его мед заграницу шел — розового цвета, незабываемого запаха, а об вкусе и не спрашивай.

В чем секрет, так никто и не знал. А сам батя был косая сажень в плечах, здоровья необыкновенного, никогда не болел. Его отец на этом же самом месте тем же занимался и умер в глубочайшей старости. Самый целебный мед в мире был. Ну, уж большевики пришли и дали „жить" и ему и его пчелам. В два счета ликвидировали пчелиную контр-революцию. Знай наших!...

И все-же Пахом пошел к Паеву. Первое, что он сделал после двух месяцев работы: подправил одну разбитую машину, сменил мятые части, перебрал мотор и подарил настоятелю.

— Бери, у тебя ж дела. И требы, и платежи и поездки во все концы города и все на трамвае или на автобусе. А так сел и поехал, как богач.

Сам же научил о. Федора управлять машиной и оба были несказанно рады. Где-то в глубине души думалось:

— Почему этот простой человек подумал о такой важной для него вещи, а больше никто? А ведь уже у многих были машины, не новые, но хорошие.

Этот подарок очень облегчил ему его обязанности. Машина трещала всеми своими конечностями, позвякивала, но бегала, а это было главное. На этой же машине, он с Алешей, уже взрослым юношей, поехал в Эмиграционное Бюро, где через своего милого переводчика, священник рассказал о своем „грехе", когда спрятал у себя бежавшего матроса и сказал неправду. Это его угнетало. Если это и сегодня противозаконно, то он хочет, чтобы его наказали.

— Может быть, тогда в те времена это и было нарушением закона, но теперь об этом и вспоминать нечего — ответили там.

Вежливо поблагодарили его и несколько удивившись его приезду, отпустили.

6.

В один из рабочих дней, Пахом лежа под машиной, задумался о своей судьбе. Опять без воздуха и без света. Он слышал, как хозяин его позвал, но не откликнулся, а за стеной раздалось:

— Слушайте, Селинцов, наша цель именно и состоит в том, чтобы фактами доказать, что наш приход плетется в хвосте современности. Ваша задача говорить своим друзьям то, о чем я вам говорил. Надо вербовать сторонников нашей точки зрения. Я вас введу в приходской совет. Вы и толковый и нужный нам человек, а вот Пахому я не доверяю, он же там правая рука. Мы провернем это дело на сто процентов...

Странный разговор: ему казалось, что жизнь в приходе идеальная. Жили, как будто дружно, священника, конечно, уважали, богатели, старели и детей растили. Ну, одним словом, что надо! А вот, Паев хлопочет о каких-то переменах...

Для Пахома это было просто неожиданностью. Может быть о. Федор знал об этом и видел тех, кто подкапывается под твердые устои созданного мира и покоя, но никому не говорил и не поделился со своим другом, хотя Пахом сказал ему о слышанном в мастерской.

Настоятель промолчал... Трещины были и не малые. Не так было все гладко, как казалось. А почему? А вот: с ростом семейного благополучия, обрастания комфортом и сытой, зажиточной жизнью, да еще при уверенности в завтрашнем дне — интерес к церкви стал падать.

Прежде она была заступница и охранительница бедных и неустроенных беженцев, а теперь? Теперь они сами являются ее покровителями, защитниками и благотворителями. Чьими стараниями появляются в церкви новые иконы, ковры, красивые лампады, облачения, хоругии, подсвечники. А тарелочные сборы? Ах, да что говорить... Все это было создано этими людьми и они уже считали себя господами положе-

ния. В разговоре друг с другом чувствовалось взаимное уважение вызванное приобретенным новым домом или хорошо оплачиваемой работой...

Как в кривом зеркале можно было видеть „светское общество" с делением на „классы". В колонии создавались группы связанные интересами заработка и дальнейшими возможностями... Христианского тут было мало.

С батюшкой хотя ему и дали грошовую прибавку, разговаривали покровительственно, с незримым похлопыванием по плечу.

Он должен был понимать, что его „кусок хлеба" был в руках этих людей. Они ему платили, содержали и давали квартиру. Чего ж еще?

Как это перерождение получилось никто не заметил, но считали положение нормальным. Настоятель храма перешел на положение подчиненного, получающего жалованье и его призывы и обличения коробили: то в проповеди прозвучит ласковый упрек в несоблюдении поста, то в неаккуратном посещении службы Божией, то в том, что дети плохо, а то и совсем перестают ходить в церковь и посещать воскресную школу. А когда в проповедях звучали дружеские намеки на непослушание и нерадивость, на ссоры и взаимное осуждение друг-друга, то это некоторыми рассмотривалось просто, как бестактность.

Огонек недовольства старательно раздувался и нельзя было уловить откуда дует ветер. Желающих присмотреться и подумать почти не было. Поговорят дома, посудачат, удивятся сплетням и пересудам, хотя сами же их и повторяли. Странно, но имя священника и занимаемое им положение оказалось в центре внимания. Почему? Может быть он стал другим? Внешне — да: и морщины, и седина и усталость на лице, но для тех, кто его знал со дня постройки храма внутренний мир его не изменился ничуть.

В одной из своих проповедей, он сказал:

— Тот вполне человек, кто свободен от гнева, говорит правду и поучает любовно и мягко так, чтобы никого не

обидеть. Так должно быть в семье. Кто терпим к окружающим и терпим к осуждающим. Трудно это? Да, очень. Но возможно! Если бы все стремились к этому — было бы очень хорошо. Разве мы не видим, что в мире, над человечеством, как паутина, как туча, висит гнев, раздражительность, злоба. Жизнь от этого и горче и грустнее. Грустно, что от нашей раздражительности и несдержанности страдают именно те, кто любит нас и стараются что-то сделать для нас. Что лежит в основе? И гордость, и злоба, и ненависть, и жестокость и несправедливость. Все те плохие качества, которых нет у животных и есть у человечества. И, заметьте, что добрую семью и ее дружность разрушает именно тот, кто вносит в нее несдержанность и раздражительность. Родители к детям, дети к родителям и... крепкая семья рушится. Это не секрет, что мы хотим, чтобы в обществе о нас хорошо думали и говорили. А вот, уже дома, мы теряем контроль, вернее не хотим быть сдержанными и даем волю тому плохому, что у нас есть, а на людях прячется... Верующий в Божью любовь этого не позволит себе. „Злой верующий" или „раздражительный христианин" — это несовместимо. Можно ли от этого удержаться, чтобы одолеть самолюбие, раздражительность и вспыльчивость? да, для этого у нас есть благоговейная вера в близость Божию. Суметь ее почувствовать, осознать — будет нашим спасением. А сколько радости это даст нашим близким! О, да, это дается не легко, но... просите и дастся вам. Это особенно важно в наши дни.

После этой проповеди кто-то сказал кому-то, что батюшка именно его имел в виду, когда говорил эти слова. Конечно, этого не было, но уже человек затаивает обиду — не касайся мол больных тем. Сами знаем.

Пахом Никитыч реагировал так:

— Сказал ты, батя, хорошо, очень хорошо, но Господь создал человека по образу и подобию Своему, а разве он такой, как мы? Вот, люди видят и чувствуют, что ты лучше их, чище их, что твои убеждения и взгляды не совпадают с ихними и это их карежит. Мы же не терпим, когда чувствуем, что кто-то даже нехотя, лучше нас. Таким, батя, как

ты хочешь, человек быть не может, да, хотя бы потому что мы все имеем что-то от Каина. Та капелюшечка крови от него есть у каждого и она нам запакостила всю кровь и я уже убийца с детства: муху поймать, гусеницу раздавить, кошку — палкой, собаку — камнем, ближнего своего — штыком! Откуда это? Все оттудова. А там уж и до более серьезных дел недалеко. Отсюда ж и войны. Они были и будут, пока есть человек на земле. А мы читаем в заповедях: „не укради", „не убий" или еще смешнее „не прелюбы сотвори", а делаем все наоборот. Ты посмотри, отче, ведь среди животных только хорек убивает ради убийства, а все остальные умерщвляют себе подобных только для пропитания. А человек? Газету раскрыть страшно, ей-Богу. Горький, когда-то трепнулся „человек — это звучит гордо!". А эти же самые человеки, да еще друзья его, свели писателя в могилу.

У меня вот такая есть мысль: взять двух детей, мальчика и девочку, лет по шести, совершенно неиспорченных жизнью и поселить их на необитаемом острове, где всегда тепло и нет зверей, а продукты им сбрасывать с самолета, чтобы они совсем не имели общения с нашим миром. И вот, скажи, что будет на острове через сто лет? Зло появится? Обязательно и во всех видах: зависть, ссора, ложь, обман и всякая подобная гадость. Как-же можно говорить, что мы созданы по образу и подобию Божьему, как? Твари мы, а не люди. Мне тоже хочется быть порядочным человеком, но как вспомню о всех наших качествах, которых у зверя нету, а у нас с избытком, сразу начинаю грешить и напиваюсь. Нет, тут при сотворении мира какая-то ошибочка вышла.

— Не богохульствуй Пахом — священник гладил бороду. — Человек подобен свече зажженной Богом. Он назначен светить и давать тепло от пламени своего. Когда такая свеча начинает коптить, она отравляет воздух и мешает дышать.

— Вот, вот. Так мы и коптим небо. Чаду от нас много, а тепла — сомневаюсь. Я, например, копчу за нескольких, донашиваю свою жизнь, как некоторые любимую рубашку. И рукава обтрепаны, и воротник износился, и пуговиц всех нету... Ползет, одним словом, житуха по швам, а лишиться жалко-любимая. Я уверен, что прочитал книгу своей жизни

до последней страницы и пора уже захлопнуть переплет, а вот нет, все утешаю себя тем, что напишу еще одну страницу. И все же я радый, что мне жизнь давала и дает. Жить надо сколько ни на есть, до последнего конца...

Такие беседы были частыми и приятными для обоих.

Они предпочитали, если позволяла погода, сидеть под деревьями, которые уже давали плоды и с охотой собирались прихожанами, при чем не обходилось без ссор. Пахом смалил во-всю свою трубку и разглагольствовал, а о. Федор любил слушать, но не потому что ему нечего было сказать, а потому что в молчании он находил отдых. Ведь говорить приходилось много и не всегда приятные вещи.

— Вот, ты, батя, всегда проводишь свою линию: делайтесь лучше, будьте лучше, чем вы есть, улучшайтесь, я бы сказал, боритесь со злом. Можно ли с ним бороться? Вот, ты дал мне книжку „Новый Завет" и там я прочел в послании к римлянам у апостола Павла такие слова, что мол „будьте братолюбивы друг к другу с нежностью" или „благословляйте гонителей ваших", а то еще такое „никому не воздавайте злом за зло" и если возможно, то будьте в мире со всеми людьми. Да, в наше время разве это возможно? Ты человеку слово, а он тебе двадцать, а потом еще полгода ругать будет за твоей спиной. И он, этот апостол, опять призывает „не мстить за себя". Легко сказать. Зло на каждом шагу. Да, разве с ним можно бороться? —

— А почему нет? Со всем скверным, что есть в природе должно бороться...

— Это только у христиан так?

— Да, нет, вон в Коране сказано, что если гневаетесь на кого, не избегайте его близости. Пойдите к нему поклонитесь ему и выскажите спокойно без шипов злоречия все, что причиняет вам досаду в нем и заново забьет ключ любви. И лучшим будет тот из вас двоих, кто первый придет с поклоном.

— Ну, отче, это может быть магометанин придет с поклоном, но не наш брат эмигрант... Слова, слова и больше

ничего. Ты пойми только: если зло есть, то куда ж ему деваться. Часто говорят, что человек, как зверь...

— Все это так, но в отличие от зверя человеку дан Дух, а это уже возвышает над всем. Этот Дух, эту искру Божию, он должен сохранить, должен совершенствовать, передавать другим, питать его добрыми делами и словами. Вот, если бы мы могли так жить, то отошло бы в нашей жизни и убийство, и насилие, и причинение боли, как физической так и нравственной, ибо любовь к ближнему — высшее призвание человека.

— Ох, батя, на словах, да на бумаге все хорошо звучит, а на деле? Мне иногда кажется, что говоришь ты одно, а думаешь другое. В том смысле, что призываешь, а сам не веришь, что человек может быть лучше, чем он есть, да и трудно ему это, а вот худшим сделаться, это ему легко и даже приятно...

— Ну, ладно невера, спать пора.

— Одно я знаю наверняка, что около тебя я становлюсь и лучше и добрее и честнее, а стоит мне с нашим народом в контакт войти, поговорить, за столом с рюмкой посидеть, как сразу чувствую, что того Духа о котором ты печешься, у них и в помине нету, ей-Богу. Они-то со мной откровенней...

7.

Третий год, как Паев староста прихода. Небольшая группа прихожан стоявшая вокруг священника не могла противостоять горлопанам и людям с хорошо привешенным языком. В приходе были уже люди горой стоявшие за старосту. Да и почему быть против человека так много делавшего для церкви. Масса, инертная часть прихода шла за „говорунами" и в суть не вникала. Совсем недавно, перед собранием пол церкви был покрыт ковром, чем очень украсил помещение. Сделано это было за счет Паева. Тому он занял денег, этого устроил на работу, тем нашел дешевую квартиру, этим продал приличную машину, других пригласил в гости и принял

с почетом. Кого надо подкупал вниманием и помощью, а кого брал простой лестью, а то еще ведь люди зависели от него по работе. На лесть особенно хорошо „клевали". Перед нею трудно устоять так, как для этого надо хорошо разбираться в людях и понимать их. А к чему стараться это делать, когда вам говорят приятные вещи? Все берется за чистую монету. Так медленно, но верно Паев прибирал людей к рукам и кропотливо и невидимо проводилось разложение мозга и души: — Священник не работает, как крестьянин. Не охраняет страну, как воин. Не лечит больных, подобно врачу. Не учит народ подобно педагогу и не доставляет удобных и необходимых народу предметов, как это делает купец. Что же он делает? Молится за нас Богу. Ну и хорошо. Мы ему будем платить за это деньги и давать крышу и он будет, как всякий служащий — не больше. У нас достаточно опыта и разума, чтобы управлять приходом.

Так меньшинство стало во главе большинства. В приходе произошло то, что называется одним словом „раскол"!

Отец Федор не выступал с пламенными речами, разоблачая „раскольников", не возражал, не спорил. Он считал, что если люди, которые его знали столько лет, сегодня думают и поступают иначе — значит так надо. Было бы хуже и непоправимо страшно если бы его уволили совсем. Этого он очень боялся и знал, что такое явилось бы для него катастрофой.

Мысль об удалении этого честного священника может быть кем нибудь и вынашивалась, но кто об этом знал?

Среди всех этих огорчений, самым глубоким был уход в группу Паева, друга его — Пахома. Этого ни объяснить, ни понять, он не мог. Он был уверен, что знает душевный мир матроса, как никто. И все же... Тот перестал посещать батюшку, избегал встреч с ним и все видели, что Пахом Никитыч становится правой рукой старосты.

— Сума переметная — сказала Шевцова и перестала его замечать.

— В старину состоятельные люди всегда были старостами приходов — хвалился Паев — так и я. Деньги, хочешь-не

хочешь, вызывают уважение, а еще в Америке. Теперь мы начнем самое главное. Надо сломать кое-кому хребет и тогда мы будем властвовать. Я кладу еще год времени на это дело. Я бывал в Синоде там мою точку зрения вполне разделяют. Мне предлагали удалить отца Федора, но я сказал, что лучше если он сам уйдет. Так будет спокойнее и благороднее. Я за это!

— Да, чем же он мешает? Столько сделал для церкви.

— Сделал, ну и пусть уходит в другой приход — ему дадут. Он мешает тем, что около него группа, которая пишет жалобы, ненавидит меня и борется за какую-то справедливость. Ее никогда не было и не будет, нигде!

— Справедливости нет?

— Ну, конечно, не будьте простаком. Где сила, там и справедливость. Все это начинается от воспитания детей и кончается государством. В семье бывает, что один ребенок любимчик, а другой нет. Справедливо? Нет, но ничего не попишешь, так и будет тянуться всю жизнь. В государстве? Пожалуйста: большевики захватили власть и жмут и давят на народ, да еще как! Справедливо? Нет, но так и будет — и засмеялся нехорошим смехом... По распоряжению старосты, настоятель стал сдавать все деньги получаемые за требы — казначею, а потом уже из этих сумм ему добавляли к жалованью известный процент. Продажу свечей стали контролировать (сколько выдано свечному ящику и сколько осталось) потому что у ящика стоял помощник старосты, но большой сторонник батюшки, Еленевский.

Это была политика булавочных уколов, мелких, но болезненных. За обещанный год количество недовольных разросталось. Нашлось несколько дам, которым настоятель не дал поцеловать креста из-за ярко накрашенных губ. Некоторым он сказал, что замужние женщины должны быть в церкви с головой покрытой шляпой или косынкой.

— Вы подумайте, он мне будет указывать, что одеть. Я на одну прическу десятку ухлопала....

Алешина мама вспомнила, как она будучи председательницей сестеричества обратилась к батюшке за благословлением приобрести паникадило, а он не дал.

— Вспомните об инвалидах первой войны, вспомните об осиротевших детях в Бразилии, вспомните о неоценимой работе „общества помощи детям за рубежом" и подумайте станет ли светлее у нас в храме, если мы у этих людей возьмем деньги на паникадило?

И алешина мама обиделась. Ей так хотелось, чтобы при ее „царствовании" было приобретено для церкви, что нибудь особенное.

А, как известно, когда обижаются жены, то на их сторону переходят и мужья. Но в данном случае и муж, и ее мать и Алеша стали на точку зрения священника. И так бывало во многих семьях: один „за", другой „против" по тому или иному вопросу...

Семьи, которые были прежде дружны охладели друг к другу, а то и совсем перестали встречаться домами. Каждый считал себя правым и искал единомышленников среди других. Происходила „перетасовка сил" руководимая неизвестно кем... Почему-то получалось, что проповеди настоятеля болезнено воспринимались некоторыми прихожанами, видящими в них упрек и назидание. Как-то усталый и похудевший, он сказал с амвона:

— Вам не приходится задумываться о том, как мы молились много лет тому назад и как теперь? С каким трепетом, с какой огромной верой, в годы беженства, склоняли мы наши колена перед иконами наших святых, прося и обещая. Сколько души и чувства, сколько надежды вносили вы в ваши слова. Это была большая нерушимая вера. Ваша молитва шла, как дар. Так вот: дать от избытка своего совсем не трудно, дать от нищеты своей — нелегко. Но только дать — сделать красивый жест — это слишком мало. Надо в дар свой вложить то, что заповедал нам воскресший Христос, надо дар свой принести с любовью. И это относится не только к молитве, но и к материальной жертве тоже.

А теперь? Проверьте свою молитву. Теперь она больше обряд, чем крик души. А для некоторых возжение свечей заменяет беседу с Богом. Люди стали реже ходить в храм, ссылаясь на усталость и занятость. Нет другой причины, кроме болезни мешающей человеку посетить службу Божью, нет! Бог услышит молитву сердца и без слов, но никогда не слышит молитвы без участия сердца...

А дети? Одни уже выросли, те с которыми мы начинали постройку нашей церкви, а другие новые, уже с огромным трудом, а то и совсем не ходят ни в церковь ни в воскресную школу. Кто виноват? Родители. Это огромная и непоправимая вина. К вам мое слово, отцы и матери. Подумайте!..

Это нервировало, ибо слова пастыря были справедливы и касались многих. Родители видели, что дети хотя и понимали, но уже не говорили по-русски и интересы их были далеки от всего русского. А тут еще эти упреки! И ответ подсказывался незримыми советниками, дома, за сытым столом и обильной выпивкой.

— Его дело молиться, а не учить нас. Мы достаточно взрослые, чтобы знать, как вести нам себя с детьми... Надоело уже!

Но иным о. Федор быть не мог. Он обличал, он призывал, он болел за чужие души, которые отходя от церкви погрязали в житейских буднях и уже о возврате их обратно надежды не было.

Все эти толки и разговоры были кому-то на руку и пополз слух и не без основания, что вражда в приходе ведет к необходимости открытия другого храма и, что все предпосылки к этому есть и не так это трудно, как кажется. Некоторых такие идеи приводили просто в ужас, а другие считали, что ничего страшного в этом нет.

— Ну, хорошо, а если о. Федор уйдет и нам дадут другого священника?

— Да, мы уж просили, а Синод молчит. Нет, это уже не спасение, ибо те, кто поссорились друг с другом, уже не помирятся и порядка все равно не будет. Говорили, что ста-

роста, если составить список семейств, желающих отделиться, берется договориться с Синодом, получить нового священника и вопрос будет разрешен безболезненно.

— Извините, это очень болезненно. Ведь новая церковь потребует новых, больших расходов: здание, утварь, облачение, оплата настоятеля. Это не шутка!

— Вы не беспокойтесь, Паев обо всем думает. Это ж голова!

— Господи, а чего стоит сам раскол в приходе. Были крепки, были едины, а...

— Да, что изменится? Только вместо одного прихода будет два. Вместо одного священника — два. В одном храме будет все по старинке: служба часа два с гаком, долгое стояние и все на славянском языке. А в другом и английский введем и скамьи поставим и за час вся служба будет окончена. А приходом будет управлять совет доверенных, а не диктатор в рясе. Довольно; да и внешность у настоятеля будет европейская, а не ...ребят пугать. Ах, да что говорить? Выбирай, где тебе удобнее, туда и иди. Плохо? Таких чудаков, что захотят в двух приходах состоять — не будет. Это накладно для кармана....

Все это звучало и убедительно и заманчиво. Можно будет походить, посмотреть, а потом выбрать куда приписаться. В этом греха нет. Бог всюду один. А вот над сутью, страшной сутью, раскола задумывались далеко не все. Так медленно, но верно, людей убеждали в том, что новый приход — это достижение колонии, а не признак слабости, вражды и отчужденности.

Паутина наговоров „задушевных бесед" и сладкой лжи делали свое дело. Было бы неправдой говорить, что противники разъединения и сторонники священника сидели сложа руки. Нет, они собирались по домам, горячо обсуждали происходящее, звали настоятеля на свои тайные собрания, но он отказываясь приходить, говорил:

— Ничего тайного и за спиной всего прихода я делать не буду. Если малодушные и робкие уступают крикливому

меньшинству, то это совершается не само-собой, а по воле Божьей. Вы можете объяснять заблудшимся, уговаривать сомневающихся, разъяснять колеблющимся, звать за собой робких и не разбирающихся, но я буду в стороне.

Конечно, такая политика священника не одобрялась его сторонниками, но они ничего не могли поделать, зная цельность натуры о. Федора и его неподкупную честность...

Обидно было что в этой зловонной каше интриг и сплетен копошился и бывший друг настоятеля Пахом Никитыч.

Хотя Шевцова и не говорила, но соседки видели, а этого достаточно для того, чтобы все узнали, о визите Ольги Михайловны, которую старуха и на порог не пускала в их дом. Она, будто-бы приходила и жаловалась на свою жизнь и просила совета. Так-ли это было, но некоторые прихожане, которые демонстративно начали посещать греческую церковь, потом рассказывали, что видели бывшую матушку там на исповеди, чего она много лет уже не делала и после исповеди вся в слезах принимала Святое Причастие... Тут уж всякие слухи поползли по колонии.

Подтверждения они не получили, ибо Ольга Михайловна изредка в свою церковь ходила, но Кирсанова с ней не видели, а он платил членские взносы и вносил „десятинку”. Правда, это началось после укрепления дружбы с Паевым...

Чрезвычайное собрание созванное стараниями группы старосты — на котором должно было решиться заранее решенное дело — состоялось.

Было условлено, что оно начнется через час после церковной службы. Люди должны были поразмяться, подкрепиться в буфете, немного отдохнуть и обменяться мнениями перед предстоящей трепкой нервов себе и другим. Это был сентябрь и деревья стояли отягощенные плодами: сорви и ешь. Так прихожане и делали.

Тяжело опираясь на палку и поддерживаемая молодым военным, из церкви вышла бабушка Шевцова. Она стала еще крупнее, тяжелее и неповоротливее. Мясистый нос был оседлан новыми очками, а на голове темная старая шляпа.

— Господи, да ведь это Алеша! Неизменные, бабушка и внучек, да?

— Да, да. Хорош парень стал. Ишь, как вытянулся. А был „шпингалет", помните? — Их обступили. Старуха сразу же опустилась на скамью, а юноша стал рядом.

— Ну, Алеша, рассказывай, как ты там борешься с врагом внутренним и внешним?

— Уэл, это вы мне расказывайте, как вы боретесь с врагом внутри... э, прихода?

— Уже бабушка настроила внука?

— А мне его нечего настраивать, он с детства настроен, как хорошая скрипка.

— Э, все-таки информация из первоисточника...

Люди разбивались на отдельные группки и отворачивались друг от друга. От былой дружбы не осталось и следа.

— Смотрите, ведь совсем, как будто недавно в церкви прислуживал, в школу бегал, в хоре пел, а теперь — нате возьмите его за рубль двадцать!.

Все с удивлением и радостной улыбкой смотрели на необычную пару. Да, воды утекло много и в погоне за благами жизни не замечали, как старились, а вот по детям было видно, что прошло много лет.

— Ну, как скучал за домом, сидя в казарме?

— Уэл, конечно, я вырос здесь — он повел рукой по воздуху — и если я не забыл о приходе и о яблоках и о русский язык, то двое людей в моей жизни я обязан за этим, что я русский и православный тоже. Это вот моя настоящая русская бабушка, которая здесь в загранице делает детям больше, чем мать и отец, что работают. Правда, такие бабушки уже уходят и других не будет. Будут, но „ сэконд хэнд". И второй человек это отец Федор, священник и френд моих малых лет. Его духовное воспитание давало мне и моим товарищам многое такое, чего уже нету у наших братьев и сестры. Нету! Священник, что сделался потому что так надо много хужее, чем который по.. по...

— Призванию — подсказала бабушка.

— Хорошо говоришь милый вьюнош. Всем бы так думать.

— А кто же вам мешал думать так? Голова всегда есть с вами. Сорри, что я далеко живу от Клоудлэнд и не могу вам помогать с этим...

Помощник старосты вышел с колокольчиком на крыльцо и стал звать публику в церковный зал. Многие шли с тяжелым сердцем. Пахом прошел с опущенной головой ни на кого не глядя. Люди знали, что их ждет, а другие шли решив кривить душой в ущерб правде... Войдя в зал Шевцова села и что-то сказала внуку. Он встал, подошел под благословление настоятеля и оба оживленно начали разговаривать.

Да, очень любил о. Федор этого милого мальчика с пробивающимися усиками и видел теперь, что любовь его — величайшая сила в мире — сделала чудо. Юноша остался русским и не потерял интереса к делам своей церкви. Он был единственный, кто писал пастырю письма, всегда навещал его, спрашивал совета и обращался к нему, как к родному. Разве мог о. Федор не гордиться этим человеческим созданием, душа которого была когда-то доверена ему Богом и теперь он видел плоды своих трудов, воплощенные особенно ярко в этом юноше-солдате.

Стоило жить, стоило переносить грубости и неприятности хотя бы ради одного этого радостного сознания. Ведь, может быть и семья этого мальчика будет такой. Надо надеяться и верить. Не веря — жить трудно!

Он разговаривал с Алешой и лицо его светлело и согревалось улыбкой так редко появлявшейся теперь при разговорах с людьми.

8.

Расстановка сил заговорщиками, а их иначе и нельзя было назвать, их тактика и стратегия была позаимствована от мастеров этого дела. Даже в зале они сидели не вместе, а были разбросаны между прихожанами с таким рассчетом,

что их голоса звучавшие с разных сторон, создавали впечатление единства мнения, слушающей их оратора, толпы.

Председателем собрания выбрали Донского, человека о котором можно было сказать, что он и „нашим и вашим", а в этом случае — беспристрастный.

Слово давали всем, чтобы не обвинили потом в затыкании рта. Отсюда и выступления подчас не по существу, но от чистого сердца. Иногда это были речи плохо построенные, но понятные своею сутью, а иногда человек говорил несколько фраз думая, что это самое важное, что он выразил все и был понят. Вот далеко не полная картина того, что произошло в этот знаменательный день. — Нам необходимо признать, что этот вопрос у нас всегда в конце повестки дня, а то и снимают его совсем. А я опять поднимаю его. Нам необходимо сознаться, что это наше моральное обязательство думать о благополучии нашего священника, а что мы сделал за эти годы, что? Он живет в подвале, имеет ревматизм, болеет, но молчит, а мы бы уже давно могли взяться за постройку церковного дома, с квартирой ему. А жалованье? Мы работаем, хорошо получаем и живем не плохо, а он? Мы украшаем церковь, о ней заботимся, а ведь тут же человек наделенный особой благодатью, передаваемой от Апостолов и что же? Помните, что старые священники отходят по возрасту и выслуге лет, а новых нет потому что новый видит, что его ждет. Вспомните Попкова, юношу уехавшего учиться на священника, мы ему и деньги собирали, а он окончил и ушел в университет преподавать русский язык. Почему? Да, потому что помимо героического подвига вступления на путь священства, нужны и жизненные условия. Молодому священнику найти жену в таких условиях трудно. Что такую попадью ждет?

Может быть выступавший хотел сделать добро своими словами, а получилось, что он затронул тему особенно болезненную в этом приходе.

— А я хочу отметить тот печальный факт, что когда у нас был архиерей и была торжественная служба, я с мужем попросили батюшку отслужить после нее панихиду по на-

шей тете, а он отказал потому что, мол, неудобно так, как под церковью чашка чая в честь дорогого гостя и нельзя заставлять его ждать; отложим на другой раз, говорит. А почему это? Мы платим членские взносы, мы старые прихожане, а не кто нибудь и это наше право: панихида по тете. Нет, нет не говорите — это гордыня у него!

— Это гордыня у вас, да еще какая!

— Господа, я прошу не пререкаться — призывает Донской.

— А это разве тактично? Помощник старосты подходит ко мне, в церкви, во время богослужения, обратите внимание на это, и шепчет „прошу не разговаривать". Ну, не хамство? А я только несколько слов сказала Вере Леонидовне, а она — мне. Так мы же не виделись два месяца. Это же надо понять. О, нет, зазнались они, зазнались!

— Это от потемнения совести пошли наши несогласия и распри.

— Сегодня наша церковная школа ниже всякой критики и мы должны что-то сделать, чтобы она не угасла совсем. Русский язык учат только шестеро детей...

— А кому он нужен здесь? Прежде у нас энергии хватало на все: и на вечера и на концерты, а теперь весь пар вышел.

— Господа мы ссоримся, а нам не надо выносить сор из избы.

— Сор из избы — это плохо, а сор в избе и того хуже!

— Я прошу говорить по существу.

— Это все по существу, все. Когда наше объединение митавских гусар просило настоятеля о традиционном молебне, он сказал, что сейчас не может — едет с Дарами к умирающему. Выходит так, что мертвые важнее живых.

— Есть такие: и умирать боится и жить не умеет.

— А вы умеете, так покажите, как надо. На словах все мастера, а на деле...

— И просил о молебне не кто нибудь, а я основатель храма. Что это? Бестактность, нечуткость и игнорирование по существу тех, кто является основным хребтом эмиграции...

И отец Федор вспомнил, как кто-то из его сторонников рассказал ему, что этот оратор когда-то назвал его „попиком" из так называемого „серого духовенства".

— А что это значит? — спросили его.

— А это милый мой, не священник, а батюшка, который никогда бы не дослужился у нас до шелковой рясы, до ленты через плечо, до бриллиантового креста или ордена. Как начал серую жизнь, так и кончил бы ее в уездном городе, среди купцов, мещан и чиновников. Это и есть серость!

— Значит ни ум, ни высокая одухотворенность, ни преданность идеалам церкви, ни христианское служение ближним, ни...

— Ох, слова, одни слова. Какое это имеет отношение к карьере?

Так говорили где-то и кто-то.

— Еще так недавно, мы открыто и с любовью смотрели друг на друга, а теперь?

Сытость, довольство и материальное благополучие меняли душевный облик человека и почему-то в худшую сторону. Это видел настоятель, но может быть не видели сами люди... Нездоровая самоуверенность и полупокровительственное, полупренебрежительное отношение к менее удачливым бросалось в глаза. С „воцарением" Паева, положение отца Федора стало особенно зависимым...

И опять чей-то голос:

— Вот уже в продолжении нескольких лет ведутся нездоровые разговоры о том, настоятелю пора на покой. Кому он стал поперек горла? Таких богатырей духа — поискать! Пусть у него все по старинке, как когда-то, но вспомните те, у кого память коротка, каких детей он воспитал при церкви. Вот, он, один из них сидит в зале, в военной форме, а у нас от этой группы, алешиной, я бы сказал, все говорят по-русски и живут интересами колонии, а теперь?

— Так настоятель тот-же, почему стало иначе?

— Да, он-то тот-же, а мы стали другие. Кто-то убеждает вас, что нужен бритый стриженный, говорящий по-английски. А нам с таким, как наш ближе к Богу и жить легче. Он наш, настоящий, православный батюшка. Вот что!

— А я хочу только сказать, как мать: муж на работе, ребята приходят из школы и между собой только по-английски. Спросишь что-нибудь, а оно отвечает тебе тоже по-английски, с ребятами во дворе тоже не по-русски. И вы думаете легко сегодняшнего ребенка уговорить пойти в церковь, где он ничего не понимает?

— Так ведь если не понимает, то вы ж и виноваты. Где родительская...

— Господа, опять прошу не нарушать порядка, а просить слова.

— Скоро и слово-то надо будет говорить по-английски. К этому и идет...

— Простите меня, я человек старый, но нечего греха таить. Мы отстаем от жизни. Молодое поколение на семьдесят пять процентов американцы и это нормально. И если мы хотим их удержать при церкви давайте дадим им английский язык в хорошем произношении от священника с академическим образованием. Я люблю и уважаю отца Федора, но если жизнь требует перемен — их надо дать, я не хочу обидеть своими словами настоятеля, но сегодня нужно после службы поговорить с молодежью, нужен язык; пришедшую группу студентов надо понять и объяснить им что такое православие, поехать в управу, вести переговоры с учреждениями и даже с человеком, который пришел, чтобы перейти в православие нужен хороший английский язык. Такой священник это лицо церкви и он всегда и со всеми найдет общий язык понимания и взаимного уважения... И дальше: странная вещь, что колония растет, а число прихожан падает. Почему? Да, старые постепенно отходят, а молодые не идут. Говорят, что другие нации заинтересованы в православном богослужении, в наших обрядах и принимают православие. Вывод: если мы заинтересованы в процветании нашей ре-

лигии — будем способствовать этому. Какая нам разница магометанин или буддист будет крестить свой лоб у нас. Главное, чтобы он принял православие и таким образом наша церковь, храм наш, не превратится в музей через пятьдесят лет, а будет процветать...

— А нас куда? На свалку? Отслужили и с колокольни долой?

— Почему же? Мы будем при своей церкви пока позволяют силы и возможности а потом уйдем в лучший мир. Вспомните слова поэта „нам время тлеть, а им цвести"...

— А вот, если бы мы — как это обидно звучит „мы и вы" — напряглись и добились, чтобы наши дети знали язык, учили закон Божий, любили бы веру своих отцов, то сотни их заняли б наши места вместо магометан и буддистов, о которых вы говорите и утешаете нас ими. Тогда б и умереть легко...

Раздались аплодисменты.

— Что же вы предлагаете?

— Не терять своих детей, не рвать с ними духовной связи, а отдать последние силы на обращение ИХ в веру православную. Вот — задача!

— А сил-то и нет. Все ушли на склоки и ссоры.

— А я предлагаю иначе и легче. Дети наши на американской стезе и нечего их сворачивать с нее, да и не нужно это. Это, что называется „переть против рожна". То, что происходит — нормальное явление у всех народностей живущих в Америке, это же должно быть и у нас. Так давайте не препятствовать, а помогать ходу событий. Против течения мы не выплывем...

— А отчего многие каются, что стали они хуже? Больше досадуют, больше сердятся, больше осуждают?

Вдруг встал Алеша.

— Я хочу попросить сказать слово. Моя бабушка — он положил ей руку на плечо — всегда говорила, что надо

бояться того времения, когда человек превратится в сухарь и его не размокают никакие слезы. Я всегда об этом думаю и думайте и вы тоже. Тогда уже плохо. Вот вы видите, как все говорят, а что говорят? Плохое, даже когда говорят хорошее. А молчит только священник потому что молчание... как дальше бабушка?

— Молчание громче всех укоров.

— Да, да, вот это так. Я очень рад, что мне дали вакэйшен и я смог приехать и как раз на этот митинг. Вы услышите меня, как голос той молодежи, которая уже выростала и осталась русской с благодарностью этой церкви и ее батюшке. В науке говорится, что перл...

— Жемчуг.

— Извините. Что жемчуг если он не касается человеческого тела — погибает. А я скажу, что люди — это жемчуг, а церковь это тело Господа и если мы все время не касаемся Ее — мы гибнем.

Ему захлопали, а бабушка погладила его руку.

— Может быть я говорю не то, что надо на собрании, но...

— Говори, Алеша, говори. Правду говоришь, мальчик наш.

— Ну, спасибо. Говорят, что дети не отвечают за родителей. Ну, а родители за нас? Вот, что я хочу спросить. Вы, наши родители, живете здесь хорошо и всегда имеете „гудтайм", и вы уже уставали и вам уже надоело посылать наших младших братов и сестров в школу и вы думаете, что им уже не надо и закон Божий и наша история и наш язык. Они выростают американцами, так зачем им русский? И он начал уходить из наших семейств. Разве я не знаю, да и вы тоже, что есть дома где по-русски уже не говорят, дети может быть понимают, но уже не все. А вот, когда в армии узнавали, что я разговариваю и пишу по-русски, меня сразу забрали в штаб. А фирмы, которые берут на службу тех, кто знает языки и хорошо плачивают им. Зачем же не дать

детям эту возможность? Это же для них жить карьером! Вам трудно? А вот я вам прочту стих, который написала наша девушка. Она, как и я ходила в школу при церкви и вот вы имеете с результатами. Она мне прислала по почте, а я привез. Почитывать?

— Читай, читай!

Старательно и не спеша, выговаривая каждое слово, он начал:

„У всеноцной".

Мерцают свечи, хор звучит приглушенно,
Глядится в окна ночи синева...
Стою, и с новою надеждою я слушаю,
Бессмертные и кроткие слова.
И забываются земные огорчения
И „Тихий Свет" нисходит в души к нам.
В пустыне жизни теплится горением,
Оазис редкий, светлый, русский храм!
В его стенах мы о России молимся
И верим: будет, будет час и год!
Пусть видеть это мы не удостоимся,
Но Русь-Святой, увидит наш народ!

Публика дружно и громко зааплодировала.

— Алеша, кто написал, скажи нам?..

— Зачем скажи? Вон она, в углу с матерью. Галина Соболева.

Все опять захлопали. Смущенно улыбаясь девушка встала. Да, это был тот тип русских девушек, которые в эмиграции становятся редкостью и скоро совсем не будет таких: и внешность, и скромность наряда и застенчивость были и ее гордостью и украшением. Алеша смотрел на нее и улыбался тоже.

— Так вот — продолжал он — будут ли наши сестры-братья такими? Нет. Кто виноват? Вы! Если вы не хочете поддерживать школу и своих деток, то разве батюшка сможет сам? Я знаю, что он звонит, уговаривает, а вы отвечаете

причинами. Уэл, мы хотим, мы будем, мы не могли. Мы очень сорри! А это, как раз те, кто мог бы стать на ваше место, когда вы умрете....

— Рано хоронишь юноша. Хоть нам и было два звонка, но до третьего далеко еще.

— Нет, я только так думаю. Это они будут и должны держать церковь, а не те кто будут креститься из другой веры. Церковь будет православной, но перестанет быть русской. Уже те, кто идут за нами, они и без языка и без веры. Они уже и в церковь не хотят пойти. Уэл, они сидят перед ти-ви, кушают попкорн, читают комиксы и „яки-яки" по телефону, когда вы в церкви. Что неправда?

— Правда, сынок, а через полста лет русские книги и газеты полетят в камин — читать-то их будет некому. Но мы хоть не увидим этого...

— Так, но почему допускать к этому? Звоните „алярм" пока не поздно. Вы же сами пилите ту суку на которой сидите. Помните, что такие батюшки и бабушки — все меньше и меньше. Посреди вас залезли такие, что делают вам троблы и ссоры, так не пойте с ними их песню, с ихним хором. Невер! Ваша пассивность помогает и вы сами разливаете воду на их мельницу.

— Что же далать, Алеша?

— Первое и последнее — не ссорьтесь, это самое главное, и в семье, и в обществе и среди государств. Дружба, это же самое главное в жизни. Стоите вокруг своего настоятеля, как стоят солдаты под рукой одного командира. Белив ми, что мне болит бросить обвинение людям, что старше меня и в два и в три раза, но примите мои слова, как от той молодежи, которая еще с вами и, которой интересы церкви, семьи и православия так же дорогие, как и вам. Их надо толкать, им надо говорить, объяснять эври дэй! Сэнкю вери мач!

Все дружно захлопали. Правда раздались голоса:

— А отчего же ее тут нету?

— Молодец, Алеша, тонко подметил.

— Критиковать легко. Помоги нам.

— Молодо-зелено, учить нас.

— Э, легко сказать „не ссорьтесь". А разве русские могут иначе?

— Ничего, не пропадем. У Бога-милости много! „Авось" вывезет!

— А отчего люди уходят из прихода? Отчего другие боятся, чтобы их не обидели дурным словом?

— Мы все такие, что „як тривога, — то й до Бога"!

— В каждой избушке — свои игрушки.

Все это были мелкие выступления. Их можно было бы назвать подготовительным огнем перед главным наступлением. Так и случилось. Слово взял староста. До него ничего не было забыто и каждый из его группы говорил об определенном участке жизни прихода, а Паев, как говорится подытожил. Странно было, что молчал Пахом Никитыч, но может быть так было условлено тоже.

— Больно, очень больно — сказал староста с дрожью в голосе — слушать выступления прихожан, которые в своих справедливых замечаниях отмечали теневые стороны нашей жизни. На первый взгляд, как будто мелочи, но ведь один кирпич тоже мелочь, а многие тысячи их — готовое здание, а когда здание рушится, оно причина гибели невинных людей. Так и здесь: один из родителей (а таких не мало) замечает, что дети отходят от церкви потому что они ничего не понимают в службе и, что английский язык, хотя бы частично внесенный в богослужение разбудил бы интерес и внес понимание в их души, рассеяв пустое равнодушие к православию.

— А почему они не знают русского языка? Чья вина?

— Другой указывает на двухчасовое стояние в храме, которое людям не под силу и задает справедливый вопрос „если католики справляются за час, так от этого их молитва хуже? Она не дойдет до Престола Всевышнего?" Или же не

во времени дело, а в вере, в порыве, в искренности... А у нас служба попрежнему тянется изводя и детей и взрослых. Сегодня, теперь, их буквально силой надо тянуть в церковь или обещать что-нибудь за это... Неправда?

— А почему же прежде ходили? Другие дети или плохие родители?

— Правы некоторые из выступивших, которые указывали, что священник сам не может сократить службу — для этого надо иметь согласие Синода, но наш о. Федор даже и не думал обращаться с подобным ходатайством. А ведь инициатива должна исходить снизу. А что касается английского языка, то тот которым владеет наш настоятель для иностранцев, да даже и для нашего юношества не подходит — он звучит, как насмешка и вызывает только улыбку сожаления...

— Как кому-то не нужен русский, так нам не нужен английский...

Вскочил Рельский.

— Теперь вроде получается — не церковь, а клуб, где каждый норовит играть роль. А где же наша скромность, так-чтобы правая рука не знала, что делает левая? Все интриги вокруг церкви очень огорчают тех, кто привык смотреть на нее, как на храм Божий, где должна царить тишина, единение, любовь и внимание к больным и неимущим. А у нас человек заболеет, выпадает из поля зрения и забыт. А неимущие в других странах? Им пошлют пятерку, а на украшение церкви: хоругви, ковры, паникадила, иконостасы, иконы? Тысячи идут, а то и больше. А вера-то без добрых дел мертва. Мертва, понимаете, православные?!

Пока шли все эти разговоры и пререкания, — вспоминались старые обиды и недоразумения, были выступления в защиту, звучавшие, как обвинения от неуклюжей искренности говоривших — мысли отца Федора были далеко.

— Почему так случилось? Почему какая-то упорная, чужая сила пытается во-что бы то ни стало удалить его, из прихода? При тех обидах, оскорблениях и упорном желании

его унизить в глазах прихожан, другой бы священник просто ушел.

Епархия уважит такую просьбу. Но вот сознавая свою правоту и честность служения этому народу, он не шел на такой компромисс со своей совестью и не уходил. Конечно, он не был одинок, его окружала группа его приверженцев, но вообще эта атмосфера несправедливости лишала его сил, убивала волю к сопротивлению. Сколько может такое длиться?

И слушая этих людей старающихся в своих выступлениях по-больнее уязвить друг-друга, отец Федор проникался к себе какой-то жалостью. Вот, встать, уйти, вздохнуть свободнее... Но, нет, он знал, что борьба со злом путем ухода — трусливое бегство. Так не побеждают. Да и своих сторонников, которые не были крикливы и нахальны, он не имеет права оставить...

И сидя за столом, прикрыв глаза рукой, он не слушал, а думал.

Сердце ныло и болело.

— ...А настойчивость с которой наш священник — продолжал староста — добивается от родителей, чтобы дети ходили в школу и посещали службы, переходит, извините, в навязчивость. Ведь, в конце-концов, родители лучше знают нужно ли их детям ходить в школу или они уже могут обойтись без этого... Ведь наше поколение, что выросло, сейчас совсем не похоже на то что растет, а внуки наши нас не поймут и не оправдают....

— Надо их иметь сначала...

— ...они становятся совершенно чужды религии и это серьезно, это опасно, но если им ее преподнести в другом, понятном виде, они не отвернутся от нее. Насилием человека не обращают к Богу, а все эти замечания и упреки — только раздражают. Священник должен понимать, будем откровенны, что он только исполнитель обрядов — не больше. Обрядов и треб.

— Врете вы! Он больше, значительно больше. Он выше нас всех!

— ...в остальном мы взрослые люди и наши дети сами понимают, что им нужно, чего они хотят, а мы тем более. Пора поставить точки над „и". Мы неоднократно указывали нашему пастырю на границы его деятельности и нашей, но он упорен. Он ведет себя так, как вел двадцать лет назад, а сейчас уже не те времена. Насилие над детьми иногда приводит к уходу их из дому. А кто из нас этого хочет? И если бы он своевременно ушел, было бы лучше. Мы не раз ставили вопрос о смене священника...

— За спиной всего прихода?

— ...на более созвучного нашим дням, но Синод — это его политика — вечно отмалчивается. Мы писали туда коллективные просьбы, это не секрет. А теперь, если так можно выразиться, терпение лопнуло...

И еще мысль — это у отца Федора — почему Пахом, его преданный друг, перекинулся в лагерь отступников? Он еще и еще раз говорил себе, что он в Пахоме не ошибался, а вот то, что случилось объяснить не мог. Не находил никаких оснований и даже простых предположений. А ведь тот не только ушел, но и упорно избегает встреч, хотя и знает, что сам отец Федор никогда с ним на эту тему разговора не начнет. Что же случилось? Было очень обидно.

— ...люди между собой перессорились — слышен, как в тумане голос Паева — и созда...

— А кто в этом виноват? Такие, как вы!

— Я уже указывал, кто виноват. И создалась такая обстановка, что наиболее сознательная группа в приходе решила... уйти и создать свою...

— Скатертью дорога!

— ...пусть он будет меньше, пусть беднее, но нам хочется жить в мире, а не в постоянных словесных трениях, доходящих до взаимных оскорблений. Этому надо положить конец. В свое время этого не понял отец Федор, а теперь...

— Он нужен нам, а вы нет. Уходите сами — прогудел бас Анны Павловны.

— Вот, вот, слышите? Мы и уходим. Может быть потом часть из вас тоже присоединится к нам. Двери нашего храма будут всегда открыты для всех широко и гостеприимно.

— Можете закрыть — не пойдем. Приехали на все готовое и командуете...

Кто во время этого заседания смотрел на отца Федора, тот мог увидеть, какое глубокое чувство вины, стыда, боли и обиды выражалось в его взгляде, иногда устремленном на прихожан, иногда в нервном движении рук, часто поглаживающих наперстный крест.

— Уйти-бы, не слышать всего этого. После стольких трудов и усилий...

Он смотрел в сторону Алеши и взгляд его светлел и смягчался.

— Милый мальчик!

Он прекрасно сознавал, был убежден в том, что сделал он много не только для старших, но и для второго поколения. Почти все выросшие при нем понимали по-русски, многие говорили, но уже разучились писать, ходили в церковь, жили интересами прихода, хотя и расходились во взглядах с родителями... Ведь был же приход крепок и дружен и вот, только последние годы появилась трещина и он не мог, не хватало сил или желанья, а еще и поддержки, чтобы склеить сосуд в котором он хранил благодать Божью, этот островок православия, затерявшийся где-то в просторах Америки.

Но знал, твердо знал, что если уйдет, то будет еще хуже.

— Вы будете кадить, а мы руководить — как-то в личном разговоре бросил ему староста — нам надо американизировать наше православие.

И, к этому шло... Но Федор не уходил и этим укреплял тех, кто стоял около него, людей крепко верующих. Бунто-

вало по существу меньшинство, но, как всегда, те кто шумит, лезет вперед и ведет себя навязчиво и нагло создают впечатление, что их много. Люди его убеждений требовали от него выступлений разящих врагов церкви, лишения их права на исповедь и причастие, отлучения, предания анафеме...

А он? Он даже не выступал на собраниях. Но одно лишь его присутствие воодушевляло его сторонников и „бросало их в бой". Он руководил собраниями и давал возможность каждому сказать то, что он хочет.

Может быть это был первый шаг к американизации? К демократизму? Тому самому, который так много вреда причинил этой великой стране. И ему думалось, что его обличающие речи только разожгут страсти и взаимную неприязнь. Значит ухудшат положение. Так зачем же это делать?

На что же он надеялся? Чего ждал? Одного только:

— Если Бог так делает, значит так нужно. Если он позволяет этому твориться, значит это наказание и ему, и всему приходу. Без Его воли ничего не случится. Случайностей на земле нет. Во всем есть своя закономерность, а в представлении настоятеля эта закономерность была Божьим произволением!

— Так, вот — закончил староста — мы уходим. Список наших людей я дам после, для внесения в протокол собрания. С Божьей помощью мы не пропадем, а наоборот сможем помочь тем, кто колеблется — и сел рядом с батюшкой. Ведь за столом так называемого президиума были: он, Донской и настоятель. Раздались аплодисменты. Особенно старался Кирсанов и иже с ним.

Очнулся о. Федор от голоса Пахома раздавшегося непонятно близко.

Это было несколько для публики неожиданно. Все выступали с мест, а этот подошел к столу и сказал:

— Отец Федор, благословите сказать правду!

9.

Наступила шумная тишина.

Батюшка даже не понял сначала чего тот хочет.

— Я говорю, отец настоятель, благоволите благословить сказать правду!

Отец Федор встал и благословил склоненную голову рыбака, а тот поймав его руку, поцеловал ее.

— Пусть это будет, православные, моя публичная исповедь.

Стало совсем тихо. Паев с растерянным недоумением смотрел на своего помощника.

— Всю свою советскую жизнь по битому стеклу ходил, а эти два года на горячих угольях сидел. Лучше сделать молча, чем сказав — не сделать. — Так начал свое слово, свое необычное слово Пахом. — Это время, а то и больше я жил не так, как подсказывала мне моя совесть, вера и честность. Человеком быть трудно, а подлым — легче. Так подлым я и был, но слава Богу — не стал. Наступил час, когда я смогу снять с себя полуду и показать из какого металла я сделан. Сами разберетесь. Знаю только, что вот на ком— он сделал жест в сторону старосты — разговеюсь по настоящему... Все, что делалось в приходе, все эти разговоры, сплетки, анонимные письма и звонки — все это я знал. Я знал и знаю, но их не писал, недостаточно грамотен для этого, да и рука бы не поднялась. А вот все черновики собирал и то, что на машинке размножали и рассылали, и клали людям в почтовые ящики, все имею. Знаю зачем это делалось и кто был вождем движения. Я не стоял в стороне, каюсь, но я знал зачем я вошел в этую кампанию вредителей и раскольников. Мне было горько знать и думать о моем предательстве по отношению к такому человеку, — жест в сторону священника — он мог думать, да и вы все, обо мне самое плохое, а я затаился молчать раз увидел, что войдя здесь в доверие может принесу пользу всем и в решающий момент смогу крикнуть: „Граждане, прихожане, вас обдурюют, вас водют за нос и все это не так, как на самом деле!"

Обращаясь к Донскому староста сказал:

— Я прошу вас прекратить провокационное выступление этого чудака. Он пьян, наверное.

— Молчи, гнида, молчи до скончания моей речи, а потом оправдайся... Такого, как он, что засел в нашем теле, как заноза, надо вытаскивать целиком. А то, если хоть кусочек останется — гниль пойдет во всем организме. Я думал, что будет час и я скажу все, назову подлых людей, а честные сами разберутся, что и как! Кто из нас за всю жизнь не грешил, не преступал заповедей Божиих, не нарушал правил христианских. Кто? Да, никто. Нету таких, нету. Но то, что я узнал и услышал среди этих людей — это уже последнее дело. Только, что на убийство не шли. Один, я все таки не могу, простите меня люди добрые, назвать вам этого человека, язык не поворачивается, выбрал самую преподлую форму издевательства над... над... Сам признался мне по пьяной лавочке. Он знал — кто из нас не знает — что тайна исповеди есть величайшая тайна, в которой священнику человек доверяет все свои грехи, кается в них, очищает свою душу со всем смирением и искренностью... Так вот, один из них, из наших прихожан, позволил себе, а потом хвалился, позволил себе — голос Пахома дрогнул — пойти на исповедь и сказать священнику, все, что он и его шайка, другого слова нету, делают и будут делать, чтобы развалить приход. А когда потрясенный батя сказал ему, что если он не кается, то не допустит его к причастию, он ответил „ну и не надо!"

Вздох подобный стону прозвучал в зале.

И тут, некоторые вспомнили тот день, когда староста после исповеди отходил от священника, а тот с дрожащим крестом в руке смотрел ему вслед.

— А этот человек попрежнему среди нас, как ни в чем не бывало. Господь никогда не посылает непосильного креста и я выдержал и не ударил его после этого признания. Но вы только поймите всю глубину мерзости сотворенной этим язычником...

— Назовите его... Мы выгоним его... Ты обязан Пахом...

А Пахом повернул голову к отцу Федору, выжидая, но тот отрицательно покачал головой.

— И Господь удосужил меня на большее. Слушайте православные. Работал я у этого господина (жест в сторону Паева) и был доверен на многое, но только не на почту. Она приходила в ящик снаружи и хозяин сам брал ее открывая ящик своим ключом... На прошлой неделе я был на улице, когда почтальон принес письма и зная меня, дал их мне в руки. Я хотел их пихнуть в ящик или отнести в конторку, на стол, но увидал одно письмо, которое... которое я не положил на стол, а сунул себе в карман. Дома его открыл, признаюсь честно, вскрыл чужое письмо, из-за штемпеля на конверте, и прочел. Так вот, разрешите зачитать? — Пахом посмотрел на настоятеля. Тот опустил голову.

Староста, до сих пор, сидевший с наглым видом, заёерзал на месте.

— Отец настоятель, я требую, чтобы вы своею властью запретили чтение чужого письма. Это противно всем правилам, человеческим и ....

— Читай!.. пусть читает!.. Мы требуем!.. Это в интересах прихода. Давай, Паша! — Достав из конверта, имевшего в углу какой-то штемпель, лист тонкой бумаги, с напечатанным на нем текстом, Пахом Никитыч произнес:

— Я хочу досказать, чтобы была полная ясность. Сегодня вы узнали, что заготовлен список семейств желающих выделиться в отдельный приход, с полной самостоятельностью и с теми переменами, что намечались. Так вот: самое главное для нового прихода будет суприз, что в этом письме, я уверен...

— А я, как староста категорически требую...

— Что ты требуешь? Хто ты? Труба пониже и дым пожиже. Сиди и не рыпайся. Этого ж письма, вы, господин Паев, не читали, так послушайте...

— Читай, читай не тяни...

Отец Федор молчал. Видно было, что он опять борется со своими честными побуждениями. Казалось, что он хочет что-то сказать.

— Батюшка — вскочил Алеша — позволяете вы или нет, но этого письма нужно прочесть!

— Доводи, Пахом, начатое до конца — раздались опять голоса.

Пахом поднял руку. Тишина наступила сразу-же. И так, с левой поднятой рукой, а в правой — письмо, он начал:

— „Многолюбивый раб Божий, Александр Максимович! — видите граждане, а у нас он именовался Николай Васильевич, правда, интересно? — пояснил Пахом — „я ознакомился со всем делом, которое вы так хорошо начали и ведете. Рекомендации данные нам известным вам учреждением вполне убедили нас в чистоте и искренности ваших намерений, а особенно в ваших способностях. Нас, конечно, устраивает небольшой приход, но НАШ, чем ваши усилия на устранение непокорного и неугодного прихожанам, священника. Потом уж мы сможем легко создать условия для процветания нового дела. Но то, что вы уже подыскали небольшое помещение бывшей протестанской церкви и, таким образом переход в новое здание пройдет безболезненно, мы отмечаем, как вашу блестящую способность организатора — все предвидеть и все предусмотреть. Мы дали знать нашему архиерею в Сан-Франциско, откуда вы получите все нужное для украшения храма. Новый священник, недавно окончивший в Москве академию, говорящий по-английски, вылетит, как только телеграфируете о совершившимся уходе вашей группы, недовольных и обиженных православных христиан.

Он уже сидит в Нью-Йорке. Расходы ваши санкционируем и одобряем. Держите с нами телефонную связь тоже. Сейчас в сущности, решающий момент, после которого начнется спокойная и созидательная жизнь вашего прихода. Главное — оторвать часть прихожан и поставить их перед совершившимся фактом. Обратного возвращения не будет

тем более, что новый настоятель будет целиком соответствовать духу времени.

Благословление Божие на вас.

Уполномоченный московской патриархии архиепископ „Ник...” дальше неразборчиво — закончил Пахом.

Есть шаблонная фраза „Эффект был подобен взрыву внезапно разорвавшейся бомбы”!

Может быть, но последние слова произнесенные в мертвой накалившейся тишине, над толпой наполнившей небольшой зал, еще звучали в воздухе и казалось, что все, абсолютно все, не могли полностью уяснить себе их огромный оглушительный смысл!

Паев вскочил со стула и бросился к выходу, а за ним еще кто-то.

Ольга Михайловна стояла в проходе бледная и взволнованная. Кирсанов кинулся к ней:

— Идем, чего стала?!

— Проклятые вы. Проклятые! — крикнула она им вслед и опустившись на стул истерически зарыдала... Даже будучи с ним близка, она не знала степении их предательства.

Зал взорвался криками негодования и протеста.

— Московской?! Патриархии?! Так кому же они нас...

— Куда же мы уходим? К советам?!

— Гадина! Гадина! — кричала какая-то женщина.

— Задержите их! Пусть скажут всю правду!

И среди этой толпы потерявшей контроль над своими чувствами, среди людей, которые кричали слова и фразы не сознавая даже их значения, среди этого шквала возмущения, массовой истерии и гнева, стоял один человек, держа левую руку на кресте. Он молчал, но в этом молчании было все: и призыв к спокойствию и желание что-то сказать и та огромная сила умиротворения, что заставила людей постепенно умолкнуть и повернуться лицом к своему священнику. Стояли все.

Настоятель сказал:

— Наш покровитель, святой Серафим Саровский, простер руку над нашим приходом и спас его. Я попрошу всех вас подняться в храм, где я отслужу благодарственный молебен.

И это было все.

Странно, как-то: тихо, не возвышая голоса, не споря, не обсуждая события, хотя по всему было видно, что страсти еще далеко не утихли — толпа вышла в сад и начала вливаться в церковь.

Облачившись, отец Федор начал службу. И он видел, прекрасно видел, с какой верой, с каким горячим порывом опустились люди на колени в экстазе благодарности, воодушевления и раскаяния. Он чувствовал, что люди молились, как молились когда-то, будучи в нужде, в опасности и неведении, что их ждет завтра.

Теперь они были спокойны за „завтра", но опасность, старая опасность, встречи с прежним врагом и вспыхнувшая в них ненависть к нему, вылилась в этой большой, объединяющей их всех в одно, молитве.

Служба подходила к концу, когда Добролюбов взволнованно вошел в церковь — он опускался, чтобы проверить двери в зале под церковью — и зашептал что-то помощнику старосты. Тот пошел в алтарь...

Дав приложиться всем ко кресту, отец Федор быстро переоделся и в машине, с Пахомом у руля, уехал со своим неизменным чемоданчиком. Конечно, все заволновались и окруженный прихожанами Добролюбов сказал:

— Я хотел уже выходить, когда зазвонил телефон общего пользования. Я взял трубку. Оказывается, что звонили из госпиталя святого Бенедикта и сказали, что к ним привезли человека с которым в автомобиле случился сердечный припадок. Положение его критическое. Люди, что привезли больного дали госпиталю номер телефона, чтобы дать знать священнику. Вот батюшка и поехал.

— Кто же это? С кем же это?

— Да, вы, что не догадываетесь? С Паевым, конечно!

— Да, таких, как наш Федор днем с огнем не сыщешь — сказала Шевцова и поддерживаемая Ольгой Михайловной и Алешей, пошла к автомобилю. Соболева, с матерью, поехала с ними тоже.

Глава 10-я и последняя.

Сейчас, когда я пишу эти строки, отец Федор совсем уже состарился, но еще служит, а Пахом умер. Ряды прихожан сильно поредели если кто бывал в женском монастыре в Джорданвилле и слышал хор монахинь, то наверное выделил в нем чистый и ясный голос. Да, это поет она. Алеша управляет большой строительной фирмой и живет с женой Галиной Юрьевной и сыном Федей в большом, красивом доме. У них же пребывает и отец Федор.

В хорошую погоду он сидит на террасе дома и играет с малышом. Тот норовит схватить „собеседника" за бороду и когда это ему удается — оба весело смеются...

А церковный, фруктовый сад, разросшийся и чудесный, как символ христианства, широко раскинул свои ветви и плодами его пользуется уже третье поколение.

ВОЗМЕЗДИЕ

Возмездие

Цену матери вполне чувствуют тогда, когда ее теряют.

Т. Пассек.

Только во время похорон „маленькой мамы" дочери поняли, насколько ее знали и любили в русской колонии. Когда гроб установили в церкви и была назначена панихида, накануне погребения, то обилие цветов, венков и вазонов просто удивили сестер. В этот вечер народу собралось очень много, и были люди, о которых не только Вера или Надя ничего не знали, но даже старые прихожане и члены прихода, вроде Любы, понятия не имели.

Огромный венок на треугольной подставке, заказанный Надеждой, поражал всех своими размерами и сразу же бросался в глаза. Всякому было понятно, что он очень дорогой и достаточно безвкусный.

Хоронили Софью Михайловну в июле, и поэтому цветов было много у каждого — и в садиках при доме, и в ящиках, и на базаре, который своими размерами и распорядком напоминал милую сердцу родину. Любины ребятишки сплели венок сами, из своих собственных цветов, и положили его у гроба с помощью маленькой Сони, внучки Софьи Михайловны, которая сама его внесла в церковь. Вера, хотя и заказала цветы, но не знала, которые из них ее...

Надежда стояла, как статуя — ни слез, ни крика. Ее лицо не выражало горя. Она смотрела прямо, стояла неподвижно и не плакала. Только мертвенная бледность, покры-

вавшая ее лицо, говорила о том, что она, обычно равнодушная и спокойная, переживала у гроба, стоя в церкви. Она никому бы не сказала, но она теперь с особенной остротой почувствовала себя виноватой в преждевременной смерти матери. То, что не пришла в старческий дом с поздравлением, ее не огорчало, она и раньше не всегда бывала, если бы Люба не напоминала им всем. А вот теперь она думала, что виновата она, богатая женщина, в том, что ее мать умерла в каком-то пансионе „Улыбка”, одна, среди чужих людей, в то время, как ее родные дочери, которым она отдала всю, без остатка, свою самоотверженную жизнь, жили тут же, в этом городе. Ей казалось, что люди смотрят на нее с укоризной — на нее, приехавшую в церковь на роскошной машине под иностранным флагом государства ее мужа, о богатстве которого хорошо знала вся колония... Рядом с матерью стоял скучающий сын Игнацио.

Спокойнее всех была Вера. Дело в том, что верина жизнь была всегда на „отлете”. То она уезжала с очередным поклонником в отпуск, к морю, то принимала участие в многочисленных пирушках среди американцев-сослуживцев, и связи с русскими у нее никакой не было. В церкви она никогда не бывала; только когда-то, давно уже, возила туда Софью Михайловну, которая одно время жила у нее. Со временем старушка, с адресом в руках, сама научилась ездить в автобусе, и Вера могла свободно отсыпаться после рабочей недели или субботней прогулки или вечерники. Так и в эти дни в церкви она была потому, что Люба ей это сказала таким тоном, что и возражать было невозможно. Да она и сама бы приехала. Она любила мать — правда, по-своему, но любила, — и, конечно, никакие обстоятельства не помешали бы ей приехать на панихиду и похороны. Но все же, стоя здесь, в атмосфере печали, уныния и горестных песнопений, она была спокойной и не плакала, хотя вся погребальная обстановка действовала на нее удручающе и угнетала ее.

Свечи в руках участников панихиды и задушевное пение хора растрогали Любу. Она и сама всегда сознавала, что глаза у нее на мокром месте, а на этот раз они просто не

просыхали. Слезы лились, и она их и не вытирала... Когда она вспоминала, что мать умерла в день ее Ангела, ожидая к себе детей и когда никто из них не пришел, Люба приходила в такой ужас и отчаяние, что ей хотелось кричать и просить умершую о прощении. Как могло такое случиться? Как? Она до сих пор не могла это объяснить. Что думала бедная маленькая Софья Михайловна, умирая в этот день, когда должны были придти её дети и внуки? Что?

— Боже мой, простишь ли Ты нас когда-нибудь за это бездушие, забывчивость и преступление перед матерью? — шептала Люба на все лады, не находя оправдания, главным образом, себе....

На другой день состоялись похороны. День был на редкость тихий и теплый. Несмотря на то, что он был рабочим, народу опять было много. Хор, усиленный певчими из церкви другой юрисдикции, пел особенно старательно. Оказывается, что были люди и из другого прихода, где Софья Михайловна также бывала, когда они жили в том районе, и связи она не порвала, бывая в обеих церквах. Отец Алексей в своем прощальном слове сказал удивительно просто, но трогательно:

— Ну вот, ушла от нас маленькая женщина с большим сердцем. Вот только теперь, когда лежит она бездыханная посреди церкви, мы увидели и убедились, как незаметные, казалось бы, люди оказываются иногда в центре внимания... Это лучшее доказательство, что жизнь прожита не даром, что эта жизнь кому-то была нужна и ценна. Уход свой из жизни она приняла, как должное завершение долгого, страдного беженского пути. В своих молитвах она никогда не забывала великую Россию, порабощенную сатанинской властью. Достойная жизнь завершилась достойным отходом к престолу Всевышнего. Память об усопшей будет долго жить в наших сердцах, так же, как и ее добрые дела, которые она творила тихо и незаметно. Пусть ее служение Господу словом и делом будет для нас хорошим примером...

Огромная вереница машин потянулась из церкви к русскому кладбищу, которое было создано еще первой волной

эмиграции в Америку, в 20-х годах. Когда гроб медленно, на брезентовых ремнях, стал опускаться в могилу, Люба не выдержала и, бросившись на гроб, закричала:

— Мамочка, мамочка, простишь ли ты нас? Простишь? — и потеряла сознание.

Игнацио, который с тоской поглядывал на страдающее, облитое слезами лицо тети Любы еще во время всей процедуры, бросился к ней и, схватив ее омертвевшую руку, громко заплакал. Ведь он так ее любил...

Так прошли похороны, и сестры расстались опять, чтобы жить своими интересами и каждодневными заботами... Все расходы взял на себя сеньор Гомец.

Теперь оказалось, что хрустальный сосуд дружбы, существовавший между тремя сестрами при жизни матери, дал трещину. Он был еще годен, но звенящий звук драгоценного стекла звучал иначе, и рисунок исказился от маленьких трещин, покрывших поверхность их дружбы и крепкой спайки, которую так умело и тактично создавала своей особой маленькая мама. Это почувствовалось сразу. Сестры перестали звонить друг другу и спрашивать о семейных делах и событиях в жизни каждой. То ли каждая из них считала другую виноватой в том, что отдали мать в чужие руки, то ли виноватой чувствовала себя каждая из них. Скорее первое. Так обычно в жизни и бывает. Правы мы, а виноваты другие.

Люба же, при ее большой семье и среднем заработке мужа, считала себя виноватой более всех. Она знала, что при ее настойчивости и напористости никто бы из сестер не устояли и что-нибудь да придумали, чтобы не перевозить мать в пансион. Она не устояла, она уступила, и вот — такой страшный конец. Когда она рассказала на исповеди священнику, в чем она себя обвиняет, он пытался ее уговорить, что это грех не только ее, что они все не хотели плохого своей матери, но она продолжала считать себя главной виновницей — и не могла простить себе всего происшедшего. Заботы о семье, о детях, о тяжело работающем муже забирали у нее все время, но и угрызения совести не прекращались.

— Я, только я!

Уложив всех спать, она доставала маленькую иконку Казанской Божией Матери (подарок матери к ее свадьбе) и просила у Бога совета и прощения. При всякой возможности она мчалась на кладбище, где убирала могилу матери живыми цветами и садила рассаду. Особенно она была рада, когда ее муж сам предлагал взять детвору, заехать на кладбище, побыть там и потом поехать на свежий воздух. Тактичный, добрый и отзывчивый, он знал, как дорого и приятно для жены его предложение, а ей было радостно, что не она сама просила об этом. Пока ребятишки бегали среди могил, она с мужем вырывала сорняки, окапывала и, привезя с собой свежую землю, садила нетребовательную герань. Деревянный временный крест она думала потом, вместе с сестрами, заменить чем-нибудь более достойным. Могилка была простенькой, но аккуратной и нарядной. Муж в подарок Любе пристроил к кресту фонарик, и туда можно было вставлять лампадку и зажигать ее. Этот красный огонек, когда они уходили, благодарно мигал им вслед, и он был единственным на всем кладбище...

Как-то, оставив мужа в субботу с детьми (Сонечка была нездорова), она помчалась на кладбище на автобусе, взяв с собою куст роз, который хотела посадить у подножия креста. Идя к могиле, она к своему ужасу не увидела такого знакомого креста с фонариком посередине. Схватившись за сердце, она побежала и обнаружила, что крест валялся в стороне, а на его месте высилась глыба серого мрамора, на которой стоял большой ангел с молитвенно сложенными руками. На кресте была фамилия матери, а на мраморе надпись: „Мамочке от дочерей". Люба сразу поняла, чья это работа. Это Надя, не посоветовавшись, заказала, распорядилась и заплатила, а она с Верой остались в стороне... Все ее цветы, вся ее работа по уходу за могилой были вытоптаны грубыми сапогами рабочих, возившихся с памятником. Да его наверное машина устанавливала — люди такую махину и не подняли бы. Чувство огромной обиды и горечи переполнило сердце Любы. Ей показалось, что будь в этот момент Надя тут, она бы ее ударила. Ведь это же самоуправство! Ведь мать

не только ее. Она их всех трех! Она, Надя, не приходила, не копалась в земле, не приводила цветов в порядок и не привозила их, не полола сорную траву, а просто посмотрела в каталог, позвонила, уплатила и даже, может быть, не видела, что и как сделано. Фирма ведь работает с полной гарантией. Ведь это же подло! Надпись? Ну, это еще ничего. Кратко и просто... И Люба зарыдала так горько, так безутешно, как уже давно не плакала. И тут, даже на кладбище, деньги сделали свое дело. Всесильные доллары победили всесильную любовь. В мире живых это нормально, там ее покупают за эти бумажки, а здесь, в мире покоя и смерти?

Поплакав, Люба стала рассуждать и думать, что ей сказала бы мама на ее гнев. Ведь часто в своей жизни она думала: „А что бы мама сказала мне о моем поступке?" — и делала, как лучше.

Так и тут. Мама сказала бы:

— Любуша, не сердись. Ведь Надя думала, что так лучше, так красивее. Вот видишь, она это сделала ото всех вас, а то, что не спросясь, не посоветавшись, так ты же знаешь ее характер — захотела и сделала. А потом проверь: может быть, у нее такие же угрызения совести, как и у тебя, а может быть и больше. Ты же знаешь, она гордая, она вся в себе. Конечно, простой крест лучше всяких ангелов и мраморов, но каждый думает и решает по своему. Лучше всяких памятников — ПАМЯТЬ! Если это ее ошибка, то не злая, а от чистого сердца.

И Люба уговорила себя промолчать и даже не позвонила сестре. Розу же свою, что она привезла — посадила...

Надя ждала реакции с душевным трепетом. Зная экспансивный и вспыльчивый характер сестры, она ожидала или пламенной благодарности, или бури. Скорее последней. Но ничего не было. Люба молчала, и сестра поняла, что это обида, и глубокая. Обычно Люба не молчит и сразу же выкладывает, что у нее на сердце. Надя позвонила сестре. Люба сразу же почувствовала, что у ее самолюбивой сестры произошел какой-то надлом. И тон, и голос, и обращение не были похожи на обычную властолюбивую Надежду.

— Любочка, ты на меня сердишься?

— Нет.

— А почему же не позвонила, ничего не скажешь, не спросишь?

— О чем?

— О памятнике. Я так хотела, я так старалась.

— Ну и сделала. О чем же спрашивать? После драки кулаками не машут.

— Значит, ты недовольна? Тебе не нравится или что?

— Нет, все в порядке. Лучшего никто иметь не будет. Это, повидимому, главное.

— Да нет, это не главное. Главное — показать, что мы ее не забыли, что мы...

— Показать? Кому надо показывать? Людям?

— Нет, нет, я не так выразилась. Не показать, конечно. Это делалось для себя, для нас только... Я, может, поторопилась, потому что я... — голос ее дрогнул, — я виновнее всех!

— Ты?

— Зачем спрашиваешь? Конечно, я... Я виновна в этой истории с мамой. Самая богатая и самая виновная... Я, Люба, теперь себе этого никогда не прощу. Понимаешь меня?

— Да, понимаю. А я думаю, что мы все одинаково виноваты. Да теперь разве поможешь этому? Ведь это непоправимо. Знаешь такое слово? Страшное оно, очень!

Этот разговор как будто бы примирил Любу с сестрой. Она почувствовала, что Надя страдает, что она сознает свою вину, и, как это ни странно, ей это было приятно. Не то, что она страдает, а то, что в сердце у Надежды нашлось такое местечко, которое заныло, нашлись такие струны, которые зазвучали по-человечески, с раскаянием. Нас это очень радует у других.

Когда, в следующий приезд на кладбище, она обнаружила, что вся могила усажена красивыми, декоративными цветами и около поставлена маленькая скамеечка, она была уже рада этому. Видно, что Надежда не забывает своей вины и будет ее искупать хотя бы таким образом...

А в это время у Нади в доме творились такие вещи, о которых никто не знал, да она и не сказала бы...

Роман, который возник у сеньора Гомеца во время его поездок в Венецуэлу с женщиной родной крови, пускал более глубокие корни. Жена знала о том, что у него там завелась какая-то „пассия", но не придавала этому особого значения. Это бывало. Но вот как-то раз за обедом он сказал:

— Надежда, я бы хотел повезти и показать нашему Игнацио его родину и все, чему он является наследником. Как ты думаешь?

— Да, но он же в школе. Нельзя же посреди учебного года.

— О, конечно, нет. Летом я буду иметь в Рио конференцию владельцев нефтяных полей и захвачу его на две-три недели. Ты поедешь? — пытливо спросил он.

— Нет, я побуду здесь. Я хочу к морю.

— Вот и чудесно. Мы прилетим туда тоже, — обрадовался он.

На том и порешили. Но если Надя за этим ничего не увидела, то у сеньора Гомеца были далеко идущие планы. Все последующее время он был особенно внимателен, заботлив и не скупился на расходы, когда этого хотела жена. Хотя собственный шофер был уволен и контора переведена из наемного помещения в собственный дом, где для нее освободили нижний этаж, в остальном никаких материальных ущемлений не было... Особенное внимание сеньор Гомец обращал на то, чтобы Игнацио говорил по-испански совершенно чисто и абсолютно без акцента. Один из сотрудников конторы специально по два часа в день занимался с мальчиком, разговаривая и беседуя на темы, связанные с родиной его отца. По-русски мальчик не говорил.

В июле отец с сыном улетели в Венецуэлу.

Встреча и прием маленького наследника были обставлены поистине с царской роскошью. На аэродроме ему представляли районных директоров южно-американских представительств торговой фирмы „Сеньор Гомец и сын", а когда на вертолете прилетели в усадьбу и опустились на крышу главного дома, в саду играла музыка и торжественный праздник в честь Игнацио длился несколько дней.

Для ухода и оказания ему всяческих услуг к мальчику была приставлена красивая, стройная дама, типичная представительница венецуэльского народа, отношение к которой со стороны хозяина было отменно джентльменским, а служащих и прислуги — подобострастным. Она была очень ласкова с мальчиком, спала в соседней комнате около его спальни и, стараясь угадать каждое его желание, не роняла своего достоинства. В распоряжении мальчика был маленький автомобиль, который он гонял по аллеям огромного сада усадьбы, и послушная лошадка под седлом. Сидя на ней в костюме испанского гранда, Игнацио выглядел очень эффектно. Целая группа детей его возраста была в его распоряжении, и он сразу же повел себя с ними, как со своими подданными. Дети были подготовлены к такому отношению к ним. В Америке Игнацио себя совсем так не чувствовал. Он был равным среди равных, а здесь любое его желание исполнялось немедленно, а милая, добрая донна Луиза была такой заботливой и ласковой.

Восхищенный отец снял большой фильм о том, как проводит время наследник его династии, и, захватив пленку с собой, улетел в Америку. Здесь был устроен большой прием, на который были приглашены Вера и Люба и много других гостей. Гордый сеньор Гомец продемонстрировал гостям цветной фильм летних каникул его сына. Конечно, в Америке трудно было бы создать ему такие условия. И для автомобиля, и для лошади нужно было иметь очень много места, а в Венецуэле его было достаточно, тем более, что усадьба была за городом.

— Выращивают эгоиста, — сказала вполголоса Люба Вере, которой все это не понравилось. Надя своих сомнений

не высказала, но догадалась ли она, что за этим кроется? В кино-фильме красивая дама не фигурировала...

Так Игнацио и не прилетел к матери, чтобы побыть у моря. А когда кончался август, сеньор Гомец вдруг заявил жене:

— Я решил отдать мальчика в дипломатический колледж. Ему, как подданному своей великой родины, надлежит служить своему народу, а не торговать нефтью, как его отец, хотя и представляя здесь в Америке интересы своей страны.

Сердце у Надежди оборвалось.

— Ты оставляешь сына там, но ведь он и мой сын тоже!

— Кто же это отрицает, но я уже сейчас хочу думать о его карьере. Что с ним будет в Америке? Ну, директор какого-нибудь акционерного общества. Таких тут десятки тысяч. Мой сын не может быть таким, как все...

Между прочим, Надежда всегда замечала, что говорилось не „наш" сын, а „мой".

— Но в воспитании нашего сына я тоже имею голос?

— Конечно, но о его карьере и будущем — думаю я.

— А если я не дам своего согласия на оставление сына там?

— Нет? — голос мужа зазвучал раздраженно: — Не дашь? Он не американский подданный, а венецуэлец. Он там нужнее, чем здесь. Это-то я знаю наверняка, и это мое последнее слово.

И, не доев обеда, он уехал.

Да, много воды утекло с того времени, когда сеньор Гомец говорил жене о своих постоянных чувствах когда ее слово было законом, и он незримо „стоял на коленях". А ведь она во всех отношениях была безупречной женой и матерью...

В доводах мужа было много убедительности. Ясно, что в Южной Америке, при его связях и положении, маленький

Игнацио, когда станет большим, будет иметь уже проторенную дорогу и блестящие перспективы. В Америке он и половины этого не достигнет, даже при деньгах его отца, но ведь есть еще чувства матери, материнская любовь. Или с этим не считаются?

— Ага, конечно, забывают, как когда-то я забыла о своей матери. Так и Игнацио забудет обо мне.

Ни просить, ни умолять мужа Надежда не стала, она была слишком горда для этого, но мириться с потерей сына она тоже не могла.

— Ну, хорошо, а если я перееду туда, к сыну, в Каракас?

— Отчего же? Но ты знаешь, как ты мне нужна здесь, как я спокоен, когда уезжаю по делам, зная, что „курс корабля" в верных руках. Ты будешь там одна, без сестер, без привычной для тебя обстановки. А климат, которого ты не переносишь? Кроме того, Игнацио будет жить в колледже, иметь своего духовника и воспитываться в строгости и присущей таким заведениям дисциплине. Значит, тебе остается только видеться с ним по воскресеньям, после церковной службы. Стоит игра свеч?

— Но, — слабо защищалась мать, — он никогда не получит того, что может дать Америка.

— Если смотреть на это с точки зрения распущенности современной молодежи, наркотиков и употребления алкоголя, то да. Игнацио всего этого будет лишен. Но в другом случае он будет моей гордостью и гордостью страны, которой будет служить.

В душе сеньор Гомец очень боялся желания жены переехать к сыну...

Странная вещь: когда сын был около нее, Надежда была как-то не то, чтобы равнодушна, но спокойна. Игнацио тут, Игнацио здоров — и все в порядке; но когда его не стало, она начала тосковать и по его голосу, и по внешности, и по всему тому, что так мило матерям в их детях... Она ходила в его комнату, подолгу сидела там, перебирала его

книги, вещи, включала фильм и смотрела на смешную мордочку сына, выглядывавшую из детского автомобиля, или на его гордую посадку всадника. И слезы наворачивались на глаза. Слава Богу, что никто не видел их. Как жаль, что картина не озвучена и не слышно голоса сыночка. Но она его слышала своим сердцем. Стоило ей сосредоточиться, и она вспоминала что-нибудь из жизни Игнацио, слышала его разговор так явственно, так близко. А на самом деле он был так далеко...

Люба рвала и метала: Игнацио, которого она любила больше своих детей (об этом знала только она одна), был далеко, она не могла его повидать или поговорить с ним по телефону. И мальчик платил ей всегда горячей привязанностью, может быть, еще из-за того, что еще с пеленок Люба была первым лицом для малыша. Она его выхаживала, она над ним не спала, она отдавала ему все свое свободное время: она тогда еще не была замужем, а о детях мечтала всю свою жизнь... Когда он писал матери письма, то обязательно маленькая записочка для тети Любы была вложена в конверт, и Надежда пересылала их сестре, не ревнуя и зная, что это чувство у обоих вечное и непоколебимое. Когда Люба хотела поговорить с сеньором Гомец на тему „киднайпинга" собственного сына у матери, Надя категорически ей это запретила:

— Не хватает еще тебя, как адвоката!

Неиспорченный мальчик писал ей откровенно, что ему тут хорошо и не скучно. Наоборот, значительно веселее, чем в Америке, и что донна Луиза очень добрая, заботливая и красивая дама... Надежда это сама знала. И тут ее, как осенило:

— Господи, а не та ли это женщина, о которой она узнала, что муж „завел" себе на родине?

Если это она, то ведь политикой ласки, нежности и добра она оторвет у нее сына. Забрала же мужа, почему же не завоевать сына? Тогда, ведь, она совсем не будет нужна мужу...

На Рождество она решила лететь в Венецуэлу, чтобы навестить сына, и сказала об этом сеньору Гомец. Она сразу почувствовала, что ему это неприятно, и поняла — почему, но не мог же он запретить матери встретиться с родным сыном? Это было бы просто бесчеловечно, да и не смог бы он...

Встреча Игнацио с матерью была очень теплой. Мальчик был ласков, беседовал обо всем и, конечно, не забыл о тете Любе. Показывал лошадку, автомобиль, своих новых друзей, игрушки и расхваливал донну Луизу. Да, встретились два мира, две привлекательных внешности: славянская — белая, светловолосая, пышная Надежда — и тонкая, гибкая, смуглая, с черными, блестящими волосами южанка. Говорили они всегда очень любезно, мило, по-светски, но Надежда сразу поняла, что в этом доме уже есть новая хозяйка, с которой ей бороться не по силам. И прислуга, и гости признавали только донну Луизу. Надежда даже не пыталась протестовать и оспаривать свои права: ведь она здесь гостья, да и сеньора Гомеца здесь не было, и он, повидимому, не стал бы на ее сторону. Получалось фальшивое положение, но Надежде не хотелось бороться. Ей важен был сын, только он, а уход мужа к другой ее не волновал. Несколько растерян был Игнацио: он привык к ласковой и заботливой донне Луизе, но тут же была и милая мама, которая все же была родной и единственной... На вопрос матери:

— Хотел ли бы он вернуться домой? — он ответил:

— А разве я не дома?

С тяжелым чувством покинула Надежда Венецуэлу. Она поняла, что одна часть ее „игры" проиграна. Теперь надо изо всех сил сохранить сына. Но как? И опять мелькнула мысль:

— Это Бог меня наказывает за то, что случилось с мамой.

Но самое тяжелое случилось по возвращении в Америку. Сеньор Гомец заявил, что он хочет развода.

— Я не могу иметь в Каракасе человека, который скоро будет матерью моего ребенка, и одновременно иметь те-

бя своей женой. Я тебя обеспечу пожизненно, и ты, если хочешь, будешь работать в моей фирме, как моя правая рука и доверенное лицо, но супругами мы быть не можем.

Тяжелый гнев овладел Надеждой: значит, за ее спиной творились темные и подлые дела, вплоть до подготовки к разводу.

— Развода ты не получишь, — горя от возмущения, крикнула она. — Я тебе ручаюсь!

Муж спокойно вынул сигару, закурил и ответил:

— Дело в том, что наш брак заключался в Венецуэле, и все данные наших законов на моей стороне. Есть там такие пункты, пусть твой адвокат почитает. Сопротивление бессмысленно.

— А я буду!

— Почему, за что ты борешься? За меня? Ты меня никогда не любила. За деньги? Достаточно, чтобы прилично жить, ты будешь получать от меня. Что еще? За положение в обществе? Ну, тут уже тебе придется уступить другой. Подумай.

Говоря так, сеньор Гомец все же побаивался. Ему совсем не хотелось скандала, который мог повредить ему в глазах американских дельцов и на родине. Ведь у католиков разводы запрещены, и только деньги и большие связи могли помочь ему в этом деле. Надо быть осторожным и уладить все мирно и тихо... Если же Надежда начнет шуметь, то от развода придется отказаться и жить так, а еще неизвестно, как отнесется к этому донна Луиза. Конечно, если бы можно было обвинить жену в измене, но... именно „но". Ее нельзя было ни в чем обвинить, а то, что она вышла за него замуж, не любя, так это не вина. Он знал это и перед браком. Он любил тогда. Постараться подействовать на нее через сестер — безнадежное дело. Вера не захочет вмешиваться, а Люба — о, нет... Подальше от этой суматошливой, но очень честной женщины. Дать большое отступное через адвоката? Сомнения мучили сеньора Гомеца, а его новая привязанность

требовала оформления далеко зашедших отношений. Раздумывая, он проверял себя:

— Чем плоха его жена? Она хорошая, красивая, прекрасная помощница в деле, знает несколько языков, светская женщина с чудесной внешностью, заботливая мать и хозяйка. Что же ему еще нужно? Может быть, это было уязвленное самолюбие? Не было у его жены чувства темперамента, того, чего так хотелось этому южанину и что с таким избытком давала ему донна Луиза. Может быть. Да и не особенно задумывался над причинами сеньор Гомец.

— Подошло время. Вот и все. Что там раздумывать? Деньги помогут.

Вот теперь, в эти дни, Надежда почувствовала особенную тоску по покинутому ребенку. Разлука ей казалась такой страшной, такой несправедливой. Никак не думала она, что любовь вспыхнет в ней с такой неистребимой силой. Даже это чувство, мучившее ее изо дня в день, лишавшее сна, она считала наказанием за ее вину перед Софьей Михайловной...

Гордость не позволяла Надежде поделиться с Любой этим горем. То, что это было горе, это было несомненно (она имела в виду предложение о разводе), но почему же? Ведь если она не любила мужа, то разлука не представляет никаких трудностей и страданий. Ну, разошлись, и все. Разводы сейчас и не позор, и не несчастье. Они настолько вошли в обиход белых наций, что никого не удивляли и не возмущали... Конечно, может быть, в Надежде говорила женская гордость красивой и эффектной женщины, которую оставляют ради другой. А может быть, и материальная сторона? Все-таки жила она очень богато и, разойдясь, так жить не будет.... А иногда появлялась мысль, что если бы сын остался с нею, то сеньор Гомец ей совсем не нужен. Если он их обеспечит, то она, даже не выходя опять замуж могла бы жить безбедно и независимо.

Потом у нее явилось решение изменить свое отношение к мужу. Стать ласковее, нежнее и... неискреннее. Она не ве-

рила даже, что это может у нее получиться. Ведь всю свою жизнь она поступала, как подсказывала ей ее совесть и долг. И вдруг... фальшь? Да еще где — в супружеских отношениях?

Сеньор Гомец сразу же почувствовал перемену и сказал жене с улыбкой:

— Как жаль, что ты не смогла быть такой с первых дней нашей супружеской жизни. Я бы тогда наверное поверил в твое чувство, а сейчас...

У Надежды даже спина покраснела от стыда... Да, поздно. Да и лгать годами, притворяясь любящей, будучи равнодушной, это не всякой женщине по силам. Конечно, лучше разойтись, раз до этого дошло.

Как-то она прочла в газете, что в городе объявлен кинофестиваль картин всемирно прославленной Греты Грабо. В программе была „Анна Каренина". Надежда поехала. Картина, несмотря на то, что была поставлена более тридцати лет тому назад, оказалась прекрасной хорошо разыгранной и, расцвеченная русскими и цыганскими песнями, очень понравилась Надежде. Но главное было не в этом. Анна, оставив мужа, не может забыть сына, который заболевает от тоски по матери. Эти сцены настолько взволновали Надежду, что она едва удерживалась от слез. И когда Анна, вопреки приказу мужа, врывается в дом и бросается к постели больного ребенка, Надежда не выдержала и зарыдала. Соседи по креслу, равнодушно жевавшие хрустящую кукурузу, помогли ей выйти из зала, и она, сев в машину, еще долго плакала, прежде чем поехать домой. Она в этом случае тесно связала свою судьбу с судьбой Карениной. Разве не может так случиться, что муж сделает все возможное, добившись развода, и что она потеряет сына навсегда? Навсегда — какое страшное слово!...

Как узнала Люба о трагедии в Надеждиной семье?

Однажды, добравшись до кладбища, она с удивлением увидела у ворот машину с флажком. Это был день смерти Софьи Михайловны, и, никого не тревожа, Люба думала

провести несколько часов у могилы матери. Когда она увидела сестру на маленькой скамеечке, она была поражена; та уныло смотрела в землю, а букет цветов лежал тут же. Надя не удивилась:

— Я знала, что ты приедешь. Я хотела звонить тебе, чтобы захватить сюда, но по дороге заезжала еще во много мест и забыла это сделать.

— Не беда. Молодец, что приехала. Я бы знала — батюшку захватила бы.

— А мы это сделаем в воскресенье, после службы.

— А разве ты будешь?

— Да, — и, опустив голову, заплакала. Взволнованная Люба обняла сестру за плечи.

— Милая, Надюша, что с тобой? Что случилось? Болен наш мальчик или что? Скажи.

И Надя, положив голову на плечо сестры, рассказала ей здесь, у могилы матери, о своих дрязгах. Люба молчала и гладила сестру по руке. Чем могла она ее утешить? Доводить дело до суда? Поднимать шум? Стоит ли? Но больше всего ее испугала судьба Игнацио.

— Ты забываешь, что мальчик не американец, а подданный чужой страны и что он там учится и воспитывается. И, конечно, вырастет там и не русским, и не американцем. Мечта мужа, чтобы Игнацио стал там большой фигурой, ведь он же очень честолюбив. Чувства матери, моя любовь к сыну — только теперь я поняла, что это такое — это у него далеко, на последнем плане. Вот в чем беда.

Так, ни до чего не договорившись, сестры поехали домой.

У Любы теперь новый дом, значительно больший, чем прежний. Она учитывала, что дети растут, что им понадобятся отдельные комнаты, и поэтому они разорились, как она выражалась, на „Ноев Ковчег". Зная одиночество Нади и ее теперешнее настроение, она упросила ее приезжать к

ней на обеды, ездить с нею на пикники, чтобы не оставлять ее одну с ее горькими мыслями... И та, хотя и не была особенно расположена к детскому крику и играм, поехала както с ними на озеро. Сверх всякого ожидания, встреченная детьми очень тепло и радушно, она включилась в их игры, оттаяла и расцвела душой. Старший сын Любы был моложе Игнацио, но ему уделялось особенное внимание осиротевшей матерью. Люба же, сидя около мужа, только радовалась, глядя на сестру...

Но когда Надежда возвращалась в свой опустевший дом, где во втором этаже жила она, а внизу помещалась контора, она как-то опускалась и физически, и душевно. В доме было тихо, как в склепе. Она тупо смотрела телевизионные программы, выбирая те, которые смотрел бы сын, если бы жил тут, и читала, а потом часто говорила с Любой и Верой по телефону. Вера завела роман с человеком, у которого была жена и двое детей, и смотрела на это очень просто, как на что-то обычное в ее жизни. Предупреждать ее о том, что может наступить возмездие, Наде не хотелось — пусть живет, как хочет. Тем более, что Вера даже как-то болезненно бравировала этим романом....

Люба же, всей душой преданная своей семье, попрежнему кипела в котле своих ежедневных дел: варки обеда, покупок, уборки дома, обшивания детворы и забот о тяжело работавшем муже. Но зато все были и веселы и здоровы.

Приезжая к Любе, Надя отдыхала у нее, несмотря на шум и детские споры и потасовки. Она не думала, что этот детский мир вылечит ее от душевных недугов, ибо мысль об утерянном сыне не оставляла ее ни на минуту.

В свое время сеньор Гомец купил хороший немецкий фото-аппарат, и он так и лежал без дела у Нади в гардеробе. Пользовались им редко.

И вот Наде пришла мысль сделать несколько хороших снимков с детворы. Сказано — сделано. Она привезла аппарат с собой. Ей хотелось сделать снимки так, чтобы ребятишки не были к этому подготовлены, и схватить их непо-

средственную детскую радость на пленку, не предупреждая их.

У Любы была лужайка перед домом, и на ней стоял стол и скамейки. Дети справляли какой-то свой праздник и, приготовив стол, собирались усаживаться, со спорами и толкотней; у них тоже были гости. Надя быстренько побежала за аппаратом. Выход из дома на площадку закрывался большой, раздвижной стеклянной дверью. Когда Надя ушла в дом, дверь была открыта, а когда возвращалась, кто-то из ребят ее закрыл, чтобы собака (была и она в доме) не вбежала в кухню, а оставалась на лужайке с детворой. Надя спешила, чтобы захватить кадры получше и поинтереснее, и совсем не обратила внимания на то, что перед нею возникла прозрачная стена. Спеша, она ударила в нее фотокамерой и сама еще по инерции подалась вперед. Падающими осколками и торчавшими во все стороны остатками не упавшего стекла она порезала себе лицо и лоб, а большой кусок острого стекла поранил правую руку, в которой она держала аппарат, разрезав ее у запястья, как бритвой.

Это случилось буквально в одно мгновение. Услышав звон разбиваемого стекла, крики малышей, увидев сестру с окровавленным лицом и рукой, Люба в ужасе закричала сыну:

— Звони в полицию, проси помощи! — и бросилась к сестре.

Жалко улыбаясь своей неудаче, бледная, в платье, залитом кровью, Надежда опускалась на пол. Люба подхватила ее, посадила на скамью, велела поднять вверх порезанную руку и начала обматывать ее полотенцем. С другого двора бежали соседи. Вдали раздался завывающе-тревожный вой сирены...

В госпитале на Надино лицо и руку были наложены швы, и суровый опытный врач сказал Любе:

— Эта рука у нее парализована, перерезаны нервы. Мы сделаем все возможное.

Когда Люба сидела у изголовья кровати, Надя сказала тихо:

— Ты видишь, как бьет меня судьба после смерти мамы? Разве это не доказательство моей вины? Нет, Любуша, не уговаривай, это так. Я давно вижу.

Люба молчала, подавленная несчастьем, а ведь о руке Надя еще ничего не знала. Отвернув лицо к стене, Надя беззвучно плакала.

— Оставь, Надюша, пожалей и себя и нас.

— А видишь-Бог меня не жалеет, — повернулась она. — Сначала дал мне все: любящего мужа, хорошего сына, богатую жизнь, а теперь отнимает все, даже здоровье. Разве это не перст Божий?!...

Люба, только Люба может додуматься до такой вещи: она пошла к главному врачу госпиталя и рассказала ему о том, что у Надежды в далекой Венецуэле есть сын, которого она хотела бы видеть, но которого школа не отпустит так, „лишь бы". Нужны веские доводы.

Доктор понял, что нужно сделать, и написал письмо, объясняющее положение вещей, в котором высказывал свое мнение о том, что встреча матери с ребенком значительно улучшит и процесс лечения, и выздоровление больной, нервная система которой очень расшатана. С этим письмом Люба помчалась к Вере и рассказала ей о своих планах. Вера приняла их и из своих сбережений купила Любе билет до Каракаса в оба конца и еще дала денег на расходы.

— Потом сочтемся, — сказала Люба, — за мной не пропадет.

Вера только улыбнулась... И Люба улетела. Хотя муж ее и одобрил все планы жены, но заметил, что ему будет трудно и работать, и смотреть за детьми. Однако, соседи, посвященные во все, взялись помочь и помогали, как это и принято в Америке между соседями...

Прилетев, Люба развернула свою деятельность. Прежде всего она явилась к сеньору Гомец, но его не было, он оказался в отъезде. Донне Луизе было объяснено, что случилось с матерью Игнацио, и добавлено для красного словца,

что это, может быть, последняя встреча сына с матерью, настолько она больна. Школа и духовник целиком стали на сторону Любы, и донна Луиза не могла спорить со священником, к которому и сама относилась с глубоким уважением. Она пыталась только доказать, что надо найти отца и сказать ему об этом. Его нашли в Перу, и говорила не Люба, а духовник мальчика. Она только добавила в конце, что Надежда еще не подписала всех нужных ему бумаг, да и та рука, которой надо подписать, не действует. Да она, мол, и не подпишет, пока не увидит сына.

— Я не знаю, как вы относитесь сейчас к своей жене, но было бы лучше, чтобы вы прилетели в Америку и с сыном вернулись бы обратно. Может быть, это будет ваше последнее „прости" Надежде, — закончила Люба и сама подумала про себя, что она и умница и дипломат. Первая похвала себе за всю жизнь. Он обещал.

Предпринимая все эти шаги, Люба умышленно избегала встречи с Игнацио. Она знала, что не удержится от слез, страшно расстроится и напугает мальчика, а любила она его очень. Впрочем, он ей платил тем же. Детвора чувствует искреннее к ней отношение и за любовь всегда платит ответным чувством. Почему же у взрослых бывает так много исключений? Когда же, все-таки, она сказала племяннику о болезни матери, то он уже был несколько подготовлен к этому директором школы, но волнение тети Любы передалось и ему. А встрече с нею он несказанно обрадовался. Ведь это его любимая тетя Люба...

Отсутствие сестры Вера объяснила Наде ее недомоганием.

Теперь уже и Надежда знала, что случилось с рукой. Пальцы беспомощно висели на подвязанной кисти, и пошевелить ими она была бессильна. Ей казалось, что она передавала им свою волю, но они прикасались к куску хлеба или салфетке, но взять ничего не могли. Доктора что-то сшивали, возились со снимками, но ей это все было безразлично. Она не верила ни во что... Правда, они говорили, что процесс выздоровления может занять до полугода, но для это-

го нужно содействие пациента, его воля, его желание, его стремление к этому, а... у пациента как раз этого и не было.

— Я не могу идти против судьбы, — говорила она Вере.

— А не думаешь ли ты, что то, что ты не можешь подписать теперь бумаг, на которых настаивает адвокат мужа, — это к лучшему?

— Почему?

— Потому что оттяжка времени может сделать многое.

— О, если бы он отдал мне сына, я подписала бы их сразу же.

Время отсутствия Любы тоже не было потеряно Верой. С помощью своего друга она имела встречу с известным адвокатом по бракоразводным делам.

День, когда Игнацио переступил порог госпиталя, был для Нади самым памятным. Полусидя на кровати, она рассматривала альбом с фотографиями сына со дня его рождения по день разлуки.

Вдруг дверь ее комнаты отворилась, и маленькая фигурка стремительно бросилась к кровати с криком:

— Мама, мама, моя дорогая!

И в этом взволнованном возгласе было столько любви, столько отчаяния, что, казалось, мальчик не встретился с матерью, а расставался с нею. Надежда рванулась, протянула руки и обняла ребенка, забыв о перевязке. Прижимая Игнацио к себе, она остро почувствовала, как неподвижные раньше пальцы больной руки дрогнули, стараясь крепче схватить плечо мальчика...

У двери стояла Люба и плача шептала:

— Мамочка, может быть, ты теперь простишь нас?

В этот же день адвокат позвонил в госпиталь и сказал Надежде, что у американских законов достаточно возможностей, чтобы доказать права матери на своего ребенка и что до окончательного разбора дела на выезд Игнацио из Америки будет наложен запрет.

И сказал он это очень уверенно.

ПРОЖИГАТЕЛИ ЖИЗНИ

Прожигатели жизни

1. — 150 ТЫСЯЧ * РЕДАКТОР-ПЕССИМИСТ * *КОВЕР-САМОЛЕТ*АЛЬБИОН*МОКРОЕ ДЕЛО —

Когда Гриша пришел с женой к нам поболтать и сыграть в бридж, он увидал на стене огромную карту Европы, где красной нитью, с флажками была изображена какая-то ломанная линия. Зная его выдержку я ничего не говорил. Играя, он несколько раз взглядывал на карту, а потом закричал:

— Костич, не крутите пуговицы. Когда?

— Что, когда?

— Пароходом?

— Да, до Нью-Йорка самолетом, а уж оттуда в Лондон на аэроплане.

— Ага, а потом?

— До Остенде, в Бельгии, доберемся как-нибудь, а там нас будет ждать автобус и с ним уж по всем странам Европы.

— О, вспоминаю. Это, как у Чацкого: „Объеду весь я глобус. Автобус мне, автобус". Так?

— Совершенно верно. А где будет разлита вода, вроде, скажем Рейна или Дуная, там на пароход и вниз по матушке, по Волге, а? Дело в том, что в Сан-Франциско одна русская организация собирает группу, ну и дает мне два места...

— Да, но у нас же жены, — уточнил Ардов.

— Ну да, это если они не поедут.

— Легко сказать. Но, чтобы действовать, надо предвидеть, чтобы предвидеть, — надо знать, а вот этого мы и не знаем.

— Тут я полагаюсь на вас. А вот есть другая трудность: разные страны, разные языки. Сколько возникнет трудностей?

— Вот уж, не препятствие, — задорно воскликнул Гриша. — Если у вас в кармане звенят бумажные доллары, то все языки мира вам доступны. Не пропадем...

В этот же вечер, за чаем, дипломат Гриша начал свое наступление на дам. Ах, как это все у него хитро построено. Тонкая работа, прямо Громыко.

— А вы знаете — начал он издалека, — что Костич собирается в Европу?

— Куда? — ахнули обе жены.

— В Европу, да и я с ним!.. — Бомба взорвалась. Что будет теперь?

— Да?! И мы тоже едем! — воскликнула гришина жена.

— Самолетом, над океаном? Поездом над пропастями? Автобусом в горах по снегу? Пароходом среди крокодилов? В джунглях и по тайге?

— Да, да, хватит вам уже. Поездили.

— Да, чуть не забыл: страховые компании сказали, что если при перелете через океан, кто либо из супругов остается дома, то улетающих страхуют в пользу остающихся на сто пятьдесят тысяч.

— На сколько? — прошелестело в воздухе.

— На сто пятьдесят тысяч долларов. Чувствуете? Хотите, езжайте вы а я, а мы с Костичем остаемся и будем играть в шашки.

— Я думаю, — сказала моя, — что им надо отдохнуть; они это заслужили вполне.

Мы переменили тему, но через полчаса одна из жен спросила:

— А как скоро выплачивают страховку?

— Через два дня после подтверждения факта.

— А где может быть факт?

— В Атлантическом океане, вместе с самолетом...

Когда супруги Ардовы уходили, жена сказала:

— Шансы на премию невелики... Один из...

А другая ответила:

— Судьба милостива, будем надеяться...

После того, как вопрос о поездке с серьезными целями, с сильным стремлением расширить свой кругозор был решен окончательно, я зашел в редакцию. Поговорили о том, о сем, а потом я небрежно бросил:

— Еду в Европу на неопределенное время с определенной задачей: хочу посвятить эту поездку научным изысканиям.

Редактор молчал, ковыряя в зубах.

— Как смотрит редакция на серию очерков на эту тему?

— Косо.

— Почему?

— Читатель нашей газеты после тяжелого рабочего дня и непосильного труда по дому: ремонт, покраска, починка, а читательница тоже после работы, да еще после варки обеда, да уборки, да возни с посудой, да дети, да... что там говорить, кому нужны ваши изыскания? Читатель хочет отдыха и газета должна ему это дать в доступной форме. А тут еще ставни надо делать пока окна не выбили. Понятно?

— Понятно.

— Так вот. Дайте в легком, присущем вам виде, очерк о поездке, о том, что видели, слышали, наблюдали, запи-

сали, пережили. Причем запомните: какого века этот замок, где родился Фридрих Барбаросса, кто построил башню, когда сошел с престола Генрих такой-то и сколько краски ушло на эту картину — никого не интересует... Понятно? А если читателю уж очень приспичит, то он пойдет в библиотеку, возьмет Британскую Энциклопедию и все это найдет в самом аккуратном виде и без брехни...

— Вывод?

— Вывод такой: сделайте такой очерк, чтобы читатели газеты, сидя в кресле, в мягких шлепанцах, с бокалом простокваши, вместо шампанского вдовы Клико, ехали вместе с вами, подмечали интересное, как вы, наблюдали жизнь в самолете, поезде, пароходе, автобусе, театре, ресторане, на улице, попадали в нелепые ситуации, как вы, и радовались поездке, как вы. А сложив газету, чтобы читатель сказал „ах, как хорошо, что я не поехал"! Если вы этого добьетесь, ваша задача будет блестяще выполнена. Такой очерк мы оторвем у вас с руками. Понятно?

— Понятно и по рукам, пока они еще не оторваны.

Провожая меня к выходу редактор сказал:

— Пишите под углом зрения прожигателя жизни. Уверен, что невозвращенцем вы не станете!

Психолог, чёрт!..

Принеся домой страховки, — мы поехали.

Когда летишь в самолете, то пропадает всякая самоуверенность. Особенно наглядно это видно на Грише. Вдруг, ни с того ни с сего вас просят застегнуться на все пряжки. А когда спрашиваешь, то девуля поясняет:

— Мы застегиваем пассажиров и прикрепляем их к креслу, чтобы при случайном падении самолета на землю вы не могли бы удариться обо что то твердое.

Ну, разве это плохо?.. Или еще пример: если вы когдалибо ездили по проселочной дороге и крестьянская лошаденка идет трусцой, и если по дороге будет яма, то лошадка телегу вытащит и потрусит себе дальше, а вы еще наклони-

тесь и сорвете колосок или головку цветущего мака. А в воздухе блаженная тишина и где то жаворонки. А тут, вы знаете, что такое воздушная яма? Их же не видно и это сплошное безобразие. Уже на луне стоим, а ям на этом пути не видим, хотя и знаем, кто их нам копает. И вот, когда самолет проваливается в такую яму, то несколько секунд, пока он падает, вы висите в воздухе, а потом плюхаетесь на свое место, испуганно глядя на соседа.

Какие тут ремни? Ничему не веришь, а когда качает, то стюардессочка предлагает вам выпить или закусить. Один раз она подошла к нам.

— Гриша, чего вы хотите? — спросил я.

— Жить, — ответил он тихо.

Но это бывает не всегда, а как правило летишь и не чувствуешь движения, настолько плавно идем, лучше, чем в городском автобусе, только менее безопасно. В самолете всегда нужно освоиться с обстановкой, поискать объекты для наблюдений.

Симпатичные девушки разносят „хайбольчики" для возбуждения аппетита и создания настроения. После второго бокала милые стюардессы становятся еще милее, жизнь нам улыбается и розовые очки незримо появляются на переносице.

— Спасибо сердце, что ты умеешь так любить — напевает Гриша.

Пожилая соседка (у нас три кресла в ряд) затевает со мной светский разговор. Пораженная моим блестящим английским языком (своего я не показывал), она на второй минуте смотря в окно, горестно качает головой и что-то шепчет. Как мне ее жаль. Такая беспомощность в жизни, да еще на склоне лет. Жестокий удел...

В Нью-Йорке мы пересели на другой самолет (надеемся — без необходимости посадки на воду). В нем гремит музыка, идет кино-сеанс, подается выпивка, но на фоне этой жизнерадостности зазвучали нотки грусти, когда нам демон-

стрировали спасательные пояса, на случай аварии. Пояс надевается и моментально надувается. Девушка предупреждает, что в случае несчастья каждый пассажир получает только по одной такой штуке и то под расписку и залог. После катастрофы пояса обязаны быть возвращены, иначе залог пропадает.

Летя над океаном любоваться нечем: или облака или вода. В свое время я неплохо плавал и даже прыгал с вышки. Ну, а тут разве прыгнешь? А думать об этом приходится помимо воли. До океана еще далеко, он начнется с Нью-Йорка...

Вот с такими переживаниями прилетели в этот город. Вышли вечером на ослепительный Бродвэй, который, поражая вас своими сногсшибательными рекламами, ревет, орет и поет. Взглянув на все это, Гриша крикнул мне в ухо:

— Невольно к этим грустным берегам влечет меня неведомая сила.

Хорошо — грустные. День и ночь так. Конечно, мы пошли на самое кричащее представление. После пресной провинциальной жизни так хочется вкусить от дерева добра и зла. Добра мы имеем достаточно: автомобили, телевизоры, стиральные, холодильники, радио. Зла? Достаточно почитать газету и сна, как не бывало. Улетели мы поздно ночью, а в самолете еще дают таблетки, „Дриммер" называются. Вы спите настолько хорошо, что если бы самолет грохнулся с размаху об какую-нибудь горную вершину, вы не проснетесь и таким образом катастрофа проходит без вашего участия. Это большой плюс в поездке.

Вдруг, ночью, какому-то чудаку показалось, что мы горим. В порыве безудержного отчаяния он бросился к дверям, чтобы выйти на свежий воздух. Несчастного удерживали, уговаривали. Поднялся крик, плач, начались истерики. Гриша был в центре событий.

— Остановитесь, — кричал он, — вы правы безусловно в том, что выйдя за двери вы приземлитесь раньше нашего, но в каком виде? У нас есть один шанс из ста, что мы выйдем

на аэродроме, а у вас нет и этого. Мы на высоте тридцати пяти тысяч футов. Вы рискуете не только легкой простудой, на дворе дождь, но даже воспалением легких с осложнениями, несмотря на галоши.

Зажигательный призыв Ардова к благоразумию одержал верх и паникер остался с нами. Представьте себе, он потом не жалел об этом... Пилот говорит:

— В Лондоне 47 градусов тепла, ясно, легкая облачность, а у нас (снаружи), хотя и близко солнце, но без кашне наружу не выглянешь...

Слезай — приехали!

После бесцельного блуждения в облаках (летчик потом сознался, что абсолютно ничего не видел, а летел, как Бог на душу положит) мы увидели Лондон и, возможно, что кто-либо из пассажиров надоумил его (пилота) на снижение. Опустились спокойно и плавно, а в дороге были такие моменты, как будто вы стоите на лыжах и вас тянут на веревках по булыжнику. Конечно, никто из нас не допускал мысли о том, что облака были настолько жестки, что самолет на них подпрыгивал, как телега на ухабах, но факт остается фактом: прыжков и скачков было достаточно. А возможно, что и трасса была недостаточно изучена.

Гриша все знает.

Но так или иначе — Лондон. Мы — в столице туманного Альбиона. И точно: солнце шпарит во всю. Теплынь...

Я, как вы знаете, не особенный патриот Америки, но за нее готов перегрызть другому горло. Так вот: лондонский аэродром не идет ни в какое сравнение с нью-йоркским. Жалок и убог. А когда мы вошли в здание аэровокзала, Гриша обратил мое внимание на цементые полы, деревянные стропила, серость и бедность всей постройки. Да, это было так, но мы и вида не показывали, чтобы не смущать гонористых англичан.

Мы спустились в нижний зал, где толпа унылых туристов, с недоумением ожидала появления своих чемоданов.

А делалось это так: конвеер из коротких труб, из глубины зала, вел к нам, а там, в стене, была дыра, из которой чемоданы „выплевывались" по одному на эти трубы. Конвеер был неподвижен и добровольцы из публики толкали багаж по вращающимся трубам до „причала", где он складывался стопочкой, для отправки в таможню. Ведь это была уже Европа, а мы были из Америки.

Гриша с присущей ему скромностью, подцепил свой чемодан и пошел на проверку, а мой где-то подозрительно застрял. Чемоданов уже не было, а я все стоял и тоскливо поглядывал на зловещую дыру.

Ардов „проверившись" вернулся и ехидно спросил:

— Костич, сколько времени вы рассчитываете здесь стоять?

— До чемоданного пришествия.

— Так ваш же чемодан давно стоит на „причале", только в самом низу.

Как видно он пришел одним из первых.

— Но почему же вы мне раньше не сказали?

— Я знаю, что вы не любите, чтобы люди вмешивались в вашу личную жизнь.

Я обозлился. Так как мы были членами организованной экскурсии именуемой „ТУРИСТ", то нас должны были встретить по ярким ярлыкам, привешенным на наши шеи и чемоданы, но никого не было. Огромная толпа стояла снаружи аэровокзала, ожидая впуска внутрь. Это было довольно неприятное зрелище и напомнило одну из „юбилейных" стран, где в связи с пятидесятилетием очереди стоят в самых неожиданных местах, особенно в провинции. Но там хоть юбилей (что-то дают), а тут чего?..

Толковая девица из информбюро объяснила нам, что нужно ехать на автобусе до „Виктория Терминал", где нас ждут. Ну, а если бы не эта девушка, чтобы мы делали?

Тут Гришу осенило:

— Костич, нам же надо поменять доллары на фунты, чтобы платить их валютой.

Мы подошли к отделению банка, тут же на вокзале, но вдруг Ардов отзывает меня в сторону и шепчет:

— Костич, меняйте только вы, а я не могу.

— Почему?

— Жена пришила мне к кальсонам мешочек и там все мои доллары. Не могу же я на виду у всех, запускать туда руку.

— Почему же, — сказал я с холодной вежливостью, — я могу обождать столько же, сколько я ждал свой чемодан.

Ардов сверкнул зловещим взглядом и скрылся за кучей багажа, где и присел. Я торжествовал... Сев в автобус, кстати очень чистый и уютный но двухэтажный, мы поехали. Я взлез на „империал". Как то смешно ехать на такой высоте, и свободно заглядывать в окна чужих квартир, но посмотреть интересно, мы ведь туристы. Вдруг пошел дождь и я с ужасом увидел, что у автобуса, едущего с большой скоростью, на фасадных стеклах не было движущихся „дворников", смывающих для лучшей видимости дождевые капли. Окна были сплошь залиты дождем. Как вел шофер машину — Бог его ведает! Наверное по памяти, ведь не первый же день работает он на этой линии...

Улицы Лондона — там, где мы ехали — застроены закопченными домами с огромным количеством черепичных труб на крышах, как и во Франции.

Глядя на эту вековую копоть, въевшуюся в камень, я вспомнил нашу Америку... Да, это правда, что это старушка Европа и никакой уже грим не скроет ее морщин, усталости и пессимизма. Годы берут свое...

Отель, наш отель! Он снаружи украшен флагами различных наций и производит впечатление приличного. Это сразу же подтверждается: группа наша сидит в фойе с сумками и малыми саквояжами. Мы еще не знакомы, но по ярлыкам на багаже, (с шей мы сняли) видно, что мы все „птицы одного

полета"... Все злые, усталые и недовольные. Оказывается, что все наши комнаты заняты еще другими жильцами. Они вот-вот съедут (это считанные минуты) и нам постелят свежее постельное белье... Управляющий отелем с необыкновенным пробором на обыкновенной голове говорит:

— Лэди и джентльмены! Время ожидания каждый из вас может использовать с максимальной пользой для себя.

И правда, не прошло и двух часов, как мы получили ключи и расползлись по своим углам. Отдыхать, отдыхать, ведь впереди еще столько работы: сидеть, ехать, смотреть и слушать....

Так как уезжая мы твердо условились не отказывать себе в дорожном комфорте, то в полученной нами комнате не было ни ванной ни другого столь необходимого в нашем возрасте учреждения. Они находились в коридоре и уже со второго дня пребывания в Лондоне, самые интересные встречи, знакомства и беседы происходили перед дверями, где так часто стояло „занято"...

В первый же день приезда Гриша решил выкупаться (одно из условий в поездке: ни в чем себе не отказывать), а ванная комната была примерно в футах двадцати от нас. Взяв полотенце он ушел. То ли флюиды, то ли инстинкт, то ли мне послышалось, но я почему-то подумал, что он меня зовет. Приоткрыв дверь нашей комнаты я услышал громкое:

— Костич, Костич, идите, хелп! — и я побежал. А что случилось? Заняв ванную (повезло с первого же раза) он начал раздеваться, весело напевая „с одесского Кичмана" и пустил воду. Когда он повернулся к ванне, чтобы в нее влезть, то увидел, что пробки в ванне нет и вода преспокойно вытекает. Вот почему этой комнатой не пользовались туристы, как ванной, а вообще — посещали!

Но Гриша не из тех, что сдаются под напором неудач, да и моих насмешек он тоже боялся и поэтому заткнул дыру в ванне пальцем и пустил воду снова. Получалось довольно неудобно: человек на „карачках" и выпрямиться не может, да и мыться надо одной рукой, пользуясь мочалкой и мылом. Тут вот и родилось знаменитое „идите, хелп".

— Почему вы кричали на двух языках?

— Идите относилось к вам, а „хелп" к любому другому.

— Ну, да. А если бы на ваш „хелп" вошла какая-нибудь дама?

— Интерес считаться. Американцы всегда всем помогают. Почему не помочь и мне?

Чем кончилось? Я заткнул своим пальцем водосток, а Гриша плескался, как утка. Когда я сказал, что теперь его очередь задерживать воду, он ответил:

— Костич, здесь очень холодно и такие излишества могут быть чреваты...

Я настаивал. Тогда он скрутил жгутом мое полотенце, воткнул его в дыру и ушел. Когда я намылился дверь открылас, вошел уборщик отеля, а позади него торчали головы наших туристов. Он сказал:

— За пользование ванной взымается отдельная плата и пробка хранится у главного портье. Со мной пришел жилец с пробкой, потрудитесь выйти, — и выдернул мой кляп из водостока.

Подоспевший Ардов стер с меня мыло и увел. Когда мы обратились с протестом к нашему гиду он пояснил, что на четырнадцать с половиной миллионов квартир в Англии три миллиона и двести тысяч не имеют ванн. Так, что радуйтесь если вы выкупались в „сухую".

Все таки, он хороший, мой друг, Гриша!

2. — НОЕВ КОВЧЕГ * ДВЕ ЛИЗЫ * АРМИЯ СПАСЕНИЯ * * КРОВАВАЯ БАШНЯ * ДРЕВНОСТИ и НОВИНКИ —

Каждая туристская группа состоит из отдельных единиц, которые в некоторых случаях являются нулями, а в других мнят себя „персона грата".

К какой категории принадлежим мы? Мы — это я и Гриша.

К третьей.

И чуткий читатель сам определит прав ли я.

Как в капле воды отражается мир, так и в нашей группе отражается общество. Среди нас есть несколько старушек (Божьи одуванчики), есть солидные дамы, несколько супружеских пар, мужчины „на отлете" и еще всякой твари по паре, как в Ноевом ковчеге. Разные вкусы, взгляды, привычки, требования и манеры. Каждый продолжает жить так, как он жил дома.

Я не хочу посвящать специальную главу нашему „дому на колесах", но в процессе описания поездки тому или иному персонажу будет уделено несколько строк.

Вот, например, американец мистер Паульсон, из Техаса. Он худ, тощ, высок, курит трубку, безразличен ко всему, кроме своего здоровья и долларов, и его ничто не интересует. Изредка увидев какую-нибудь колонну, он вдруг загорается и начинает:

— Это дорийская, а эта римская, а это греческая, а это коринфская.

Так как никто в этой области ничего не знает, то он плетет, что хочет и сам упивается своим красноречием. Потом угасает и молчит днями. Он думает, что знает все, его ничем нельзя удивить, возбудить интерес или вызвать живую искорку восторга или любопытства.

— Это не ново. Мг... Да, я это уже знаю. Ну и что ж? Ничего особенного. Биг дил!

Вот в этих фразах он весь. Когда несет какую-нибудь чушь, просит его слушать. Он мне напоминает один персонаж из анекдота: украинец поехал на Кавказ в отпуск. Вернулся и его расспрашивают:

— Ну, как там Казбек? Арарат? Машук? Бештау в Пятигорске? Скалы, горы?

— Каминня та й все, — ответил он.

Таков мистер Паульсон. Человек думающий о смерти — наполовину мертв. Глупая самоуверенность тексассца очень возмущала Ардова и он все время искал случая вывести Паульсона из душевного равновесия. Был такой случай: мы посетили Варвик-замок; так вот в этом замке один из его научных работников, водил нас по залам объясняя и показывая. Обращаясь ко мне Паульсон сказал:

— Это не служащий, это один из владельцев замка и чтобы прокормиться, он замок открыл для туристов, а сам водит экскурсии и этим живет.

— Откуда вы это знаете? — загорелся Григорий.

— А вы посмотрите на его нос. Это же типичный обедневший английский пэр. С таким носом ему нечего больше делать. У меня глаз наметанный, я узнаю человека сразу. Обеднел и остался с носом!

Ардов обозлился.

— Давайте, уходя дадим ему на чай.

— Да, вы что? Дуэли захотели?

И все же, уходя мы сунули бумажку в руку „владельца замка". Тот рассыпался в благодарностях.

— Давно здесь работаете? — трепеща спросил мой друг.

— Второй год. У меня отец в Итоне преподавателем, а я сюда езжу ежедневно.

Когда торжествующий Гриша пересказал Паульсону ответ „аристократа", тот спокойно ответил:

— А что ж вы думаете, среди них нет грамотных людей?

Я не переношу трех вещей: длинной дороги, глупого мужчину и плоскогрудую женщину. Длинная дорога — это скука, глупый мужчина — это тоска, а женщина должна иметь все, что приказал Бог.

Достоинством групповой поездки является общая заинтересованность всех во всех. Пример: группа осматривает ка-

кой-нибудь памятник или любуется парадом, а на дворе начался дождь. Часть публики бросилась к своему автобусу, часть стоически смотрит эту самую смену караула, поливаемую веселым дождем. Наконец, все как будто в сборе, гид заботливо пересчитывает своих цыплят и обнаруживает, что двух еще нет. Мы ждем (так было в Лондоне), мокрые, злые и голодные. Те же двое в поисках автобуса, пошли в другую сторону. При всеобщем возмущении едем в отель, с опозданием на сорок минут. Пропавшая пара, радостная и довольная сидит в столовой и кушает десерт. Все в „восторге"...

Я внезапно получил письмо из редакции (у них был мой маршрут и адреса отелей), в котором среди всего прочего было такое: „... путешествуя прочтите книгу Фесенко „Глазами туриста". Так как вам до этих высот не подняться, то больше бродите, ходите и двигайтесь, чтобы создать что либо похожее на „Ногами туристов". Да и не забывайте слов Вольтера (знали такого?), который в свое время высказался, что все роды и виды литературы хороши, кроме скучных. Учтите это в ваших скитаниях".

Пока Гриша отсыпался после купанья, я, вытерев с себя мыльную пену, пошел бродить по Лондону. Так, гуляя по Виктория стрит, я дошел до знаменитого на весь мир здания. Хотя вывески на нем не было, но все же он оказался Букингэмским дворцом. Узнать его можно было сразу: высоченный забор из пик, аляповато выкрашенный наверху в золотой цвет и главное: молодые люди в красных мундирах и медвежьих шапках, с ружьями у плеча, нелепо топающие друг на друга ногами и ходящие в разные стороны. Это — прославленный караул Букингэмского дворца. Находившись, они замирают в заученных позах, а позади каждого из них стоит караульная будка, напоминающия хороший гроб, поставленный „на попа". Чтобы зеваки (а их всегда достаточно) не лезли на часовых со своими фото-аппаратами, по двору ходит полисмен, охраняя караул.

В общем довольно глупое зрелище и, постояв полчаса, я ушел.

Видел я и знаменитый балкон, с которого иногда кивает головой своим подданным королева. Сейчас в мире две знаменитых Лизы. Одна играет в кино, а другая в королеву. Первая вся увешана драгоценностями, а вторая их распродает так, как на жизнь не хватает.

Недалеко от дворца другое здание, тоже из дворцового ансамбля, но по-видимому там „хранят" лошадей для парадов и выездов. Став у ворот, где так упоительно пахло навозом, я вспомнил Киев, Николаевскую улицу, цирк Крутикова, с его конюшнями и их незабываемым запахом. Когда я потом повел Гришу нюхать, он закрыл глаза и прошептал:

— Парфюм де-лошад!

Ведь предки Ардова были одесскими биндюжниками и только потом разрослись до Мишки Япончика и Исаака Бабеля.

Он был мне очень благодарен.

— За один этот запах можно Лондону все простить!

И это правда, ведь теперь улицы всех больших городов нестерпимо пахнут отработанными газами десятков тысяч автомашин, а куда газу до навоза!

— Нектар, ей-Богу!

Чтобы не потеряться на чужбине и не заблудиться в улицах этого гиганта, мы решили вопрос с едой (пока нас еще не начали кормить) разрешать как можно проще и держаться в районе отеля — ведь похитить тоже могут. И, как на счастье, Ардов сказал:

— Костич через дорогу военная столовая. Если там штатских кормят, мы спасены.

И мы робко открыли двери. Это было рано утром. Ни солдат, ни офицеров. Несколько убогих посетителей и такие же официантки. Мы осмелели и уселись. Девушка с грязной тряпкой в руке подошла, вытерла стол, накрытый облезлой клеенкой и уставилась на нас. Мы на нее. Тогда она протянула руку и когда я хотел ее пожать, она сердито сказала:

— Талончик!

Гриша (ох, этот Гриша) сразу же стал шарить по карманам и воскликнул:

— Ах, мы забыли их дома, но мы заплатим.

Тогда девушка молча сунула нам меню и ушла. Выбор был жалкий, но и цены такие же. Если тут питаться круглый год, то можно еще кое-что отложить в банк, на книжку.

Когда через 15 минут подошла седая дама, мы заказали по яичнице с ветчиной. Нам подали горький чай и по куску жесткой ветчины политой яйцом в смятку. Мы с аппетитом съели и даже оставили на чай. Нас провожали с разинутыми ртами. И потом мы стали там своими людьми.

— Почему вы решили, что это военная столовая? — спросил я моего приятеля.

— А надпись?

Выйдя на улицу мы прочли:

„Салвейшен Арми". Это была столовая для английских безработных. Хм, не сомневаюсь что в некоторой стране инженеры не отказались бы от такой еды и обслуживания...

Перед зданием дворца возвышается огромный памятник королеве Виктории, размером с хороший трехэтажный дом. Из чего он сделан — трудно решить: то ли это мрамор, то ли гипс, то ли цемент. Думаю, что золотая середина. Но ржавые потеки времени настолько обезобразили материал, что, например, фигура обнаженной, плачущей женщины со спины напоминает скандинавку, а с другой стороны — уроженку Филиппин. Самое смешное дальше. Виктория сидит спиной ко дворцу, а сзади нее, то есть лицом к королеве, стоят две огромные статуи: рабочего с молотом и крестьянки с серпом. Так что когда „Лиз" на балконе она может любоваться каменными намеками. Гриша уверен, что эти две черные глыбы были поставлены позже и к самому памятнику отношения не имеют, просто, как говорится:

— Мементо мори!... Комедия, честное слово.

У нас теперь есть постоянный молодой человек, проводник под заглавием Майк, он теперь будет все время нас опекать, кормить, пересчитывать и принимать все жалобы и претензии...

Эти короткие юбки просто доводят нас до исступления, настолько это безнравственно. Бывало возмущаешься, пока она не скроется на каждом шагу. Мы часто мешали пешеходам, поражая их своим молчаливым негодованием... Один раз за все время нам удалось встретить типичную англичанку, в нормальной юбке, да еще красивую при этом. В ее взгляде, когда она шла ни на кого не глядя, светилось:

— Я потеряла родину и право называть ее Великой Британией, но я сохранила свою гордость и честь.

Гришин взгляд ответил ей тем же.

Наш гид, усадив нас в прекрасный и вместительный автобус, возит группу по городу. Конечно в Лондоне есть, что посмотреть. Если читатель вспомнит книгу В. Черчилля „Мировая война", так там в одном из томов есть описание, как планомерно и беспощадно громили немцы город. Ведь на 90% Лондон был разрушен, а сейчас на 99% восстановлен, причем высокие здания, которые прежде были здесь редкостью, возвышаются то там, то сям. Новые дома сразу бросаются в глаза и своей модерной архитектурой и размерами. Ведь Англия, как и Америка, в основном одноэтажна, но дома здесь закопченные, грязные, обветшалые и дряхлые. Поправлять и ремонтировать их сегодня, не по средствам. И вот, эта вековая копоть от угля, фабричных труб, камионов и десятков тысяч автомобилей, обильно оседает на стены. Такой грязи не потерпит в Америке ни один уважающий себя домовладелец. Когда я вспоминаю сияющий, белый, голубой, розовый красавец Сан-Франциско, то я жалею лондонцев, но для них это привычно, ведь они так сжились с этим. Если еще кое где попадается на глаза разбитый бомбами дом, то будьте уверены, что здесь запланировано снесение целого квартала, на месте которого вырастут многоквартирные дома и более удобные и более красивые.

На улицах столицы много пешеходов и автомобильное движение очень оживленное и быстрое. Это не мешает лондонцам перебегать улицы по красному свету.

Простоволосой, нечесанной молодежи (особенно юношей) вполне достаточно. Красивых лиц мало и улицы несколько освежались, когда гуляли мы но мы ведь приезжие. Интересных женских лиц больше...

Любовались парламентом со стороны набережной. Он слегка напоминает московский Кремль. Кстати, дурацкий обычай: если идет заседание парламента, то все окна верхнего этажа освещены, специально для жен заседающих. Окончилось и свет выключают. Цель? Если его через десять минут не будет дома, то...

Глупо! Еще раз оценил свободную Америку...

Иногда на улицах появляется англичанин архивного порядка: длинный, старый, с зонтиком и в котелке. Пальто застегнуто и всем своим видом он презирает эту толпу, ее внешность, подвижность и отсутствие собственного достоинства. Идет он гордо подняв голову и все уступают ему дорогу. Это шагает старая, уходящая в прошлое, Англия...

В городе по-прежнему масса магазинчиков и лавочек таких, как во времена Оливера Твиста (отсюда и название танца)...

Первое, что мы сделали с Гришей, купили себе по котелку и по зонтику. Почему в Мексике можно носить сомбрерро и одеяло с дырой для головы, а в Англии нельзя? Когда покупали, то Ардов вспомнил, что англичане носят и цилиндры тоже. Честный продавец сказал:

— Обычно, цилиндр у нас одевают только на похороны.

— Гм, — ответил Гриша, — дайте один, может быть мне пригодится.

Хотя, мы и сфотографировались в таком наряде (цилиндр стоял в ногах), но мне почему-то мы не понравились. То ли в нашей внешности не было чего-то типично англий-

ского, то ли мы выглядели лучше рядовых лондонцев. Скорее последнее...

Повезли нас смотреть какую-то башню или замок, в центре города. Около него стояли те же декоративные солдаты, но не двигались. Это хуже. В главной башне хранятся драгоценности английских королей: тиары, скипетры, колье, чаши, кубки, блюда, венцы, короны и всякая прочая бутафория. Вокруг охрана. Их эскурсовод (я это заметил и за другими тоже) все превозносит: —

— Коллекция этих драгоценностей не имеет себе равной!

— Зал этого университета величайший в мире!

— Замок этот старейший в Европе.

— Это озеро не имеет дна, вообще!

И, конечно, ничего подобного, но мы туристы, да еще гости, к тому же.

Пусть себе говорит. Нас от этого не убудет, а ему хорошо, если он в это верит, а нам приятно потому, что деньги уже заплачены и мы видим самое большое, самое лучше, самое дорогое. Будет о чем порассказать.

Если бы этого гида повезли в свое время в Грановитую Палату или в Оружейную, или в Троице-Сергиевскую Лавру (а ризница лавры считается теперь после Эрмитажа и Оружейной палаты третьим собранием сокровищ по их материальному значению и, конечно, уникальным по ценности исторической и художественной), да показали бы, что имела и хранила старая Россия под стеклами своих музеев и сокровищниц, то сгорел бы он со стыда за свои слова...

Вот, совсем недавно Англии же был продан царский сервиз, состоявший чуть ли не из двух тысяч предметов. Да ему ж цены нет, а это ж только тарелки, блюда, ножи, вилки... Что говорить — вы сами знаете.

И остроты свои, испробованные годами гиды повторяют изо дня в день.

Покончив с драгоценностями, гордый гид повел нас в „кровавую” башню. Название ей дано, чтобы привлечь не-

здоровое любопытство экскурсанта, как своего, так и приезжего. А в башне этой, в свое время сидело полдюжины, да было казнено трое человек. Правда, ужасно? Ну, башня. Ну, в ней дыба, станок для растягивания человека, ну камера с каменным полом, но сухая и светлая...

К этим ужасам надо добавить, что жестокие англичане, в свое время, поступили довольно неблаговидно с одним из своих политических деятелей. Это был Оливер Кромвелль. Его труп был вытащен из могилы и повешен на дерево, за дела совершенные при жизни.

А я знаю, что в одной стране такого же типа вытащили из мавзолея и похоронили под стеночкой, недалеко. Всего и наказания. А по нашему разуменую ему и одного дерева мало!

Так что „кровавая" это просто анекдот!

Тоже — удивил, тоже — напугал! Милый наивный человек, поехал бы ты в научную командировку, в одну страну победившего социализма и там бы тебе в связи с ее юбилеем, показали на Лубянке такие штучки, такие механизмы, такие трюки, что вернувшись (если б удалось), закричал бы ты на всю Англию:

— Закрывайте эту „кровавую". Это ж киндергартен!

А пока суть да дело — длиннющие очереди стоят перед толстенными каменными стенами и добродушный сторож, отрывая билетики, отпускает заученные шутки. Эх, вы диллетанты!

Да, чуть не забыл: может это пригодится читателю, когда он поедет. Слушайте!

Несколько слов о денежных единицах. Лучше всего разменять доллары в банке (небольшую сумму), а не в отеле или магазине. Когда банк выдает валюту вы радостно удивлены рассматривая новые для вас бумажки, серебро и медяки величиной (это в Англии) с пятак, а на самом деле это всего навсего копейка. Вот уж действительно — велика фигура, да дура. Но все равно разобраться трудно, что, как и почему и поэтому покупая вы благоразумно прячете бумаж-

ки в карман, а серебро, высыпав на ладошку, держите перед продавцом. В Англии еще туда-сюда можно договориться, но и то, когда продавец сгреб все с ладони, да еще требует бумажки, у вас пропадает охота покупать.

— Надул, мерзавец. Содрал, определенно, содрал!

И это чувство будет вам сопутствовать во все время вашего путешествия. Вы то знаете какой ценой вам достались ваши зеленые бумажки, а когда они тают на глазах улыбающейся публики — становится обидно...

После „ужасов кровавой башни", наше стадо поехало смотреть историческое Вестминстерское Аббатство. Уже перед самим входом вас охватывает чувство благоговения перед человеческим гением. Потрясающая постройка. Несомненно, что немецкие бомбы делали свое дело и разваливали стены и ажурные украшения собора шестисотлетней давности.

Но сейчас все востановлено с педантичной точностью, вплоть до копоти, подтеков на стенах и ржавчины от сырости. И новым, и старым стенам Аббатства вы дадите те же сотни лет, какие стоят за его спиной. А внутри? Внутри вы стоите затаив дыхание и думаете:

— Как же это так? Как мог и кто этот безвестный резчик-фанатик, сделавший на камне такую резьбу и чем? Самым ведь примитивным инструментом, да при каком свете, да при какой температуре и сколько лет такой работы! И вот, прошли века и потомки стоят теперь перед бессмертным искусством. Это тут, в этом соборе, наверное единственном в мире есть „уголок поэтов", где они похоронены. Как бы хотелось, чтобы в одной стране к „юбилею" создать бы такой уголок, где-нибудь на кладбище для тех писателей и поэтов, которые помимо своей воли ушли из жизни. Чувство большой неловкости испытывали мы ходя по собору и видя, что у нас под ногами выгравированы такие имена, как Ньютон, Диккенс... Мы шагали по ним на цыпочках. Этого забыть нельзя.

В 1665 г. великий английский поэт Мильтон окончил рукопись всемирно известной поэмы „Потерянный рай", которую ему лишь после долгих поисков издателя уда-

лось продать за 10 фунтов стерлингов. Прошло 250 лет и, та же самая рукопись была продана в Лондоне американскому миллиардеру Пирпонту Моргану... за 50.000 фунтов, гид напоминал, что Морган и еще восемь богачей в начале нашего столетия соединились для роскошного издания сочинений Диккенса, уплатив каждый по 25.000 фунтов. Издание. продолжавшееся восемь лет, было выпущено тиражем в 10 экземпляров (по 130 томов), отпечатанных на превосходном пергаменте и иллюстрированных лучшими художниками мира... Известно, что молодому Диккенсу приходилось голодать.

А потом мы приехали к собору святого Павла. Он восстановлен после грандиозного лондонского пожара, бывшего триста лет тому назад. Он, конечно, не производит такого впечатления, как Аббатство, но по размерам он второй в мире. Интересно подняться на купол и оттуда полюбоваться Лондоном. Но так, как элеватора нет, то и желающих не нашлось. Правда, что никто не рискнул упрекнуть Майка в таком серьезном упущении. Выйдя, выпили хорошего английского пива...

Показывая, на водруженные на высокой и красивой башне, знаменитые лондонские часы, по которым живет вся столица, а может быть и вся страна, Гриша сказал Паульсону:

— Видели? Это Биг-Бен.

— Биг дил, — ответил текхасец посасывая трубку.

Как одну из достопримечательностей Лондона (специально для американцев) нам показали грандиозное здание нашего посольства с золотым орлом на фронте, с размахом крыльев не менее десятки футов, затем дом, где жил Айзенхауэр и рядом другой, где останавливался Франк Синатра (тоже мне историческая личность). Издали увидели Скотланд-Ярд с его легендарным Шерлоком Холмсом и доктором Ватсоном. На Даунинг стрит № 10, местопребывание очередного премьер-министра (прежде Черчилль, а теперь Вильсон), гуляют два Бобби. Мы представились полицейским и просили передать наш привет главе английского правительства, так как у нас нет времени его ждать. Они обещали.

Вечером мы поинтересовались узнать, что самое замечательное в области развлечений может порекомендовать нам наш проводник. Он сказал:

— Палладиум.

Взяли такси и поехали. Огромная толпа у входа, яркая реклама. Я держусь за бумажник (у меня — мелочь), а Гриша за живот (у него все наше казначейство). Проталкиваемся и входим. В фойэ продаются всякие напитки, включая шампанское бокалами. Кутить так кутит и мы выпили по бутылке пива. Входим в зал, (еще нет начала), в нем полумрак, люди громко разговаривают и курят. Зал небольшой, вроде второразрядного, провинциального театра с партером и двумя балконами. Усаживаемся; в спинке впередистоящего кресла — пепельница. Ну, не буду томить читателя. Программа первоклассная. Все эстрадные номера на большой высоте исполнения. До сих пор не могу забыть молодого человека с чудесной наружностью, который с неподражаемым изяществом показывал сногсшибательные фокусы, а сам сверху до низу был переполнен маленькими попугаями. Они появлялись из самых неожиданных мест, вызывая восторг публики. Мне кажется, что мы его видели в программе Э. Сулливана. Работа безупречная. Потом двух девушек, одетых в разноцветные наряды, которых нельзя не запомнить, положили в ящики и распиливали на части, не считаясь ни с полом ни с возрастом. А когда их вынули, то получилось, что они поменялись половинками своих нарядов, то есть, если у первой были черная и зеленая штанина, а у второй розовая и оранжевая, то после „распиловки" у первой штаны стали черными и оранжевыми, а у второй зелеными и розовыми. Чудеса в решете. Гриша рвался за кулисы, чтобы проверить все на месте. Я не пустил. Второе отделение все целиком было отдано певцу-идолу молодежи, который ревел, кричал, вопил и дергался в припадке эпилепсии или после приема очередной дозы ЛСД. Труд у него не легкий, но к искусству мало относящийся. Ему, конечно, наплевать — главное слава и деньги. Он — прав, Том Джонс. И он это имеет.

3. АНТИЧНЫЕ СОКРОВИЩА * ШЕКСПИР И ШОЛОХОВ * * МЕРТВЕЦ * ПЛОХОЙ МАЛЬЧИК * ТРЕЗВЫЕ ГОЛОСА

На другой день, погрузив свое поголовье в автобус, Майк двигает его по английским дорогам.

Очень уж все напоминает родные места: ручьи, плакучие ивы, ольха. Хвои не видно, а на полях (вернее лугах) овцы и овцы.

Проезжая через поселки и городки, видим много магазинов „Антик"; около одного остановились и зашли. Там старые фонари, уздечки, горшки дневные и другие, колеса, подносы, ведра, ломаные статуи из скверов и садов, куски дерева и железа, „картины" без рам и рамы без картин.

Я спросил владельца, где он достает эти сокровища.

— Так как я вас все равно больше не увижу, — ответил он, — то я открою вам правду: Несколько лет тому назад, вот такой же автобус, как ваш, остановился на улице и турист спросил — нет ли у меня каких либо старых вещей, имеющих характер античности. Я его не понял, но показал старый фонарь от экипажа моего отца. Он ахнул, отвалил мне кучу денег и уехал. Тогда я, никому ничего не говоря, очистил все сараи, конюшни, подвалы и чердак. Собрав эту рухлядь я открыл „дело". В моей торговле меня волнует только один вопрос: Когда кончится вся эта „лавочка" (я и у соседей все скупил), что я буду делать дальше? Чем грязнее вещь, чем она старее, ржавее, тем скорее она продается.

Да, для умных людей — дураков всегда хватает.

Наш гид говорит со специальным английским акцентом, что значительно затрудняет его понимание. Впрочем, наш „американский" язык ставит ему те же препятствия. Особенно трудно ему со мной и Гришей.

И вот мы в Оксфорде. Входим. Здания его в основном одноэтажные и постройка их началась еще в 13 веке. Чувствуете? Квадратный двор с изумительной травой. Входим

в зал, где висят портреты людей, окончивших это учебное заведение и ставших гордостью Англии. Их много, но узнаем только королеву Елизавету, Антони Идена и еще двух других. Приятно. Вся мебель, скамьи, столы, старые, видавшие виды... Тишина и чувство собственного достоинства в людях, вещах и постройках, чувствуются на каждому шагу. Подумайте сами: ВЕКА!

Нам удалось прослушать две лекции: о том, что ходить по траве нельзя и что курить воспрещается. Все же за прослушанные лекции дипломов нам не дали, но у нас есть право сказать, что мы прошли Оксфордский университет, а на Кэмбридж у нас уже охоты не было...

Библиотека Оксфорда по величине в разряде первых в мире... Оксофордскому более 800 лет, Парижскому, Кембриджскому, и Лиссабонскому по семьсот. Пражский, Краковский и Венский по шестьсот. Так, что наш Московский по сравнению с ними щенок! А тут еще одна неприятность: до 1860 годов ни одной студентки в России не было! Прекрасному полу высшие учебные заведения были недоступны.

В дороге остановились и пили кофе. Платил Гриша. Когда я хотел с ним рассчитаться, он обиделся:

— Как не стыдно быть таким мелочным? Вот будем ехать дальше, вы заплатите за обед и будем в рассчете.

В каждом, даже захудалом, домике есть камин, где вечером тлеет уголь и в диккенском уюте сидит английская семья. Такова традиция. Мы даже зашли, чтобы проверить. Правда, сидят. Гриша с присущим ему ехидством изрек:

— Вот, если бы они были вынуждены праздновать пятидесятилетие какой-либо другой власти, то не видали бы англичане ни печек, ни овечек.

Едучи, на одну минуту остановились перед домом, где умер выдающийся дирижер, престарелый Томас Митчум. Молодая жена — жива. Невольно вспомнилось, что Артуро Тосканини последний раз дирижировал оркестром, когда ему было 87 лет.

В истории музыки он считается самым старым дирижером.

А самым молодым Вилли Фереро. Этому хлопчику удалось дирижировать оркестром, в Париже, в четырехлетнем возрасте. Что скажете?

Мы в Стратфорде — городке, где все связано с именем Шекспира. Правильно кто-то сказал:

— Не носи он этой фамилии, никто бы о нем ничего не знал.

Все здесь связано с его именем... Гриша медленно, но верно завоевывает в нашей группе положение человека, который все знает и рад поделиться этим. Он не преминул рассказать известный всем анектот. Вот он:

Шекспир, присутствуя однажды на представлении своей пьесы „Ричард Третий" заметил, что один из актеров сильно ухаживает за прелестной молодой девушкой. Незаметно, подойдя поближе, он услышал, как девушка говорила: — В десять часов вечера, когда все лягут, постучи ко мне в дверь, и когда я спрошу, кто там, отвечай: „Ричард Третий". Шекспир, большой поклонник женщин, пришел к указанной двери на четверть часа раньше, сказал пароль, был впущан и даже сумел победить возмущение обманутой. В назначенное время явился настоящий любовник. Шекспир приоткрыл дверь и спросил: — Кто там? — Ричард Третий, — последовал ответ. — Ричард, — ответил Шекспир — является слишком поздно — Вильгельм Завоеватель уже занял крепость.

Одна дама спрашивает Гришу:

— Скажите, это та церковь, где женился Шекспир?

— Нет, где развелся, — не задумываясь выпаливает он. Дама испуганно записывает в блокнот новые данные о великом драматурге.

— Не забудьте, Костич, что в царстве слепых и кривой может быть царем!

Шекспировские места в Стратфорде организованы, систематизированы и обалделые туристы все принимают за

чистую монету. Вот дом жены писателя Анны Хатавэй. Он сохранился в таком виде, как им был в те времена, а ведь прошло более трех столетий. Приходится верить. А вот кафе, где он обдумывал „Виндзорских Кумушек". Здесь он написал „Гамлета", тут родился сюжет „Укрощения строптивой" с Лиз Тайлор в главной роли. Тут его играли, за этим углом он родился, где-то провел лучшие годы, а в этом доме правил корректуру „Лэди Макбет" и так далее в том же духе. Или вот вам еще из энциклопедии Гришиной памяти. Он спрашивает: — Знаете комедию Шекспира „Много шума из-за пустяков"?

Некоторые вспоминают нечто подобное, а Гриша им шпарит: — Так, записывайте:

Это выражение в измененном виде: „Много шуму из-за яичницы" приводит Вольтер, рассказывая о случае с французским поэтом Дебарро (17 века). Этот Дебарро заказал себе в гостинице, в постный день, яичницу с салом. В то самое время, когда набожный хозяин принес ему запрещенное блюдо, с ужасным треском разразился гром, и хозяин от страха упал на колени. Тогда Дебарро, выбросив яичницу за окно, произнес эти слова: „Сколько шуму из-за яичницы"...

Самое смешное во всем связанном с именем этого великого писателя это то, что оказывается его не было вообще и за него писал кто-то другой. А Шекспир легенда, миф! Ну, что вы на это скажете? Подобную историю рассказывают и про Вильгельма Телля.

Впрочем, зачем далеко ходить? Я (да и вы тоже) знаю такую страну, где живет и пишет крупнейший писатель наших дней, но его на Родине не печатают, а только здесь заграницей, а там даже стараются, чтобы о нем народ поменьше знал. Всячески третируют, исключают из писательской организации и травят в прессе. Фамилии не пишу, чтобы „там" не догадались о ком речь!

Дом жены Вильяма крыт соломой, но кладка такова, что простоит еще столько же. Этого никак нельзя сказать о крышах шингелем или толем крытых бывшими бухгалте-

рами или полковниками, в рассеянии (во время работы) сущих.

Еще пройдут века и бессмертные творения создателя „Короля Лира" или „Ромео и Джульеты" будут жить и жить, а что касается „Приподнятой целины", то...

Где бы мы не проезжали, в поселках и городках старой Англии, на площадях стоят огромные, каменные, выдолбленные колоды для водопоя лошадей, которых уже и не видно — они редкость, а автомобиль постоит около, чихнет и покатит себе дальше; колоды же останутся на память о временах творца „Записок Пикквикского клуба".

Нам обязательно надо побывать в Варвик-замке, о котором я уже упоминал. Это большая достопримечательность и указана в нашем маршруте. Надо, значит надо. Уже, когда подъезжали к нему, сразу поняли, что такой замок голой рукой (в те времена) не возьмешь. Уж очень он укреплен и в удачном месте поставлен. Входим во двор. Павлины! Ну, что тут особенного? Ах, нет! Наши туристы ахают, хватаются за „кодаки" и „лейки". А ведь этих самых птиц,да еще не таких облезлых, в американских зоопарках хоть пруд пруди. Да, да, это верно, но ведь это же в Европе!

— Ах, бьютифул, ах лавли, ах, найс! — и щелкают изо всех сил.

Смешные. Мы сделали несколько снимков, но это в виде протеста.

Входим внутрь... Портреты портреты, портреты, и никого знакомых. Правда, подписи под ним внушают уважение. Тут и Рубенс и Рафаэль, и Ван-Дэйк, и Рембрандт. Согласитесь, что это все таки имена... Тихо... Жизнь ушла отсюда.. Это музей, а ведь когда-то...

Рассматриваем коллекцию холодного оружия. Вот сабля с пистолетом у рукоятки (специально для обороны). Ах, как здорово придумано и как бы это было кстати сегодня, когда идешь в кино, или в лавку за картошкой Нельзя — не демократично. Вот тяжелые кольчуги, мечи, шлемы: сколько изобретательности и труда было вложено в свое время в это

дело „прохладного" оружия а теперь какой-то паршивенький „Смит и Вессон" сделал бы в кольчуге дырочку и всему закованному в железо рыцарю — грош цена...

Вот они залы, где ели, пили танцевали, любили, веселились и сводили счеты. Только часовня совсем небольшая. Поели, попили, помолились и... сбросили кое-кого в пропасть, через окно башни специально для этого приспособленное. Я глянул вниз, а там бурлит река Эйвон, так же, как она это делала столетия назад. Только может быть воды было больше. Впрочем, все это не новость: я знаю страну, где спешно просили забыть имена людей вчера евших и пивших...

В часовне полумрак и зловещий, к тому же. Когда нас ввели туда, на нас глянуло страшное, изуродованное лицо живого человека, специально приставленного к часовне в роли объяснителя. Мы сразу смолкли; на нас „смотрел" слепой человек, у которого вместо кистей рук болтались белые перчатки. Это стоял перед нами инвалид второй мировой войны, нашедший здесь себе кусок хлеба. Целый день, в этой холодной, каменной клетке, он говорит людям, которых не видит, одни и те же слова и улыбается страшной улыбкой Квазимодо. И так — всю жизнь! Господи, может быть он рад и этому. Ведь ничего другого он не может... И невольно вспоминаются другие герои войны, сидящие в деревянных тележках или волокущие свое тело по асфальту, со словами:

— Граждане, подайте инвалиду отечественной войны!

Уходили мы, опустив головы. Мы даже „на чай" не можем ему дать: он не видит и взять не может. Только Гриша догадался положить около него на барьере, нарочно громко звякнув, монету.

Англия для меня давно не „терра инкогнита". Еще двадцать лет тому назад, пролетая над ней в качестве беженца, по дороге в Америку, я ее изучил досконально, так, что теперешний визит укрепил зародившиеся подозрения, высказанные в свое время Расплюевым, сказавшим, что англичане мореплаватели и просвещенная нация.

Когда мы проезжали через Итон то были поражены настолько, что остановили автобус и схватились за фотоаппараты: вся учащаяся молодежь ходит в визитах. Вы себе представляете — идет по улице карапуз, в руках зонтик, а сзади болтаются фалды? Просто будущий Чемберлен! И смех и грех!..

Английские поля, это буколические картинки прошлых столетий с маленьким новшеством: сочная, зеленая травка, раскидистые деревья, масса овец (символ мира и благоденствия), обилие птиц и... громадные мачты с проводами высокого напряжения. У домиков крепкие заборы, солидные ставни – типичный английский индивидуализм. А как раз этого сорта индивидуализм нам, в Америке, очень нужен.

В дороге возникает естественая необходимость написать домой письмо. Надо купить „воздушную" открытку, но их нет в продаже. Марки? Они в автомате, куда пихаешь совсем не те монеты, которые нужны. Если подвернется почта, то открыток она не продает. Бежишь с купленной маркой за открыткой (с видом) к ближайшему газетчику. Все сделано, написано, но не бежать же на почту, чтобы сдать письмо? Тогда начинаются поиски почтового ящика; это же пытка, а тут еще торопят ехать. Лучше не писать писем.

— Тут не так виновата цивилизация, — объясняет Гриша, — как человек, не умеющий к ней примениться. Ведь иметь зубную щетку — это цивилизация, а уметь ею пользоваться — культура, — и посмотрел в мою сторону.

Упрекать Англию за скверную погоду „я не стану и не смею". Все время было чудесно и солнечно, а мы таскали за собой эти ненужные зонтики, вызывая насмешливые улыбки наших спутников. Ничего, смеется тот, кто смеется последний и мы их спрятали в багаж, под брюхо нашего транспорта...

Мы в Дунбаре; перед нами — суда которые отправляются в овеянный военной славой Дюнкерк. Наша группа проходит простые паспортные формальности и садится на судно с громким названием „Король Альберт". Едем в Остендэ, бельгийский порт, где нам будет подан наш автобус,

фирмы „Турист", на котором мы покатим по европейским землям, не меняя транспорта. Это будет уже по-настоящему наш „дом на колесах"..

Обращает на себя внимание супружеская пара: она интереснее его, но зато он старше и всем недоволен. Она общительна, а он мрачен, и подозрителен. Она всему радуется, а он жалеет, что поехал. В такой полной житейской гармонии они едут сидя рядом. У них в Риме произошла тяжелая семейная драма... Из Остендэ мы двигаемся в бельгийскую столицу. На пароходе звучит французская речь, висят плакаты на трех языках и в баре, куда потянул меня Ардов, чтобы приобщить к французской культуре, сразу дали нам понять, что де „Голль на выдумки хитра" и за пустячный стакан воды с виски, лупанули с нас по два доллара, не желая принимать английские фунты, которые нам хотелось скорее сплавить, чтобы разрядить нежелательные финансовые накопления в валюте, нам уже не нужной. Французские матросы широкоплечие, подвижные и грязные, шумят и стремительно подносят складные кресла, жадно смотря в ваши руки, чтобы они не оскудели. Пароход, несмотря на пышное название, убог и тесен для такого количества пассажиров. Наша группа, как испуганные овцы, сгрудилась на корме, время от времени освежаясь в баре. Когда нас повели обедать, то нас очень удивил человек в военной, синей, морской форме с колодкой орденских ленточек, разносивший еду и убиравший посуду быстрее и ловчее других официантов. Мы заинтересовались:

— А это, — объяснили нам, — бывший военный взял в аренду ресторан на пароходе и с этого живет и... живет не плохо, но и работает сам, как зверь.

Тут же (но не в ресторане), мы увидели настоящего битника и его подругу. Это было нечто неописуемое — просто пещерный человек: грязная копна волос, немытая морда, ужасный наряд и в руках гитара. Сбоку подруга жизни такая же, как и он, но без гитары. Дорогу им уступали безо всяких разговоров, казалось, что грязь и насекомые сыпятся с них при каждом движении. И все же впечатление безобид-

ное. У них нет кольца в носу, как у „хиппи" в Сан-Франциско, и лицо не наркомана и не преступника... Терпеть можно.

Когда мы высадились на берег в Остендэ, то наш автобус уже стоял ожидая нас. Затем с парохода прибыл наш багаж, мы познакомились с шофером Абрахамом, другим нашим спутником и ангелом-хранителем, и начали страдальческий путь по европейской суше...

В провинциальных городках Бельгии, которые мы проезжали, масса уличных кафе и они переполнены публикой. Автомобили стоят у тротуаров и никаких столбиков для паркования нет. Вот раздолье. Гриша глазом опытного натуралиста отметил, что коротких юбок, в Бельгии значительно меньше чем в Англии. Если я не писал о победном шествии покорителя всего мира „Кока-Кола", начиная с Англии, то делаю, это сейчас. Этот напиток, с полной ответственностью за мои слова, завоевал мир. В самых неожиданных местах (с точки зрения эстетики) горят, блестят, зовут, кричат и вопят плакаты „Пейте Кока-Кола". И это настолько настойчиво и навязчиво, что европеец не устоял и сдался. Видеть в венском кафе, в голландском отеле, в испанском цирке, в итальянском ресторане, в немецкой пивной, в австрийском курорте и французском шантане, людей пьющих „Коку" — совершенно нормальное явление, никого не удивляющее. Как этого добились американцы, не знаю. Не допускаю мысли, что в порядке экономической помощи „Кола" шел, как принудительный ассортимент. Силой пить не заставишь. А пьют, да еще как! Так же, как огромным секретом является рецепт изготовления этого напитка, так и необъясним его триумф во всем мире...

Бросается в глаза жадность к доллару. Силен еще! Могуч! Победоносен! В каждой стране предпочитают получить от нас малую зеленую бумажку, чем свою пеструю и большую. Это мы только скептически на него смотрим и поругиваем, а другие...

В Брюсселе мы пошли гулять по этому красивому городу и, чтобы не потеряться, гид принес веревочку и все, взявшись за нее, гуськом пошли на прогулку. Шанс потеряться был сведен к нулю. Погода, как на заказ. На центральной

площади Брюсселя стоит ансамбль зданий (карэ), поражающий своей архитектурой. Там и готика и романтика, и барроко. В нишах статуи, бюсты, лепные украшения, колонны. Очень красиво. А когда вечером все освещено прожекторами, то туристы стоят не зная, в какую сторону смотреть. Волшебное зрелище.

В вихре войны, все эти великолепные здания были частично разрушены — так же, как и другие города Бельгии, Голландии и Дании. Но муравьиная энергия оставшихся в живых людей восстановила все в прежнем величии, чтобы ведали потомки...

Недалеко от этой площади есть дом, у которого срезан угол, поставлена решетка и за нею стоит чугунный неприличный мальчик. Вода непрерывной струей брызжет из него в маленький бассейн. Будь он живой, его бы уже давно выпороли и поставили бы в угол, но тут он стоит в углу уже много лет и благодарное человечество считает своим долгом повидать этого шалуна. Я не знаю, я не пуритании и лично мне эта фигура очень по душе. Я люблю юмор и ценю его даже в таком виде. Гриша, зная об этом мальчишке еще в Америке, предложил мне опыт, который, опираясь на человеческую глупость (его слова) обязательно увенчается успехом. И он его проделал. Подойдя к фонтану, он раскрыл небольшую коробку и когда наша группа отошла, а другие туристы подошли, воскликнул:

Чарминг! Вандерфул! Зер шён! — и обратился к ним с речью. Вот она в кратком виде:

— Лэди и джентельмены. Каждому из вас приятно увезти на память фотографию этого шалуна или какой-нибудь сувенир, напоминающий его позу (в соседних магазинчиках этот мальчик есть, как пробочник, как солонка, как пробка, как стаканчик и т. д.), но было бы приятно помимо его внешности увезти и его продукцию. Предлагаю вам по двадцать центов бутылочки с пробкой и вы сами сможете наполнить их этой водой, которая так весело и непроизвольно льется из его организма, и увозя ее домой к своим родным и близким, рассказать им о мальчике, и показать им его...

Буквально через пять минут у Гриши в руках были деньги, а у туристов, галдевших и радовавшихся — бутылочки и пробки.

Когда мы догоняли свою группу, Ардов, пересчитывая наличность, добавил: —

— Горе в том, что имея и бутылочки и пробки, люди не смогут добраться до мальчишки. Решетка мешает. Это предусмотрено!.. Я знал о мальчишке еще в Америке, а в Европе убедился, что легче дотянуться к чужим деньгам, чем...

Мы побежали...

Удалось увидеть, да и то наспех — храм — в память Царя-Мученика Николая Второго и всех русских людей богоборческой властью в смуте убиенных — во имя святого Иова Многострадального, в день коего родился государь. На внутренних стенах храма установлены памятные доски с именами царственных мучеников, верных слуг их, архиепастырей и умученных русских людей. Я так думаю, что если можно было бы написать имена ВСЕХ погибших за эти страшные годы, то стен православных храмов не хватило бы.

Калейдоскоп нашего передвижения настолько быстр и пестр, что я даже не могу уловить, как мы попали в Антверпен? Это определенно был он, потому что не успели мы въехать, как „ихтиозавр" — автобус умудрился раздавить маленькую легковую машину. Из нее вылезла небольшая дама с большим псом, которая немедленно набросилась на шофера, а собака ограничилась только лаем. Приехала полиция и я наглядно убедился в том, какая разница между американской полицией, спокойно сидящей в своей машине и составляющей протокол и бельгийско-французской, кричащей и размахивающей руками. Тут же, в таком ажиотаже и публика призывающая Бога в свидетели, без необходимости давать его адрес. В центре этого кипящего котла варится и Гриша. Врожденная тяга к справедливости заставляет его стать на сторону дамы, но желание скорее уехать толкает его на поддержку Абрахама. Он выбирает лучший выход и... смывается..

Мелочь, но впервые после Америки увидел цифру семь с поперечной черточкой посередине. Вот какая колоссальная разница между Старым и Новым Светом. На каждом шагу родные сердцу названия: „Шелл", „Гудриш", „Вулворт" и т. п. Мы проехали по каналам города, но поездка омрачилась встречей с огромными баржами вывозящими мусор, грязь и сор из домов. Они по существу заменяют в Бельгии те грузовые автомашины „Диспосал", которые в определенные дни освбождают в Америке „гарбичкэны", стоящие около домов. Один их вид и запах говорит о том, что наш сор, мусор, грязь и вонь значительно лучше европейских.

По дорогам, вне города, еще и теперь встречаются „доты", огромные бетонные возвышения из которых в свое время выглядывали пулеметы и легкие орудия. Оставлены они, как символ прошедшего и угрожающий намек на будущее. Все страны давно почти совсем отстроены и обновлены, это сразу же бросается в глаза. только Советский Союз и Восточная Германия с этим не торопятся и вполне резонно: третья война будет и разрушения неизбежны. Так где же логика? Строить, чтобы потом опять разрушить? Конечно, нет смысла.

С этими размышлениями мы покинули Бельгию и приехали в Амстердам, который по-прежнему находится в Голландии, чего, например нельзя теперь сказать о Лейпциге или Дрездене — они уже в СССР.

Громадной нелепостью этой страны являются каналы. Засыпать их и построить на них дома, ведь столько полезной площади пропадает. Но разве голландское правительство прислушается к трезвому голосу русской эмиграции? Вот в Америке благодаря нам (вернее благодаря нашим указаниям) многие серьезные проблемы совершенно изжиты или разрешены в лучшую сторону. Хотите примеры? Пожалуйста:

1. Укреплена рыночная стоимость доллара и приостановлен рост цен.

2. Благополучно разрешен расовый вопрос.

3. Своевременно понята опасность ненужных войн.

4. Налажена регулярная помощь странам, от которых пользы, как от козла молока.

И многое другое до чего американцы никогда бы без нас не додумались... Мне не хочется это ставить нам в заслугу, но и забывать об этом не надо... Пиво непрерывным потоком льется в наши ненасытные глотки. Пиво! Первоклассное пиво Европы. Было из за чего ехать.

Английский эль, бельгийский пильзен, голландский черный нектар, а ведь впереди еще столько стран, где пиво уступит место вину. Ах, какая блестящая перспектива...

4. — САРДИНЫ * ПОЧТИ ВЕНЕЦИЯ * НЕМЕЦКИЙ НЕГР * ПЬЕМ И ПОЕМ * БУДУЩАЯ ВЕТЧИНА —

Едем через Роттердам — третий по величине порт в мире. И он и Амстердам были раздавлены и разбиты с присущей немцам аккуратностью. А вот, сейчас, спустя четверть века, мы видим на горизонте множество „цапель" — одиноких кранов и по сей день отстраивающих трудолюбивую страну.

После войны Голландия по плану Маршалла (помните еще эту фамилию?) получила огромную помощь от.. ну, от кого же? Конечно, от Америки. И быстро встала на ноги. Ругают ли голландцы свою благодетельницу, я утверждать не берусь, но если они этого не делают, то выпадают из стройного ансамбля других благодарных народов.

Вопрос к читателю: знает ли он что такое воздушное охлаждение в автобусе? Знает? Так вот, в нашем, населенном тридцатью пятью человеческими разновидностями, это самое охлаждение испортилось и солнце узнав об этом (может быть от железной обшивки нашего „дома" шел пар?), сосредоточило все свое внимание на нас. Как не старалась наша коробка на колесах убежать от палящих лучей — ей это не удавалось, а мы, как сардины плавали в собственном соку десять часов долгого пути. Вот, когда мы вспомнили о дож-

де, а открыть верхние (на крыше) окна мы не могли. Во первых внутри начиналась буря, а во вторых целительный запах навоза с голландских полей забивал дыхание, которого и так не хватало.

Номер отеля в Амстердаме поражал комфортом: помимо умывальника были телефон и радио. Остальные звукопередаточные институции отсутствовали. Но умывальник поражал своей неорганизованностью. Похоже было, что он астматик и ночью ему было особенно тяжело. Он начинал шумно дышать, хрипеть, а потом внутри его что то булькало и клокотало. Все это через определенные промежутки времени, как у хорошего гейзера. Гриша бросал ему в горло аспирин, а раз ночью даже сунул две таблетки транвилайзора, но как видно болезнь была застарелая. Зато радио и телефон молчали, даже когда от них требовали обратного.

В Амсаердаме, нас везут, в речном трамвае, по каналам знакомиться со страной и городом. Здания стоят в воде. Это преддверие Венеции. Едем мимо „Отель де Европ", название которое обязывает и из окна кухни расположенной у самой водички высовывается веселое лицо повара, он споласкивает очередную кастрюлю прямо в канале и передает ее поваренку для кухонного действа.

Плывем по „Джентельмен-Каналу". Девушка — проводник объясняет, что это один из стариннейших каналов страны украшенных романтикой древнего Амстердама. Мы проехали и его и десятки его собратов, но вместо нежного плеска воды о пришвартованные лодки (ни одной не видели), мы слышим рокот автомобильных моторов и видим их тысячами стоящих на берегу, носом к воде. Они услаждают обоняние едущих по каналу, привычным к этому носам, запахом газа. Романтика испарилась — бензин остался.

В центре города, на площади, где сотни голубей, стоит обелиск и к нему прислонена фигура, в распятом виде, обнаженного мужчины. Вокруг, тоже фигуры женщин и детей. У подножья постамента много живых цветов и венков. Все это приносное. Нам объяснили, что памятник этот символи-

ческое изображение голландского народа, в свое время распятого немецкой оккупацией. Впечатление угнетающее.

На многих домах, над каналом, на высоте пятого или шестого этажа, торчат огромные балки с крюками и блоками. Оказывается, что мебель значительно легче поднять на блоке до нужного этажа, а потом через окно водворить в квартиру. И легко и удобно — никаких лестниц... В некоторых каналах такая грязная вода, что и поверхности ее не видно.

Накануне отъезда мы посетили фабрику бриллиантов, основанную в 1664 году. Чувствуете? Триста лет тому назад! Никого из прежных рабочих мы уже не застали, но некоторые орудия производства стоят под стеклом.

Портрет основателя предприятия висит на лестнице, а внутри на стене огромная картина изображающая копи где добывались алмазы три столетия тому. Для поощрения в руках надсмотрщиков над рабами огромные дубины и бичи. Пряников не видно...

Нам показали куски сырья и потом законченные изделия уже оправленные в золото, серебро и платину. Работа филигранная и на редкость красивая. Дамы стонали, а мужья стояли насупившись. Равнодушный Паульсон дымил трубкой, а потом лениво сказал, указывая на одно из колец:

— Сколько?

— Двести долларов.

— Заверните.

Наши спутники стали смотреть на техасца другими глазами, а одна сильно одинокая дама, прозванная Гришей — „бисова вдовичка” придвинулась к Паульсону вплотную, не веря своим глазам... Взгляды же мужчин приобрели противоположный характер.

Это кольцо он кажется так и не надевал, а носил в кармане брюк, но штатом своим неимоверно гордился и не давал в обиду.

— У нас апельсины настолько большие — говаривал он, — что их идет десять штук на дюжину.

На улицах Брюсселя и Амстердама мы видели листовки расклеенные на домах и афишных тумбах. Они кричали о первом мае и о войне в Вьетнаме Одну, мы сорвали, чтобы никто не мог бросить упрек нашей эмиграции, что она ничего не делает в борьбе с коммунизмом.

По дороге в Любек автобус обогнал белую карету, запряженную парой карих в яблоках с двумя кучерами в ливреях. Мы думали, что это кино-съемка, но Майк нам пояснил:

— Богатые голландцы позволяют себе эту роскошь, в память о своих предках.

— Костич — вдруг встрепенулся Гриша — вы знаете, что такое „балагула"?

— Мне кажется, что какой-то вид транспорта, а?

— Да но специфический. „Бал" — это значит владелец, собственник, а „агула" — это воз. Балагула же извозчик. Кто-то спросил балагулу:

— Почему говорят „балагула" а не баласисим" („сисим" — это лошадь), ведь он-же владелец лошади?

А тот отвечает:

— Повозка наверняка моя, а лошади бывают и краденые. Кстати, Костич, балагулы народ бывалый, разбитной и остроумный. Не допускаете ли вы мысли, что „балагур" происходит от этого слова?

Я не допустил.

На лугах Бельгии и Голландии коровы и овцы, овцы и коровы, но вот уже недалеко от границы Германии первый зримый ее признак — увесистые свиньи, которые с таким удовольствием подкладывают друг другу соседи, друзья и державы... Граница! Американские паспорта заставили таможенного чиновника войти к нам, а не вызывать нас к нему. Он прошелся по машине, мило улыбаясь, но когда пассажиры хором запели:

— Майн либер Августин — пограничник совсем размяк и затыкая уши бросился вон. Мы за ним и тут же обменяв доллары на марки, получили первый немецкий завтрак: прекрасное пиво, шницель, кнэдли, жареный картофель, салат и вишневый пуддинг. Я это перечисляю нарочно, чтобы голодные американцы нам позавидовали.

Германия тоже (а кто нет?) получила по плану Маршалла на восстановление своего хозяйства и экономики. Одним из лучших доказательств умелого применения полученных средств послужили для нас немецкие шоссейные дороги: чистота, порядок, надписи, площадки для отдыха со столами, скамейками, тенью и питьевой водой. Ничего не „ферботен". Иногда, навстречу нам движутся колонны (на колесах) американских оккупационных войск и один вид зеленых, грязных машин, танков и обветренных лиц солдат, заставляет замирать сердце.

— Неужели повторится?

Мы приветствуем людей в военной форме из своего „Туриста" на котором развевается американский флаг.

Эти мальчики несут сторожевую службу здесь, а другие умирают в далеком Вьетнаме, необходимость войны в котором, с пеной у рта отрицается левой прессой и „прогрессивными" людьми Америки. А заткнуть рот нельзя. Свобода! Демократия! Уж, если у нас оправдывается судом заведомый убийца и преступник, то что же сказать о солидном профессоре, внушающем своим студентам ненависть к родине?!

В автобусе прохладно и поэтому у всех тепло на душе. Некоторые, даже поют. Вдруг, резко меняется скорость и наш Абрахам переводит ее на 35 миль в час и это за городом, на большой дороге. Поднимается ропот, но Майк объясняет, что значит в Германии „ферботен" (слово которое в Америке никому не известно, а сейчас более, чем необходимо) и говорит, что если мы поедем только на одну милю быстрее, то через некоторое время, нас догонит дорожная полиция и предъявит все доказательства нарушения порядка, вплоть до фотографий злоумышленников. Вот бы нам такое! К

счастью это был небольшой пролет и мы опять возвращаемся к американским масштабам...

Вот и Любек. Цены не особенно радостные, но алкоголь настолько дешев, что даже наши дамы не удержались. Пьем во всю. Мы остановились в отеле „Интерпол" (странное название?) и наличие, при такой теплыни, на кроватях перин умилило нас до слез. Но это не были слезы радости. Ардов сбросил перины на пол и так спал... В отельном ресторане мы увидали негра-официанта. Гриша бросился к нему, как к родному, а тот ему:

— Сожалею, но я не говорю по-английски.

Всеобщее изумление.. Вот вам еще одна из гримас войны: ребенок прижитый двадцать два года тому назад за плитку шоколада и банку консервов. Потом Германия упросила Америку, в порядке „импорта", взять к себе этих ребятишек, если матери согласятся отдать. Силой детей от матерей не отбирали. Одна лишь страна в мире (не указывая пальцем на юбиляршу) позволила себе когда-то такую вольность... А, как известно оккупационные войска в Германии не сидели сложа руки и пополняли убыль немецкого населения.

Впервые в мире, мы увидели в карте вин немецкого ресторана алкогольный напиток „Никита". Это была дикая смесь черт знает чего с черт знает чем. Она удачно напоминала своего тезку-гнуснейшую смесь донецкого шахтера с обнаглевшим хамом, в руках которого была судьба великой державы! Оглянуться не успели — Гейдельберг. Я стою на набережной Неккара. Масса зелени. Старые, большие, развесистые акации и огромные,заслуженные каштаны, цветущие розовыми „свечками". Они стоят бесконечной линией. Сколько русских людей гуляло под их сенью?

Сотни. Приезжали, учились, набирались мудрости у великих ученых преподававших в местном университете, который знает весь мир. Учились и возвращались домой, чтобы верой и правдой потом служить родине. Конечно, были и обратные явления. Много революционных имен околачивалось в этих стенах... Вот, он, Гейдельберг, прославленный в

науке город, учебное заведение которого стоит в одной линии с Кэмбриджем, Оксфордом и Сорбонной. Кое-кто из читателей немедля обратится с письмом в редакцию, опровергая мои слова и укажет на заслуги Московского университета. Они будут правы, но вот и моя поправка: профессура нашего университета имела всероссийскую славу, а те всемирную и особенно в этом отличался Гейдельберг. Заглядывая через плечо в мои записи, Гриша сказал:

— Костич, не увлекайтесь, дорогой. Если вы хотите знать, то одесский университет далеко опередил всех.

— Чем?

— Если вы не знаете, то и объяснять вам нечего, — повернулся и ушел.

Такого одесского патриота еще свет не видывал.

— Дерибасовская лучшая в мире улица!

„Ланжерон", это пляж — „от той мамы" и всякие Лидо и Ривьеры — нуль.

И все в том же духе. Зная, как я люблю Киев он делает мне скидку на Владимирскую горку и Труханов остров.

Может быть по скромности, а может быть из более глубоких побуждений, я не сказал читателю, что с нами ехала католическая сестра, в монашеском одеянии и с крестом на груди. Оказалось, что она такая же путешественница, как и мы. А что она не человек, что ли? И все же, как то неловко в ресторане в ее присутствии, хлестать вино и глушить пиво бутылками, поэтому это мы делаем стаканами.

Сейчас, едем на какой-то бал студенческой корпорации, где за три доллара с носа можно пить до бесчувствия. Если у меня будут силы и возможность — буду записывать. Сестра, конечно, с нами.

Да, между прочим, мы искали на улицах „мини-юбки" (не на витринах) и не нашли. Я не думаю, что они здесь запрещены, а просто в этом городе их значительно меньше.

Считаю это приятным открытием. Мы попали не на бал, а вот что оказалось: у неказистого на первый взгляд здания, у входа, нас встретили студенты и студентки, одетые в форму своей корпорации, включая бескозырки на головах и ленты через плечо. Так было и сто лет назад и больше. Традиции Гейдельберга очень устойчивы.

В зале на столах горели только свечи, что создавало известное настроение. Но мы чувствовали себя не совсем ловко. Кто его знает? Ардов где то вычитал что местные студенты дерутся на дуэли по всякому поводу и поэтому избегая осложнений сел рядом с монахиней, чтобы быть, как он выразился, под сенью креста. Вел он себя „ниже травы", а я „тише воды".

Когда подъехала еще одна группа иностранных туристов и собралось нас человек до ста, началась концертная программа студенческими силами. Все было просто, непритязательно, но очень мило. Концерт шел на безукоризненном английском языке (сценки, куплеты, рассказы, песенки) и публика от души смеялась и веселилась, как в старые добрые времена. Я уже упоминал, что в программу была включена бесплатная выпивка в неограниченном количестве. По американским масштабам это нечто необычное и наш народ приналег. Кофе пили только ненормальные.

Пелись песни и слушатели взявшись под руки, сидя, раскачивались. Сестра не отставала, но вечер достиг своего апогея, когда дамы стали на стулья, а кавалеры перед ними на полу, на колени. Для нас с Гришей это было простительно: перед нами был крест, а вот другие? Вот уж, действительно, когда у прекрасного пола наступило головокружение от успеха...

Веселый юноша поднялся на эстраду имея в руках кусок угля и несколько листов плотной бумаги. Он сказал:

— Кто угадает, по первому штриху, кого из политических деятелей я начну изображать, тот потом получит законченный рисунок. —

Конечно, угадать было трудно но все же моя соседка, все та же монахиня, узнала Мао, а Григорий и тут успел выско-

нить на поверхность: увидел на листе два объемистых полукруга и крикнул:

— Бриггит Бордо! — Громовой хохот и аплодисменты вознаградили его за такого политического деятеля. Оказалось, что эти полукруги были предтечами будущих букв „энд", то есть конец концерту и хорошо проведенному веселому вечеру.

Когда наша группа покидала зал и шла к автобусу, мы все крепко держались друг за друга. Этим мы показывали хозяевам дружбу и спайку нашего коллектива. А может быть это было вызвано и другими причинами...

Гейдельберг чрезвычайно уютен; у берегов пристаней, где водные „трамваи" стоят и милые (как на Днепре) лодочки, на одного-двух человек, с уключинами, как в блаженные времена, в Киеве, у Добровольского. Городок от войны совершенно не пострадал и поэтому крытые черепицей дома придают ему особенный вид. Улицы (жилые кварталы) стоят сплошной стеной и то, что мы называем „одноэтажной Америкой" здесь и редкость и дорогое удовольствие.

Когда мчишься по дорогам Европы и читаешь указатели со стрелками „Базель", „Лиссабон", „Венеция", „Цюрих", „Барселона", „Вена", „Копенгаген", „Париж" и т. п., то невольно думаешь:

— И кто это едет? И кто это читает? Простой американский рабочий, бывший голодранец, дипишка. И кто ему дал эту возможность? Все та же Америка!

Хотя наш отель и считался хорошим (из его окон открывался сказочный вид на старый, мудрый Гейдельберг и тихий Неккар), но мимо отеля проходила воздушная железная дорога, по которой по нашим рассчетам катилось по два поезда, каждый три минуты. Как можно после этого восхищаться этим зловредным городишкой?

Утром мы получили очередной континентальный завтрак. Когда впервые в Лондоне нам сказали, что мы будем каждое утро получать „континентальный" завтрак, нас это заинте-

ресовало. Какое заманчивое прилагательное. Что-то в нем есть, это не даром. Оказывается — даром, потому что это булочка, кусочек масло и чашка кофе. В этом и заслуга „континентальный”.

Погрузившись в автобус, мы все же заснули. Сказывалось все: вчерашнее вино и пиво, песни, раскачивание и.. возраст. Как это ни странно, но наш шофер Абрахам, который накануне пил больше всех, управляя машиной не спал, а только раскачивался. Так и ехали. Через Кельн мы проехали почти не останавливаясь, только у знаменитого собора предложено было выйти и его сфотографировать. Боже мой! Что делалось вокруг этой святыни и архитектурного сокровища? Грузовики, автобусы, тролейбусы, легковые машины и тысячи пешеходов кружились и объезжали здание со всех сторон так, как тут скрещивалось несколько магистралей, а кроме того, под самым собором производились какие то фундаментальные работы, были выкопаны огромные ямы, двигались булдозеры, храпели экскаваторы, шевелились краны. Пыльно, грязно, душно и неприветливо, а у стен храма ларьки и лавочки с сувернирами, открытками и книжками, посвященными этому величественному зданию. Вот в Бамберге, под кафедральным собором, построенном в тринадцатом столетии, нашли второй храм, не уступающий верхнему по величине, хотя он и оказался созданным на двести лет раньше.

Никто не знал о нижней церкви. Вход в нее был и замаскирован и замурован. В храме обнаружили гробницу с останками (предполагают) короля Генриха Второго и его супруги.

Не особенно приятно, когда спустя **девятьсот** лет ворошат то, что от тебя осталось.

А впрочем...

Чтобы снять на пленку надо отойти от собора подальше, а куда отойдешь, когда кругом бешенное движение всех видов транспорта. Публика ограничилась тем, что делала снимки с самих себя с тем, чтобы человек получился на карточке целиком, а от собора ступенька или кусок ноги какого-ни-

будь святого. Внутри же этого сокровища тихо, прохладно и свято. Оно было сильно изувечено войной, но теперь восстановлено.

Мы мчимся к побережью, где погрузимся с автобусом на океанскую махину, перевозящую живой (мы) и мертвый (машины) груз из Германии в Данию. Едва мы вступили на территорию судна, как было объявлено, что алкоголь, сладости и парфюмерия продаются без акциза. Никто не вникал, чем это вызвано, но вакханалия закупок опьяняюще захватила нас. Люди, как звери ринулись к прилавкам напитков и запахов! Поведение туристов страшно возмутило Ардова и он едва пробился к продавцу. Зная, что его могут обидеть, я держа в зубах доллары, шел в его фарватере. Ну и народ, честное слово!

Монахиня далеко отстала от нас. Да, и не нужно это ей!

На пароходе Гриша проявил себя настоящим джентельменом, особенно к дамам в „миниюбках". Когда они поднимались по лестницам, на различные палубы, он всегда уступал им дорогу, покорно плетясь позади.

Итак, мы на пути в Данию... Мы о ней много слышали, а Джони, чудесный американец, бывал в ней не раз, будучи солдатом. Он говорит, что знает в этой стране каждый уголок, особенно, если это касается Копенгагена и его увеселений. Разочарование наступило немедленно. Что это за дикие порядки на пароходе? Хотите пива — купите бутерброд. Без него пива для вас нет! Людям приходится платить — за то и другое, а сандвичи так и лежат в буфете. Оно и понятно: сколько их можно съесть, даже на наш, русский желудок? А пиво идет само собой...

Выгрузились и уже едучи в автобусе с любопытством наблюдаем, как будущая прославленная датская ветчина, в огромном количестве, гуляла на крестьянских дворах, провожая нас укоризненным взглядом.

И мы в столице Дании, Копенгагене. Красивый город, недаром его зовут северным Парижем. Фонтаны, статуи, Андерсен, русалка, Тиволи и прекрасная кормежка в отеле.

Вокруг бесконечное количество тюльпанов, посаженных где только можно. Масса людей на улицах, но среди этих людей выделяются датчанки (особенно блондинки) — очень интересные женщины. Если не верите мне, то повертье специалисту этого дела Григорию Ардову. Он обалдело останавливается посреди тротуара, так что его приходится тянуть. Но выражение „дети цветы жизни" применимо только к Дании.

5. — БЕСПОДОБНЫЕ ДЕТИ * ТИВОЛИ * СКАЗКИ АНДЕРСЕНА * ГАМБУРГСКИЕ УЖАСЫ * ЗАМКИ С ПИВОМ —

Ах, что за дети! Я так пишу, как будто бы никогда не видал детей и не был никогда ребенком. Поверьте господа, был и даже от зеркала оторваться не мог. Но эти просто, что-то восхитительное — эти датские дети. Просто пирожные и сдобные булочки, в нарядах, сделанных с большим вкусом. Чем их кормят? Вы посмотрите на эти ясные глазки, на этот радующийся Божьему миру, взгляд. Все они круглые, веселые, упитанные, с чудесным цветом лица. И глядя на эти свежие, ароматные, молодые побеги, с ужасом думаешь о грозящей „3-й великой", разрушительной войне. Во имя чего, Господи? И главное, что вся эта детвора, ну, как на подбор — один другого лучше. Мы ими особенно налюбовались в „Тиволи", в воскресенье, днем, где их были тысячи и ни одного среднего, а все высшего качества...

Дама несет двухлетнего красавца, но плачущего, Гриша хватается за сердце и шепчет:

— Костич, я его успокою. Он же вылитый мой Мишка. Если я дам этой даме доллар она даст мне подержать малютку, а?

— Ни одна уважающая себя мать не сделает этого для вас даже за пятерку!

— Ну и глупо!

— Конечно, глупо. Пятерки на улице не валяются.

Мой друг, концертная пианистка, Ирина Зейферт, из западного Берлина, которая была в это время в Дании, прилетела в Копенгаген и два дня была с нами, где услаждала слух нашей компании своей артистической игрой.

Не долго думая, мы ее угостили за это одним бесплатным обедом...

Однако, Гриша, которому не терпится блеснуть тем талантом которого у нет нет, обрадовал публику предложением спеть „вслух" „Очи черные". Предложение было встречено с восторгом. Ирина села за рояль, но слов он не знал, а только мотив и вот в притихшем огромном зале столичного ресторана, датского государства, зазвучало:

— „Очи черные, очи страстные, очи тихие и опасные, очи чудные, — врал он, — очи грустные — очи редкие, мясопустные..." — а я положив голову на стол беззвучно сотрясался, от смеха... На улицах, как правило, молодежь ходит в обнимку, по принципу: дама держит кавалера за талию, а он ее за шею. Может быть это для лучшей устойчивости, но наша попытка так ходить успеха не имела: полицейский сказал, что для однополых такой метод не к лицу... Птицы в Дании настолько наглые, что когда мы были днем в „Тиволи", то они лезли прямо на стол: селезень рвал из рук, а воробьи клевали с тарелки знаменитые датские пирожные, причем пользовались тарелками еще и для других надобностей...

О „Тиволи" мы и читали и слышали. Нам прожужжали уши про этот сад-красу и гордость Копенгагена... Ну, знаете! Перед входом в парк стоят тысячи велосипедов, старых, грязных, чиненых — перечиненных и почти все без замков. Ну, кто польстится на такую рухлядь? Вот и привели к неприятности. Гриша решил перед нашими дамами тряхнуть стариной, выбрал один из более или менее прочных велосипедов и прокатился по тротуару, лихо управляя одной рукой, а другой салютуя нам.

— Видели, мол? Есть еще порох в по...

и с разгону въехал в ряды стоявших железных коней.

Раздался треск, звон, скрежет и лязг! Мы поспешно пошли к кассе не ожидая результатов джигитовки. Неудачный

наездник с порванной штаниной приплелся после. Так вот: сад этот, с позволения сказать, насыщен до отказа всяческими постройками, среди которых растут деревья и редчайших пород тюльпаны, глядя на которые вы даже не можете поверить, что это настоящие цветы, а не „мэйд ин Япан". По аллеям ползут тысячные толпы с детьми на руках, за руки и в колясках. Эти во сто раз лучше тюльпанов, одно загляденье! Толчея невообразимая, свежего воздуха вы не чувствуете: жареная картошка, рыба и еще кое-что несъедобное. Все вместе создает одно слово — вонь. Просто противно и когда вспомнишь о просторах наших американских парков, садов и лесов, то становится жаль датчан... Но наш гид упорно уговаривает нас посетить парк вечером.

— Вы его не узнаете. Поверьте мне!

И мы пошли, еще раз, вечером. Он был прав. Сад этот — до парка ему далеко — стал просто неузнаваем. А в чем дело? Световые эффекты. Во первых на всех деревьях засветились цветные фонарики, все здания „с головы до ног" засияли разноцветными огнями. В кустах, в цветах и даже в воде фонтанов и прудов были спрятаны самые разнообразные лампочки: мигающие, вспыхивающие, мерцающие, что, конечно, превратило „Тиволи" сразу же в нечто волшебное. В большом зале симфонический оркестр исполняет произведения Бетховена, на открытой сцене звучит легкая музыка, а в сотнях павильонов развлечения на любой вкус и выбор. Рестораны переполнены. Все очень интересно, и восхитительно и ново, только запахи остались старые.

Город вечером освещен тоже с большим вкусом, и движущиеся рекламы создают много иллюзий. Главенствующей была (без всяких иллюзий) одна... Ну, вы догадываетесь, конечно: „Кока-Кола". Да, еще деталь: мы уже посетили много городов и всюду огромнейшие плакаты кино-картины „Доктор Живаго", нобелевского лауреата Бориса Пастернака — человека создавшего литературный шедевр и которого правительство его же страны заставило отказаться от награды и преждевременно свело в могилу, руководствуясь только одной „заботой о живом человеке", которым оказался очень подвижной и пронырливый Миша Шолохов...

Видели мы в этом городе мировой славы датскую мебель. Стояли у витрины, как заколдованные. Цены „демпинговые". Например: огромное корыто из настоящей кожи, лежит на полу, а в нем два синих матраца и за все это сущие пустяки — триста долларов. Ну, какой же дурак будет в таком корыте плавать? Оказывается, что это кровать. В нашем отеле во всех углах стоят статуэтки великолепного датского фарфора. Гриша, обращаясь к группе, многозначительно сказал:

— Господа, все статуэтки пронумерованы!

Туристы сделали вид, что ничего не поняли. А поняли, прекрасно.

Да, хочу привести оригинальное сравнение: если поставить рядом голландскую корову и датскую, то никакой разницы во внешности вы не увидите, но оказывается (Ардова анализ), что душевный мир каждой из них предрасположен к разным вещам. Голландской — к нежирному молоку для производства сыра, а датской — наоборот — к маслу. Так бывает и у людей, но сыр и масло заменяются эмоциями...

Мимо несутся красными червячками по зеленому полю — датские поезда. Мчимся и мы, а милые коровенки провожая нас меланхолическим взглядом, как бы говорят:

— Ну, чего мечетесь? Куда вас несет? Идите на травку, паситесь. Жизнь-то коротка.

Но мы закусив удила рвемся все дальше и дальше, прекрасно сознавая, что коровы правы...

Быть в Дании не посетить домика Андерсена, все равно, что будучи в Венеции предпочесть велосипед — гондоле...

И мы пошли. Ах, как этот народ любит своего великого писателя. Он ведь, не создал ни „Войны и мира", ни „Собора Парижской Богоматери", ни „Оливера Твиста", ни „Дон-Кихота", ни „Декамерона", ни „Капитала" наконец, а писал всего лишь только сказки, простые сказки для детей и... покорив весь мир, будучи переведенным на все языки, стал бессмертным. С улицы домик маленький и незврачный, в та-

ком чистом и крепком состоянии, будто бы ему всего несколько лет. А вот внутри вы видите, что прошло уже много-много времени со дня рождения великого Ганса. Мебель, посуда и большие застекленные ящики с его сказками на всех языках вселенной. На русском языке лежит прекрасно изданная книга, дореволюционного издания; как видно за пятьдесят лет это издание переплюнуть не удалось.

Об Андерсене большой русский писатель К. Паустовский пишет, что от книг этого сказочника исходила удивительная и душистая, как дыхание цветов, человеческая доброта.

О другом „сказочнике" такого никак не скажешь!

Да, простит мне читатель это нелепое сравнение: ведь выдающийся сказочник был тоже сыном сапожника, как и тот чей домик сохраняют в Гори. Только сказки первого давали и дают будущим взрослым людям радость и счастье, а „сказки", которые расказал другой „сказочник" принесли столько горя и несчастья, что не скоро можно будет стране от них оправиться.

А теперь свежая новость облетевшая весь мир:

— День рождения этого, казалось бы окончательно развенчанного, садиста признан государственным праздником. Вы понимаете, ПРАЗДНИКОМ? И чтобы позолотить пилюлю его сделали нерабочим днем. Ну?

Эх, Никита Сергеевич, чего-то ты все-таки не довел до конца!

Я думаю, что если Шолохов возвращаясь из Осло после получения Нобелевской премии посетил домик Андерсена, то подумал:

— Ну, как мою хатенку в станице Вешенской, если покончат с советской властью, поставят под стекло или разнесут, вдребезги?, — и вздохнет. — Разнесут, черти и мою и в Гори. Это, как пить дать!

Посетили и мы домик, полные благоговейного удивления: в день его посещают несколько тысяч человек и безо всякого принуждения. Едут люди и едут... Гриша мне сказал, растроганно:

— Костич, глядя на вас я всегда вспоминаю сказку Андерсена.

— О, да? какую же?

— А помните его сказку о „Гадком утенке"?

Маленькие магазинчики Дании, я имею в виду продуктовые, выглядят так заманчиво, что сразу же пробуждается аппетит. Мясо не в целофане, а под стеклянной стойкой и на витрине на крюках: выбирай, что хочешь и тебе сразу же отрежут любой кусок. Хлебы (но какие!) навалены в окне такой живописной грудой и в таком обворожительном беспорядке, что невольно останавливаешься и через стекло чувствуешь их аромат. Тоже самое и фрукты. Во всем этом есть жизнь, она дышет, пульсирует и зажигает вас и видом и запахом. Долой целофан!

В Швецию я не поехал, так как провожал Ирину, уезжавшую домой, но я поручил Грише привезти свежие впечатления о всем виденном. Он приехал и сразу же завалился спать. Я его не беспокоил, а мне было завидно: вот уже наверное насмотрелся, счастливец! Когда же он встал и пришел в себя, я пристал к нему.

— Ну, что вам сказать, — начал он, — они пошли в каком-то городе в какой-то музей и потом какой-то замок, а я с Абрахамом и Майком, нашли какой-то ресторан, где на окне висела какая-то бумажка, но Майк знал в чем там дело и мы зашли. Там ели что-то называемое „шмароброд". Это значит, чтобы ты не съел и сколько бы не съел, а цена за все одна. У нас это вышло около двух долларов на брата, а наелись на три дня. Вы не обедали? Идем. Вот вам и вся Швеция.

Ах, да, я узнал, еще что самое большое число рождений мальчиков имеет шведский город Мансбо.

Уже несколько лет там появляются на свет только мальчики.

Жители объясняют это тем, что большинство населения работает на фабрике производящей фосфорную кислоту.

— Знай я это наверняка можно было бы выпустить таблетки — „Фосфора-мэн". — Сказал Гриша.

— Хватит, вы уже озон с Аляски хотели возить тоже. Всегда печете „**воздушные" пироги.**

Он притих...

Покидая Данию мы видели на полях флегматичных коров, которых тут же доят фермеры, без необходимости загонять скот в стойла. Туристов тоже доят только это происходит в городах и в глаза не бросается.

Вечером, по дороге в Австрию, в страну сказок Венского леса, мы прикатили в Гамбург. Смешно, правда? То были в Германии, то выскочили из нее в Данию и Швецию, а теперь опять в стране сосисок, капусты и пива. Таков маршрут — ничего не попишешь.

Это огромный портовый город, возникший, как Феникс из пепла, после войны. Гамбургу, как порту попало больше всех. Его и жгли и разрушали изо всех сил.

— Мне отщение и из воздам!

Так союзники ответили немцам на их налеты. Сейчас город восстановлен, живет и дышит. И еще, как дышит. Мы ехали 12 часов и очень устали. Прибыв в отель собирались ложиться спать, но когда наш Майк рассказал нам о 50 пристаниях и 20 тысячах пароходов, разгружаемых в течение года в этом порту, о десятках тысяч матросов всех наций, обслуживающих, эти суда и порт и когда добавил, что для развлечения этой публики есть специальные театры — куда и сон девался. Мы поняли, что для культурного человека ищущего расширения кругозора, посетить хотя бы один — дело чести, доблести и геройства. Это же экзотика.

-- В малый домик, словно бомбоньерка.

С палисадником китайских роз — пел Гдиша —

С английской военной канонерки, как то раз зашел матрос!

Когда то песенками подобного рода были полны Одесса и Киев. Кропал их Володька Агатов, а музыку подгоняли

то братья Покрасс, то Ю. Хайт... Однако, наш гид с серьезным лицом предупредил нас об огромном росте уголовщины в Германии, а особенно в Гамбурге. Грабежи, убийства, поножовщина и похищение людей обычное явление.

— Не считаясь с созрастом? — затаив дыхание спросила одна из дам.

— Да, — они же матросы и им и море по колено...

Одним словом, все разгорелись увидеть то, чего никогда не видели. И мы зашагали. Был поздний вечер; от нашего отеля, где все было и мирно и тихо и прилично, прогулка заняла не более пятнадцати минут и вдруг все сразу изменилось: небольшие улицы, залитые светом, двухэтажные дома с огромными плакатами, возвещающими, зовущими и показывающими... В первом этаже, как правило — театр, а во втором комнаты для приезжающих и „отдыхающих". Надеюсь, вы меня понимаете? Группа наша, сбившись тесным косяком, шла, как рыба по реке, не отходя друг от друга и пытливо глядела на все творившееся.

И тротуары и мостовая были залиты толпой, но какой? Тут были трезвые (мы), полупьяные и „вдрызг". Люди говорили на всех языках мира. Все это сборище шумело, кричало, галдело, двигалось во все стороны и выбирало куда пойти, и что посмотреть. Гремела музыка, разносились песни, а посреди этого людского потока стояли молодцы с ражими мордами в капитанских фуражках и показывали фото-карточки тех красавиц, которые подвизаются только в их театрах. Они хватали нас за рукава, тащили к дверям театриков и только опытность и хладнокровие нашего молодого, но бывалого Майка, спасали многих от падения. А у входов, недалеко от касс, стояли эти самые женщины имея на ногах туфельки, а у пояса переднички с двумя карманчиками. Вот и весь прожиточный минимум жрицы искусства...

Часть нашей группы взмолилась и запросилась домой „баиньки", а часть героически решила нести свой крест до конца. Павшие духом, взявшись за руки и пошли к отелю. Первой шла наша монахиня. Перед ее лицом и нарядом все испуганно расступались и даже бывалые молодцы с аль-

бомами затихали, вытаращив глаза. А уж их то ничем не уязвишь. Она шла, как ледокол, а за ней легко плыли остальные суденышки нашего тура по Европе. Стоики и философы продолжали свой страдный путь.

Нужно отдать справедливость: даже в ресторанчиках и кофейнях этих улиц девушки, кроме меню, ничего на себе не имели. Полиция благоразумно отсутствовала, а может быть и была, но притаилась, чтобы не нарушать вавилонского столпотворения. Вот уж, где не было никаких „ферботен". Да и попробуйте сказать об этом полупьяному матросу или грузчику — попадет и правому и виноватому. Все это понимали. Моряк дорвался до суши. Мы же сухопутные, вели себя значительно тише.

Перед одним из театров мы остановились. Майк окинул группу страдающим взором.

— Кто еще колеблется, в ком еще не умер долг семьянина и порядочного человека, может идти в отель. Потом будет поздно.

Все стояли понурив головы, даже дамы.

— Никто? Пошли, — и двинулся к кассе. Администрация предприятия в лице такого же капитана, сразу учла ситуацию и увидев туристов, заорала:

— Заходите без билетов. Там сочтемся...

Ах, голова! Ведь могли еще заколебаться, раздумать. А стоит дрогнуть одному, как одумается другой. Это же, как в сражении на поле брани. Умница.

А раз вошли — уже выхода нет. Ведь дорога в ад вымощена добрыми намерениями, а у нас ничего плохого на уме не было. Театрик вмещал от силы около полусотни людей; нас усадили за столики, подали легкое вино, не спрашивая пьем ли мы, вообще.

Забота была проявлена просто отеческая. Оказывается, что представление идет беспрерывно, публика входит и уходит (какой матрос высидит два таких „зрелища" подряд?), а эстрадные номера идут один за другим. Учитывая все вы-

шесказанное я прошу читателя освободить меня от необходимости рассказывать, что нам показывали. Как-нибудь при личной встрече.

Честное слово — неловко.

Факт тот, что возвращались мы молча и не глядя друг на друга. На другой день за завтраком нас спрашивали, что мы видели и мы честно признались, что в театр мы не пошли.

— И глупо — сказали те, кто рано пошел спать...

Опять едем. Ровно в четыре часа дня мы перешли Рубикон, который здесь называется Рейном и это произошло в Рурской области. Первое что нам бросилось в глаза, это огромное здание с надписью „здесь строится Форд".

Гвоздь — парень, в самом сердце Германии и вдруг такая американская заноза. Это похлеще, чем — „Кока", на той далеко не уедешь, а вот на „Форде"!.. Кстати, здесь его машины называются „Таунус" и марки „Форд" на ней нет.

Мы едем по Рейну. Сбылась заветная мечта. Ведь об этой реке столько сложено песен, столько создано легенд и главенствующая о „Лорелее". Русалка соблазнившая рыбака. Есть и скала, носящая ее имя. Мы там остановились, рвали цветы и фотографировались. Красиво необычайно. Да и вообще Рейн очень красив.

Едучи, в прекрасный летний день, вдоль берега, вы любуетесь красивыми замками, где когда-то кипела жизнь, устраивались турниры (не шахматные), рыцари веселились и воевали не жалея сил и жизней... своих подданных. Сейчас, каменные стены и башни молча напоминают всем, что жизнь „суета-сует и всяческая суета". Солидные, тяжело груженные баржи плывут по реке. Пассажирских пароходов мало. Живописные берега, зеленые и яркие, усеяны домами и дачами, а на причалах стоят изящные, как игрушки, яхты. Воздух чист, светел и прозрачен. На душе становится тихо и радостно... Красота... Вот так пожить!..

Настроение становится минорным... Безо всякой рисовки: я стою у окна нашего отеля, где мы сегодня ночуем и смо-

трю вдаль. Река тут же, недалеко, вдали видны силуэты мертвых замков, я слышу плеск воды и чувствуя всю романтику ушедших дней, думаю:

— Чуден Днепр при тихой погоде...

Да, не уйдет это от нас никогда, никогда. Гриша подходит ко мне с бокалом рейнского вина и видя мое расстроенное лицо, изрекает:

— Не плачь, дитя, не плачь, напрасно...

Колокола отбивают часы... Эх и напьюсь же я в этот тихий, ласковый вечер.

Мне очень тоскливо и тот, кто имеет такое же чуткое сердце, поймет меня без объяснений. Нет, не напился я, но спать лег очень рано. Внизу, в ресторане, заливался соловьем Ардов и веселилась вся наша компания. Утром, опять едем вдоль Рейнских берегов. Эти замки курфюрстов и герцогов превращены оказывается, практичными немцами в гостиницы и музеи. На террасах, где когда то стояли пушки, водружены цветные зонтики, стоят столики и, конечно, турист путешествующий на автобусе или на своей машине не применёт выпить прохладного пива под сенью нагретых, пятивековых стен. В Кобленце наш отель „Укроп” (правда!) стоит у самой реки. Там все удобства, включая пневматический молот работающий всю ночь, на какой-то стройке. Наверное для создания полной иллюзии провинциального покоя.

6. — ТАНЕЦ ПОД ЛУНОЙ * ЛОРЕЛЕЯ * ГУСИ — ЛЕБЕДИ * УЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ * ДОННА МАРИЯ —

В этот чудный вечер, на площадке, у самой реки, мы пили за столами вкусное мозельское вино, пели и танцевали. Луна оставляла на завораживающей поверхности реки серебряную дорожку. Сама же она была и не заманчивой и не таинственной. Девственная тайна окружавшая когда-то луну жестоко растоптана молодчиками из Кэйп-Кеннеди. Все были в ударе, а Гриша заявил:

— Господа, если бывает солнечный удар, то у меня сегодня лунный — и превзошел самого себя. Он стал душою общества.

Цены на вино такие, что у нас „севенап" дороже, вот и приналегли, а тут еще танцы, тоже вызывают жажду. Во всяком случае молодежь нашей группы, отложив в сторону палки и придерживая вставные челюсти, лихо отплясывала на берегу легендарной реки родные „мамбу" и „самбу". Сестра, только смотрела и пригубливала. Одним словом, когда утром надо было вставать (солнце встало раньше), то все ходили, как обалдевшие. Никто, никак не мог понять от чего это...

Пока мы ели наш „континентальный", в ресторан зашел суровый монах, аскетического вида, в сутане, подпоясанной веревкой и сев за стол, стал насасываться пивом. Возможно, что ему подали безалкогольное. Все же при уходе его суровость несколько смягчилась...

Опять погрузились, опять едем. В автобусе раздаются „кашляки" и „чихи". Вчерашние подлунные танцы, у реки, не пропали даром для нашего подрастающего поколения и все чувствуют себя немного неловко за „вино, песни и женщин"...

Замки по дороге так часты, что не верится, что это не декорация, (как потемкинские деревни или показательные колхозы) для туристов.

У самой дороги, беспрерывно, на сотни миль виноградники, от берега вверх к вершинам гор. Отсутствие фантазии у немцев заставляет их называть отели и рестораны самыми небывалыми названиями, вроде „Укроп", „Молоток", „Крыша", „Овца" и т. д.

Солидные, длинные баржи везут по реке песок и уголь, а для нашего брата приспособлены веселые, белые пароходы. Ах, да если Дунай голубой, то Рейн похож на немецкое кофе — „эрзац".

Хочу отметить досадное упущение немецких дельцов: на великолепной скале „Лорелея", до сих пор нет рекламы „Колы". Верьте мне, что легенд и сказок я рассказывать не

буду, (это дело советских историков), а только настоящую правду, настолько, правду, что сам себе удивляюсь.

— Конечно, любоваться женщиной и слушать ее песни, сидя в утлой лодченке, не имея страховки, большая оплошность — сказал мистер Паульсон — вот Лорелея и губила людей. Хотя бы пояс одел, чудак.

Отдавая дань современности, на самой вершине скалы, воспетой Гейне, торчит в том самом месте, где восседала эта жестокая сирена, — телевизорная антенна. Делу — время, а потехе — час.

Мы пролетаем туннели, мчимся по самому краю берега и замечаем, что на склонах гор, куда поднимаются все выше и выше виноградники, они разделены каменными заборами, чтобы предохранить почву от размывания дождями и для пресечения оползней. Сколько нечеловеческого труда затрачено на эти заборы, человеком, который таская туда камни, складывал их и скреплял цементом и это на многие мили. Земля тут на вес золота и теперь становится понятным почему во время войны целые составы шли в Германию, нагруженные украинским черноземом...

Опять мы на воде; где то в каком то месте мы пересели на чистый и веселый пароходик. Кстати о чистоте: говорят, что немцы настолько ее приверженцы, что берега Рейна моют мылом. Не знаю, не видел. На пароходах для таких людей, как мы, хорошие бары и кухни. Скучать не приходится, особенно если прекратить любование рекой, берегами, скалами и замками. Во всех буфетах мира теперь уже есть все сорта нашего виски. Тут даже предложение превышает спрос... Замков, которых я уже упоминал: целых, разрушенных и еще годных к употреблению такое обилие, что даже обидно становится. Каждому американскому туристу лестно переночевать в комнате пятисотлетней давности (с привидениями и без) и потом рассказывать об этом доме чуточку привирая. Слушатели верят и ахают. И я вполне понимаю Америку, когда она „по-винтику, по кирпичику" перевозит замки к себе. Вот маячит на том берегу суровый и неприветливый, полуразрушенный замок и на сторожевой башне видна огром-

ная надпись „пиво". Можно ехать наверняка — привидения уже выветрились. Нетребовательный янки выпивает на такой высоте запыленную бутылку „Пепси", съедает „горячую собаку" и он в восторге от путешествия, но нас на это не поймаешь, нам надо и „резинку", тоже...

У нас в Крыму есть потрясающее по красоте „Ласточкино Гнездо", а здесь, на Рейне от этих гнезд в глазах рябит.

В каком то чахлом городишке любовались старинной постройкой имени Гете, в которой его музей и лавченки с вещицами, на память о поэте. Если в горах замки, то внизу у берега не менее величественные, но не такие древние огромные баки с бензином и нефтью и скромным клеймом „Шелл" или „Тексако". Может быть через несколько столетий, когда человечество (если выживет) будет ездить на электрических автомобилях, эти баки будут тоже, как памятники отсталости 20 века. Впрочем, поживем — увидим...

Когда проезжали через Висбаден, Гриша заволновался.

— В этом городе, я прочел, есть казино и рулетка. Я боюсь проиграться в пух и прах, — но гид его успокоил.

— Не бойтесь, здесь вы не проиграете ни копейки.

— Как? Каким образом?

— Простым. Мы здесь не останавливаемся.

Тут же мы проехали мимо секретной авиационной базы американской армии. Сидя в автобусе нам удалось только пересчитать самолеты, танки и грузовики. Количество обслуживающего персонала и военнослужащих выяснить не удалось. Но об этом можно узнать по телефону. В городке Интерлэйк была передышка у пруда, который Гриша метко назвал „Лебединым озером". Мы ели на террасе и любовались огромными, упитанными птицами. Подходили, сдобные немецкие мамы с сытыми детками и кормили лебедей белым хлебом. Глядя на них я вспомнил голодающую Индию. Поев, мы пошли к лебедям. Я звал их по своему:

— Цып-цып-цып!

Наглая птица сердито шипела и даже не замечала моих стараний.

— Скажите пожалуйста. Неужели немецкий лебедь узнал, что я русский?

Ага, вот и Швейцария... Базель... На первый взгляд он ничем не отличается от немецких городов. Опытному глазу „застарелого" путешественника удалось заметить на улице, настоящего, живого трубочиста, со всеми его аттрибутами. Отдавая дань времени, он ехал на мотоцикле.

Швейцария никогда (в наши дни) не воевала. То ли ее все боялись, то ли она сдавалась не начиная боя, но она богата и поэтому беззастенчиво интересуется нашими долларами. Наши туристы, как голодные овцы на траву, накинулись на шоколад. Правда, он здесь дешев и он безусловно швейцарский, но нельзя же так себя компрометировать. Как будто никогда не видели этого продукта. Мы взяли только по восемь плиток. А все же, хоть она и Швейцария, а гараж „Файерстон" и бензин „Шелл" на каждом шагу. Дома прежней стройки окружены вьющимися розами и цветами, а новые коробки, в 10-12 этажей удручающе действуют на сознание. Еще полсотни лет и вся страна обрастет этими огромными ящиками. В первом же ресторане, где мы обедали, наш слух услаждается мелодией „Доктора Живаго". Городок этот живет патриархальной жизнью: почта и банк имеют два часа на обед и жизнь замирает. Да, она вообще (с нашей точки зрения) там едва теплится: ни битников, ни бешеного движения автомобилей, ни марихуаны, ни убийств, ни похищений, ни пожаров. С тоски здохнешь.

А живут и Бога хвалят. Странные, отсталые люди.

Медленно ползем вверх. Справа обрыв, а внизу игрушечные коровки и домики. На горах мы видим противотанковые укрепления из огромных бетонных (одной формы) глыб — так объяснил Гриша, который все знает, а уже через пять минут наш гид указывая на то же самое сказал, что это делается против снежных лавин, чтобы они разбивались об эти огромные камни и становились бы безопасными для расположенных внизу деревнь и поселков. Кому верить? Конеч-

но, Ардову, он врать не станет. Еще деталь: коровы в Швейцарии все, как на подбор молочные и светлошоколадного цвета. Отсюда и молочный шоколад Нестле, Тоблер и Линдт. Если случайно корова попадется другого цвета, то она считается незаконнорожденной...

И я, и Гриша, до сих пор еще ахаем, когда видим синюю доску с белыми буквами „Цюрих" или „Женева". Ишь, куда забрались! Мы ведь помним только „Била Церква" или от руки „маете трОпу до Конотопу". В Швейцарии говорят на трех языках: немецком, французском и итальянском. Это несколько осложнило наше положение: не уметь говорить на одном языке, это куда ни шло, но на трех — совсем плохо.

Ерунда — сказал Гриша пренебрежительно — наш язык у нас в кармане!

О, как он был прав! Ведь мы уже так привыкли к тому, что стоит нашему мастодонту, с надписью „Турист" остановиться у любого отеля, как люди хватают наши чемоданы, человеки бегут сломя голову с подносами, девицы с милыми улыбками выхватывают из рук пальто и шляпы, а метр-д"отели, сгибая спины, ведут нас к столам и буфетам и все это делает зеленая бумажка незримо светящаяся из наших бумажников и сумок. И все это молча. Никаких разговоров о том, что „язык до Киева доведет" никто не заводит. Все дороги ведут в Рим. И мы так и двигаемся: гордо подняв головы, держа в руках американские паспорта и раскрыв наши кошельки. Большего от нас и не требуют. Случайно узнали, что в этой стране президента избирают только на один год. Послали ему поздравительную телеграмму. И правда, не успеет человек зазнаться, как его уже заменяют другим.

Когда вы едете по спирали швейцарских дорог, виды такие, что нельзя оторвать глаз. Чтобы не быть голословным, я, в интересах читателей, послал домой четыре открытки с видами этой страны. Каждый может позвонить туда по телефону и убедиться, что открытки не врут. Хотя мы едем в автобусе в одних рубахах (верхних, конечно), но слева, теперь уже слева, совсем недалеко от нас цепи гор с таким восхитительным снежным покрывалом, что невольно становится хо-

лодно. Оказывается, что это уже родня Монблану. Виляя и сворачивая сотни раз (ах, наш несравненный Абрахам), мы очутились внизу и вдруг наша дорога вывернулась в другую сторону и мы едем у самого берега Женевского озера. Вы слышите, Женевского? С той стороны озера снежные горы, а перед нами светло-зеленая вода, тихая и спокойная. Красота неописуемая, поэтому я и замолкаю. Твердо уверен, что если бы американцы смогли, они бы перенесли или перевезли это озеро в Соединенные Штаты.

Так как дальнейшие мои слова будут читать свои люди, то я прямо скажу, что вместо этого озера предпочту Черное море, Ялту с Чеховским домиком, набережную, даму с собачкой, поездки в горы и крымский виноград. Пусть скромнее, но свое! Наступит же когда нибудь это время? Женева! Светятся огромные буквы „Отель Рюсс"; а вот и очень красивая русская церковь. И конечно же сразу вспоминаешь сколько русских жило в свое время в этом городе и только русские тратили здесь деньги, как никто. Комната в отеле стоит 25 долларов в сутки... На каждом шагу кафе и все это на улице, на тротуаре, под тентами, под зонтиками, под солнцем. Витрины в кондитерских могут свести с ума любого вегетарьянца. Умывшись, переодевшись и подкрепившись, отправляемся в здание Объединенных Наций. Вид у него казенный, унылый, желтый. Мертвечина. Гид, (не наш), рассказывает, как было построено здание.

Это действительно было великолепно: мрамор привезли из Италии, занавесы и портьеры из Индии, строительный материал из Швеции, металлические изделия из Германии, стекло из Франции, мебель из Дании...

Из группы туристов раздался мрачный голос:

— А деньги, из Америки?

Только я узнал кто это сказал. Проводник, не смущаясь ответил:

— В помещениях Объединенных Наций принято говорить не то, что думаешь....

А жаль. Это ведь то самое учреждение, которое решило отметить столетие со дня рождения величайшего гуманиста всех времен и народов и благодаря этому попало в историю.

Когда „попадает в историю" человек, то это еще полбеды, а когда такая крупная организация, то это уже оставляет след и... довольно пакостный!

Залы, где заседают, обсуждают, решают и просто разговаривают очень красиво и прекрасно обставлены. Они выглядят эффектно, работа же О. Н. не производит такого впечатления. Со слов гида мы поняли, что если главная говорильня в Нью-Йорке, то еще достаточно места и возможностей поговорить в Женеве, тоже. Стены и потолки расписаны чудными символическими картинами, а черные, уютные кресла располагают ко сну. Я это испробовал сидя на местах для публики, в первые же десять минут, а ведь делегаты сидят не только часами, а годами...

Майк свято выполняя свои обязанности гида обрадовал нас рассказом о том, что незадолго до начала второй мировой войны один женевский химик дал обед, на котором все блюда были приготовлены из продуктов, сделанных химическим путем. Исходным материалом для продуктов служили целлюлоза и каменноугольная смола. Особенно большое удивление вызвало искусственное мясо, приготовленное из целлюлозы, из которой обычно изготовляют бумагу. Мясо было сдобрено пряностями, добытыми из каменного угля. Для сладкого блюда исходным материалом также послужила целлюлоза, а ваниль для этого блюда была сделана из каменноугольной смолы. По вкусу и питательности синтетические кушанья были почти такими же, как и естественные, но по стоимости много ниже.

Нас это страшно заинтересовало, особенно цены, но такого ресторана мы так и не нашли. Сегодня воскресенье. Утро удивительно ясное и выйдя на балкон своего отеля каждый из нас невольно делает глубокий вздох, а выдох жалко делать. Подойдя к озеру невольно вспоминаешь слова из кино-фильма „Златые горы". Там было: „нас утро встречает прохладой..." Удивительно бодрящий воздух,

кажется, что морщины разглаживаются, душа оживает и становится так радостно и весело. Живем еще! Над притихшей водой носятся быстрокрылые ласточки и слышен отдаленный колокольный звон. Раньше бы мы сказали: „Зазвонили к обедне", а теперь слышно „звонят к ланчу". Есть разница? Мимо нас беспрерывной вереницей проносятся маленькие машины самых различных марок с прикрепленными к ним лыжами. Это швейцарцы едут поразмять ноги после недельного пребывания в конторах и фабриках. Конечно, есть среди них и небольшой процент туристов желающих попробовать свои силы в чужеземных снегах, да еще в швейцарских Альпах. Ведь, даже сломать ногу здесь гораздо приятнее, чем в родной стране.

— Жаль, что нет времени. Я бы попробовал тоже, — нагло сказал Гриша.

— Вы — и лыжи?

— Если вы хотите знать, я в Одессе с них не слезал!

Ну, что вы скажите об этом человеке?..

А вот мы и в Люцерне. Когда-то здесь была облезлая деревенька, а теперь голой рукой не возьмешь этот разросшийся город. А рядом с этим богатством и солидностью деревянный, крытый мост, которому более шестисот лет и ничего — держится.

Над городом до сих пор высятся стены укреплений и стоят девять башен, старинных, серых, угрюмых, знавших когда-то лучшие времена. Да, мне пришлось попасть в пансион „Рабен". Часть его построена пятьсот лет тому назад. И на одном гербе мы с удивлением увидели детали репинской картины „Запорожцы". Там был вылитый Тарас и еще какой-то казак. На мой недоумевающий вопрос, последовал ответ:

— Это? Это венгры.

Ну, что я буду с ним спорить?

А в одном из музеев нам показали, на верхнем этаже, залы такой красоты, что даже не верилось, что эта работа

по дереву сделана человеком. Трубы для обогревания проходят в стенах. А окна в башнях имеют железные ставни, но они отделаны доспехами убитых врагов. Неплохо придумано. Если бы в какой-нибудь юбилействующей стране начали бы отделывать некоторые учреждения костями „врагов народа", то и учреждений бы не хватило.

Нас повели в известнейший, люцернский часовой магазин. Каждому из нас, чтобы разохотить, подарили с утра по серебрянной ложечке, для приема лекарств, „через час по столовой ложке". Ну, вот мы и пошли смотреть часы. Прежде всего: продавцов больше, чем покупателей. Говорят, что „счастливые часов не наблюдают", но за нами наблюдали и очень усердно со всех сторон потому, что выставляли ящики на столы, перед нашим носом емкостью по 25-30 штук в каждом. Не забудьте — не что-нибудь, а прославленные швейцарские часы. Глаза разбегаются, но цены ничуть не ниже наших. Только слава, что купил в Швейцарии! И все же наша публика покупала: кто — часы, кто — кольцо; кто браслет, кто — серьги, кто — брошь.

Так или иначе, но ложечка окупилась полностью...

В нашем ресторане подавала нам девушка со внешностью Мадонны и с именем донна Мария де Инес. Ух, красивая! Ну, просто настоящая Кармен (все Кармен — красивые). Гриша, у которого огромный опыт (см. „Под небом знойной...") установил тесный контакт с донной Инес, но памятуя случай с „мучачей" он дал мне бумажник на хранение. Он ей читал классиков:

— Ты мне велишь пылать душой.
Отдай же мне минувши дни!
И твой рассвет соедини

С моей вечернею зарей!

А она ему давала лишнюю тарелку супа. Но пылкость одессита совершенно неожиданно наткнулась на мраморную холодность андалузской прелестницы и хотя он читал стихи с большим чувством, Пушкин не дошел до „сердца красавицы склонного к измене". Тогда он ей сказал:

— Упала молния в ручей, вода не стала горячей. При том и молнии струя, лишилась бытия.

— Гриша, голубчик, вы сейчас в таком возрасте, когда мужчины больше внимания обращают на еду, чем на кельнерш! — Съязвил я.

— Тоже мне, отозвался, Василиса Прекрасная. Помните, что неудачники никогда не опаздывают, но и никогда не приходят во-время!

И роман увял не успев расцвести.

Нас пригласили посетить вершину горы Пилатус. Вооружившись терпением и набравшись сил, на другой день утром мы собрались в фойэ отеля.

Ардов явился с альпенштоком и в огромных, тяжелых, подкованных ботинках.

— Во избежании случайностей, — пояснил он.

— Вот именно, — добавил Майк, — поэтому отнесите это туда где вы их взяли. Они абсолютно не нужны. Это не Монблан и не Эверест...

— Да, но Казбек и Арарат... — начал Ардов.

Но гид был неумолим и Гриша демонстративно вернулся в фойэ в тапочках и со стэком.

Замечательная вершина Понтиус. Это „всего лишь" семь тысяч футов. Подъем совершается на фуникулере и только последние пятьсот футов идете своим собственным транспортом, если хотите. Жарко, а вы проходите туннели, прорытые в сплошном снегу, чтобы добраться до примитивных ступеней ведущих к самой вершине. А на вершине абсолютная тишина и воздух так прозрачен и чист, что горизонт кажется бесконечным и видимость необыкновенная. Так и хочется раскинуть руки и воскликнуть:

— Какой простор, какие горизонты!

Сюда забираются считанные люди. Легкий, едва уловимый запах жареной капусты (ресторан ниже) придает сме-

лости и вы не чувствуете себя таким одиноким. Но наши лезут; пищат, но лезут. Я не говорил еще, что в нашей компании была парочка, которую мы прозвали Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна. Она старенькая, и часто кашляет, а он еще древнее и плохо слышит. Они всегда вместе, неразлучны и когда она кашляет, он ей говорит что-то успокаивающее, но она не слышит, а когда она ему говорит, то может даже не кашлять, он всеравно не услышит. И все же — чудесная пара. Мы любуемся ими. Вот так, наверное рука об руку, прошли они всю свою жизнь и теперь решили попутешествовать. Когда мы показали Майку на эту чудесную семейную идиллию, он сейчас же извлек из копилки своей памяти, следующее: — В Венгрии, в провинции Банат, в деревне Страдово, одна супружеская пара, по фамилии Ровен, состояла в браке 147 лет. В браке! Он умер 172 лет, а жена 164 лет от роду и умерли в 1825 году, почти в один день. На похоронах присутствовал их сынишка-юнец 116 лет и два правнука. Об этом есть в книгах и даже написаны портреты „пострадавших".

7. — ПОНТИЙ ПИЛАТУС * ШАХМАТНЫЙ СЕАНС * МЕДИКЭР * ШИЛЬОНСКИЙ УЗНИК * ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ —

Подъем на вершину довольно крутой и утомительный и когда мы увидели этих супругов идущих не спеша, не по ступенькам, а по узкой тропинке, к вершине Понтиуса, мы только иронически усмехнулись.

— Ну, это уже черезчур. Перегнули, как говорится, палку.

Потеряв их из виду, мы бодро прошли первые сто футов, держась за перила, потом менее бодро еще с сотню.

— Давайте, немножко передОхнем, — сострил Григорий, но все молчали так, как он был недалек от истины. Третью сотню футов мы шли останавливаясь и любуясь завораживающей перспективой. Правда, она не менялась, но менялись мы. Замолкли острословы, притихли хвастуны.

— Разреженный воздух сказывается, — успокаивал всех мой друг.

Часть публики повернула обратно, заявив, что она хочет пить.

— Но ведь настоящие спортсмены утоляют свою жажду снегом!

— Мы не настоящие.

Католическая монахиня бодро шла вперед. Ну, как было уступить? Потянулись и мы маловеры. Высунув языки и выпучив глаза, мы доплелись до вершины. Здесь было несколько скамеек и какой-то купол неизвестного назначения, но сразу же признанный туристами, как книга для почетных гостей. Под куполом, взявшись за ручки, сидели Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна. Вот это здорово!

— А вы давно здесь? — ахнули мы.

— Да минут с десять. Вы знаете, она и не кашляет на такой высоте, а вы?

— А мы и не дышим.

Когда Ардов пришел в себя и отдышался, он сказал:

— Может быть вам кажется странным почему гору назвали Пилатус? Так вот: когда Пилат еще был молод он часто проводил время в Швейцарии, на ее курортах и имел на этой горе палатку. Вот этот купол и есть остаток той палатки, которую когда-то разбил здесь Понтий Пилат, а это вот остатки той бутылки римского виски, которую он тоже не уберег.

Некоторые это записали и подобрали осколки от пивной бутылки.

Господи, всегда найдутся легковеры, просто удивительно.

Спускались значительно быстрее. После сытного ужина нам захотелось проехаться по Люцернскому озеру. Говорят, что ночью все кошки серы. и правда, вечером, когда мы отъехали от берега, город приобрел сказочный вид. Созда-

валось впечатление, что это все досужая выдумка театрального художника, выставившего макет очередной театральной постановки: девять суровых башен освещены невидимыми источниками света, светящаяся реклама и огромная надпись „Казино" производят на туристов чарующее впечатление. Поездка по озеру интересна. Отравляет удовольствие шум мотора катера, из-за которого приходится говорить повышенным тоном, а ведь из-за него-то мы и уехали из дому.

Огромные горы казавшиеся днем страшными, недоступными и необитаемыми, вроде Пилатуса, засветились вдруг яркими огнями построенных на вершинах отелей-„люкс", цены в которых не уступают высоте гор. Один из них принадлежит Софии Лорен, но она за кассой не стоит. Хотя дороговизна там необычайная, но даже мы, туристы „секонд хэнд", так сказать, можем туда подняться со своими чемоданами и узнав цены, сразу же спуститься вниз.

Со стороны озера город и горы производят вечером удивительное впечатление. Капитан катера вдруг осветил для нас прожектором большую каменную фигуру Христа, стоявшую на скале и благословляющую туристов и всех православных христиан, едущих мимо. Если бы не прожектор, мы бы ее так и не увидели. Как видно у магистрата не хватило средств на то, чтобы прекрасно сделанную скульптуру освещать ночью, а вот башни и Казино буквально залиты светом. Что приносит больше дохода, вот в чем вопрос!..

На другой день гуляя по красавице-набережной, мы встретили студенческую экскурсию из Гейдельберга. Узнать ее легко по форме, шапочкам и знамени, которое нес почетный, седоусый знаменосец. Трогательно то, что в этой поездке принимали участие не только юные питомцы „альма-матер", но и убеленные сединой и съевшие (буквально) зубы на науке, профессора. Вся эта группа, весело переговариваясь, шла на посадку для поездки по озеру. Отъезжая она стройно и красиво запела „Гаудеамус Игитур". Я не скрою от читателей, что у Гриши, хотя и малый, но довольно противный голос. Он изумителен по звучности и, конечно, Ардов сразу же включился в студенческий хор, стоя на берегу.

Студенты приветственно замахали на него руками, а катер прибавил ходу.

— Я уверен, что меня бы туда приняли без экзамена.

То, что воздух Швейцарии очень целебен и полезен — это бесспорно. Об этом можно было судить по нашим аппетитам.

На другой день мы переехали в Монтре, совсем недалеко от Лозанны. Городок оказался не так прост, как он выглядел на карте и как мы его представляли. Да и не знали мы о его существовании, вовсе. А оказалось, что швейцарское правительство каждые два года, весной, устраивает в нем международные фестивали и туда съезжаются люди „первой величины". Городок стоит на самом берегу Женевского озера и если бы я был настоящим художником слова, я бы нашел для описания озера вечером настоящие краски, а так могу только сказать, что это была прекрасно выполненная природой декорация со снежными вершинами, закрытыми туманной дымкой и мигающими огоньками на том берегу и с благоговейной тишиной у самой воды. Представьте себе еще луну, добросовестно исполняющую свои обязанности и вы поймете тех у кого создается такое задушевное настроение, что хочется обнять весь мир!

Сердце переполняется такой радостью и благодарностью к природе, что предстоящие расходы кажутся ничем в сравнении с этой красотой. И на фоне этого изумительного бессмертия копошимся мы со своими мелкими страстями и заботами, забывая, что жизнь так коротка... Ссоримся, завидуем, ревнуем, делаем подлости... Гриша сказал, что слова „делаем подлости" надо зачеркнуть. Каждый, мол, про себя подумает. Он не прав, я как раз пишу о тех и для тех, кто в частной жизни идеально безупречные люди.

Напившись и наглотавшись бесценного воздуха, мы гуляя по бульвару наткнулись на экзотическое кафе, где был и бар, тоже. Так вот, у бара вместо стульев висели качели и мы садясь на них качались и пили, стукались коленками об стойку, разливали на себя напиток и требовали еще. Но главное то, что в клубах дыма и режущей уши музыки мы уви-

дели местных аборигенов играющих в шахматы. Ардов сразу же загорелся:

— Костич, — крикнул он, — русские лучшие шахматисты в мире. Идем, я дам им сеанс... Я за последние два года не проиграл ни одной партии.

— Вы, игрок на камышинке, каким образом?

— Я же ни с кем не играл.

И мы вошли. На трех языках, которых мы не знали Ардов старался объяснить, а те старались понять в чем дело.

Но все же всем стало ясно, что Гриша русский шахматист, проездом посетивший этот милый город. Все вскочили, обрадовались и прекратили игру. Расставив шахматы заново, уселись в одну линию. Игроков было одинадцать человек. Меня избрали почетным судьей и я сел поближе к двери.

Я в шахматы не играю, но знаю, что в атаке на женщину обязательно надо хвататься за фигуру!

— Гриша, — сказал я, — еще не поздно заболеть. Ведь уже вечер, а завтра рано вставать, а?

И он меня опять поразил.

Смело и напористо он начал игру. Глядя на него я невольно вспомнил Остапа Бендера, только тут были другие результаты. В течение удивительно короткого срока мой друг проиграл всего лишь три партии, а остальные восемь выиграли его противники... Возвращались мы молча. Сразу же пошли в бар нашего отеля, кстати самого лучшего из всего нашего путешествия. Там атмосфера была иная. Американские туристы, а это были только они, сидели за столиками, пили коктэйли или же торчали у бара на высоких стульях, сползая со скользких сидений на пол. На эстраде играл оркестр, где толстый дирижер и пел, и играл, и танцевал. Остальные музыканты выглядели такими скучными и печальными, что глядя на них хотелось напиться. Скука, зеленая скука, висела в воздухе. Оркестр заиграл какой-то бравурный мотив и тогда мы увидели и танцующих: ни одного молодого лица, ни одного яркого взгляда, волнующего

намеком и вызовом. Это был сплошной „архив". Эта публика вскрикивала, подпевала оркестру, а острые локти, дряблая кожа и усталые лица говорили о другом.

— „Медикэр" на паркете, — грустно изрек Ардов — Костич, вы на этом фоне выглядите просто мальчишкой.

Конечно, мы тоже не были заморские принцы, но все же... Ах, моя врожденная скромность не позволяет распространяться на эту тему. Выпили мы здорово. Правдиво изречение, что „Опьянение показывает душу человека, как зеркало отражает его тело".

— Выпьем за шахматы, — робко предложил я.

— Пейте сами, — зло ответил Гриша.

Оркестр гремел, люди дергались в судорогах модерных танцев и дышали, отравленным табачным дымом, кухней и своим дыханием, воздухом. Было накурено и пьяно, а за окном плыла божественная, теплая и ласковая ночь, пряно пахли цветы, мерцали звезды, светилось под луной притихшее озеро и казалось, что именно в этот вечер „звезда с звездою говорит"... Великий Художник — природа создавала для нас бессмертные картины, а мы?.. Мы стояли к ним спиной, ничтожные в своем равнодушии... Так прошла еще одна ночь в изумительной стране, Швейцарии.

Да, нам есть чем ее вспомнить... На другой день долгожданная экскурсия в Шильонский замок, овеянный легендами и рассказами.

Случайно увидал на афишной тумбе плакат-анонс о гастролях Жозефины Беккер. Никак не думал, что эта старушка еще поет и танцует.

Мы уже перевидали много замков и вблизи и издали, но этот замок, еще не видя его, внушает самое серьезное уважение. Ведь о нем так много написано. Он расположен очень живописно. Его стены стоят в воде Женевского озера.

Он и красив и зловещ и тут же для создания настроения плавают лебеди. Глубокие рвы окружают его со сторо-

ны входа, а со стороны озера вода омывает его у самого основания.

Вход только через старый деревянный мост, который когда то был подъемным и делал замок недоступным и неприступным. Теперь по старости лет мост уже сделался лежачим. Затаив дыхание мы спускались в глубокие подземелья, (это уже ниже уровня воды), где нет света и холод смертельный. Я невольно вспомнил Шлисельбургскую крепость, Алексеевский Равелин и его одиночки, в которых при паводках на Неве была вода и в одной из которых просидела двадцать два года В. Н. Фигнер. Когда-то, давным-давно Николаю Первому один из его министром посоветовал — область лежащую между реками Печорой и Воркутой сделать местом ссылки для опасных преступников.

А царь ответил:

— Провинившийся человек остается человеком и нельзя заставлять людей жить в условиях невозможных для существования!

Да? Скажите, пожалуйста. Лишняя характеристика царского произвола.

И еще: ссыльным, на свободе, в Сибири, правительство выдавала в месяц по 10-15 рублей, а житьишко там стоило раза в четыре дешевле. Ну, не издевательство?!

Политкаторжане после продолжительного (лет 25-30) перебывания в тюрьмах выходили оттуда поздоровевшими и окрепшими, полными сил — хоть сейчас принимайся за старое дело.

Так „знаменитые": Н. Чайковский, Н. Морозов и три „бабушки-революции" В. Засулич, В. Фигнер и Брешко-Брешковская — все эти люди дожили до глубокой старости.

Шлем еще одно проклятие в адрес кровавого царизма! Читали роман Ольги Форш „Одетые камнем"? Так вот в Шильонском Замке на этой глубине были камеры для заключенных. Значит, когда он уже строился (в 14 столетии), то это уже тогда предвидели.

В „Равелине" был и Достоевский, где пробыл восемь месяцев, а затем приговорен к расстрелу, замененному ссылкой на каторгу. Значит и тогда были Синявские?! Эта мысль — результат знакомства с книгой М. Гришина „Записки писателя", особеное с разделом „Достоевский и петрашевцы".

Мировой известности ученый, академик Вавилов, как английский шпион (а как же иначе?) сидел в темной подземной клетке, без окон. На свежий воздух его не выпускали. Он так и умер от истощения, не дождавшись свободы...

И когда он медленно умирал лишенный солнца и пищи королевское Общество в Лондоне избрало его своим членом. Ему принадлежит заслуга создания мировой коллекции растений. Но кому это важно и кому это нужно?

Возможно, что это было место и для военнопленных, но по женевской конвенции, подписанной в наши дни, держать пленных в таких условиях, даже тогда, не имели права. Да! Женевская конвенция! Вспомните вторую мировую войну и обращение с пленными. Пальму первенства тогда крепко держали культурные немцы! Чего же спрашивать с людей, которые понятия не имели об атомной бомбе?

Одна из камер имела сообщение с верхней комнатой при помощи деревянной лестницы; ее поднимали вверх и таким образом пленный сидел в глубокой каменной яме, снаружи которой плескалась вода. Холодная вода. Вот такой пленник, некто Боннивар сидел там и своею судьбою дал тему для написания поэмы „Шильонский узник". Жутко.

В глубоких подземельях есть семь колонн и на одной из них даже выбито имя поэта Байрона, автора поэмы.

Гриша высказал уверенность, что это сделал Боннивар в благодарность поэту за его труд. Одним словом, как говорят „кукушка хвалит петуха, за то, что хвалит он кукушку". Неправда скажете? В жизни это на каждом шагу!

Замок обновлен, реставрирован, но когда вы будете его посещать обратите внимание на его избитые и выщербленные ступени из этажа в этаж. Это работа не времени, а десятков тысяч, а может быть и сотен тысяч ног, изнуренных

своими обязанностями, туристов. Башня, на которую необходимо подняться, открывает захватывающий вид на озеро и снежные Альпы, покрытые никогда не тающим снегом. Владельцы замка, на этой башне наверное отдыхали от трудов „праведных", заполнив до отказа страшные подземелья, где сырость и крысы делали свое дело. Со всех сторон в стенах замка бойницы, через которые отстреливались осажденные. Тут еще до сих пор стоят две тяжелые пушки, с угрозой глядя на свет Божий. Что они теперь? Игрушки — не больше.

В подземельях замка в 16-17 веках содержались и „ведьмы" и „колдуны". Можно увидеть столб к которому их приковывали и крюки к которым их подвешивали... Обладая „потусторонней" силой несчастные все же освободиться не могли и там-же умирали...

Я знаю небольшую группу людей (Ворошилов уже умер) которой следовало бы посидеть в этих каменных ямах, чтобы окончательно усвоить, что такое социалистический реализм!..

Туристы, радостно перекликаясь, трогают свинцовую посуду, гремят железом у каминов и смотря в окно равнодушно плюют вниз. Им теперь наплевать, а попали бы они сюда несколько столетий тому! Здесь теперь нет ни руководителей, ни объяснителей, ни охраны, а вынести кастрюлю из Шильонского Замка — такой соблазн. Очень оригинальна конструкция уборной: она сделана над водой так, что отпадает необходимость проводки труб и вызова слесаря, чтобы платить ему потом по юнионной ставке. Тогда было все проще. Общее впечатление от замка весьма мрачное. На вас смотрят угрюмые века, омытые кровью стены и глубокие каменные подвалы молча говорят о многом. Ясно, что их делали не для хранения картофеля. Уезжая, хочется верить, что когда нибудь наши внуки посетят подвалы Лубянки, камеры Соловков и лагеря Нарыма и Воркуты, в качестве туристов и не щелкая кодаками, они со слезами на глазах поставят горящие свечи вокруг образов наших святых в вечную память о замученных и убиенных!

Будем верить в то, что это будет так! Будет!.. Гриша не преминул вспомнить, что когда-то один из Шлиссербургских узников написал домой письмо (разрешалось это два раза в год) и в нем рассказывая о своей бессоннице, привел стихи Пушкина: „и на штыке у часового горит полночная луна". Полицейская цензура письмо вернула и потребовала изменения текста; эти толковые люди сразу догадались, что был намек на расположение камер в здании тюрьмы... А вот в советское время пиши, что хочешь... все равно не перешлют.

Прощальный вечер мы провели, как подобает цивилизованным людям в огромной пивной, где 90 процентов посетителей были иностранцы-туристы. Это задает тон всему предприятию. Тон — плохой! Народу масса. Дымно. Пьяно. Накурено. Шумно настолько, что не слышно музыки и пения, довольно, кстати, примитивного. Девушка ведущая программу вызывает на сцену американцев различных штатов и предлагает им петь в микрофон „йодл-песни" с завываниями и руладами. Те пытаются и получается сплошной рев. Все хохочут, некоторые не от чистого сердца, а так: с волками жить по волчьи и выть... Негр, представитель штата Охайо спел с таким чувством „Я оставил свое сердце в Сан-Франциско", что был публикой единогласно (он был единственный, кого прослушали в притихшем зале) признан победителем этого „конкурса". В награду ему вынесли огромный бокал пива, в галлон величиной, который он и начал пить, а потом пустил по рукам участников концерта. Бокал был настолько велик, что он дошел и до публики и только на нашем столе он закончил свой нелегкий путь. Угостили нас национальным швейцарским кушаньем: мелко нарезанными кусочками хлеба макаемым в расплавленный сыр, стоявший тут же в горячих кастрюлях, на спиртовках. Запивали это дело пивом, вином, ликером и всякой гадостью. Вышли с тяжелыми головами и желудками; зато есть о чем рассказать...

Пора собираться дальше в страну Моцарта, Штрауса и сказок Венского леса... Едем.

Виден Монблан, горка высотою в пятнадцать с половиною тысяч футов. Оказывается это величайшая гора Европы.

Вершина ее вся белая, как будто бы покрытая снегом. Тоже самое, говорят, творится на Казбеке и Эльбрусе. По прекрасной шоссейной дороге, серпантином вьющейся вверх, взбираемся все выше и выше. Нам нужно подняться до шести тысяч футов, где будет горный перевал и лыжные отели для любителей острых (камни) ощущений... Горные кряжи, яркая зелень лесов и травы, водопады, хижины с камнями на крышах и яркое, ослепительное солнце делают эту картину захватывающей. Все сделано добротно и не наспех и выглядит очень оперно... Наши дамы стонут от восторга и разражаются стандартными фразами:

— Ах, красота! Ох, посмотрите! Ой, водопад! Боже мой — мостик!

Хотя мы забираемся на такую высоту, что внизу в долинах домики, как спичечные коробки, а коровы, как мухи, но все же мы видим здесь провода дающие электрический свет в горные хижины и даже водопроводы. Поздравляя кое-кого с пятидесятилетним юбилеем, отметим, что в деревнях до сих пор палят керосин, а в новых поселках и на окраинах городов, воду носят в дом из уличного крана, стоящего на углу...

Добираемся, наконец, до горного перевала. Тут, на этакой высоте, такие чудесные рестораны, что диву даешься. Здесь, за бешеные, по швейцарским понятиям, цены, мы вкусно пообедали, поели знаменитого эментальского сыру и запили его ароматным кофе. Поиграли в снежки, бегая без пиджаков. Воздух на этом перевале не уступает аляскинскому, хотя ресторанные запахи упорно вмешиваются в не свое дело. Мимо нас снуют лыжники с рюкзаками подозрительно набитыми не рекомендуемыми для них предметами. По простоте душевной мы этих людей причисляли к категории спортсменов... Ходят коровы и у них под шеей подчас не звоночки, а целые колокола. Они тут же продаются как сувениры... Едем.. Едем... Видим ручейки, речки и горные потоки, с водой не уступающей дистилированной... Масса цветов и висячих мостиков. Как новинка, в Швейцарии, по дорогам выстроены мотели, да еще с бассейнами для плавания и это не где-нибудь, в пыльном городе, о нет. Это тут, высоко, в

горах, среди лесов, полей и цветов. Ах, как все это красиво! Вот только скромную швейцарскую лошадку заменил автомобиль пасущийся на альпийских лугах и не дающий никакого удобрения. Но на полях, как в старое доброе время, работают крестьяне. Гриша не преминул блеснуть передо мной своей эрудицией и памятью. Он воскликнул:

— Бабы с граблями, рядами
Ходят сено шевеля,
То, как зверь они завоют,
То заплачут, как дитя!

Я промолчал, охота ввязываться.

Уже близка граница и мы попадаем в какое-то местечко, где национальный герой Швейцарии Вильгельм Телль стрелял в яблоко, лежавшее на голове его сына. Но существовал ли Вильгельм Телль?

Этот вопрос часто задают себе люди, предполагая, что история человека, стрелявшего в яблоко на голове своего сына — правдива, и что швейцарский герой, будь он Телль, или носи он другую фамилию, действительно жил в своем отечестве. Однако, Вильгельм Телль — легендарная личность, и случая с яблоком в истории Швейцарии не существовало. Подобные „исторические происшествия" записаны в легендах и других стран. В Англии существует рассказ о некоем Виллиаме Клоудезли. Своего Вильгельма Телля имеют Ирландия, Норвегия, и такая легенда циркулирует в Азии.

Теперь от этого ничего уже не осталось, за исключением красивой легенды, претворенной Шиллером в поэму, симфонического произведения Россини, да монумента недалеко от газолинки, „Шелл", где мы набирались сил. И памятник Теллю и бензиноколонка прекрасно уживаются рядом.

Промчались через Цюрих и озеро того же названия (самое большое и красивое в Швейцарии). До сих пор мы были баловнями судьбы и хорошая погода нам сопутствовала, а тут ехали в туманной дымке, тоскливого дождя, да и мы видимо уже объелись видами так, как наша публика уже не кричит:

— Ах, озеро! — а говорит.

— О, опять вода.

На самой границе с княжеством Лихтенштейн, Швейцария в последний раз подработала на нас за превышение скорости. Получив „тикет", мы въехали в другую страну.

8. — СНЕЖНАЯ БУРЯ * НА БАЗАРЕ * ВОДКА „ПУШКИН" * У МОЦАРТА * СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ. —

Вот уж в отношении Швейцарии нельзя сказать „была без радости любовь..." Она неповторима, чудная, богатая, здоровая. И каждому едущему в Европу нужно ее посетить обязательно. Такой, как она второй не найти. Очень она красива. И неожиданно — второй вывод: хотите посмотреть Швейцарию не выезжая из Америки? Посетите летом штаты Орегон и Вашингтон. Они ничуть не уступают шоколадной прелестнице, только рангом пониже, а дешевле обойдется в пять раз! Ей-Богу. Да и патриотично!

Княжество Лихтенштейн встретило нас по радио (в который раз ухе) мелодией из прогремевшего на весь мир „Доктора Живаго". Самое интересное то, что когда окончилась музыка, то окончилось и княжество: население здесь очень законопослушно и ему вполне хватает 25 полицейских на всю территорию. Армия, кажется, больше. И только благодаря ей страна сохраняет свою независимость, имея рядом две такие огромные и кровожадные страны, как Австрия и Швейцария. Но если бы рядом был Советский Союз, то эта малышка чувствовала бы себя еще независимее. Сомневаясь в справедливости цифр, я обратился к своей британской энциклопении (это календарь Мартьянова) и узнал, что полицейских всего восемь и их портреты висят всюду с портретом правящей династии. Я себе представляю: что если бы этого захотели (в связи со своим участием в юбилейных торжествах) руководители „техники безопасности", в другой стране? Где бы они висели?!

Кормится народ туристами и выпуском марок для коллекций. Но вот, о ком можно сказать, кто имеет зуб на весь мир: оказывается здесь есть фабрика искусственных зубов, с выпуском их в год более 50 миллионов штук и это количество едва покрывает половину потребности европейского спроса. Бедная, беззубая, старенькая Европа. Полная неожиданность: если Швейцария провожала нас со слезами (дождем), то Австрия встретила нас сердито — снежной бурей, высоко в горах. Просто пурга, все бело! „Оглянуться не успели, как зима катит в глаза". Снег кружится хлопьями, бьет в окна, мешая Абрахаму вести машину. Деревья стоят под густыми белыми шапками, а у берегов шумливых, горных рек толщина снега доходит до десяти футов. Попытка Гриши запеть:

— Замело тебя снегом автобус... — успеха не имела, на него зашикали. Всем стало как то не по себе — ведь это австрийские Альпы. И многие высказали желание добраться до ближайшей почты и послать родным прощальную телеграмму... Черной остается только узкая полоса дороги, где снег не удерживается и только эта траурная лента является для нас единственным утешением, что она доведет нас до надежной пристани, с теплыми комнатами, бокалом вина, куском мяса и теплой кроватью, о которой мечтают уже многие. Смотрю из окна и вижу сплошную пелену падающего снега. Одним словом, милая, июньская, рождественская атмосфера. Все вспоминают вчерашний жаркий день, лишний раз подтверждающий, что и в жизни так бывает: милое прошлое резко расходится с суровым настоящим.

Ардов, с присущей ему экспрессией, рассказывает притихшим пассажирам, как застревают в горах машины, как их заносит снегом, и как, не имея помощи, люди погибают от недоедания, малокровия и голода. Он даже вспоминает случаи людоедства, в которых не раз принимал активное участие.

Женщины замирают от ужаса.

— Боже мой и вы ели?

— Это еще ничего, — заканчивает он, — а раз жребий пал на меня.

— Ну и??

— Не спрашивайте!

Так как движемся мы все же быстро, то снизившись мы вышли из полосы бури и уже вокруг нас яркая зелень, горные веселые потоки и цветы. Однако, подняв голову, мы видим выше нас присыпанные сахарной пудрой вершины елей, мятущиеся из стороны в стороны под ударами свирепого ветра и белый туман беспокойного снега.

Мы вне „опасности", которая нам и не угрожала, но проголодались мы здорово. Наш трудолюбивый Абрахам наверстывает упущенное, а мы это сделаем, когда сядем за столы. Австрия, в этой части так же красива, как и Швейцария, но дороги и беднее и грязнее. Вспомним, что пламя войны никогда не касалось Швейцарии...

Мы в Тироле, сидим нахохлившись, на застекленной террасе какого-то ресторана, как мокрые птицы, натянув на себя все имеющиеся одежды, (теплая спрятана в багаже, под автобусом, где все наши чемоданы). Это утешает. Мы едим теплый суп, запивая его холодным вином, чтобы согреться. Бррр... Холодно...

Хлопья седого тумана цепляются за вершины гор и у некоторых вершин получается нечто вроде венчика волос вокруг лысины капуцина. Коровы высоко держа марку своего цвета (молочный шоколад „Тоблер") постепенно сдают позиции и становятся рыжими, пятнистыми, бурыми, превращаясь в родных нашему сердцу буренушек.

Наконец-то мы на земле Моцарта в Зальцбурге. Первое, что мы сделали выйдя из отеля („зов предков") — мы пошли на... базар, чтобы насладиться если не симфонией звуков, то симфонией запахов и зрелищем того, к чему мы привыкли в целофановой упаковке...

У подножья огромного и старинного храма (куда заходят только считанные люди, узнавшие, что цены опять

поднялись) огромный цветочный базар. Цветной не в смысле расцветки; там цветы разнообразные, свежие, ароматные, яркие и дешевые. Все это так красочно и главное приятно...

Люди покупают цветы. Это значит, что человек сыт, доволен, счастлив, и он еще хочет украсить свою и чужую жизнь цветами. Разве это не прекрасно? Мы цветов не покупали, ибо сказано, что „не единым цветком жив человек", но мы идем туда, куда влечет неведомая сила, как сказал когда-то Шмага в пьесе Островского. Мы идем к продуктовым ларькам и палаткам.

Как все здесь примитивно и просто и этот художественный хаос нагромождения потрясает вашу душу, привыкшую к полкам американских супермаркетов с образцовым порядком и железной корзинкой на колесах. Нет, хлеб здесь безо всякой упаковки, (но какой!!!), лежит грудами. Тут и рогалики, и крендели, и бублики, и коржики, и арнаут, и калач и царь всему — ржаной, настоящий. И все это пахнет, пахнет... родиной! Мы не удержались и купив по фунту черного, тут же под деревом сжевали его, зло поглядывая на окружающих. Но никто и не посягнул!

Все это на открытом воздухе, под брезентовыми навесами, а под ногами вода, грязная бумага, и кое-где конский навоз. Шумно, безалаберно, крикливо, но чудо, как хорошо. Радуют сердце и беспорядок и антисанитария.

А вот колбасы: они висят, они лежат, они валяются, но они издают такой нестерпимый (в лучшем смысле этого слова) аромат, что колбасный ряд „слышен" издалека и все это на вес: сколько вашей душеньке угодно, столько и отрежут. Толстый колбасник в лоснящемся переднике и с таким же лицом размахивает ножом, как Тосканини палочкой.

В молочном ряду стоят сулеи (помните такое слово?) молока. Вы можете купить бутылку, кастрюлю или даже чашечку. Тут же в огромном баке творог, на кружки, на фунты. Свежий и чистый, как слеза...

Сырная палатка: огромные круги сыра, величиной с шину хорошего грузовика лежат один на другом. В них аппе-

титные дыры, из которых излучается такой же запах. Цвет желтый, почти янтарный. Он дорогой и его опасно покупать потому, что видя, что вы турист продавец даст вам на фунт полфунта дырок. Твердость его неописуемая. Это сыр- аристократ. Настоящий швейцарский, хотя он и в Австрии.

А вот круглые, как дыньки, этот сыр можно намазывать на хлеб пальцем, но он от этого вкуснее не станет. Все эти сыры (а сколько их!) пахнут каждый по-своему. Ведь во Франции есть такой сыр, с которым вас в другой стране, не впустят в вагон, а ему и цены нет, так его некоторые любят. Ну, это относится и не к сырам. Ведь „на вкус и цвет...”

Базар шумит, бурлит, волнуется. Все оживленно, весело и все доступно, не только туристу. Вот в чем главное: всем!

И опять мысль: вот если бы в юбилейной стране открыть такой базарище, хотя бы на неделю, чтобы каждый мог купить столько, сколько он захочет, и столько сколько сможет. Но, чтобы МОГ! При таком базаре люди сразу бы уверовали во все достижения. Но это только мечты.

Конечно, газеты мира известили нас, что к юбилейным торжествам были заказаны в Италии и Англии семь миллионов пар обуви, один миллион костюмов и миллион платьев, а также огромное количество французского шампанского (ну, это наверное для колхозников!)... Богатая страна, ничего не скажешь!

Покидая базар мы остановились перед витриной винного магазина. Я уже отмечал, что алкогольные напитки всюду дешевле, чем в Америке. Поэтому наверное и пьют у нас больше, чем где либо! Виски и ликеры самых различных марок, продаются в маленьких бутылочках за двадцать центов, на наши деньги.

Вдруг Гриша, схватив меня за руку, просто застонал. посреди бесчисленного количества бутылок всех цветов и размеров, в самом центре стояла...

И тут мы еще раз наглядно убедились, как враги советской власти на нее клевещут. Свято чтя память великого русского поэта и всячески стараясь популяризовать его имя,

не только на родине (это не фокус), но и за пределами страны, светлые головы коммунистических гловотяпов, в погоне за иностранной валютой, выпустили в оригинальной упаковке столовую водку

„ПУШКИН"

Гриша хотел купить одну бутылку для демонстрации среди русской публики в Америке, но я его удержал. Ведь эти же пять долларов пойдут туда, на укрепление бездарности тех, кто наверное скоро выпустит в мир ликер „Лев Толстой" и икру „Питер Чайковский". Так деньгами разбрасываться не годится. Он со мной согласился...

Потом мы пошли осматривать город. Я не знаю почему, но Зальцбург я себе представлял иным: более старым, более „выдержанным" и окруженным стеною снежных вершин. Всего это не было. Потом я уже догадался, в чем дело. Впечатления отложились в памяти после книг и цветных фотографий, дававших, так сказать, самое лучшее, отборное. Они это и наделали. А на самом деле магазины переполнены модными товарами, на заборах рекламы курортов с полуобнаж... простите, с полуодетыми девушками, киоски с подарками для окончательно поглупевших туристов, кафе и рестораны и вывески кричащие, что „севен ап" вкуснейший напиток, и чта шины „Фаерстон" незаменимы! Это создает совсем другое лицо древнему городу. Молодят, это правда, но морщин не скроешь и получается неприятное впечатление. Старый же Зальцбург отодвинулся, насупился и огорченно смотрит на городскую толчею и шумиху. Три величественных собора, красивых и многолетних, привлекают толпы нашего брата, но войдя в храм вы перестаете ощущать его святость и благолепие. В каждом углу по 20-30 человек экскурсантов и гид негромко рассказывает историю создания этой церкви. Потом группы меняются местами, шаркают по старым, видавшим лучшие виды, плитам, тысячами ног, но не фотографируют, так как еще не разрешено. Я уверен, что деньги сделают свое дело и у гидов будут в руках „мегафоны", чтобы было их слышно, во всех углах, а „кодаки" и „лейки" яркими вспышками будут разгонять вековой полумрак и нарушать святость мест. Это право будет куплено туристскими органи-

зациями и всем перепадет на этом деле. Когда видишь в церкви коленопреклоненную молодую пару, молящуюся о даровании младенца или старого человека благодарящего Бога за прожитую жизнь, то становится стыдно за нас, нарушающих их внутренний мир и смотрящих на них любопытными глазами: вот бы сфотографировать! Вот был бы редкий снимок!..

На главной площади возвышается колокольня, а на ней, раз в день, звоном ее колоколов исполняется мелодия из произведений уроженца этого города Амадеуса Моцарта.

В центре площади — огромный красавец фонтан из четырех вздыбленных лошадей и на них огромная чаша второго фонтана, а в ней три фигуры, держащие еще чашу, а на ней — три тритона с чашей поменьше, в которой одна фигура и из ее рук бьет вверх огромная струя воды. Вообще вода брызжет изо всех отверстий. Камень почему то приобрел желтоватый цвет, как будто от налета железа и фонтан от этого значительно выигрывает. Он — красив!

Тут же на площади экипажи для прогулок по городу. Конечно, американскому туристу, избалованному „Фордом" и „Шевроле", лошадь очень лакомое удовольствие. Может быть некоторые ее видели ранее только в кино... Наконец, прогулка по узеньким уличкам древнего Зальцбурга и посещение дома-музея, где родился один из знаменитых композиторов с такой печальною судьбой, отравленный завистником Сальери. Здесь тихо и даже кассирша, продающая билеты, кажется женщиной не от мира сего. На наивный вопрос одной из наших дам:

— А кем еще знаменита Австрия? — кассирша не глядя на нее, ответила:

— Знаете ли вы имена Бетховена, Брамса, Фрейда, Гайдна, Кальмана, четырех Штраусов, Зупе, Цвейга, не говоря уже о том человеке, в доме которого вы сейчас стоите, Вольфганге-Амадеусе Моцарте?

Наша туристка успела записать только часть неизвестных ей имен...

Половицы в комнатах протерты до ям, много застекленных ящиков, в которых оригиналы писем и нот композитора, его диплом, его волосы, много его портретов, его скрипка, его пианино. Все это с такой любовью и преданностью народ сохранил и собрал, свято чтя его память.

Как это еще австрийцы не додумались выпустить шнапс „Моцарт"? Не понимаю!

Ведь говорят, что дурные примеры заразительны. Впрочем, будем откровенны: еще ни один народ не додумался до этого. А ведь у каждого есть и писатели, и художники, и ученые, сделавшие своими трудами честь своей родине!

Заключительный аккорд-посещение нами зальцбургской оперы. Снаружи, по убогости она не уступает сеаттлийской, а внутри — малая коробка кремового цвета с красными креслами. Общая емкость не превышает тысячи человек. Удивительно, что в таком музыкальном городе, такая не созвучная эпохе „оперная емкость". Позолота и бархат — обычны для всякого оперного театра. Бессменная лира, висящая над порталом сцены, и постаревшие, в служении Мельпомене и Терпсихоре, капельдинеры. Сцена просто малюсенькая, видно, что 75 лет тому назад все это считалось достижением, а сейчас поражает своей бедностью и отсталостью. Правда, для зрителя, приехавшего из пустынь Аризоны или из глуши норвежских фиодров или из ближайшей провинции, все это ново, интересно и заманчиво, но для нас съевших зубы на оперных постановках на родине и даже в Сеаттле (а этот театр по внутренней отделке и техническим усовершенствованиям считался до открытия новой Метрополитен Оперы в Нью-Йорке, первым в Америке), все казалось очень бледным. Так, что если сеаттлийский театр стал вторым, то третьего такого не будет.

Для нас зальцбургский, оперный — Елабуга. Исполнители играют в лучших оперных традициях начала этого века: и любовь и ненависть отдаются целиком публике и артисты поют стоя лицом к ней и не глядя друг на друга. Вся полнота чувств идет в партер, а для партнера остается размахивание руками. Хор вымуштрованный и вышколенный стоит,

как хорошая рота солдат на параде и даже уходит в ногу, хотя бы это были крестьяне Кастильи или мещане северной Германии. Весь спектакль на уровне хорошего провинциального театра, хотя ведущие актеры с приличными голосами. И все же: лучше пойти в такой оперный театр, чем опять в подвал, хлестать пиво, в непроницаемой пелене густого дыма и пара, бессмысленно орать песни и качаться на скамье, давясь сосиской...

Завтра мы будем в Вене. Вена! Вот тут бы попасть в оперу. Говорят, что очень трудно, но Гриша уверяет, что венский оперный театр с внешней стороны целиком скопирован с одесского. А раз это так, то попасть в родной театр для него — раз плюнуть. На всякий случай я отойду в сторону.

С чувством огромного удовлетворения хочу отметить, что наш „Турист" на протяжении всего нашего путешествия обеспечил группу хорошим гидом, шофером, отелями, питанием и погодой. Дождь или снег идет только тогда, когда мы в автобусе. Если так пойдет дальше, то это туристское бюро может войти в разряд лучших организаций по устройству групповых путешествий по всему миру, а может быть и на первое место, несмотря на то, что люди заплатившие за комнату с ванной, вдруг получают ванну вместо комнаты или ползут на пятый этаж пешком, так как в отеле нет лифта. Но ведь это исключение, а не правило. Ведь жить там мы не собираемся, а несколько ночей, — конечно пустяки. Вспомним наши беженские годы и возблагодарим Господа!

Ясно, что в Австрии есть и горы, и озера, и долины, и реки, но против Швейцарии, выражаясь научным языком, у нее „кишка тонка". Даже коровы и то не те... Проезжаем Линц. Век бы его не видеть: бегал там я спасаясь от бомб того народа, который многим из нас дал и приют и работу и „медикэр". Неисповедимы пути Господни...

Впервые в речах милого Майка зазвучали слова „Голубой Дунай"!.. Оказывается, что через два час мы пересядем на пароход и по этой „опетой и озвученной" реке поедем в Вену, навстречу Штраусу, венским пирожным, кофе и шницелям. Ну и опять к замкам и соборам, конечно.

В пути австрийцами был продемонстрирован блестящий трюк: около одно „Гастхауса" сидела на задних лапах собака и просяще перебирала передними. Мы остановились, она бросилась к дверям и залаяла. Абрахам открыл двери и собака вскочила внутрь. Своею ласковостью и приветливостью она смягчила наши сердца (как этого иногда не хватает в жизни) и расположила нас настолько, что мы решили сделать привал. Хозяйка ресторана деловито потирала руки. Мы узнали потом, что пес работает без выходных дней и никаким профсоюзом его права не охраняются...

Внутри „гастхауса" новое достижение человеческой техники: доска с кнопками, над которыми названия различных алкогольных напитков. Если автомобилист, управляющий сам своею машиной, выпил (здесь или по дороге сюда), то он может себя проверить на проценты алкоголя в его крови. Это дает ему возможность пропустить еще шкалик, если сигнал показывает, что он не дошел до „последней черты". Ну, как не удивиться такой заботе о живом человеке? Отдавая дань времени, на доске перечень самых неожиданных напитков (ведь едут не только немцы и австрийны). Там и виски, и скач, и ликеры, и джин, не говоря уже о пиве.

Где и в какой стране хозяин ресторана в ущерб своим интересам будет проделывать такие штуки и вывешивать такие аппараты? Есть еще честные люди на свете! Правда, проверяя себя вы бросаете в щель шиллинг, который остается в пользу хозяина, но все ровно... Так, как мы машиной не управляем, а автобусов проходит много, и собака работает честно, то пассажиры ничем не рискуют испытывая машинку досконально. Работает безотказно. Прекрасная выдумка!

А когда мы уезжали, собака да же не выбежала помахать нам вслед хвостом.

„Мавр сделал свое дело..."

9. — ЗАМОЧИЩЕ * ГОЛУБОЙ ДУНАЙ * ВЕНСКАЯ ТРАВИАТА * ЛЕСНЫЕ СКАЗКИ * УМНЫЕ ЛОШАДИ. —

По дороге нам попался городок под заглавием Мерк; мы о нем и не думали и не знали. Но прозорливец-гид, сказал лукаво:

— Мы будем здесь кушать наш обед, а кто хочет для аппетита пройтись за угол, получит удовольствие!

Все захотели. И что же? Громаднейший замок, красавец, в стиле „барокко" возвышался на крутой скале. По долгой-долгой лестнице (помните в Киеве спуск к Днепру?), мы поднялись к замку. Действительно, это была полная неожиданность. Здание очень велико, в его квадрате большая площадь и величественный собор, внутри очень красивый и раззолоченный. К счастью (или к сожалению) там шла служба и наша шумная орава была вежливо выпровожена наружу. Длиннющие коридоры замка увешаны хорошо исполненными, большими портретами былых правителей Австрии. Тут сотни пустующих комнат обставленных старинной мебелью. Майк сказал, что все население этого города может поместиться в замке и еще останется много свободных помещений. Вот бы в другую страну, под общежитие для безответственных работников! А сейчас он стоит без пользы, как памятник былого величия лоскутной империи. Так уходит былая мощь и слава и остается только в памяти потомства, в виде каменных стен изъеденных временем...

На солнце бывают пятна, так и на замке оказалась грязь: у самого входа, где продают открытки, висит большой плакат: „Африка свободна, а южный Тироль колония. Поэтому голосуйте за... „Остальное читателю понятно. Это нам аппетита не испортило и мы поели очень хорошо и сытно. Ведь еда входит в оплату нашего путешествия. Только менее утоляющие жажду напитки идут за наш счет. Стоя на берегу, в ожидании парохода, я опять посмотрел на замок. Громада его возвышалась над городком, как туча. Он стоит на обрывистой скале и вход к нему только с одной стороны. Для того, чтобы осаждающие могли проникнуть в его бойницы и окна им пришлось бы пользоваться лестницами современных пожарных команд.

Отвернувшись от замка, я ахнул, да ведь я стою на берегу голубого Дуная! Ну, уж извините пожалуйста: грязная река и шириною-то в футов 50, не более. Никакого восторга. Сюрпризом был новый вид спорта, на резиновых лодках „Семперит". Я, живущий в городе с обильной водной по-

верхностью, у нас в Америке, ничего подобного не видел. Лодки надувные, самого различного фасона, от душегубок на одного человека до семейного корыта и все с прицепными моторами, Устойчивость такой лодки необычайная но ее подвижность не внушает никакого уважения...

На пристани Мерк скрещиваются пути многих туристских автобусов и поэтому в этом месте фирма „Семперит" бесплатно демонстрирует свой товар, с опытными шоферами у руля. Туристы, которые бросаются на всякую диковинку, не могут устоять против соблазна, катаются, восхищаются и выпустив воздух из полюбившегося объекта, забирают его (объемом в небольшой чемодан) с собой, в Америку. Моторы купят уже там. Что делать если во время поездки воздух выйдет, фирма не сообщает. Да, в конце концов всего не предусмотришь...

Плывем... Плывем по голубому Дунаю. Река широкая, просторная, спокойная и безусловно красивая. Откосы берегов зеленые, яркие и человек понемногу начинает верить в благотворное влияние природы на его психику.

Возможно, конечно, что Дунай, во времена Штрауса был голубым, но сейчас грязновато-зеленый. Чему удивляться? Если люди за это время по несколько раз меняли свою окраску то, что же требовать от реки? Когда вдали на скале появляется какой-нибудь захудалый замок, то наша публика прежде всего спрашивает:

— А какого он столетия? — так, как на „молодежь" никто не хочет обращать внимания ибо „время — деньги", а девать то его некуда.

Ветер, свежий, дунайский ветер, весело развевает шарфы наших дам, пароходное радио передает сентиментальные мелодии венских композиторов, сольнышко ласково греет лысых и седых, а вода журча бежит за кормой...

Ах, как хорошо!

На каком-то „полустанке" наше стадо сгружается и мы опять в автобусе.

Против нас громадина Бенедиктинского монастыря 15 столетия. Издали он близок к тому рисунку, которым обычно начинает свои программы детский кудесник, безвременно скончавшийся У. Дисни...

Ликерное производство довлеет надо всей местностью, стоя высоко в горах. Мы не знаем, чего в нем больше, смирения или угрозы? Ведь по существу — не монастырь, а крепость. Такой „ликерный магазин" не разобьешь голыми руками.

Едем по обыкновенной, шоссейной дороге знаменитой тем, что она ведет не в Рим, а в Вену. Радио услаждает наш слух „Волшебной флейтой" Моцарта, в очень хорошем исполнении...

Вена! Хотя мы и приехали усталыми, но возможность посмотреть этот великолепный город вечером, хотя бы частично, придала нам бодрости и мы прокатились по улицам прекрасной столицы Австрии. Масса реклам подвижных и оригинальных, широкие улицы, обсаженные старыми, тенистыми деревьями, оживленное движение красных трамваев, автомобилей, такси-кэбов (кстати, все они марки „Мерседес-Бенц", считающейся в Америке очень дорогой). Много пешеходов. Видим памятники Бетховену, Гайдну, Моцарту. Хоть бы для смеха поставили Марксу, ведь косвенно благодаря ему Австрия была долго под советской оккупацией. Черная неблагодарность!

Ну, вот, добрались до венского оперного театра и затаив дыхание смотрим на это прославленное здание. Выдающаяся постройка освещена со всех сторон, а сбоку, слева, такой эффектный фонтан. На цыпочках, не говоря ни слова (ведь это же не храм), сняв шляпы, вошли в огромное фойэ. Но нас не так интересовало оно, как касса. Мы очень боялись, что огромная очередь или просто толпа осаждает заветное окошечко, знаменитого театра. Вот, тебе на! Никого нет, все свободно, подходи, кто хочет, потому что касса закрыта и все билеты давно проданы. А мы боялись, что... так и будет.

Озабоченный молодой служащий видя заблиставшие у нас слезы утешил нас тем, что завтра в 9 утра, начнется продажа на субботу, на „Травиату". Но завтра же, с утра, мы начинаем на автобусе, объезд достопримечательностей города. Как быть? Кто-то должен пожертвовать собой и не поехать, а помчаться в театр, на рассвете. Я уже предчувствовал, что героем дня будет Григорий. Ну и пусть, я даже не завидую. Он всегда был альтруистом.

Гриша утром, умчался приносить себя в жертву искусству, а мы преспокойно поехали смотреть Вену. Потом он рассказывал, что когда купил билеты по списку и приехав в отель стал разбираться, что и как, то оказалось, что на билетах нет цены и он не знает кому, что дать и следует ли давать сдачи или еще дополучить разницу.

Он поехал обратно в Оперу; там стояла дикая очередь и хотя одесский театр похож на венский, Гриша вернулся к вечеру злой, голодный и неразговорчивый. Все его очень благодарили, но все равно это не помогло. У него не хватило семи долларов. Он изрек:

— Еврейское счастье всегда большое несчастье!

С самого же начала, пока Ардов скрипел в очереди за билетами, мы отправились в Шеннбрунский дворец. Он огромен и красив. В нем и готика и барокко и морока. Я в стилях плохо разбираюсь, но главное, что в нем 1400 комнат и все они связаны с памятью Марии Антуанетты и Марии Терезии, императрицей, которая крепкой рукой управляла своим государством и одновременно обзавелась шестнадцатью детьми. Иди, прокорми такую ораву... Габсбургов жило там много и перечислять их нет смысла, уж очень это утомительно и не интересно. Главное, что несмотря на кажущуюся пышность и богатство обстановки (мебель, посуда, картины, скульптура) у всех у нас полная уверенность, что ничего из прежних драгоценностей принадлежавших австрийским монархам, республика не разбазарила на сторону. А вот все газеты облетело известие, что одна великая страна в связи с пятидесятилетним юбилеем торганула императорским сервизом. Фирма Кристи, которая занимается такими делами,

за сорок минут выручила от английских и американских рестораторов 66 тысяч английских фунтов. Это и не начало и не конец: представитель „Новоэкспорта” Николай Герасимов заявил, что у них такого барахла много. Вспоминаю, что в 1931 г. американский миллионер Э. Мэлон купил в Эрмитаже за шесть миллионов пятнадцать картин. Если за пятнадцать полотен было дано шесть миллионов, то подумайте, что это были за сокровища. А вот теперь мы узнали, что Никита Сергеевич по-прежнему заказывает свои костюмы у итальянского портного, но не имея денег (он пенсионер) расплачивается иконами. Спрашивается: откуда он их берет? Снимает со стен или запасся заранее ходкой валютой, светлая голова. Теперь же ему никто ничего не даст!..

Самые чудесные комнаты во дворце, как это ни странно — китайские. Они сделалы с таким вкусом, с таким тонким пониманием чувства красоты и своего мастерства, что это работа заслужила безусловно всеобщее признание и привела нетребовательных туристов в восторг. Одна комната из сандалового дерева с потрясающей китайской живописью стоила в свое время всего лишь два миллиона золотых гульденов. Я не знаю курса гульденов в те времена, но все равно цифра два миллиона достаточно убедительна...

Экскурсанты текут бесконечным потоком и одна группа выдавливает другую из комнаты, как краску из тюбика. С удовольствием посмотрел тот зал, который прославился в свое время (после изгнания Наполеона) тем, что конгресс в нем танцевал и занимался важными государственными делами. Тогда, глядя на него создали оперетту „Конгресс танцует”.

Да, замок, — есть где развернуться. Удивительно, что до сих пор не создали музыкальной комедии „ООН приплясывает под чужую дудку”. В этом зале, на потолке, прекрасно выполненные фрески разрушения, созидания и мирного труда. Невольно вспоминается зал заседаний Объединенных Наций в Женеве, где эта же история (на стенах) повторяется.

Во дворце очень много портретной и батальной живописи выполненной большими художниками мира того вре-

мени, скульптурные изображения императоров и политических деятелей, паркеты с поражающим воображение рисунком, роскошные ковры, тяжелые портьеры. Все, что не из камня, сильно тронуто временем, а маленькие полочки на пути следования публики, на которых стояли вазочки и статуэтки — сильно тронуты людьми. На полочках ничего нет. Обслуживание туристских групп удивительно хорошо организовано (по языкам) и получается, что два гида говорят для своих групп, одновременно. „Смешение языков" мирно уживается. Оно же временное. В О.О.Н. хуже, там тоже говорят на разных языках, но договориться не могут...

Конечно, будучи в Вене нельзя пропустить этот дворец, который для простодушного иностранца, особенно из США, „восторг и упоение". Когда ему показывают огромный гобелен, во всю стену, на котором Людовик какой-то посещает какую-то фабрику, он не может поверить, что все это не нарисованное, а вышито человеческими руками, и с такой кропотливостью и тщательностью, что просто не верится, что это только цветные нитки, всевозможных оттенков. Такому туристу есть что дома рассказать и показать: он везет открытки, цветные снимки и свою кино-пленку. Нам же русским видевшим царскосельские дворцы, сокровища московского Кремля, Эрмитаж, Царское село, Грановитую и Оружейную палаты, музеи, где было собрано не только свое, но и чужое не имеющее цены, нам все это не в диковинку.

И есть полная уверенность, что если даже половина русских ценностей продана на сторону для укрепления страны победившего социализма, все равно там еще осталось столько, что зарубежным дворцам за нашими не угнаться... Конечно, если еще пятьдесят лет, то... но не будем пессимистами.

Потом, мы не спеша поехали по городу и видели замечательные здания музеев, парки, памятники (щедры австрийцы на них), изумительной архитектуры постройки: парламента, университета, городского управления. На крышах и в специальных нишах статуи на исторические и мифологические темы. Все таки не ясно, как это все сохранилось, если Вену бомбили и разрушали очень свирепо... На домах есть мемориальные доски: здесь музей Бетховена, тут работал

Моцарт, там умер Гайдн, в том доме родился Шуберт и мы даже на „минуту молчания" остановились перед домом, где на мраморе было высечено „здесь Иоганн Штраус создал свой бессмертный вальс „Голубой Дунай".

В одном из парков стоит памятник-статую И. Штраусу (отцу), со скрипкой у плеча. Я подумал:

— Сколько памятников стояло в других городах другому человеку, и мудрому, и гениальному и учителю и это самое неблагодарное человечество от его каменных памятников камня на камне не оставило, наплевав на мудрость и гениальность. А тут какой-то неудавшийся скрипач, простой капельмейстер и вот поди ж ты...

А ведь тот, хотя и не был музыкантом, но многие плясали под его дудку, даже гопака... И весь мир признает и преклоняется перед простым скрипачем и будет чтить и хранить память о нем пока существует мир... А тот? Ну, чем не явная несправедливость?

Улицы Вены зеленые, радостные. Она еще до сих пор отстраивается и очень часто попадаются на глаза „провалы" между домами, огороженные заборами, за которыми еще будет новый дом, новый отель или новая церковь. Дайте Вене еще пятьдесят лет.

Сады и парки после войны постарели, но в этом их молодость и красота, а вот дома, улицы и витрины магазинов выглядят, как-то не так (говорят бывавшие здесь раньше люди), как в их времена.

Да, еще: костюмы, платья, обувь хотя и дешевле наших, но значительно уступают Америке, по качеству... Дешевы только „горячительные" напитки. Одним словом „старые венцы", т. е. люди знавшие Вену раньше — разочарованы. Встреча с ней для них оказалась встречей человека со знаменитой артисткой, гремевшей в дни его молодости, которую он пришел посмотреть на спектакле, спустя двадцать пять лет.

Да, то — да не то!

В некоторых парках не косят траву и получается, как русский луг. Прелесть!

Вкусный обед запиваем кофе различных сортов с ликерами и без. Это из Вены пошла поговорка, что кофе должно быть „черное, как грех, сладкое, как любовь и горячее, как ад!".

Разморенные и сонные мы поехали смотреть „сказки венского леса", а попросту говоря тот самый лес, который был так прекрасен в фильме „Большой вальс" и воспет Штраусом в его вечной, неумирающей мелодии. Лес хорош, лес красив, сочен, зелен, но конечно, куда ему до Шварцвальда или до простого Брянского леса. Садик — не больше.

Но вот мы на экзотической улице, где сплошной линией, по обе стороны рестораны-винные погреба, на поверхности. Гид останавливает наш автобус и покорное стадо понуро шагает в загон для выполнения очередного туристического обряда. Мы ведь не имеем инициативы за нас думают, планируют и подыскивают подходящее, для нашего культурного уровня, развлечение.

Таким образом — опять столы, стулья и бесконечная вереница стеклянных кружек с вкусным белым вином. Оно, как кисленькая водица, но с коварным содержанием. После первой кружки все друг-другу начинают нравиться; после второй мы начинаем петь; после третьей некоторые показывают, как они танцевали когда то... А так, как большинство живет только прошлым, не имея настоящего (только пенсия) и никакого будущего то эти раскрасневшиеся лица и беспомощный гомон (ибо каждый старается рассказать собеседнику самое важное) сразу наполняют жизнью безжизненное помещение ресторана. Стараясь внести некоторое успокоение в бутафорские страсти, мы шумим больше всех. Католическая сестра только молча качала головой и пригубливала...

Внезапно Гриша „открывает Америку":

— Если промочить ноги — слабеет горло, а если промочить горло — слабеют ноги! С винцом в груди лежит поэт!

Странное явление. Как видно мы промочили и то и другое так, как я не помню, как я добрался до отеля. Ардов утром мне заявил, что он нес меня на руках, как ребенка, добавив:

— Я не мог доверить вашу жизнь какому то автобусу...

Иди — проверь!..

Когда я лежал с компрессом на голове, Гриша прочел мне целую лекцию. Вот она вкратце:

— Вы родились удачно. Будь это в древние времена, вы никогда бы не дожили до наших дней. В ту эпоху грех пьянства карался жестоко. Я знаю случай в Афинах, когда чиновник явился на работу „под мухой" и был казнен. Нравится вам это? Спартанцы объявили бойкот винограду (нечто похожее происходит в Америке) и запретили его разведение. А на кислом молоке далеко не уедешь..

Пива и алькоголя тогда не знали так, что оставались пьяным, только от влюбленности.

В Риме до 30 лет — вина в рот — ни Боже мой! После можно, но и то если вы по пьяной лавочке совершили преступление — наказание вдвойне!

А у нас, сейчас-же на поруки и под залог. Потом экспертиза докажет, что у вас не все дома (жена уехала) и вы только оплатите судебные издержки.

Магомета и его отношение к вину, вы сами знаете и это ваше счастье, что вы православный.

Папы римские тоже не спились по мере сил. Правда, может быть только Александр Борджиа выпадал из стройного ансамбля, да и то наверное ходил в звании „алкоголика-анонимус".

Я слушал опустив голову.

— Так вы обещаете мне больше не пить?

Я обещал, но не сказал чего!

Многие наверное помнят кинофильм где Роберт Тэйлор снимался вместе со знаменитыми белыми лошадьми из вен-

ских конюшен, восхищающих всех своею безукоризненной дрессировкой. И вот мы их увидим, сейчас воочию. Это испанская школа верховой езды. Большущий, двухсветный белый зал с колоннами и посреди него, манеж, усыпанный тяжелым, мокрым песком.

Высокие, в 20 футов высоты, окна, три люстры заливающие светом весь зал. Музыка играет полонез. Ах, какое зрелище!

Стоит ради десятка живых лошадей пропустить пару мертвых дворцов. Тут уже не скажешь, что они самоучки. Они имеют высшее лошадиное образование, дипломы и их потомство без экзамена принимается в эту школу. Вы можете мне не поверить (если не видели фильма), но они идут в ногу. Эти белые, умные животные по своему благородству, уму и породистости значительно превосходят других, сидящих за мраморными барьерами.

Безупречность исполнения сложных перегруппировок, построения различных фигур и поворотов, опрокидывают все ожидания людей прекрасно знающих лошадь по телевизорной программе. Звезды, квадраты, полукруги, эллипсы и всевозможные геометрические фигуры с исключительной точностью воспроизводятся этими умницами. Маневренность волшебная. А они еще и танцуют и пляшут и прыгают и ходят на задних „лапах" и все это без бича и крика. Все молча, по взаимной согласованности. А разве это не высший класс? Мне кажется, что выпусти нашу ораву на песок манежа для того, чтобы проделать все эти построения, то мы не справились бы а ведь эти благородные лошади и простые всадники, говорят на разных языках.

Если вы видели цирковую дрессировку, то, по словам Гриши, та может „закрыться". Безукоризненная синхронность движений с музыкальным сопровождением, просто поражает... Всадник и лошадь — одно целое. Из американских ковбойских программ, мы знаем, что лошадь спасает хозяина, бьет его врагов, ходит в таверну, стреляет из револьвера и на ходу ловит зубами стрелу пущенную коварным индейцем...

Даже движения которым всадники снимают свои треуголки, раскланиваясь с публикой, удивительно одновременны и в своей медленности имеют много прелести и грации... Да, это зрелище, которое в Вене пропустить нельзя. Также, как и нельзя пропустить оперный спектакль...

В антракте, чтобы публика не скучала выводились лошади „второго положения", которые даже одним своим видом услаждали глаз... На улице жара, а здесь прохладно и чуточку (совсем чуточку) пахнет тем запахом, что так любим мы. Наши билеты не позволяют нам попасть на конюшни и насладиться этим ароматом полностью. Это привилегия партера.

10. — В ОПЕРЕ * ОСТРИЧЬ И ВЫМЫТЬ * ГРАНД-КАНАЛЕ * ОБМЕН ДЕНЕГ * СИСТЕМА ДОНОСОВ —

Для любителя лошади, все, что мы видели — незабываемое, а для не любителя — наука, как не будучи человеком, можно выйти в люди. Когда туристы фотографируют этих „липинанов" (особая порода), то особенно ярко при вспышках освещаются надписи на стенах „фотоснимки ферботен"... Но не всякий же владелец долларов обязан знать немецкий язык...

На вопрос:

— Видели ли вы оперу в Вене? — каждый из нас может с гордостью ответить:

— Да, видели... только оперное здание, да и то снаружи.

Малая часть нашей группы, благодаря геройству и жертвенности Гриши попала в этот театр. Театр, который был разбит, разрушен и сгорел, а сейчас стоит в полном блеске, как и знаменитый собор святого Стефана; в нем мы не были, но открытки купили. Нельзя же, без этого, все таки!

Хотя здание оперы серого, как будто пепельного цвета, но оно и великолепно и красиво. В этой серости и скульптурах его украшающих — его привлекательность и величие.

Мало ли в жизни мы встречаем людей и серых, и непривлекательных, а загляните им в душу и они предстанут перед вами и яркими, и содержательными. Только сумейте!

Внутри здание, как добротный замок: широченная парадная лестница, лепные украшения и ценные картины, масляными красками, на стенах. В этом здании партер и пять балконов. Я бы сказал, что внутри театра строгая красота красивых стен с весьма скромным участием золота и массы электрического света, благодаря прекрасной люстре, вделанной в потолок, что делает его и радостным, и уютным. Места и стены в ложах красного бархата. Занавес выглядит удивительно непрезентабельно, он кофейного цвета, но какой-то грязный. Может быть это оптический обман, но при билетах купленных по такой высокой цене, очки втереть трудно. Впрочем, мхатовский занавес с чайкой тоже не блистал красотой, а все же — что зато было за занавесом?!..

Капельдинеры напоминают своих коллег по большому театру. Они старые, в ливреях табачного цвета, выцветших и изъеденных молью, как и их хозяева. Эти люди преисполнены собственным достоинством, поэтому иностранец, спрашивающий его на своем родном языке, где туалетная комната, получает ответ по-немецки. Но стоит вам опустить руку в карман, как он хватает вас за другую и ведет в нужном направлении. Ну и нюх!

Сесть на свое место очень легко, если вы обождете пока все сядут — ваше обязательно будет пустым. Вообще, попасть в оперу на другой день после приезда считается большой удачей.

Гриша чувствует себя героем дня. Все довольны, а он уже забыл, что доложил в своем благородном поступке...

Перед началом Ардов рассказал нашим содержание оперы и для большей ясности назвал Альфреда „плэйбоем", а Виолетту — „шоу-герл". Тогда все стало понятно.

Спектакль на высоте больших европейских театров и в постановочной части и в музыкальной. Голоса первоклас-

сные, да это и понятно: в партере сидит две трети публики читающей программы по-английски и требующей за свои деньги первосортный товар...

В зале жарко, охладительной системы нет. Эти новшества не к лицу старой Вене... Я смотрю на сцену с душевным трепетом, ведь на ней подвизались лучшие певцы мира, включая нашего Федора.

Артист, выступавший хоть раз на сцене венской оперы имеет открытый путь всюду, за исключением миланской, где еще подумают...

А публика уже не та, как в былые времена (говорят знатоки), да и дух времени уже не тот; он сказывается на людях, на постройках, на психике. Одним словом, дух „с душком"!

Возвращаемся в отель довольные, счастливые, обновленные... Среди нас есть американец чешского происхождения, но родившийся уже в Америке. Ему скучно всегда и если он идет куда-нибудь, то только потому, что идут другие. Единственный вопрос, о котором он может говорить с жаром и оживленно, это его здоровье. Не считаясь с дамами он начинает обсуждать перестальтику кишечника, объяснять происхождение газов в желудке и значение слабительных в жизни человека. Его здоровье это основа-основ — остальное ерунда и ничего не стоит. Так вот он сказал о спектакле:

— С такой комплекцией, как у Виолетты — не умирают от туберкулеза. Водянка — может быть... Я все-таки коечто понимаю в медицине...

Прежде, чем пойти спать, посидели в кафе, на террасе, на улице, под пестрыми зонтиками, попивая душистое кофе, с шапкой крема на поверхности. Электрический свет мерцает в зелени пышных деревьев, незримый оркестр ласкает слух и душу музыкой тихой и задушевной... И скучно, и грустно, и некому руку подать...

На другой день была такая жара, что никуда не хотели идти. Кто покупал дребедень, всякие „цяцьки", кто сидел под зонтиком и тянул холодное пиво, а кто пошел, через

дорогу, в зоопарк, где весенние настроения были настолько сильны, что было даже неловко... Ах да, последний штрих: битников мы так и не видели. Просто повезло...

Ну, вот мы и покидаем этот сказочный город. Прощай, постаревшая Вена, прощай дама с камелиями, с подведенными временем глазами, с усталым ртом и морщинками наложенными на твой обворожительный облик войной. Так или иначе, прощай красавица... Гудбай, „форевер!"...

Наша „кавалькада" шумная и довольная движется по горной местности. Все полны впечатлений и сувениров. Дорога извивается красивой лентой. Мы отдыхаем от „трудов праведных" и с упоением слушаем Майка о тех удовольствиях и расходах, которые нас ожидают впереди... На перевале объявляется „перекур" на двадцать минут.

Тут кафе и горный воздух. Все дышат полной грудью, благо, что десяток автобусов, которые стоят тут же, с другими туристами, работают на полный ход, освежая атмосферу...

По дороге (это было воскресенье) видели религиозную процессию, от мала до велика. Наверное сто лет назад было так же. Думаю, что если бы в этом селе появился парень с немытой шеей и грязными патлами, то бюргермайстер, выпятив живот и расправив рыжие усы, гаркнул бы:

— Остричь и вымыть!

Вот бы такого бюргермайстера на всю Европу... Да, обмельчало человечество.

Мы на берегу Платензее. Это австрийская Ривьера. Какие дачи. Какое Казино! Какие яхты! Теннисные площадки, бассейны, лодки, кафе, рестораны, театр... Зелень, цветы, музыка... Недаром писаная красавица (ох и вру же я!) Бригитт Бордо имеет здесь свой особняк... День очень жаркий и ехать тяжело, особенно, когда видишь слева зеленую гладь воды, паруса и сотни купающихся. А мы в железной коробке... Терпи казак!..

Виды такие же, как и в Швейцарии, но можно сказать, что вы в магазине покупаете открытку в красках ценою в

20 центов, но есть и другие, тоже цветные по 15 центов. Так вот, считайте, что здесь виды подешевле. Те же горы, деревушки, прохладные, благоухающие долины, коровы, но все классом ниже...

Уф, придвинулись вплотную и уже рукой подать до итальянской границы...

Неужели я услышу „О, мама миа!" не только от Гриши? Неужели я услышу умопомрачительные песни из первоисточника? Неуже...

Проверка паспортов и обмен денег. Я за свой остаток австрийских шиллингов отхватил 18 тысяч лир и каждая бумажка размером в хорошую салфетку. Чиновник производит обман... простите, обмен так быстро, что не успеваешь заметить сколько же лир прилипло к его пальцам. А автобусы идут круглые сутки, а туристов тысячи, а... не будем завидовать!

Мы в Италии; даже дух захватило. Гид читает нам серьезную лекцию о кражах у туристов; он говорит, что тут работают большие специалисты по этой части и поэтому:

— Не носите с собой денег — вытянут. Не оставляйте их в отеле — украдут!

— Но почему же вы нас раньше не предупредили, мы бы их дома оставили?

Деревни, которые встречаются по дороге бедные, дома старые. Это не мешает на бедном доме увидеть богатую рекламу о „Коке".

Обычно, в каждом уважающем себя учебнике, описание Италии начинается со слов: „Эта страна уже много лет расположена на Аппенинском полуострове. Итальянцы хорошие сапожники и поэтому, если вы влезете на ближайший холмик, вы сразу же убедитесь, что полуостров похож на сапог".

Вино по дороге настолько дешево, что несмотря на жару, многие взяли по бутыли в два лира и их опустошают.

Пьется оно удивительно легко. Да, в Италии все легко, даже жить. Особенно нам. Вот страна...

Нам сказали, что гуляя по улицам итальянских городов, мы будем любоваться женской красотой. По-видимому, мы ходили не по тем улицам.

И утром, восхитительным утром, мы взяли курс на Венецию. Честно признаться я немного волновался. Ведь предстояла встреча с тем, о „ком” я так много слышал, видел и даже читал. Это же будет легендарная Венеция.

Нам представили нового проводника, местного жителя, заученным тоном сказавшего:

— Через пять минут мы будем на берегу Гранд-Канала и поедем по нему...

Ну, как не дрожать от радости и нетерпения...

Гондолы... Лучезарные взгляды... Мандолины... Гитары... Шпагетти... Песни... Закат на лагуне... Каналы... Луна... Шопот...

Мечты, мечты, где ваша сладость??

Мы подъехали к грязной и заплеванной пристани, где стоял большой, такого же качества катер. Легкий запах гнилых овощей стоял в воздухе. Нас нагружают, трамвай ревет и тяжело сопя и громыхая трогается в путь. Примерно, каждые 5 минут он причаливает у очередной пристани, где высаживаются и садятся местные жители едущие по своим делам с баулами, корзинками и бидонами. У них трудовые будни, а у нас радостная встреча с заколдованной Венецией... Едем... По обе стороны канала стоят дома, ветхость которых и запущенность вызывает чувство жалости и огорчения. Рядом с домом, поражающим своей красотой и изяществом рисунка стоит такой лабаз для муки и отрубей, что тошно становится: штукатурка осыпалась, кое-где нет стекол, плесень у воды покрывает камень густой пеленой, кирпичи выпали, дыры, крысы. Да, много времени прошло со дня создания этих построек и, конечно, оно делает свое пагубное дело, не только с камнем, но и с более крепким

материалом, который и освежается и ремонтируется ежедневно. Посмотрите в зеркало...

Есть здания от которых нельзя оторвать взгляда, а есть такие, что взглянуть не хочется. Форменная развалина. Так и едем по Гранд-Каналу, а навстречу баржи груженные ящиками, бочками, а то и просто грязью и мусором из домов, ресторанов и отелей. Кроме этих крупных предметов не радующих нас, плывут и помельче: бутылки заткнутые пробками, чтобы не тонули, сор, очистки от овощей, апельсиновая кожура, газеты, пустые коробки, арбузные корки и все то, что засоряет и глаз, и каналы Венеции всерьез и надолго. Радость меркнет. Как часто это бывает в жизни — ждешь, ждешь этой встречи и вдруг... арбузная корка! Лучше б ее не было. Так было и тут...

Где-то нас высадили и повели по улочкам, настолько узким, что расставив руки мы касаемся противоположных стен. Это сплошная полоса ресторанчиков и магазинчиков с побрякушками и специфической итальянской едой. Это экзотика, но приедается сразу же. Там нас ждут, там нас жаждут.

Прошли и этот страдный путь жары и ароматов и вдруг перед нашими изумленными глазами карре площади святого Марка. Она кроме своей красоты обладает изумительной акустикой. Неужели ее строители подумали и об этом. Но факт тот, что лучшие певцы Италии с мировыми именами любят выступать там, как и в античном амфитеатре в Вероне, перед своим народом, даже без микрофона и собирают до сорока тысяч...

А вот во Флоренции, в садах Боболи они поют в сопровождении соловьиного хора. История говорит, что концерты в этих садах древнейшая традиция. Когда неаполитанский король Фердинанд 4-й прибыл во Флоренцию с визитом, то тогда были собраны самые известные кастраты-певцы, чтобы услаждать слух великого гостя. Вот, как было когда то.

На этой площади есть чем „восторгнуться": прославленный собор, Дворец Дожей и что то еще „более мелкое".

Гордая площадь и какая красивая! Единственная в своем роде! И вся она в центре покрыта тысячами голубей и следами их пребывания на ней. Сотни плетеных стульев у кафе стоят в ожидании „седоков". Четыре оркестра (не духовых) на разных углах площади наполняют жаркий, неподвижный воздух, мелодиями известными нам еще в молодости.

Удивительно отрадное впечатление производят полицейские в этой стране. Они разноцветные, разнокалиберные и разнообразные. В частности, в Венеции на этой площади они особенные: в треуголках, в черных мундирах, брюки на выпуск, с красными лампасами, белые пояса с такими же кобурами и большие сабли-палаши, которые надо носить в руках, иначе они будут волочиться по земле. Представить себе такого полисмена, бегущим за прытким карманщиком — невозможно, слишком солидно и по театральному он выглядит.

Италия строится, отстраивается, но она не спешит. Здесь не знают поговорки „работа дураков любит", но когда вы спросите итальянца почему он работает с прохладцей и не более восьми часов, в то время, как американцы гоняются за сверхурочными роботами (деньги-деньги, всеми способами!), он вам ответит:

— Нам и восемь часов довольно. Нас Америка поддерживает.

Таким образом вышеприведенная поговорка своим острием обращается к нам.

Помимо старых, есть очень много новых домов, но они выглядят, как новый костюм на неряшливом человеке: на них потеки, пятна, и между окнами, поперек улицы, от соседа к соседу протянуты веревки, на которых сушатся всякие бебехи. Удобно? Да. Красиво? Нет...

Собор святого Марка! Гид просит дам прикрыть в пределах возможности свою обнаженность, что дамы и делают, видя в этом некоторую пикантность. Мы входим в храм. Очень много золота. Если в других соборах и древних храмах в картинах и иконах был фон: небо-ли, деревья, зелень,

то тут фоном для всякого изображения является золото. Гриша, в панике бросается ко мне:

— Костич, сколько апостолов было у Христа?

— Двенадцать, а что?

— Смотрите, что делается!

На алтаре резные фигуры учеников Спасителя. Их четырнадцать. В центре иконостаса, если так можно выразиться, Крест, а с обеих сторон по семь прекрасно выполненных, объемных, из дерева, фигур.

— Конечно, это ошибка, — шепчет Ардов, — но не будем смущать хозяев!

Пол весь из мозаики, которой более семисот лет. Он неровный, осевший. Может быть в этом сказывается то страшное, что ждет Венецию. Ведь она очень медленно, но очень верно погружается на дно моря. Правда, она не спешит и 15-20 сантиметров за сто лет это мелочь, но мы уже хорошо знаем, как из-за мелочей потом происходят большие неприятности...

Почему она опускается?

Когда опускаются люди, то это в порядке вещей, а вот Венецию жаль. А вот и причины:

1) Из-за усиленного таяния льдов на полюсах, вода в морях и океанах поднялась.

2) Для населения и промышленных нужд усиленно выкачивают пресную, подземную воду и... почва оседает.

3) У Венеции появился сосед-промышленный пригород Маргера. К нему провели глубокий канал для прохода тяжело груженных судов и танкеров.

Землечерпалки поработали и почва еще больше осела. Наводнения стали частыми и появилась сырость от которой страдают и дома, и произведения искусства.

Уже около тысячи домов покинуто жителями. Сейчас население Венеции чуть больше ста тысяч и все убывает.

Что делает вода мы уже знаем, но тут появился у нее соперник (а может и союзник) в лице грязного воздуха, насыщенного сажей от отопления домов бурым углем и от труб фабрик и заводов. Облака над красавицей Венецией насыщены серой, а в мраморе дворцов и статуй большой процент угля и это невеселое содружество ест камень. Статуи разрушаются. Это рак!

Кроме того Венеция будет иметь метро. Сеть туннелей пройдет под каналами и конечно, каждому ньюиоркцу будет приятнее прокатится под землей и вспомнить родной город, чем дышать сыростью и рисковать простудой, даже полученной в такой лирической обстановке.

Бронза тоже не выдерживает напора коррозии и покрывается пятнами уродующими бесценные сокровища. А если поддается мрамор и металл то, что же говорить о штукатурке и масляной краске? Нам это не страшно — через сто лет нас не будет, но не будем эгоистами. У нас же есть внуки!

А теперь два слова о внуках: их тоже не ждет ничего радостного. Старик Нострадамус совсем недавно предсказал, что в 1992 году народы Азии схватятся с Европой, а спустя шесть лет вмешается в это дело Америка, но потом пожалеет наверное (как с Вьетнамом). Если это уже заранее известно, так неужели же Объединенные Нации при их авторитете не могут это предотвратить? Удивляюсь, честное слово!

Теперь: если о грядущих неприятностях знаем мы, то конечно, о них знает и молодежь и поэтому ведет себя руководствуясь лозунгом одного французского Людовика, который крикнул на весь мир:

— Апре ну, хоть потоп!

Что в переводе значит:

— После нас хоть наводнение! Ну, вот детишки и „шалят".

Мы опять на площади и еще раз смотрим на собор. Он скорее дворец, чем храм, потому что его наружный вид с бронзовыми конями никакого сходства с церковью ему не

придает. Осовелые от безпрерывной жратвы голуби покорно взлетают на руку, где вы держите кулечек с кукурузой и смотрят одним глазом на фотографа:

— Уже, мол, можно слетать?

Надо войти в их положение тоже: с утра до позднего вечера они клюют надоевшую им кукурузу, позируя вместе с туристами перед фото-аппаратами. И это 365 дней. Убиться надо!..

Наконец мы во дворце Дожей. Здание и привлекательное, и мрачное. Здесь было правительство Венецианской Республики. Было, да сплыло. А сейчас музей. Дождемся и мы кое-чего в этом духе, не сомневаюсь. Залы дворца самых различных размеров переполнены картинами великих мастеров той эпохи, отображая ее в огромных полотнах. Все они заключены в тяжелые массивные рамы. Картин очень много и их надо видеть, о них надо прочесть, чтобы проникнуться духом и понять их содержание, потому что даже гид бросает одну фразу и бежит дальше, а мы за ним спотыкаясь и падая. Затем залы холодного и огнестрельного оружия. Этих пик, мечей и пистолетов сотни, если не тысячи. Как бы они у нас в Америке пригодились, молчаливому большинству.

Поражают размеры мечей. Будем откровенны: сегодняшнему человеку, жителю стран витаминов и калорий, даже если он ежедневно принимает „би-12", не под силу поднять меч двумя руками. А ведь тогда ими рубились! Два меча, показанных нам (предназначались специально для усекновения голов), особенно устрашающие, а ведь делалось все это довольно примитивно, без соблюдения правил профилактики.

К стенам дворца пристроены львиные головы с открытыми пастями. Это почтовые ящики, куда опускались доносы на друзей и родных (запахло чем то знакомым), а с другой стороны стены дежурный страж порядка подхватывал послание и давал ему ход. Податель „смывался" не требуя расписки и не оставив ни подписи, ни адреса.

Друзья мои дорогие, значит этот способ не новинка.

А ведь это творилось несколько столетий тому. Ничего не изменилось. Прогресс только в технике и науке, а человек остался тот же. А может стал еще подлее.

На закуску гид ведет нас в подземелья дворца Дожей.

Они, по существу, повторяют вариант Шильонского Замка, только в большем масштабе; а потом в одной стране повторили вариант Дворца Дожей, но только уж в масштабе гигантском, так сказать, юбилейном...

Каменные холодные клетки, без света и воздуха. Еда по давалась через дыру в стене. Было ли там правосудие или тоже заседала „чрезвычайная тройка" из четырех человек? Отдадим этот вопрос на суд истории.

Камеры-одиночки размером в большую клетку и ничего внутри. И вот так годами... до слепоты, до смерти от болезней и истощения. Но такова судьба была все таки считанных людей и если их подытожить за столетия, то наберется не более, чем их погибло в другой стране (не будем ее называть) за полгода. Значит за пятьдесят лет? Хм! Нужен компютер. А тут Гришу, как осенило:

— Слушайте, Костич. Какой сейчас самый известный митрополит в Советском Союзе?

— Я думаю, что Никодим, а что?

— А вот: перед отъездом я читал книгу об узниках царизма, цареубийцах, террористах и убийцах видных политических деятелей вроде Плеве, Трепова, Столыпина и так далее. Так в Петропавловской и Шлиссельбергской крепости они, эти государственные преступники, сидели по 20-25 лет, а то и всю жизнь в жесточайшей изоляции и один из высших церковных иерархов митрополит Антоний, добился у власти разрешения посещать этих людей и вести с ними душеспасительные беседы. И ездил, и беседовал и им оставались довольны и пленники и власти придержащие. Скажите, Костич, а если бы Никодим захотел навестить Колыму или Нарым, с такой же целью, чем бы это кончилось?

— Я думаю, что он предпочтет поездки в Америку и банкеты в его честь.

Выходишь из этих подземелий с чувством и горечи и удовлетворения: ведь все таки все это в прошлом. Может быть скоро станет прошлым то, из-за чего мы живем в чужих странах, едим чужой хлеб и молимся о своей Родине. Пусть эти страны, где мы „в рассеянии сущие" и хороши, но
„Прекрасные, чужие,
От них в душе туман,
Но ты, моя Россия,
Прекраснее всех стран!

Так написал еще в 1911 году Федор Соллогуб.

А на площади яркое солнце, звучная музыка, бойкая жизнь — и чувство горечи сменяется чувством радости, что ты еще жив и тебя миновала чаша сия!

Летом в магазинах двери не закрываются, а взамен их висят толстые (в мизинец) резиновые, тяжелые нити, которые составляют род занавеса, как будто бы не пропуская в помещение ни мух, ни пыли. Ерунда, конечно...

Газетные киоски, а их очень много, обильно украшены детективной и сексуальной литературой, также как в Америке. Витрины их имеют пестрый, завлекающий вид, где полуобнаженные девушки чередуются со странными, но одетыми молодыми людьми. Раскрыв журнал вы убеждаетесь, что там все наоборот.

В ресторане, где мы обедали, я и Гриша, набросились на землянику, которой в Сеаттле нет. И эта ягода и огромная бутылка чудного вина обошлись нам меньше двух долларов.

— Нет, стоить жить, особенно если дешево!

11. — ДОРОГОЕ СТЕКЛО * СФОГО * В ГОСТЯХ У РОМЕО * АНТИЧНЫЙ АРДОВ —

После обеда пошли на фабрику венецианского стекла, вернее стеклянных изделий. Об этом стоит рассказать. Если раньше мы любовались красотой, ушедшей в прошлое и уже

невозвратной, то тут юноша, полный сил и привлекательности, творил на наших глазах просто чудеса: у пылающей печи, с очень высокой температурой, он шутя и играя выдувал, а потом, орудуя клещами и палочками, создавал из раскаленного стекла, с удивительной точностью, фигурки различных животных. И до чего быстро и до чего ловко воспроизводил их движения, например: скачущей лошади, поющей птицы, бегущего страуса и т. д.

Когда наш интерес был пробужден и аппетит разгорелся — нас повели в залы готовой продукции венецианского стекла... Ах, какой восторг! Бокалы, графины, стаканы, фигуры, ожерелья, брошки, канделябры, люстры и все это создано с таким искусством и знанием дела, что поражает наше неискушенное воображение.

Опытные ловцы человеческих душ — продавцы подсовывают, уговаривают, демонстрируют и добиваются желаемого. Тут же, за эти хрупкие, бьющиеся вещи, уплачиваются деньги и товар будет доставлен вам с полной гарантией, в целости и сохранности. Бокалы, например, и графины такой чудеснейшей росписи, что устоять невозможно, когда вам говорят:

— Посмотрите на этот рисунок, нет вы посмотрите, только. Видите? Так вот чудо венецианской выделки в том, что если вы разобьете графин — рисунок останется целым!

Ясно, что балдеешь и бухгалетрия работает на полный ход. Один Гриша, как демон, печальный дух изгнанья, стоял над бьющимся стеклом и ничего не покупал. Конечно, это неспроста.

— Костич, — сказал он саркастически, — эти пичужки набросились, не разобрав брода, а я уже имею полную информацию от портье нашего отеля и адрес одного скромного магазинчика, где есть не только эта массовая продукция, но и античные вещи. Вот. Завтра пойдем.

Покупать за границей ценные произведения искусства и антик приходится руководствуясь поговоркой: „разве хочешь? Надо!" Большая удача, если где-нибудь в невзрач-

ной лавченке вам удастся купить спрессованную из мраморной пыли статуэтку, сработанную руками самого Микель Анджелло или же резной металлический стаканчик с дырочкой на дне, выштампованный под личным руководством Беневутто Челлини. А достать, скажем, подлинное полотно Рембрандта „Ночной дозор", где проницательные воины идут держа в левых руках копья, а в правых электрические фонарики? Так бывает раз в жизни, да и то не у всех. И Грише удалось вырвать из рук растерявшегося туриста единственный бокал красного стекла с редкой резьбой внутри и снаружи и всего за девять долларов. Когда я сказал хозяину лавки, что я хотел бы такой тоже, как этот (собственность Екатерины Медичи), он печально развел руками:

— Сожалею, синьор. Я жду еще два ящика, но не раньше понеделика.

А мы уезжали в субботу. Грише повезло, как всегда...

Сколько лет я знаю Ардова и все же каждый раз он преподносит мне сюрпризы. Он, как бриллиант. Казалось бы, что все возможные и доступные ему категории блеска и сияния, он уже показал своей престарелой владелице, а нет, еще один поворот и сияющие лучи в чудесном спектре блестят и радуют усталый глаз. Так и Гриша. Но я ему этого не скажу. Избави Бог!.. Он и так в этом уверен. Это вечное томление духа Ардова, его честолюбие, которое всегда требовало от него, чтобы он стоял выше толпы, даже при помощи стула.

Ласковым, малиновым вечерком, когда небо окрашено в радостные, но угасающие тона, мы едем по притихшим каналам Венеции. Вода плещется о борта нашей гондолы. В первой едут музыканты и певцы; смолкает один, начинает другой. Во многих домах открыты окна и растроганные итальянцы с умилением смотрят, как мимо них плывут доллары. В тех случаях, когда сырые, сохнущие кальсоны им мешают, они отодвигают их в сторону и радушно кивают и улыбаются нам. Певец исполняет какую-то песню, и его голос с большой задушевностью звучит меж домами Венеции, а я (Гриша не видит) со слезами на глазах вспоминаю старый Днепр, девушку с голубыми глазами, челнок и неповтори-

мые украинские вечера над Киевом, которые не вырвут из моего сердца никакие серенады... Родина, дорогая моя Родина, разве можно забыть тебя. Нет, ни под каким солнцем, ни при каких песнях. Никогда! Забыть Родину может человек ее не имевший. Вот почему и слезы, а они — роса души!

Вернулись все домой притихшие и взволнованные. Ведь Венеция это единственный в своем роде город и конечно забыть ее нельзя.

Не хотелось идти в скучный номер отеля и мы большой группой уселись за столиками маленького кофе, прямо у воды и пили и ели, кто что хотел. Вдоль канала раздавалась музыка и пение и было, и хорошо, и грустно, и радостно...

Но вдруг мы услышали дикий крик внутри нашего ресторанчика. Хозяин размахивая кулаками тянулся к повару, а тот удерживаемый женой хозяина лез к нему и орал, что было силы. Двое итальянцев сидевших тут же бросились внутрь и приняли участие в страшной ссоре. Они орали больше всех. Предусмотрительный Гриша накрыл салфеткой поднос с лежавшими на нем вилками и ножами. Смерть витала над головами несчастных людей, но вдруг все стихло. Выяснилось, что вместо одного яйца заказанного дамой, повар сварил два. И вот из-за этого люди могли поплатиться жизнями. Это называется „темперамент италиан стайл", по нашему, а по ихнему „сфого" или умение отвести душу, дать возможность найти выход накопившимся чувствам и „тряхнуть нервами".

Я узнал, что в Италии стараются, чтобы дети откровенно выражали свои чувства, делились бы с близкими всем: и хорошим и плохим. От них требуют, чтобы они не сдерживали своих душевных порывов и не скрывали своих переживаний. Как это хорошо!

Возможность отвести душу, дать разрядку накопившемуся недовольству или радости. Какая это прелесть! А у нас: человек затаит „некоторое хамство" против другого и ходит ласково ему улыбаясь, а тот держит „камень за пазухой" и отвечает ему тем же. Так и живем, особенно мы, эми-

гранты. А вот: открылся бы, отплакался и все было бы ясно и светло. Нет, не можем мы, не из того теста.

А итальянец приоткрывает клапан, выпустит накопившийся „лишний пар" и опять радостен и доволен. Это доказал эпизод с невыеденным яйцом...

Видя все это Ардов воскликнул:

— Ах, до чего я люблю этот народ. Ведь они разговаривают, как одесситы — без рук и крика не могут! О, мамма миа!

Не помню кто, но кажется король русских юмористов Аверченко, в книжке „Путешествие сатириконцев по Европе" выразился так: „Обидно не увидеть Венеции, но еще более обидно было бы побывав в ней представить себе, что ты мог ее не увидеть". Ах, как он прав.

Пользуясь свободным днем (это, когда каждый делает, что хочет) мы решили съездить в Верону, прославившуюся тем, что „нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульете".

Верона старинный город с каналами, неизменными кафе у воды и дворцами со сторожевыми башнями по углам. В городе даже есть Колизеум, меньшего размера, чем в Риме и такой же свежести, но, конечно, главное не в этом. Нам хотелось самим на месте побеседовать с очевидцами увековеченной трагедии!

Как это ни странно, но никого уже в наше суматошное время не оказалось в живых и пришлось довольствоваться легендами местного производства и записями старожила, некоего Шекспира. Опять он!

Нам показали балкон, где стояла девица в тот злополучный вечер, когда Ромео полез к ней по веревочной лестнице. Мне удалось купить у антиквара кусочек этой веревки и должен честно сказать, что ни одна пожарная инспекция в наши дни не позволила бы пользоваться ею, даже для амурных похождений. Она не только не может выдержать человека, но даже не выдерживает никакой критики.

Ардов достал у букиниста медальон с прядью волос Джульеты и одел его с благоговением на шею, как амулет, а потом мы оба купили в сувенирной палатке две фотокарточки, снятые с влюбленных за пять минут до смерти.

Больше никаких подробностей узнать не удалось и только уж дома я прочел эту печальную историю. Но лучше всего (видел в Америке) оказался фильм „Ромео и Джульетта", снятый в Лондоне, прямо со сцены королевской оперы. Вот уж действительно (не) наглядное пособие для больших и маленьких. Эта балетная версия, созданная при участии русских талантов С. Прокофьева (музыка) и Р. Нуреева (Ромео), с изумительной правдивостью и бесподобным мастерством показывает повесть об этой любви. В этом фильме Нуреев оказался не только танцором мирового масштаба, но и непревзойденным (для балета) драматическим артистом. Никогда, никогда не думал, что такие глубокие душевные переживания можно так показать ногами.

А вот совсем недавно мне посчастливилось посмотреть второй фильм на ту же тему и под тем же названием — американской продукции, но сделанный знаменитым итальянским режиссером. Постарался человек и не вышел из рамок приличия. Получился прекрасный фильм от всепобеждающей Любви и неугасимой Ненависти.

Если бы вещь не принадлежала перу Шекспира, а была, скажем, написана знаменитым русским зарубежным писателем, то она наверное называлась бы „Ромео и Лолиетта" и фильм получился бы значительно пикантнее. Но я думаю, что не все потеряно. Писатель жив и подает надежды.

На другой день, утром Гриша заявил, что ему хочется тратить деньги.

Я вспылил:

— Мне наплевать на ваше желание, но никаких непредвиденных расходов быть не может. Мне это надоело! Понятно?

— Сердиться не надо. Знаете эту песенку? Давай никогда не ссориться. Никогда, никогда. Пускай сердце — сердцу

откроется — навсегда, навсегда. Пусть в счастье сегодня не верится. Не беда, не беда. Давай еще раз помиримся. Навсегда, навсегда.

— Гриша, я начинаю в вас разочаровываться.

— Мне остается одно утешение: не бывает разочарования без очарования!

Италия, как и Мексика имеет свои излюбленные блюда, но все же для неискушенного желудка встреча с ними бывает опасна. В силу этих обстоятельств я после обеда остался в отеле, а Гриша заявил, что интересы искусства он ставит выше интересов желудка и идет бродить по музеям.

Не дождавшись Ардова вечером, я лег спать пораньше, чтобы утром быть в полной спортивной форме. Опять где-то загулял. Среди ночи в дверь раздался стук и когда я открыл, передо мной оказался испуганный портье и смелый полицейский.

Узнав, что я — это я, он вежливо попросил меня поехать с ним для опознания некоего господина. Так как соседняя кровать была пуста, то я уже не спрашивал, о ком идет речь.

Гриша рассказал:

— Войдя в один из музеев (какой по счету он не помнит) я чувствовал себя страшно усталым, ибо прогулки под итальянским солнцем даром не проходят и душевное состояние моих ног желало много лучшего. Я осмотрел несколько „Титоренто из Сорренто" и еще что то, от чего у меня уже рябило в глазах, и решил отдохнуть в прохладе. Имею я на это право за свои деньги? Где то в нише висела какая то доска с замысловатыми надписями, а перед нею — мраморная табуретка. Я присел... и задремал. А время было уже к вечеру и я не услышал звонка о закрытии музея. Сторож, обходя помещение, обошел и меня. Я давно заметил, что в жизни меня обходят, но тут это было напрасно. Он ушел и закрыл двери снаружи.

Я спал и проснулся от благоговейной тишины и полного отсутствия туристов. Я встревожился и пошел искать выход

из создавшегося положения. Выход я нашел легко, но он был закрыт до утра следующего дня. Я решил позвонить вам по телефону, но в этих дурацких учреждениях телефоны принадлежат к разряду „неантичных" предметов и на виду не стоят. А я стоял. Стоял и думал, что глупо в городе вековой цивилизации и культуры погибать от голода и одиночества. Темнеет там быстро и пока я решал проблемы, в залах стало совсем темно, а где эти чертовы выключатели находились в музеях я никогда не интересовался. Начал стучать в двери, но они настолько массивны, что я понял бесполезность моих попыток.

— Хм — сказал я себе — на одну античную вещь в музее стало больше. Потом: во-первых становилось холодно, а во-вторых — с какой стати, вы, Костич, будете спать на мягкой постели, а я на розовом мраморе? Почему? Социальное неравенство опять выступало во всей своей неприкрашенной красоте. Нет, этого не будет. А что же будет? Конечно, я мог сорвать какую-нибудь портьеру и укутавшись в нее, как в тогу, прилечь на мраморное ложе и сойти за римлянина времен упадка Римской Империи. Но если бы меня можно было сфотографировать для потомства или же показать людям, то был бы смысл. Согласитесь, что в моем лице есть что то римско-католическое, особенно в профиль? А так, во имя чего я буду мерзнуть? Этим размышлениям я предавался, прежде чем перейти к активным действиям. И еще: я представлял себе ваше беспокойство, бессонную ночь (я кивал головой) хождение из угла в угол и решился на крайние меры. Бродя с опаской по залам, я выискивал предметы подешевле. Но тут, как раз можно и прогадать: какая-нибудь статуя стоит гроши, а полноги работы Микель Анджеле не имеет цены. Одним словом, я нашел что то похожее на пепельницы Юлия Цезаря и посуду с ручкой из покоев Клеопатры. А может быть и нет, кто их знает. Я начал бросать их в окно со стороны главного входа. Итальянцы не любопытны, но любознательны. Наш брат, турист, сразу бы подобрал музейную редкость и смылся, а те — нет: зашумели, загалдели и я слышал, как увеличивалось количество спорщиков (я не думаю, что они оценивали вещи) и крикунов. Теперь я мог свободно ожидать разворота событий. За-

звучала сирена полицейской машины, галдеж утих, а потом разгорелся с новой силой. Говорили и кричали долго, затем раздался мелодичный звук открываемой двери, заблестели горящие карманные фонарики и формы карабинеров-берсальеров. Я стоял гордо скрестив руки на груди. Обращались со мной очень бережно, но недоверчиво. Обыскали, боясь, что где-нибудь в карманах я спрятал кольчугу или полотно Тициана с рамой.

12. — ДОЖДИК * О ПОГРОМАХ * ИТАЛЬЯНСКИЕ КУСТАРИ * ШЕРСТЯНОЙ ДВОРЕЦ * МЕДИЧИ*СТРАННЫЙ АД —

Привезли в полицию, где чиновник, говоривший по-английски, выслушал исповедь падшего. Когда я дал ваш адрес, зная, что вы все равно не спите, — я кивал головой, — он отправил меня в камеру для иностранцев, где есть кровать, но нет клопов. Это наше преимущество. Что значит доллары!

Так рассказал Ардов, которого не оштрафовали, а пояснили, что музеи не для того, чтобы спать, даже если Америка дает взаймы Италии. Дирекция музея была просто очаровательной: она заявила, что разбитые вещи — дешевые копии, и если мистер ничего не имеет (кроме долларов) против уплаты некоей суммы, то все в порядке. Мистер так и сделал. Я в расходах не участвовал. Ну, вы подумайте, вот невезение...

Бродя по Венеции, с разинутыми ртами, мы были внезапно застигнуты дождем. В какую сторону двигаться, чтобы попасть в наш отель, — мы уже окончательно не знали. Вдруг из подворотни выскочил босоногий мальчишка и уставился на нас.

— Готель, хотель, мотель! — бросился я к нему, говоря название.

— „Си, синьор, си, — понял он и быстро зашагал. протягивая нам невидимую руку.

Шел он быстро, ободряюще оглядываясь на нас.

— Как легко, когда можешь объясниться, — сказал Гриша, а дождик лил.

Мальчуган уверенно вел нас всякими уличками и закоулками и через двадцать минут мы были у цели. Щедро награжденный, он, скаля зубы, исчез.

А на другой день, хороший и солнечный, мы вышли опять, но были осторожны и что же? Злополучная улочка, где нас поймал мальчишка находилась в двух минутах ходьбы от отеля.. Вот, пройдоха!..

Опять в пути...

Падуа. Знаменитый университет, основанный в 12 столетии; в нем когда-то учились Петрарка и Галиллей.

Город очень красив, но так как этих двух знаменитостей уже нет, то решили в Падуе не останавливаться, а только на площади у стариннейшего храма покупали всякие безделушки.

Мимо нас проходят прямо таки сошедшие со сцены Доны Базилио. И худые и длинные, но наверное безголосые...

Майк не преминул рассказать притихшей группе что в 1819 г. близ Падуи, у одного крестьянина на пище появилась красная бактерия и быстро распространилась по всей округе. Эпидемия продолжалась два месяца. Крестьянское население пришло в волнение, и дело не дошло до погрома лишь благодаря доктору Сетте, который доказал, что кровавые пятна могут появляться на пище не только у грешных людей, но и в благочестивых домах. Он заразил бактерией продукты католического священника, а затем размножение бактерий ему удалось уничтожить окуриванием помещений сернистым газом. Кровавая история пурпурной бактерии увековечена великим художником Рафаэлем в его картине, изображающей священника, глядящего с ужасом, как из причастной гостии сочится кровь...

Картина находится в Риме.

Пурпурная бактерия, совершенно безвредная, хорошо развивается в хлебе или картофеле, и ее скопления образуют

кроваво-красные пятна. У этой совершенно безобидной бактерии довольно мрачная история. В средине века появление в католических храмах на причастных облатках (гостиях) кровавых пятен считалось чудом. Но это чудо объяснялось, как Божий гнев за сокрытые злодеяния, которые необходимо было искупить кровью. Скрытыми же злодеяниями, по мнению схоластиков той эпохи, занимались евреи, а потому народная ярость обрушивалась на них. В 1292 г. в Германии, в городах Нюренберге, Вюрцбурге, Франкфурте и других, было сожжено на кострах или убито из-за этой кровавой бактерии боле десяти тысяч евреев. В 1383 г. в германском гор. Вильснаке в старой церкви, в алтаре, нашли гостии, покрытые красными пятнами. „Кровь" сняли, она опять появилась. Положили на алтарь новые гостии. Но и на них появились пятна. Следствием этого явился погром евреев, а после этого состоялись празднества. В воспоминание о Вильснакском „чуде" выбили медаль.

Мы поражаемся бескорыстию итальяннев, упорно предлагающих нам изящные музыкальные ящички, ничего не требуя, взамен, кроме лир... Утренний колокол. Звон невольно навел на мысли о далеких временах Киево-Печерской Лавры. Опустив голову, я слышу жаровское „Вечерний звон"...

В обед нам подали блюдо под названием „Лозанья". Это была смесь всего, чего хотите (так мне показалось), но сдобренная сверху обильной порцией сыра „Пармезан" в порошке. Эта еда была просто пищей богов. Если читатель будет иметь возможность попробовать это блюдо, сделанное руками итальянского специалиста, будете благодарны. Вино оказалось газированным, что тоже усилило чувство радости земного существования. Это здесь Ардов сказал мне:

— Костич, как вам нравятся мои новые стихи? — Арбуз нарезанный на пурпурные доли, напоминает нам по форме о гондоле, киянти старое себе вокруг брюшка, надело юбочку из прутьев тростника".

— Клянусь, что это не ваше!

— Много вы понимаете в поэзии, — и переменил тему.

В малых городах, а подчас и в больших, некоторые улицы — ловушки. Наша громадина заедет в такую „кишку", а повернуться не может и приходится пятиться при участии всего населения, экспансивного и горячего. Почти у всех из нас вино в самых различных посудах от шкаликов до двухлитровых бутылок с горлышками длиной в бэйсбольную палку, а на конце шар, как дыня, и в нем вино. Оно дешевое и поэтому не становится поперек горла. Еще деталь: читаем вывески с фамилиями итальянских кустарей-одиночек. И как странно, что иногда профессия созвучна фамилии и наоборот. Смотрите: „Авто-сервис — Рудольф Жулябиа", „Часовой мастер — Ф. Портаччио", „Синьора Ж. Мозоли — салон красоты", „Прохлад. напитки — И. Холерно", „Уроки пения — Б. Бузони", „доктор Филиппо Сморкаццо", „Ресторан синьоры Пьянки", „Ветеринар — Джузеппе Кусачи"...

Проехали Болонью. Эта часть пути очень поэтична, но надо успевать это увидеть, потому что мы вскакивали в длинющие туннели, где и темно и неуютно так, что слова о красоте пути отношу целиком на совесть нашего Майка...

Флоренция... Въезд очень непривлекательный: старые дома, желтые постройки, черепица, а дома еще поврежденные страшным наводнением — не радуют своим видом. Мелкая река (в полфута глубины), которую перехали по мосту, оказалась жестоким, безжалостным зверем...

Теперь мы уже начали замечать по настоящему, что Италия переполнена автомобилями и мотоциклами, которые мчатся по улицам безо всякого уважения друг к другу, а уж о человеческом достоинстве и говорить не приходится: прыгай в сторону, если успеешь!..

Главная площадь Флоренции. Она заполнена исключительной красоты статуями, большим фонтаном и экипажами для туристов. Все старо, все покрыто пылью, площадь грязная и все же — все это драгоценно! Посетили магазин кожевенных изделий, где при нас ставили золотые виньетки на кошельки, пудренницы, сумки и выдавливали наши инициалы.

Желающих „выдавиться" нашлось немало, но вот когда владелец магазина сказал нам, что во время наводнения вода

стояла в помещении на 6-8 футов, то мы усомнились. Тогда он вынес альбом с большими фотографиями, из которых мы убедились, что он не врет. Мы видели прилавки, около которых мы стояли, полки на которых лежали товары, стулья на которых сидели наши дамы, но только они плавали вокруг, а коробочки и коробки с продукцией, что не успели вынести, тихо покачивались на высоте двух аршин от пола.

— Нам удалось это сфотографировать, чтобы наши будущие покупатели, а особенно отзывчивые американские туристы убедились какой огромный убыток понесла наша фирма и до сих пор оправиться не может.

Мы поняли намек и постарались доказать, что мы отзывчивые американцы. Терять реномэ из-за подтяжек или перчаток — н и з а ч т о!

Днем ездили по городу, а вечером пошли смотреть „дворец шерстяных изделий", как сказал гид. Эти изделия надевают на девушек-моделей, а внешность у них довольно облезлая, как и дворец, куда мы пришли. Снаружи даже страшно, а входишь — все более или менее сносно. На потолке портреты каких-то Перуццио от 13 до 15 века. Девушки ходили перед нами, а мы сидя, как сказал хозяин, на мебели знавшей лучших людей, любовались кофточками, блузками, платьями и юбками. Все из шерсти. Цены были выше американских, хотя творческая фантазия ярко присутствовала в каждой вещи и фасоны были очень красивы, цвета эффектны и привлекательны. Это, кажется, был единственный случай, когда мы ничего не купили и смогли сказать:

— Время деньги! — ибо посидев мы съэкономили приличную сумму.

Предприимчивые дельцы взяли на откуп какой-то завалящий дворец, украсили его „липовой" царской мебелью, залили светом и пустили в ход. На вешалках сотни великолепных вещей и теперь только подавайте туристов, потому что местный житель сюда не пойдет. Он же не дурак. Он этот джемпер или свэтр купит в магазине, о котором мы и не знаем, за полцены.

Пока модельщицы ходили и вертели своими скелетами, я забрался в коридор дворца и глянул вниз. А там стариннейшие резные ворота, а пред ними — новейшие железные бочки с мусором. И так: новое, соединяясь со старым, делает деньги. Надо только приспособить одно к другому.

Наконец, мы вырвались на свежий воздух и стоим на древнейшей площади Флоренции.

Перед нами памятник автору „Божественной Комедии" Данте, взирающего с высоты своего пьедестала на нас, участников „человеческой комедии". Он иронически улыбается. Смешно было быть серьезным. Ведь мы ссорились из-за фасонов, обсуждали с горячностью смысл жизни, а она... почти прошла.

Затем нас повели (другого слова нет, нас водят, мы не ходим) „развлекаться".

Дело в том, что в этот вечер в театре шла опера Доницетти „Любовный напиток" и билеты были (я думаю только для нас) по 15 долларов и, конечно, никто не пошел, а поэтому наш Майк дал нам оперное зрелище более дешевого качества: огромный кафе-ресторан на открытом воздухе с низкой эстрадой и высокими ценами.

Людей сотни, мест нет. Еле-еле нас приткнули где-то в углу, а за забором стоит толпа любопытных, и оценивая нас с разных точек зрения, отпускает шуточки, иногда довольно едкие. Мы их не понимаем, но они доходят, так как на очередной объект насмешки указывают пальцем и потом раздается хохот. Сначала это нас смущало, а потом мы освоились. Черт с ними, пусть смеются. Это же за наши деньги. Певец поет беспрерывно и мы просто диву дались, как это можно? Да и поет он не плохо. Хорош оркестр. И все же, самыми интенсивными и деятельными в этом мире искусства являются кельнеры. Они буквально летают между столиками с кофе, с „Кока Колой" и всякими алкогольными смесями. Дерут они с нашего брата в „три-дорога", а мы платим, да еще заискивающе улыбаемся и подвергаемся насмешкам. Вот уж тернистый путь!

Так прошел этот вечер в замечательной Флоренции...

Утром Ардов встал с головной болью.

— Что с вами? — забеспокоился я.

— Старая история. Всю ночь кошмары. Снились мне то вы то жена!

И мы вышли подышать свежим воздухом на улицу, где много зелени и протекает в широком русле реки — ручеек.

Боже мой! Сплошным потоком, в пять рядов бегут мимо нас Фиаты (это флорентинцы спешат на работу), а между ними, как юркие ящерицы, снуют мотоциклы и велосипеды, причем если они видят, что могут обогнат машину то мотоциклист влетает на тротуар, мчится десяток футов, опять прыгает на мостовую и тонет среди старших братьев. Пешеходы только сторонятся — привыкли. Воздух отравлен (не преувеличиваю) запахом бензина настолько сильно, что кроме него вы не чувствуете ничего. Ужасно! А что будет дальше, через пять лет? И в этом стремительном железном шквале переходят улицу папы, мамы с детьми и даже холостяки, — люди, как известно, дорожащие своею жизнью больше всех.

На углу улицы резвая коробочка Фиатика стукает мотоциклетку. Из нее течет что то желтое и вонючее. В один миг образуется затор; рассвирепевшие противники лезут друг на друга, размахивая бумажками и кулаками, но бумажек больше. Десятки свидетелей, ничего не видевших, подтверждают правоту пострадавших. Через несколько минут все разъезжаются в разные стороны и движение восстанавливается; только обескровленный мотоцикл сиротливо стоит на тротуаре. Жизнь идет дальше. Нет, она мчится и в этом мутном потоке беспомощно барахтаемся и мы, ее творцы и создатели...

Начинается сказочное путешествие по сокровищницам города.

Мы в усыпальнице целого поколения Медичи, внизу, в холодном, с низким потолком, подвале. Там мраморные плиты с именами усопших правителей. Тут все мрамор.

Я знаю еще одно такое место, где в стену вделаны в таком же духе плиты с именами и датами так называемых правителей и близких к ним людей. Готов рискнуть своей головой, что придет время, когда все эти плиты с болтами вместе будут вырваны и их пустят на облицовку общественной уборной, которая будет устроена здесь же, на Красной площади, в небольшом мраморном помещении. А стены Кремля восстановят в их былом величии. Не буду указывать, где это будет, чтобы не омрачать юбилея.

По широкой лестнице поднимаемся на верх, в первую церковь Медичи. Вся она выложена мрамором всех стран мира. Красок нет — тут естественная краска природы; подобрано все с изумительным пониманием красоты. В стенах, на высоте двух человеческих ростов, огромные мраморные саркофаги. А вот на стенах небольшие медальоны-мозаики, сделанные только из кусочков всех оттенков камня. Работа поражает своим вкусом и тщательностью исполнения. И это сделано человеческими руками, несколько веков тому назад.

Но самое потрясающее — вторая церковь, скромная и серая, но оживленная бессмертным творением Микель Анджело. Господи, просто не верится, что обыкновенные пальцы, прикрепленные к руке и вооруженные примитивным инструментом могли создать из мертвого, холодного мрамора подобное чудо? Человеческое воображение не может допустить мысли, что фигура, изваянная из глыбы камня с такой потрясающей рельефностью, показала бы нам строение человеческого тела, его мускулатуру и даже выпуклые вены на руках. А ткань покрывающая эти тела? Ведь она тоже из камня! Пусть из мрамора, но ведь он не полотно и не шелк. Вдруг я слышу гришин шепот:

— Костич, может быть я сумасшедший, а может быть только ненормальный, но мне пришло на ум, как нам о разных городах говорили так:

— Здесь Леонардо да-Винчи создавал свою...

— В этом доме родился Моцарт...

— А вот здесь Микель Анджело...

— Тут родился Данте Аллигьери...

И от этих имен и названий чувствуешь себя маленьким и жалким, а вспомните, — продолжал Гриша, — как дома возят экскурсии по разным городам и треплются так: здесь родилась Мария Демченко, поставившая рекорд по уборке бураков, тут пас свиней Никита Сергеевич, когда был малюткой. Там товарищ Буденый поставил рекорд скорости своей конницы, переходом через Вислу, в обратную сторону. А на этом бранном поле луганский слесарь, легендарный маршал, железный нарком, стал мягким, как воск! Костич, это нормальные мысли, в таком месте?

Но когда я ему сказал о своих, связанных с мраморными плитами, он взял меня под руку и мы бодро зашагали дальше.

Были в соборе, который знаменит тем, что весь его огромный купол выложен цветной мозаикой на библейские темы. Рисованного ничего. Гид, на этот раз дама обращает всеобщее внимание на колоссальную мозаичную картину „АД", в которой не изображено ни одной женщины. Гришина реплика:

— Какой же это ад? Рисовал вредитель, не иначе!

Мы на самой высокой точке Флоренции — площади Давида или грамотно „Пьяцетта Микельанджело". Вид на город неважный: сплошная черепица, а зелень только там, где живут богатые люди. Давид возвышается на мраморном цоколе, отлитый из бронзы, работы опять же М. А. Буонаротти. По углам четыре аллегорические фигуры такого же волшебного рисунка, как и Давид. Самым главным достоинством монумента является то, что мрамор его исписан — до потери сознания — туристами. Там десятки тысяч фамилий и имен и мы с большим трудом нашли себе место, но к сожалению очень незаметное, где то внизу. Конечно, это сильно снижает цельность впечатления от этой скульптуры.

Едем дальше. Музей Уффицио наполнен картинами великих мастеров Италии. В этих галлереях, знакомых всему

культурному человечеству, огромное количество скульптурных изваяний, выполненных с предельным мастерством.

Перед одним полотном, одна из наших старушек воскликнула:

— Бесподобно! Какие тона! Какие краски! Кто рисовал?

Не моргнув глазом, Ардов ответил:

— Это? Это подлинный Сакко и Ванцетти...

— Сказочно! — воскликнула дама...

— Ничему не следует верить вслепую и ничего не следует вслепую отрицать. Да!-это он бросил мне. Потолки и стены расписаны великолепно и главное, что поражает, это свежесть красок. Все эти вельможи и горделивые дамы в кружевах, фижмах, шелках, и парче смотрят на нас, шумных и подчас вульгарных в своей назойливости, и улыбаются и презрительно и зло. Ткани на картинах такие, что вы чувствуете фактуру материала: шелк с его переливами и оттенками, муаровые ленты, как живые, а драгоценности выписаны с такой тщательностью, что кажутся выпуклыми и объемными на плоской картине. Особенно — жемчуг. А ведь за спиною этих сокровищ — века. Много серебряной посуды дивной чеканки и столов, поверхность которых покрыта мозаичным рисунком из мелкого камня...

13. — РАССКАЗ ИЗВОЗЧИКА * ГРИШИНА ИДЕЯ * ТРАГЕДИЯ * ЖГУЧАЯ ТАРАНТЕЛЛА —

Это и поражает и утомляет, так как приходится спешить из одного музея в другой, боясь пропустить что-нибудь замечательное и конечно мы пропускаем.

Вот на лестнице стоит великан. Он стар, но он величествен в своей мужественности и крепости уходящих сил. Он держит на руках своего малютку — сына, весело перебирающего ручонками бороду своего отца. Бесценная скульпту-

ра. Я бы назвал эту вещь „Последняя радость". Это какая-то изысканная одухотворенность.

Все это величие прошлых веков и столетий, осмотренное в течение одного-двух дней, конечно ничего не дает, кроме сумбура и полного смешения „времен и народов". Все-таки заметно, что в картинах преобладает библейская тематика. Для того, чтобы полностью насладиться, понять и запомнить нужен каталог, где все выставленное пронумеровано, а главное — нужно время.

Как это ни странно, нам, отдыхающим и путешествующим, так же как и в Америке — времени не хватает. А так как „время деньги", то не хватает и их тоже.

Возвращаться в отель Грише пришло в голову на облучке экипажа. Усадив меня на мягкие подушки, он сказал:

— Костич, вы мыслитель, Спиноза, так сказать. Мечтайте и наблюдайте, а я поговорю с интеллигентным человеком, — и обратился к извозчику.

Из всех английских слов тот знал только „вери данке", а у Гриши из итальянских были в запасе „кьянти", „ариви-дерчи" и „грация". И это все. Как они понимали друг друга, я не знаю, но то, что они говорили одновременно — факт.

Экипаж ехал по тем улицам, где прошла миллионно-пудовая водная лавина в ноябре прошлого года. С чего началась беда? В этом районе и к северо-востоку и на запад от Аппенин, разыгрались большие бури с дождями и ливнями и почти все реки вышли из берегов. Адриатическое море, если бы оно „переполнилось", ворвавшись в лагуну уничтожило бы Венецию начисто. Там почти каждый год осенью, как правило, бывают наводнения и к ним привыкли, как привыкают к жаре или ветрам в известную пору года.

Тогда вода плещется на красивейшей площади мира — площади св. Марка, как обычно не выше четверти аршина над мостовой, а в этом году она поднялась на высоту в четыре раза большую.

Но вот стена на острове Палестрина, оберегающая Венецию, была разрушена водой и она яростно кинулась на свою

жертву. К счастью, хотя и было все затоплено, но море утихло и вода пошла на убыль. Так было в Венеции; все же знатоки сказали:

— Еще только одно нападение водной стихии такой силы и Венеции не станет! Она рухнет!

— Ведь столетиями ее подмывает коварная вода и разрушает сырость, а эта буйная за два дня сделала столько, сколько не сделала тихая за два столетия, и от сказочной, единственной в мире Венеции останется легенда, как об Атлантиде — сказал нам смотритель одного из музеев.

Во Флоренции возница показал нам этот ужас, тихий ужас, высохший, но оставивший непоправимые следы, пятна и полосы на стенах домов и внутри помещений.

Экипаж останавливается и кучер кнутом показывает на полуголых трудолюбивых флорентинцев, изымавших из подвала сырые кирпичи. Одного видно наполовину, а другой стоя снаружи, складывает их стопочкой. Они абсолютно мокрые, — значит до сих пор еще там, внизу, под домом, хлюпает под ногами Арно. А сколько их, таких подвалов? Снаружи ясно видно, что вода в узких улицах поднималась на высоту 8-10 футов. Вы представляете, что это значит? Это значит, что магазины, квартиры и учреждения были залиты до самого потолка, но ведь это, в конце концов, полбеды...

Река Арно, в ночь на 4 ноября вздувшись и подняв свои воды выше ординара, бросилась на берег, стала рвать кусты, ломать деревья и все это нести в шуме и грохоте дождя и бури к старинному четырехэтажному мосту Понте-Веккио. Тут все сбилось, образовались заторы и неумолимая, грозная стихия повернула на город!

Бешеный поток обезумевшей воды начал заливать подвалы и гаражи, в которых хранились десятки тысяч тонн нефти, мазута и бензина. Вся эта страшная гадость всплыла на поверхность и вонючая смесь ринулась по улицам, катастрофически поднимаясь все выше и выше. Вода, в самом грозном смысле этого слова, ломилась в окна и двери и билась о стены. Напор был огромный и усиливался с каждым часом. Начиналась настоящая паника... Это потоп!

Народ понял, что такого еще не было и это еще только начало. Беспощадный враг ворвался в картинные галлереи, дворцы, храмы и библиотеки. Свирепая и безжалостная вода уродовала полотна, разрушала расписные стены, размывала мозаику, крошила камень, валила двери и стены и, заливая книгохранилища в подвалах, подхватывала в свои мутные волны ценнейшие манускрипты и толстенные фолианты, которым нет цены, и уносила их в открытое море. Люди были бессильны и спасать уносимое не было ни сил, ни времени.

Вся энергия итальянского народа была брошена на защиту того, что в случае гибели было бы навеки утеряно для миллионов людей, а не для отдельных ценителей и знатоков рукописей и книг. Страшный враг искусства — вода — ворвалась в заветные и недоступные ей места. Грязнейшая смесь из воды и нефти торжествующе покрывала собой сокровища мира.

Перечислять все, что погибло безвозвратно, невозможно.

Трудно сказать, что страшнее: землетрясение или такой потоп?

Ведь против огня можно бороться водой...

Люди видели, как рукописный стотомный каталог флорентийской библиотеки несли на себе победоносные волны Арно. Даже те, кто далек от этих невероятных ценностей, плакали, увидев листы старинного пергамента, изуродованного мазутом. А когда в музее Санта-Кроче увидели Распятие, живопись которого была съедена бензином... А когда...

Ах, да что говорить... Потери непоправимы.

Бывало ли такое прежде?

Да, такого же числа и такого же месяца, но только в 1333 году, но тогда хоть вода была чистой и не зловонной, а теперь благословенная Флоренция пропитана ядовитыми запахами и не скоро она от них избавится.

Несчастье Италии стало несчастьем всего цивилизованного мира и помощь стала прибывать отовсюду: посылали

деньги, ехали люди, направлялся транспорт. Все хотели помочь спасти то, что по праву принадлежит всему человечеству. Весь мир не остался равнодушным к этой катастрофе и даже гуманное советское правительство выразило письменное сочувствие.

И теперь мы сами видим размытые мостовые, вывороченные стены, разбитые магазины, выломанные из своих гнезд фонарные столбы, разрушенные набережные и огромное количество грязи, веток и дерева, лежащего горами у быков поврежденных мостов, и тихую, по колено, Арно, застенчиво журчащую мимо стен любимого города...

Для того, чтобы восстановить — хотя бы частично — то, что повреждено, понадобятся долгие годы упорного и тщательного труда мастеров, знатоков и кропотливых реставраторов. Этот смерч, пронесшийся над родным городом Италии, не окупили бы никакие американские страховые компании, ибо никакими деньгами и полисами не создать заново смытых полотен, разбитых статуй или, например, старинных музыкальных инструментов музея Бардини, которые погибли все без исключения...

Это был гнев Божий и следы его еще по сей день несет на своем прекрасном лице Флоренция! Страшные потери, тяжелые потери!...

Покинув Флоренцию, мы едем в Соренто мимо бедных селений и полей. Мы уже совершенно не видим коров, а свиньи есть. Грузовичков и подсобного транспорта почти не видно, а один раз попалась на глаза двухколесная арба, запряженная парой волов-пессимистов.

Из этого, конечно, не следует, что на лугах Италии нет коров, тракторов и комбайнов. Просто на нашем пути их не было. Значит их тут значительно меньше, а вот поля сильно засорены — особенно диким, красным маком.

В дороге, в ресторане, мы увидели стеллаж с винами всего мира. На самой верхней полке (не дотянуться) надпись „Россия".

Гриша влез на стул: это было шампанское „Абрау-Дюрсо" бывшего Удельного Ведомства...

В Падуе, в одном из соборов, нам рассказали о художнике, который расписывал этот храм не слезая с лесов в продолжении 14 лет, работая там не покладая рук. Был ли он семейным, спрашивать было неудобно.

Едучи увидели знаменитый монастырь 11 столетия Монте-Кассино, обильно политый кровью польских войск под командованием генерала Андерса. Монастырь был с воздуха разрушен до основания. Теперь он восстановлен в прежнем своем величии, целиком и полностью...

Неаполь мы только проехали. Дорога захватывающе красива. Мы едем высоко в горах, то спускаясь, то поднимаясь, но имеем все время с правой стороны красоту неаполитанского залива, красивого своими очертаниями, зеленой водой, пляжами и склонами гор. Не веришь, что это настоящая, живая правда природы. Сосна здесь типична. Она имеет только широкую, зонтичную крону, а ствол голый... Вдали Везувий.

При виде Везувия, Груша вспомнил (ну и память!), что почти сто лет тому назад, от подножия к кратеру протянули подвесную дорогу, чтобы облегчить подъем на вершину. Но экспансивные итальянцы, вместо того, чтобы висеть в воздухе, ехали на осликах или тащились пешком. Один итальянский журналист на пари создал песенку в которой воспевал подвесную дорогу. Итальянцам она („Фуникули-Фуникуля") понравилась, пришлась по вкусу и уже через полгода у подъема стояла очередь.

Среди зелени гор, окружающих залив, много отелей, которые летом переполнены.

Есть поговорка: „увидь Неаполь и умри".

Нам повезло — мы его не увидали, а то что удалось лицезреть, абсолютно не смертельно.

Мы ехали окраиной этого города, минуя его самые красивые места, хотя и мимо новых, шестиэтажных жилых домов. Это не помешало нам увидеть живописные гирлянды сохнувшего белья, висевшего на воткнутых в решетки балконов палках. А в одном месте на тротуаре ходили куры

(одна нога на веревочке) и хозяйка, бесконечно привязанная к ним. Она развешивала белье, мешая пешеходам, но никто не обижался. Согласитесь, что от таких видов не умирают.

А когда вы прочтете описание Неаполя в прекрасной книжке Т. Фесенко, вы поймете, что поговорка имеет все основания. Мы предпочитаем не видеть Неаполя и оставаться в живых, несмотря на солидную страховку.

Это посреди Неаполитанского залива находится бухта Санта-Лючия. Отсюда и название знаменитой песни, которую поют во всем мире, А песня „О, мое солнце", Кто ее не знает? А вот послушайте, что о ней говорят: — В 1920 году, когда в Антверпене проводились Олимпийские игры, то во время награждения итальянских спортсменов, нужно было сыграть гимн Италии. А у оркестра не нашлось нот! Ужас! Позор! И что же? Капельместер-светлая голова, велел играть „О, мое солнце!" Вся публика встала и... запела.

Туристы играют большую роль в экономике Италии...

Я не могу оторваться от окна автобуса: чарующая красота, но... легкое похрапывание выводит меня из состояния экстаза. Это Ардов.

Это он храпит! О, Господи!

— Гриша, — крикнул я, — ведь это Неаполь, Сорренто, Капри, Лазурные берега. Места, о которых мечтают все путешественники! Везувий! Что вы делаете?

— Сплю!

— Но ради чего вы сюда ехали?

— Оставьте меня в покое, — и он умащивается поудобнее.

Все укоризненно смотрят на меня и, конечно, они правы. Разве можно мешать спать человеку за его же деньги?

И мое настроение портится...

Приехали! Сорренто! Отель над самым морем! Стоим и молча впитываем в себя и воздух и всю эту красоту.

В этом торжественном и восторженном спектакле Природы, где нам отведено самое почетное место и даже дан титул „человек — Царь Природы", дорвавшись до власти и вооружившись техникой, „царь" вырубает леса, взрывает скалы, опустошает реки и озера, отравляя их отходами, а там, где прежде было цветение и аромат цветов, теперь асфальт и бетон, а где был душистый и целительный воздух — пары отработанного бензина и дымы фабричных труб... Проделав все это, „царек" получает заслуженный отдых, включает телевизор, берет в руки банку пива и садится спиной к тому, что создано для него и, что он должен сохранять, ценить и беречь...

— Неужели я удостоился этой великой чести — видеть тебя Средиземное море?

А вон там, в туманной дымке, — Капри.

Закат над Сорренто? Надо видеть, чтобы верить. Сделано великолепно. И значительно лучше, чем в американских кино-картинах. Нет, Голливуду еще надо много поработать, чтобы добиться такой предельной правдивости...

Поздним вечером, мы все идем смотреть и слушать знаменитую „Тарантеллу". Хотя это слово и происходит от паука тарантула, но весь мир и знает и любит этот зажигательный танец.

За час до начала мы попали в центр (он небольшой) города: только магазины с сувернирами и только кафе. Где торгуют бакалеей и что едят простые смертные — мы не знаем. Но глаза разбегаются. Грише удалось купить красивую коробку для всякой чепухи, всего лишь за два доллара, с секретным замочком, в то время, как в Америке он ее меньше, чем за полтора не достал бы ни за что.

Со свертками и пакетами двигаемся в „Курзал". Громкое слово с маленьким залом, человек на сто. На малюсеньком помосте три чахлых музыканта, а на полу перед ними — освещенная площадка, вокруг же сидим мы. Кто за столиками, тот заказывает напитки, а кто подальше — от расходов освобождается.

Все мелодии радуют слух, а потом на круг вылетают восемь пар молодых танцоров и танцовщиц в национальных итальянских костюмах и под потрескиванье кастаньет понесся перед нами калейдоскоп красок, улыбок и движений. Все пестро, ярко, шумно и радостно. Так как маслом каши не испортишь, то после танца вышел старичок, которому давно пора на пенсию, и запел. Он улыбался, смеялся (а мы наоборот) и вел себя согласно лучшим традициям Яна Кипуры — только не хватало голоса.

В антракте Ардов ринулся за кулисы, где широко пользуясь своим знанием языка, пугал девушек.

Песни пелись все те, что мы знали до наших седин и несварения желудка и это было очень приятно. Все мы подпевали исполнителям.

„Кто из нас не знает песенки „Сорренто"? Оказывается и она имеет свою историю: более полувека тому назад в этот городок приехала из Рима какая-то „шишка". Мэр умолял знатного гостя помочь ему в получение ссуды на постройку нового почтового отделения. Тот отказал! Огорченный градоправитель рассказал об этом своему приятелю-художнику, а тот:

— Плевое дело. Наш гость уезжает через час? Так вот, к его отъезду я напишу специальную песенку, а братишка мой музыку подсочинит.

И что же вы думаете? На вокзале отъезжавшего гостя встретили песней:

„Видишь, как прекрасно море,
Сколько чувств оно рождает...
О, не оставь меня,
Тебя я умоляю —
Вернись в Сорренто,
Я жду тебя!"

Растроганное „лицо" уехало, а из Рима пришла дотация на постройку нового здания. Видели? Интересно, практикуется ли подобное в Советском Союзе?

Выходит, что и тогда были свои дунаевские и лебедевы-кумачи, но с небольшой разницей. Их произведения выдержали испытание временем и поются всюду, где человек „с песней по жизни шагает". И будут петься еще многие сотни лет...

Итальянский народ любил своих поэтов-песенников, они пользовались уважением и почетом. История неаполитанской песни идет с 1835 года. Так вот тогда, самый популярный из поэтов Сальваторе Диджакомо был даже избран в Академию. Но... на заседания он ходить не мог, так как у него не было достойного костюма. Повидимому авторских тогда не платили, а если и платили то так-же, как и в Советском Союзе платят иностранцам за книги, пьесы и фильмы: на том свете угольками!...

Конечно славу песне создавали исполнители, имена коих останутся в веках. Разве можно забыть Фернандо де Лючия, Энрика Карузо, Титта Руффо, Беньямино Джильи, Тито Скипа, Марио дель Монако, Тито Гобби, Марио Ланза, Франко Корелли?!.

Упоенные музыкой, танцами и пением, мы веселые и довольные вернулись домой. Завтра!... Завтра едем на Капри и в Лазоревый Грот!!

Господи, откуда такая удача? В номере очень душно и мы открыли окно; сразу же повеяло свежестью и ароматом цветов. Мы заснули, как убитые.

А утром, подойдя к окну и распахнув деревянные жалюзи, я глянул вниз. Недалеко от наших окон, стояло штук пятнадцать мусорных ящиков, переполненных отбросами из нашего ресторана. Хм, велика сила самовнушения!

Забыл сказать, что проснулся я от собачьего лая и пения петухов. Я так давно этого не слыхал, что подумал даже, что это сон, но сквозь деревянную ставню пробивался рассвет.

Нет, это провинциальное Сорренто подавало свой голос. То Сорренто, которое трудится, встает чуть свет, идет на работу, чтобы обслуживать таких тунеядцев, как мы. Потом

печально звонил колокол, ворковали где-то голуби. Все это действовало удивительно умиротворяюще. Теплится еще где-то жизнь человеческая по человечески. У меня, дома, даже ночью не прекращается автомобильное движение, а тут просто Миргород.

Ранним утречком, я пробежал по улочкам этого милого городка. Ожидался чудесный солнечный день. На небольшой площади окруженной такими же домами, возвышается памятник Торквато Тассо, за домами горы, а направо, внизу, безбрежная синь тихого моря.

Кто бывал в Кисловодске, тот сразу почувствует сходство Сорренто с этим районом. Там огромные здания санаторий и домов отдыха, а тут отели, ступенями подымающиеся в гору. Много зелени, пальмы, цветы, политые улицы. А за заборами, покрытые плодами ряды апельсиновых и лимонных деревьев, аромат которых вы ощущаете. Протяни руку и сорви готовый плод. Эти овощи здесь также обычны, как где-то картошка (когда она есть). А когда я удалился от центра, то увидел мир, который по-видимому ничто не сдвинет с места: мелкие бакалейные лавочки, полутемные и маленькие мастерские сапожников, винные магазинчики, где за гроши можно купить большие бутылки вина такого же качества, как и цена. Все запросто обычно и обыденно. Хозяйки с корзинками, с собачками на поводу, торговцы свежей зеленью, на двуколках, запряженных самим собой. Это мир, живущий своею жизнью и терпит он нас постольку мы представляем некоторую бумажную ценность. Стоит только нам обесцениться и...

Так как с нас дерут где только можно и как возможно, то мы очень бережливы и не так от скупости, как от обиды. Мы ехали с чистыми мыслями, а к нам относятся с грязными намерениями.

Поэтому, когда Гриша настолько оброс, что ему стали делать намеки „битниковского" характера, он решил постричься, но сначала надо было узнать цену. Мы вошли в парикмахерскую и я изобразил пальцами, как я стригу моего друга, после этого сделал вопрошающее лицо и разло-

жил на мраморном подзеркальнике образцы нашей наличности в 50, 100, 500 и 1000 лир. Брадобрей указал на последнюю бумажку, а на наши деньги это было меньше полутора доллара. Гриша спрятал остальные деньги в карман и оставил только тысячу. Мастер ласково улыбался и представьте себе, что за то время, что Ардов сидел в кресле цены не поднялись. Ему настолько понравилась эта дешевка, что он постриг и меня, чтобы потом не переплачивать во Франции. Я пошел стричься к этому брадобрею еще раз, на другой день.

Нервный гид опять пересчитывает свою отару и гонит невидимым бичом к автобусу, чтобы отвезти нас к пароходу для умопомрачительной поездки на остров Капри и в Лазоревый Грот. Неужели это случиться?

Ей-Богу, не верится. Да, осуществление моей мечты не за горами. Мы поедем на Капри? Мы поедем?! Решаем идти пешком и по маленькой, крутой, каменной лестнице, спускаемся к морю...

Советский очеркист, который посетит Сорренто начнет свое описание со следующих слов:

„С трепещущим сердцем ступил я на землю, где всемирно известный классик А. М. Горький, создал свои величайшие произведения, вошедшие в сокровищницу мировой литературы, как то: „Челкаш" и „Жизнь Матвея и Клима Самгина".

Потом у него пойдут страницы о том, как относился великий писатель к Ленину и, как относился В. И. к писателю (в зависимости от сезона вместо Ленина ставился кто либо другой). В заключение две строчки: „В этом значение Сорренто для прогрессивного человечества"...

Не прошло и десяти минут, как мы уже на набережной. Огромные бронзовые моряки в белых трусах и майках, напоминая собой знаменитых Мацистов (из фильма „Кабирия") рисуются своими мускулами перед дамами. Бензиновый перегар и запах чегото жареного забивает запах моря...

14. — СУМАСШЕДШИЕ ШОФЕРЫ * ЛАЗОРЕВАЯ СКАЗКА* ВЕЧЕР В СОРРЕНТО * ПОМПЕЯ * КУРЯТНИК. —

Свирепые хищники с соломенными шляпами, сумками, ожерельями и ящичками, набрасываются на нас. Но у нас уже выработался иммунитет на эти наскоки и мы равнодушно смотрим в разъяренные лица. Иногда, кое-кто не выдерживает и в пределах своего знания итальянского языка, выпаливает:

— Гарно долларно? — а в ответ:

— Унетто долларето!

И представьте, договаривались и еще сдачу получали... Ходу пароходику или вернее катеру, от Капри, неполный час. Опять, под шум и грохот мотора, (как теперь тесно связана наша жизнь с ним: начиная от пылесоса и кончая джетом) едем, убедительно качаясь на волнах. Некоторые из пассажиров предусмотрительно усаживаются у бортов и... вот мы почти у Лазоревого Грота. Здесь публика будет пересаживаться в простые, рыбачьи лодки. Лазурный!!! Я с подозрением относился к этому названию, но когда мы приблизились к скалам, я ахнул: Господь-Бог пишучи историю сотворения мира, разлил здесь редкого оттенка аквамариновые чернила и вода здесь неповторимо синего цвета. Завораживающая. Даже неловко называть ее водой. Слишком прозаично при такой восхитительной окраске...

Грот принял нас очень сурово. Вернее не принял. Волнение на море не дает возможности проникнуть туда лодкам, в которой один гребец и два пассажира. Въезжают туда, ожидая момента и лежа, чтобы не удариться головой о потолок естественного туннеля, из моря в грот. Итальянцы совсем не заинтересованы, чтобы мы сбивали таким способом камни, в этом коридоре... И нам пришлось ни с чем возвратиться на Капри. Чтобы смягчить горечь утраты Майк предложил нам объехать в открытых машинах, остров вокруг и посмотреть на Капри с высоты своего величия. Сказано — сделано. Погрузились в три машины и помчались (не поехали) по крутой и узкой дороге, вверх. Если попадался встреч-

ный автомобиль, уже возвращавшийся к морю, то он и наш, при всеобщем крике и визге, (с одной стороны крутой обрыв, а с другой — крутая скала), проносились мимо друг-друга, даже не коснувшись. Таких шоферов мы еще не встречали. Он поет, разговаривает и одной рукой показывает на достопримечательности, вроде дачи Джинжер Роджерс, особняка Марии Каллас и усадьбы дочери Муссолини. Полная беззаботность. Спрашивать его о страховке — нет смысла. Он даже не знает, что это такое. При каждом повороте, а они беспрерывны, за четверть минуты до него, машина издает гудок. Если вы в кино смотрели кино-шутки о койоте пытающемся поймать петушка и помните о двойном гудке, который издает последний, срываясь в путь, то запомните: все автомобили в Италии, гудят только таким гудком и только двойным, ну, точно, как в кино...

Писать о том, что мы видели, глядя на расстилавшееся вдали море — излишне. Некоторые видели госпиталь, некоторые своих близких, оставшихся дома, а некоторые вообще ничего не видели: они сидели закрыв глаза и, уцепившись двумя руками за сидящую впереди фигуру. Гриша и тут не прогадал. Встречную машину, мчавшуюся на нас встречали воплями страха и отчаяния!

Вот так и любовались мы прекраснейшим островом. Это и есть Капри.

Спустившись, наконец, к транквилайзорному морю и дав щедро на чай шоферу так, как не все думали попасть вниз в целом виде, мы,я, Гриша и две дамы уселись на бережок и стали бросать в воду камни... Вдруг, молодой, красивый гребец, закричал по английски:

— Эй, молодые люди, поехали в Лазоревый Грот? Чего скучаете?

На „молодые люди" клюнуло сразу. Мы даже подпрыгнули. Ведь Майк сказал, что ехать вторично, в тот же день, нет смысла.

Упустить эту возможность? Нет! А тут судьба в лице этого крепыша зовет нас увидеть свою мечту. И подхватив

наших спутниц, мы поехали. Лодка это не катер и, конечно, гребцу (он греб стоя) было не легко, да еще качало. Дамы наши сразу слиняли: оказывается, что американская косметика не выдерживает встречи с соленой морской водой, даже в виде брызг, да и ресницы отлипали. Но, ничего, доехали.

У грота вертелись лодки с другими пассажирами, стараясь уловить момент и прорваться с волной во внутрь. Как видно у нашего чичероне был опыт: он разогнал свое суденышко и с диким криком ринулся в отверстие скалы, а мы заранее предупрежденные, лежали вчетвером плашмя, на дне лодки, чтобы не вышибить ненароком какой-нибудь кусок камня. Перебирая руками цепь прикрепленную внутри прохода, наш капитан быстро провел судно в опасном фарватере и мы оказались там, где мечтали быть...

Как это описать? Это невозможно, конечно. Для такого зрелища слов нет. Опишите дым от сигареты, запах розы и звон колокольчика. Можно только пытаться. Огромная пещера, абсолютно темная, освещена только через то отверстие в скале, через которое мы проскочили. Этого, казалось бы недостаточного источника света вполне хватало, чтобы голубая, синяя и серебряная, бесподобного цвета, вода играла, светилась и поражала вас своей чистотой и яркостью.

Там было еще несколько лодок. Гребцы нарочно били веслами по воде, брызги взлетали и казались блестящим, холодным фейерверком. Будто бы само солнце растворилось в воде грота и отраженным светом освещало пещеру. Лодочники запели и под сводами грота зазвучала волнующая итальянская песня. В такой обстановке! Такие мелодии! Что это сказка? Сон наяву? Мираж? Я сидел затаив дыхание. Думалось, что это все мне привиделось и сейчас кончится и исчезнет.

Так и случилось. Разве может Гриша молчать, когда поют другие? И он включился. Я уже раньше давал характеристику его голосу, но тут, усиленный резонансом, он зазвучал так, что певцы сразу же смолкли и их лодки одна за другой пулями вылетели из пещеры. В Лазоревом Гроте —

пение? Охо-хо! Голос его давно заложен, а поет он квитанцией, не зная даже, что она давно утеряна. Видно было, что гришино пение дошло до сердца и нашего лодочника, ибо глубокое страдание было написано на его лице, тоже. Хорошо наградив его за все переживания, мы расстались с ним — на берегу Капри — друзьями.

Лазоревый Грот, разве можно забыть твое великолепие, к счастью созданное не руками человека!

Вся группа опят вместе и поднявшись на фуникулере на вершину острова мы едим свой обед. Здесь, впервые я попробовал вино носящее название „вердиккьо", светло-золотистое, зеленое, которое пил сам Беньямино Джильи, но не дали ли ему название из-за того, что его любил сам Верди? В творчестве музыкантов есть много тайн! Я смотрю в последний раз в своей жизни на панораму Средиземного моря, так близко, до боли напоминающее мне мое родное Черное море... Никогда, никогда уже в своей жизни я не увижу ни того, ни другого...

Хочется ли мне плакать? Да, стыдиться нечего. Ведь, это же на закате жизни, когда восприятие всего, особенно сильно и мучительно больно. Ведь это же связано со словами „навсегда" и „никогда"...

Где то играет музыка и это расставание с Капри особенно вгоняет в тоску.

Гриша же, как птичка прыгает с ветки на ветку и чирикает. Вот, неугомонный.

Нам покидать остров через час и пока, после еды, все садятся там, где каждому хочется. Кто у стойки бара, кто заказывает еще порцию „лозаньи", кто переваривает съеденное, а кто не переваривая никого и ничего, сидит с пустым взором сытого удава и смотрит ничего не видя...

Туристская толпа. Наряды на женщинах пестрые, яркие, самой неимоверной раскраски — курорт, ничего не попишешь. Наука доказала, что мужской персонал в животном и пернатом царстве всегда более яркой раскраски, чем их

соблазнительницы; в нашем же мире, мы олицетворение скромности и застенчивости...

Снабжение Капри туристским сырьем производится пароходами, катерами и водотрамваями, а это еще не „часы пик", они начнутся со школьных каникул. Тогда хлынет шквал. Уже и сейчас, на набережной при посадке и у такси, толчея и базар, а что будет потом знают только бывалые люди, радостно потирающие руки в ожидании бури из зеленых бумажек, укрепляющих и душу и тело. Названия суден „Помпей", „Мессина", „Монте Тиберио", „Пантеон" сразу наводят на грустные воспоминания об Илловайском...

Последний вечер в Сорренто мы решили провести, как благонамеренные, благонадежные и благообразные отцы семейств. Мы пошли на площадь, где кипит, залитая светом, уличная жизнь города. Все кафе переполнены, звучат гитары и мандолины, мамы и папы и дети и детки в колясках вышли на свежий воздух, а его то на этом „пяточке" и нет. Масса автомашин-малюток (откуда они только взялись?) дефилируют вокруг, да около, забивая дыхание парами бензина. Уверен, что десяток лет тому, этого не было, а сейчас детвора отравляется уже с малых лет. А в соседних улицах, таких темных и уютных, пахнет свежими лимонами, цветоми, влагой свежей поливки и дышится так легко и привольно, но стадный инстинкт гонит всех в кучу, туда, где пульсирует вечерняя жизнь, как в свое время на бульварах и в городских садах, провинциальных русских городов... Эту тягу к толпе мы проверили до конца и ушли с площади последними...

Я обнаружил в Италии интересное изобретение: в садах, ресторанах, виллах и отелях вбиты в землю металлические или простые палки, футов в десять или двенадцать высотой и на них сверху кладутся легкие, тростниковые маты (не путать с русскими) и этим создается приятная тень и прохлада. На шоссейных дорогах это делается у кафетерий и „тратторий". Пока турист ест и отдыхает его машина убирается от ласкового, порой безжалостного солнца, под навес. И дешево и удобно.

Утром, рано едем в Помпею.

И интересно и жутко. Ведь по существу, мы будем ходить по окаменевшему пеплу, под которым две тысячи лет тому назад были погребены многие сотни людей... Жара... Трудно в полуторачасовую прогулку, по раздавленному гневом Везувия городу, составить себе полное представление о „последнем дне Помпеи", виденном нами в кино и на картинах.

Таких любопытных проходит по этим развалинам 25 тысяч в день (слова гида) — ровно столько, сколько там жило людей. Можете себе представить, что там творится. Две-три группы со своими экскурсоводами сталкиваются в одном помещении. Шум, духота, галдеж...

Идем по улицам: мостовая из огромных, тяжелых плит, истертых временем, людьми и лошадьми. В городе сохранились и арки и колонны и форум, стадион, но все это живописно заросло сорными травами, которые живут несмотря на горячее солнце.

Раскопки начаты всего лишь двести лет тому, в некоторых случаях машинами, а кое-где и вручную, чтобы не повредить фрески, рисунки, вещи или скульптуры. Конечно, за это время сделано много и хотя бы слабое представление о том, как жили люди в те времена, можно иметь.

„Видели мы, например развалины театра. Он открытый, с открытой сценой. Здесь, в свое время граждане смотрели классические пьесы. Что самое главное, в жаркие вечера, над театром, когда шло представление, распылялась вода. Вы слышите? Ее выбрасывали на большую высоту и она влажным и легким облаком оседала на „зрительный зал", и этим создавалась своеобразная прохлада. Это в те времена! Узнали так-же, что цирк был очень популярен в помпеях. В первых двух рядах сидели только мужчины, чтобы женщинам не угрожала опасность от нападеня взбунтовавшихся гладиаторов или пострадать от разъяренных зрителей-мужчин пьяневших при виде крови. Но римский Главрепертком цирк закрыл, как несозвучный великой эпохе. Дело в том,

что в одно из особенно взволновавших зрителей представлений гостеприимные помпейцы устроили резню с гостями, жителями соседнего городишки Ногора. На десять лет было наложена „вето" на цирковые представления, а потом проснулся Везувий и вето стало вечным".

Проводник наш, итальянец, страшно спешащий, больше уделяет внимания нам, чем своей задаче и тянет нас из улицы в улицу, из дома в дом. Нам становится еще жарче. Почему он так спешит? Он хочет скорее „сбросить" нас и подхватить другую группу. Отчего он так старается? Так как участники экскурсии дают ему „на чай", то он заинтересован в большом количестве слушателей в течение дня. Мы это поняли и уходя обменялись с ним крепким рукопожатием. Но не в этом дело, конечно. Вот „большой дом", какого-то патриция. Я беру это слово в кавычки, потому что „дом" на три четверти разрушен, а восстановлен уже в наши дни, чтобы привлекать туристов.

Однако, фрески, первичный камень кладки, на лицо. Удивительно: две тысячи лет, как нарисованы картины, а они не потеряли ни свежести ни яркости. Какую краску тогда делали?

В соседней комнате бассейн, а над ним, в потолке, огромное отверстие, через которое солнце нагревало воду, а желоба у отверстия во время дождя сливали воду сверху, прямо в этот мраморный резервуар.

Вот гостиная, в ней исключительно красивая роспись, окон нет, но нет и одной стены, вместо нее — выход прямо в благоухающий сад (он сделан теперь) с мраморным фонтаном и статуями. Все это восстановлено в наши дни.

Интересно посещение нами публичных бань. Там три отделения: холодное, теплое и горячее. Все мрамор! В первом отделении в стенах сделаны ниши, куда складывали снятую с усталых плеч тогу. Выдавался ли взамен номерок, так метко увековеченнный М. Зощенко, — неизвестно. В третьем, самом горячем отделении, в двух стенах пустые пространства, через которые поступали горячий пар и тоже самое в полу. Почему бы в Советском Союзе не отапливать так дома? Ведь

металла не хватает, он идет на оборону страны от империалистических хищников, а ведь эти чудаки додумались до этого две тысячи лет тому, — да еще и каменные водопроводные трубы, не оригинально ли?

После всех отделений помпеец омывал свои телеса в мраморном бассейне емкостью человек на пятнадцать. Оказывается, Помпея была все таки привелигированным городом. Там жила знать. Правда, погибла только часть, а остальные успели, как говорится, эвакуироваться. В общем это вроде современного Переделкино, только оттуда не успеешь выехать, поймают.

Дома, в большинстве случаев, вместе с садом, бассейном и десятком комнат занимались одним семейством. Хм!.. совсем недавно я видел нечто подобное по телевизору: дача, огороженная высоким забором, в которой живут только трое и немецкая овчарка. А всего несколько лет прошло, как этот человек имел несколько дач, а в Сочи у него был бассейн, у которого при нажатии кнопки закрывалась стеклянная крыша и никакие ветры и дожди не были страшны. Этот бедняга попал под „политическую Помпею" и хотя не был погребен, но для той жизни, которую имел, засыпало его пеплом окончательно.

А в музее Помпеи мы видели совсем невиданные вещи: золотые деньги, иглы, зубоврачебные инструменты, ювелирные изделия, весы-коромыслом, масляную лампу, гвозди, слюду для окон и многое другое, что в „юбилейной" стране сегодня достать совсем не легко. Здесь же под стеклянными колпаками лежат высохшие, обложенные цементом, фигуры жертв Везувия со страшным оскалом здоровых зубов. От шарканья ногами колпаки обильно покрыты пылью, на которой можно расписаться, что я и сделал...

Идем дальше и вдруг проводник сурово говорит нашим дамам:

— Лэдис, вы можете пройти в это помещение и убедиться, какие были в те времена кухни, а мужчины останутся около меня. Им это не интересно.

Дамы ринулись по какому-то коридору, а прыткий экскурсовод крикнул:

— Мужчины, за мной, — и побежал в другую сторону. Мы попали в небольшую комнатку, где стоял специальный человек с ключом в руке.

— Открывай, — хрипло командует наш гид и тот открывает на стене небольшой шкафчик, прикрывающий своей дверцой довольно неприличную фреску. Блестя масляными глазами, проводник добавляет:

— Но это, конечно, пустяки, у нас специальная комната, вся с головы до ног украшенная рисунками, изображающими самое интимное в жизни человека. Если у сеньоров есть время и деньги, они могут получить огромное удовольствие, — и он облизал сухие губы. — Есть время?

— Есть, — хором ответили сеньоры.

— А деньги?

Гробое молчание.

— Пошли дальше, — сурово бросил гид и взгляд его потух.

Когда дамы нас встретили, вид у нас был скучающий и безразличный. Гришу осенило:

— А что если лэдис в этой „кухне" смотрели тоже, нечто подобное? Они денег не пожалеют...

И опять понуро, по жаре поплелись мы по развалинам богатого когда-то города. Кто отламывал себе на память кусочки камня или лавы, кто срывал цветочки, а кто покупал всякую ерунду, но с пустыми руками мы не ушли.

Опять в автобусе. По дорогам буквально целые плантации помидоров, да не просто так, а с целофановыми крышами, чтобы регулировать рост и созревание этого овоща. Тут же у асфальтового равнодушия стоят для продажи десятки ящиков с апельсинами, лимонами и яблоками, а ведь только начало июня, а урожай уже собран. Возможно, что есть более поздние сорта. И все это в огромном количестве и по демпинговым ценам.

Останавливаемся на пляже для перекура. Все бросаются к морю, которое шипит на нас, как злая кошка, а на самом деле такое добродушное и гостеприимное. Оно тоже понимает, где турист, а где нет. Пьем, конечно, „Коку", потому что кофе не готово, а других напитков, кроме пива нет. Но зато большущие бутерброды с ароматнейшим и вкуснейшим сыром на таком же хлебе и все это у самого синего моря. Ах, хорошо!

Так как доктор нашел еще в Америке у Ардова зачатки диабета, то не прописывая ему никаких лекарств, сказал:

— Категорически воздерживайтесь от всего сладкого и мучного.

Попав в Европу, Гриша начал вести самый развратный образ жизни: макароны, пирожные, шпагетти и шоколад Тоблер.

Когда я ему намекнул, что он себя этим убивает, он грустно улыбнулся и ответил:

— Костич, ведь вы всегда знали, что я не дорожу своей жизнью. Особенно, когда это связано с жертвой во имя ближнего!

При чем тут ближний? Черт его знает, но звучит красиво. У него всегда так!

Наконец то мы убедились, что все дороги ведут в Рим. Мы въезжали в Великий Город, именуемый Вечным. Это просто настоящий город будущего. Здания поражают своим величием и красотой. Масса новых жилых домов. Автомобилей здесь не немало, а слишком много. Та сторона, с которой мы въехали в Рим, город Ромула и Рема, просто удивляет своими масштабами строительства, но... это была одна сторона медали, а дальше все пошло проще и постепенно мы попали в город прошлого — со старыми улицами и постройками.

На балконах, как правило, много цветов и главное — в горшках и вазонах. Все они цветут, некоторые вьются по окнам и дверям и дом от этого значительно выигрывает. Цветы эти постоянны, а белье меняется.

И все же, когда мы подъехали к нашему роскошному отелю, мы ахнули: лифт еще не работал и нам как наиболее молодым, дали пятый этаж. Шторы на окнах и дверях балкона (ох, жара!) поднялись, а спуститься не хотели. Вода у соседей шумит так, что кажется она уже у вас под кроватью. По советски это называется „трудности роста”.

И когда два американских миллионера (по итальянским понятиям), вышли на балкон своего номера, то внизу рядом с отелем они увидели не дома и не домики, а просто хибарки, слепленные Бог знает из чего, покрытые досками, кусками рифленого железа и сверху камнями для крепости. Если бы из окна не выглядывала старая женщина с внучкой на руках, я бы подумал, что это курятник, потому, что куры гуляли тут же между „Мерседесами” и „Бенцами” нашего отеля.

Внешняя сторона жизни великого когдо-то итальянского народа соткана из противоположностей: убогость и роскошь, нищета и богатство, музыка и песня тесно уживаются тут. Наряду с мальчуганами типа героев из „Путевки в жизнь” (особенно много их в Неаполе) — роскошные наряды, курорты, игорные дома, клубы. „Ля дольче Вита”! А чего стоит „курятник” рядом с нашим отелем?! И все же народ весел и радостен. Эти мальчики — в зависимости от талантов — или чистят обувь на улицах или тяжело работают в гаражах, а если есть голосок, то поют под гитару на набережной или на улицах. Их называют „постеджатори”.

Вот из этих мальчишек и вышел оперный гений, величайший тенор мира Энрико Карузо.

Еще и сейчас тысячи туристов посещают в Неаполе, в предместье Санта Лючия небольшое кладбище Пьянто, где стоит часовня с прахом Великого Артиста. Сторож говорит, что надо охранять покой певца день и ночь. Один раз в часовню забралась студентка, чтобы переночевать около покойника, а в другой — пожилая дама-американка давала ему десять долларов, чтобы просидеть ночь у часовни.

Дело в том, что в дни своей молодости она слышала гениального певца, когда он пел „Святую ночь" и „Вернись в Сорренто".

И до сих пор эти песни в ее памяти и она не может забыть этого пения...

15. — ДОБЫЧА ЖЕМЧУГА * ВИЛЛА БОРГЕЗЕ * ФОНТАН С РАЗВОДАМИ * ПАПА * РИМСКИЕ КОШКИ —

Продавцы „драгоценностей" осаждают нас на улицах, суют в руки весь свой товар без остатка, отказываясь окончательно от деловой и торговой деятельности. Впечатление, что после такого бескорыстного поступка несчастный уйдет в монастырь, где и посвятит свою жизнь замаливанию грехов. Я вспомнил, как в Падуе одна из наших скупых дам покупала на улице, у ларька, кожаные закладки для книги, кошелечек и пудреницу. Продавец, проклиная свою жизнь и клянясь счастьем детей, запросил всего четыре доллара. Наша сеньора попыталась торговаться. Он вырвал у нее из рук товар, бросил его на землю и начал топтать ногами, вопя и крича и потрясая над ней кулаками. Я твердо решил помчаться за помощью, если он ее ударит. Дама задрожала от испуга, взяла все за три доллара и побежала, семеня ножками, к нашему автобусу. Продавец спокойно разгладил топтаные вещи и положил их на место. Я решился спросить его:

— А вам не жаль так портить товар?

— Я всегда даю в руки эти порченые вещи, чтобы не было жалко бросать их на землю, а продаю другие. Эти, что я топчу, из хорошей кожи и не портятся. Хотите что-нибудь купить?

Я поспешно ушел... Вечером на террасе отеля все хвастались купленными вещами.

Над нами мерцали чужие звезды. Одна из дам сказала:

— А здесь звезды и ярче и больше и значительно лучше, чем в Америке.

— Мадам, разве вы не знаете, — пояснил Гриша, — что все не американское лучше нашего. Вот еще никак с долларом справиться не могут.

— Да, — согласилась она, — мы с мужем покупаем всегда все иностранное. Вот этот жемчуг мне мой муж сам достал со дна моря. Он мне хотел доказать, что готов ради меня в огонь и в воду.

— Надеюсь, что это было давно? — наивно спросил Ардов.

— О, да в первые годы нашего брака.

— Да, теперь в нашем возрасте обычно хочется, чтобы жена в огонь и в воду. Да, так, что же дальше?

— Он просто нырнул и достал или что-то в этом роде.

— Вот герой, — восхитился мой приятель, — ну, просто герой. — И тут его прорвало: — Я вам расскажу, как ваш муж доставал вам жемчуг для того, чтобы заслужить вашу любовь. Я бы сам на это пошел. Он поехал на Цейлон к Мансарскому заливу. Акул там полно, потому что масса дарового корма. Местные заклинатели поют, чтобы уговорить акул стать хоть на время вегетарианцами, а на лодках туземцы, их зовут „дайверы". И вот к ногам каждого привязывают камень, чтобы он скорее дошел до дна. А в руке у человека шнурок и палка, оружие от акулы. Это от тех, что на заклинания не поддаются. Зажав рот и нос, привязанный туземец, ныряет на большую глубину, а там уже спеша и напрягаясь, хватает раковины и бросает в особую сетку и дает сигнал „тяните, мол". Его тащат, тоже торопясь, акула ведь не зевает. Правда, сначала тянут сетку с будущим жемчугом, а потом уже и человека. И этот несчастный ныряет на дно по несколько раз в день до той поры, пока не начнет у него из горла, носа и ушей идти кровь. Вот тогда рабочий день окончен. Долго такой промышленник не живет: или акула или разрыв сердца. Никто добровольно такой работы не оставляет. Это единственный заработок там. Кормить то семью надо?.. Понятно? А когда опорожняют все сетки, то раковины там на берегу лежат пока не сгниют. Их открывать

нельзя раньше времени — жемчужины поцарапаются. Когда зловоние доходит до „точки кипения”, жители разбегаются — дышать нечем. Потом начинается ветер („муссон”) и становится легче. Вот вам первый этап добывания жемчуга.

— Господи, — ужасается дама, — я не думаю, что мой муж доставал их так.

— Я тоже, — скромно ответил Ардов.

— Но откуда вы знаете все так подробно?

— Я их добывал таким способом в Одессе.

— Боже мой, и все, надеюсь, сошло благополучно?

— Далеко нет. Я умер от разрыва сердца.

Все облегченно рассмеялись и пошли спать.

Рано утром, мы едем по городу. В ранней поездке два плюса: нет этого бешеного движения автомобилей и нет гнетущей жары большого города. Наш гид вполне справедливо отмечает большие заслуги Муссолини в деле украшения Рима. У этого диктатора, который и кормил и одевал свой народ, были большие планы: он хотел вынести все большие учреждения и министерства за город, в великолепные здания, а городу оставить торговлю, жителей, его бессмертную и бесценную старину и туристов. Нам были показаны знаменитые мосты („Понте Флеминго” с журчащей водой из перил моста), церкви, стадионы, „олимпийский городок”, фонтаны, площади, которые были созданы в бытность Муссолини правителем страны. Ну, что же? Спасибо ему и за это. В других странах, других диктаторов не тем поминают! Муссолини оставил хорошие следы в строительстве города, но плохие в истории. Да и теперь сносятся целые блоки старых домов и на их месте воздвигаются кварталы шестиэтажных. Гид сказал, что на такой стройке был найден гроб, а в нем мумия сохранившейся красавицы-девушки, лет шестнадцати. Возраст же мумии 1800 лет. Труп, как неимеющий родственников был передан в полицию.

Когда-то константинопольский патриарх в своей речи к царю Федору, сказал: — Ветхий Рим погиб от ереси, второй

Рим — Константинополь, в руках безбожных агарян, твое же, великий Государь, Русское Царство — „Третий Рим" — все другие царства превзошло своим благочестием, и Ты во всей вселенной есть истинный христианский Государь". Да, мы знаем, что теория Третьего Рима получила даже государственное значение и Москва стала именоваться „богохранимым, преименитым царствующим градом, Третьим Римом".

А теперь?

Наш автобус раненько, чтобы не попасть в очередь, подъезжает к „Вилле Боргезе". Я слышал от бывавших в Италии друзей и я читал о ней, а теперь мы стоим у закрытых дверей ее. Сейчас откроют! Открыли. Вошли.

Изумительная роспись стен и особенно потолков, большие светлые залы с массой солнечного света и картины, картины, картины...

Но вот один зал и мы замерли, разговоры прекратились сами собой...

Посреди на мраморном постаменте, мягкий, светло-серый матрасик и на нем полуобнаженная женщина в тунике. Гид (девушка) прекрасно подкованная, с большим чувством юмора, а он очень освежает, даже в вопросах искусства, знакомит нас с сестрой Наполеона Бонапарта — Полиной. Что она говорит о ней, хотя это и смешно, не так интересно, как то, что ведь это мрамор. Мягкий, мраморный матрасик прогнулся под тяжестью молодого, женского тела, как раз настолько, сколько оно весит, вы это чувствуете инстинктивно. Тонкая, прозрачная туника, которую хочется сбросить одним пальцем (зачем?) из чистого мрамора. Тело юной женщины кажется и теплым и живым. Господи, кто же этот кудесник, создатель этого? Канова, прославленный итальянский скульптор (17 века). Женщины шепчутся, мужчины тяжело вздыхают — мрамор все таки!

Да, это работа! Второй зал. Теперь-Бернини. Здесь стоит „Похищение Прозерпины". Это огромный, мускулистый титан, с злым выражением искаженного лица, несет на руках, вырывающуюся плачущую женщину. Вы посмотрите на эти

мускулы, на это напряжение его ног, ведь он держит тяжесть, на этот порыв сопротивления и отчаяния, с каким жертва рвется из железных объятий. И тут вы видите буквально неимоверное: там, где железные пальцы „киднайпера” вдавились в тело, оно подалось, оно мягкое, оно трепещет, вы это чувствуете и видите совершенно ясно. Но и слезы текущие по лицу Прозерпины тоже, как живые! И что же? Все это изваяно из мрамора, из простого карарского мрамора...

И наконец третий зал: „Аполлон и Дафне”. Легенда говорит, что Аполлон, влюбленный в Дафне, преследовал ее всюду. Мы прекрасно его понимаем, смешно упустить такую девушку. И вот, он ее поймал в лесу. Видя, что нет спасения, она обратилась с мольбой к Юпитеру и тот превращает ее в дерево. Вот этот волнующий момент, когда незабываемая спина покрывается корой, когда живот и грудь уже почти дерево, как пальцы рук и ног превращены в ветки с листьями — перед вами. И момент, когда пойманная девушка в руках красавца Аполлона превращается в дерево замечательно показал Бернини в этой статуе.

Можете представить себе разочарование этого обворожительного юноши, когда он обнаруживает, что держит в руках осину? Смешно? Может быть, читая. Но глядя на это человеческое искусство, вы думаете:

— Господи, как это можно, чтобы из холодного бездушного камня получилось такое буквально гениальное творение! Кем надо быть, чтобы простые руки обратили жесткий мрамор в мягкий воск, чтобы он стал тепел, воздушен и так гладок, как самая нежная женская кожа? И ведь, что еще потрясает: ведь все это сделано из одного куска камня, тут нет приделанных деталей и частей. Хочется прикоснуться и увериться, что это действительно так, что тут нет обмана, подделки... Такого забыть нельзя. Впечатление от этих скульптур останутся до конца жизни яркими и конечно не забудутся никогда...

А вокруг этих произведений, в этих же залах — картины мастеров итальянской живописи прошлых веков, но вы так очарованы только что виденным мрамором, что имена

Тициана, Рафаэля, Рубенса, Кореджио, Бароччи, Веронеза уже не доходят до вас. Шок был слишком велик.

А ведь здесь перед вами тоже гениальные творения великих художников. Вот целый зал посвященный Рафаэлю.

Оказывается, что Рафаэль и его ученики по заказу папы Льва X начали роспись Ватикана. На пятидесяти двух панно были изображены сцены из Ветхого и Нового завета. Работа эта совпала с открытием античных стенных росписей в старинных римских руинах построек императора Тита. Здесь люди и звери росли из распустившихся цветочных бутонов, на тонких нитях висели постройки, тело девушки переходило в красиво переплетающийся узор растительного орнамента... Рафаэль использовал мотивы этих рисунков для орнаментов и для украшения стен и потолков. Изображения были обнаружены под сводами подземелий — в гротах, — поэтому их назвали „гротесками" — гротовыми. Великолепное мастерство „божественного" Рафаэля сделало их модными, рисункам стали подражать при росписях дворцов, и слово „гротеск" вошло в язык для комических, а позже и трагических изображений с фантастически искаженными формами.Потом из живописи термин „гротеск" перешел в литературу и на сцену...

В одном из залов гид показывает нам фигуру обнаженной женщины (мрамор), лежащую на боку, спиной к нам. Статуя помещена не в центре зала, как обычно, а у стены.

Спокойно и просто наша девушка говорит нам:

— Это гермофродит!

Женщины вскрикивают и немедля пролезают к стене, чтобы убедиться, что это не шутка. Гид продолжает:

— Как это ни странно, но во всех группах которые я сопровождаю уже не первый год, только дамы стараются меня проверить.

— Я вам потом объясню почему, — говорит Гриша.

— Я это и без вас знаю, — отвечает девица.

И опять полотна в старинных рамах и опять непревзойденное мастерство ваятелей и людей кисти и масла. Фигуры нарисованные на потолке, кажутся вам настолько рельефными и выпуклыми, что вы удивляетесь, как такая тяжесть держится на такой высоте... И это „Вилла Боргезе".

В специальной литературе, которая есть во всякой библиотеке, читатель может увидеть фотографии того, о чем здесь написано и уличить нас, с Гришей... в правде!..

Мы выходим, идем к автобусу и мне слышится крик из мраморного горла Прозерпины, стон деревенеющей девушки, и каменный смех сестры Наполеона — Полины... Все молчат. Впечатление слишком велико и даже туристы из Америки, вроде мистера Паульсона, и те поражены. Великая сила человеческого гения победила обывателя... Надолго ли?..

Рубенс был мастер на все руки. Этот проворный голландец „создал" за свою жизнь и продал около трех... тысяч картин.

В наши дни такая производительность может быть объяснена только конвейерной системой труда. Оказывается так и было: в его большой мастерской работал целый штат художников и они создавали картины почти целиком. Хозяин делал на ней несколько мазков, подписывал, давал высохнуть и гнал на продажу.

Будь у него под рукой современные печатные машины он бы наверное додумался до „обоев Питер Рубенс".

Недалеко от виллы есть „собачий сад", куда любвеобильные итальянцы выводят гулять своих любимцев. Если пойдете, одевайте галоши...

Проезжая по римским улицам, вы несколько теряетесь: вы не знаете в какую сторону смотреть. Только что был магазин купальных дамских костюмов, а вот стариннейшие стены какой-то крепости со рвами и бойницами; проехали ее и надо остановиться перед фонтаном, около которого все хотят сфотографироваться. Нет, нет, дальше, времени в обрез... Вот римский Форум, огромная огороженная площадь: колонны, ниши подземелья... Это старина, это древ-

ность, это времена Юлия Цезаря, сказавшего своему приятелю, за один неблаговидный поступок, с укоризной:

— Ай-ай-яй! И ты Брут??

Все это хочется обойти, потрогать. Ведь совершенно случайно я могу сесть на ту каменную скамью, на которой быть может мечтал Калигула или увидеть то кресло, на котором сидела его лошадь в качестве сенатора. Лошадь в сенате это было что-то из ряда вон! А теперь и осел в сенате никого не удивляет. И все же о Калигуле наш гид плохо не отозвался... Едем, а перед нами, как кино лента со стариннейшими мостами (один 4-го века), замки, крепости, древние стены, изумительные фонтаны, сады, парки и все это чередуется с такими прозаическими улицами и домами, что обидно становится... Но все же это Вечный Город, бессмертный город и равного ему нет и не будет!

— Сейчас вы увидите Испанскую лестницу!

Да, красиво, очень красиво, но мы ее уже видели и не раз, в кино. Там она выглядит и чище, и наряднее.

— Приготовьтесь — фонтан Трэви!

О, мы слышали об этом фонтане и был о нем даже задушевный американский фильм. Мы выходим. Батюшки, какая красота! Здание позади фонтана, как будто бы служит его продолжением или иначе — скалы позади фонтана служат основанием для какого-то здания. Получается ансамбль. Для чего я буду описывать фонтан, его фигуры, животных, рыб? Его надо только видеть, иначе это просто трата времени. Он безумно красив, он величествен, сказочен и единственный в мире. Вода шумит, бьет отовсюду... Фигуры, лошади, фавны... И самое главное, что он помогает людям... Да, да не смейтесь. Вокруг идет бешеная торговля сувенирами и я не видел еще туриста (среди нас по крайней мере), который бы не купил там какой-нибудь „цяцьки".

А вот Гриша узнал от одного лотошника, что есть три желания осуществляемые при помощи фонтана: 1) Опять посетить Рим, 2) жениться и 3) развестись. Стоит для этого только стать спиной к фонтану и бросить через левое плечо

мелкую монету и одновременно с этим прошептать свое желание. И все в порядке.

Можете быть уверенными, что все исполнится. Верткие итальянцы, которые здесь свои люди, поясняют, что все же лучше бросать бумажные доллары. Это, мол, ускоряет ход событий.

Нас повезли смотреть Рим вечером. Форум, фонтаны, старинные башни и храмы освещены снаружи очень эффектно и получается так, что человек говорит:

— Какая красота! Ну, прямо, как декорация в театре!

А когда это же самое преподносят ему в театре, он восклицает:

— Ну, смотрите, совсем, как настоящее!

Странные люди-люди!..

На другой день с утра посещение церкви Сан-Пьетро. Уже при входе, наша девушка предупреждает нас не пытаться закрывать за собой двери. Они бронзовые и весят всего лишь 18 тонн. В храме исключительно непревзойденная акустика и находятся гробницы первых двух королей. Куда поместили всех остальных мы спросить не удосужились.

Отдельно стоит (на стене барельеф) гробница гордости Италии гениального художника Рафаэля. Он умер 37 лет от роду и, как объяснил гид от сильной любви к женщинам. Будучи очень красивым он любил самую уродливую женщину мира.

— Это не первый случай — с грустью констатировал Гриша.

Оказывается, что когда он был еще малышом, то любовался портретом матери с ребенком на руках, нарисованным на стене его отцом Джованни Санти.

Мать умерла рано и уже к одинадцати годам Рафаэль стал круглым сиротой.

И вот, с тех пор, образ его матери стал самым желанным в творчестве художника.

Как и где бы он не работал (роспись стен Ватиканского дворца, фрески в соборах, картины на самые разнообразные сюжеты), но тема матери с младенцем всегда была с ним и он к ней возвращался неизменно.

И таких картин им было создано очень много. Он сам сознавался, что воплощает в своих мадоннах памятные ему женские лица.

Говорят, что „Сикстинская мадонна", с таким необыкновенным лицом, была также одна из любимых Рафаэлем женщин.

В нише могилы Рафаэля ежедневно стоят свежие цветы и кто их ставит, неизвестно...

В соборе св. Петра колонны огромные и в два обхвата. Майк сказал, но мы не пробовали, что если вы шепчетесь с туристкой из чужой группы у одной колонны — ваши слова слышны в другом конце собора.

— К чему это я вас спрашиваю? Я понимаю акустику при концертах и богослужениях, но разглашать чужие разговоры, да еще в церкви, это уже из рук вон!

Мне надо было на почту и гид сказал, что это как раз где мы сойдем на „Стансионе Терминале" (вокзал) и там есть почтовое отделение, оттуда ногой подать до Ватикана. На почте, душной, жаркой, грязной, непроветриваемой простоял полчаса, чтобы сдать письмо, а потом дернула нас нелегкая пойти пешочком к Ватикану. Мы шагали полтора часа, высунув языки, так как не было смысла их прятать: на каждом повороте мы ими пользовались, так:

— Сеньор, Ватикано? — и нам молча указывали путь.

Мы шли мокрые и злые, боясь сесть на трамвай или автобус, а двигалось их очень много и все к Ватикану. А вдруг повернет не в ту сторону? Папа ждать не будет. И мы шли. Воображаете, как Гриша крыл меня за мою почту.

Ради грядущей встречи с Папой мы надели черные пиджаки, чем воспользовалось безжалостное солнце.

Только, когда впереди замаячил купол собора, мы вздохнули свободно, но он был, как мираж — не приближался, а время наоборот приближалось к двенадцати и тысячи людей спешили на встречу с Папой, тысячи верных католиков и неверных туристов.

Каждый хочет занять место получше, чтобы увидеть и услышать благословение из окна Папы Римского. И мы побежали, пропустить мы не могли. Огромные слоноподобные туши автобусов едут один за другим выбрасывая все больше и больше народа. Все спешат, ведь это же случится ровно в 12 часов дня. Немного замирает сердце, все-таки это очень торжественный момент — увидеть главу католичества — Его Святейшество...

Сборище на площади состоит на 20% из верующих и на 80% из оправдывающих свои расходы. Окно распахивается, из него свешивается красное, бархатное полотнище и через пять минут у окна появляется и благословляет собравшихся Папа. В благоговейном экстазе люди поднимают вверх руки и... щелкают аппаратами. И... чем же может отблагодарить турист главу католической церкви Папу Римского? Аплодисментами, конечно! Ох, Господи, прости меня, грешного!...

Всего (если считали без компютера), начиная с апостола Петра было 293 Папы. По гришиной арифметике выходит, что с начала нашего летоисчисления, в среднем на каждого Папу приходится по шесть (с хвостиком) лет папства. Все-же маловато. А ведь они же „папствуют” до смерти. Как же так?

Едем обедать. Наш ресторан расположен недалеко от американского посольства. Здание и величественное, и солидное, и крепкое. Предусмотрено многое: нижние окна закрыты тяжелыми решетками, как в старинном замке, а верхние два этажа имеют на окнах свежие ставни; они в случае выражения восторга итальянским пролетариатом, могут быть сразу же захлопнуты.

Кроме того, здание далеко от тротуара, а на нем — огромные тумбы с тяжелыми цепями. Таким образом посольство совсем в капиталистическом духе. То ли дело по-

сольства демократических стран... Странно. Почему то вспомнилось дело Ольги Касенкиной!

Едим мы на улице под огромным тентом, чтобы легче дышалось, на улицах Рима ужасно жарко, а ведь начало июня. Говорят в июле и в августе носа нельзя показать наружу — все сидят в ваннах.

Поев, поехали смотреть легендарный Колизей. Да, да — тот самый, что в „Камо грядеши?".

Колоссальное круглое здание, разграбленное и временем и людьми. Поясняю: стены полуразрушены, ступени, по которым когда-то поднимались в ярусы жадные до зрелищ римляне, осыпались, заросли лопухом и огорожены, чтобы кто нибудь не свалился. Потолка, который когда-то был над этим стадионом, нет. Он рухнул.

А что сделали люди? Все здание было отделано мрамором и в нишах (их сотни) стояли во весь рост статуи. Мрамор взяли для других целей, а статуи растащили, может быть по садам и паркам, пока не упали. Важно, что места, в которых мрамор скреплялся с кирпичной стеной, имеют углубления и получается ужасно „оспенный" вид, у когда-то красивейшего здания.

Что там происходило? Сначала вместо арены было озеро и на нем сражались галеры. Смертоубийство было великое и правительство решило людей поберечь. Воду упразднили и на дне сделали комнаты для гладиаторов, над ними настлали пол и тогда на этой арене бились гладиаторы и друг с другом и с дикими зверями. Помпезное зрелище.

Но в Колизее никогда не казнили христиан. Для этого было другое место — поменьше масштабом, а христиане могли выступать только, как гладиаторы, в качестве бойцов, на правах с другими... Сейчас здесь мерзость запустения: тысячи туристов и столько же кошек, да еще диких. Они так жадно смотрят на ваши руки, как будто ожидают „на чай" и стоит вам полезть в кулек за черешнями, как они галопом несутся к вам жалобно крича, думая, что это мясо.

Сердобольные люди приносят им шпагетти, кости и разводят этим миллионы мух и дьявольское зловоние. Кошки голодные, облезлые, с многочисленными ранениями. Старый дух римских легионов не угас хотя бы в кошках, потому что теперешние потомки завоевателей и покорителей мира успешно торгуют браслетами, крестиками, открытками и камеями. Былая храбрость сменилась назойливостью.

16. — СЕМЕЙНАЯ ДРАМА * КАТАКОМБЫ * ДАВИД И ГОЛИАФ * СИКСТИНСКАЯ КАПЕЛЛА * НУ И БАШНЯ —

А разве вы не замечали, как в нашей жизни все мельчает? Дружба становится — условной, смелость — предусмотрительной, мужество — ограниченным, любовь — осторожной, честность — относительной...

У развалин нас сфотографировали, чтобы каждый мог приобрести себе на память милые лица своих надоевших спутников.

Тут-то у нас и произошла семейная драма. Муж той дамы, которая каким-то образом оказалась моложе его, на что-то огорчился и уехал. В припадке трагического отчаяния соломенная вдова одела к ужину траурное платье зеленого цвета с розовыми разводами и затем, заглушая горе, меняла наряды два раза в день. А „бисова вдовичка" взяла над ней культурное шефство и преуспевала в этом. Мистер Паульсон и чешский американец помогали изо всех сил...

Мы в катакомбах. Нас встречает милый сад, фонтан, зелень, но ... вот спуск вниз и жара сменяется прохладой, а еще ниже прохлада переходит в холод. Длина катакомб десять миль, глубина — 150 футов. И все это сделано руками людей, безо всяких машин, тайно, под угрозой погибнуть за эту смелость.

И теперь, когда мы читаем о подкопах при бегстве из плена или из строго охраняемой тюрьмы, то даже и сравнивать не приходится...

Света в катокомбах (электрического) мало, но как раз достаточно, чтобы увидеть то, что нужно и не споткнуться. На стенах эмблемы христианства... Рисунки... Маленькая церковка... Тихо... И заставляет задуматься... Вот сотни маленьких светильников, наполняемых маслом, их несли в руках в те времена.

На большой глубине небольшая площадка, где без света и в холоде сидит католический монах и перед ним свечи, которые вы можете тут же купить и возжечь, а их горит очень много. Некоторые из нас это сделали...

Вот так когда-то люди отдавали свои жизни за веру свою. Почему? Да потому, что верили свято и непоколебимо. Шли на смерть с радостью и улыбкой. А когда подумаешь, что творится в наше время, то становится и горько, и обидно.

— Жертвовать жизнью? Да вы что? смеетесь!? Я и так каждое воскресенье жертвую и на украшение церкви, и на хор. Хватит. А вы вот посмотрите сколько дает Марья Алексеевна, да какую тоненькую свечечку ставит Дмитрий Павлович. Я вижу. А автомобиль купили...

Мы в соборе святого Петра; гид сказал, что здесь когда-то был цирк (Нероновские штучки), а теперь величественное, большое, здание храма, в котором шесть капелл. Конечно, основной интерес для туристов — скульптура Микельанжело „Пиета", собиравшая около себя миллионы людей на всемирной выставке в Н.-Иорке. Вариантов этого гениального произведения несколько, но это главный, охраняемый и закрывающийся в определенные часы — единственный в своем роде... Тут же специальная церковь для венчания с двумя органами...

В этом соборе царство Микельанжело. Картин нет. Все выложено мозаикой. Кисть художника не касалась стен собора. Статуя апостола Петра отлитая из бронзы является большой святыней для христиан всего мира и поцелуи, покрывающие ногу при миллионных посещениях храма за семь столетий оставили на твердом металле свои следы — он стер-

ся в этом месте... Есть там большая мозаика Рафаэля, но он ее так и не окончил — умер...

Мы переполнены впечатлениями и устали...

Утром я выбежал из отеля, чтобы купить открыток. Детвора шла в школу. Что за странность? Одни девочки в синих платьицах, с бантами на шее. А где же мальчики? Но когда одна из девочек зафутболила приятеля, а тот обернувшись навернул ее ранцем по голове — все разъяснилось. Это была только „униформа" какой-то школы. Какое унижение! Хотел бы я видеть американского мальчишку в таком виде!

Поведение итальянского автомобиля просто удивительное: он мчится прямо на вас, если вы переходите улицу, но и итальянец не уступает и делает тоже. В результате создается проверка нервов, а так как у автомобиля и нервы, и тормоза крепче, он останавливается и обыватель проходит. Мы таких испытаний не выдерживаем, отскакиваем в сторону и как раз под другую машину... Пока еще живы!..

Цены аховые. Может быть где-то есть особые рынки и магазины не для нас, но приценившись, а еще хуже купив, туристы узнавали, что в Америке это же значительно лучше и дешевле.

Газет мы не читаем, радио не слушаем и слухами не питаемся, достаточно „континентального" завтрака. Никто ни разу не заикнулся, чтобы пойти в церковь. Правда, католическая сестра по воскресеньям, по утрам, исчезала. Может быть молилась за всех нас. А для остальных туристов закон не писан. Однако, в Риме кричащие заголовки всех газет о начале сражений между Египтом и Израилем всех нас встревожили и отдаленное дыхание войны коснулось и нашей группы: на нашем этаже, несколько комнат были отведены семьям с детьми для служебного персонала консульств и посольств Америки в Египте и Израиле. Ребята и тут не унывали — резвились, бегали, а озабоченные мамы шлепали их, грустно вздыхая. А пока это происходило, маленький еврейский Давид, вооружившись пращей, вышел против египетского Голиафа и запустил в него механизированной каменюкой! Результаты сказались через несколько дней...

И говорят, что когда Нассер узнал о разгроме и его спросили, кто виновник этого, он ответил:

— Кто виновник разгрома моей армии я не знаю, но если бы он мне попался, я бы вырвал ему второй глаз!

Одна великая страна, веря святым своим принципам „падающего толкни!" Голиафа подняла и поддерживает до поры-до времени.

Я сказал Грише:

— Дело пахнет кровью?

— Нефтью больше — ответил он грустно.

Если вы человек непривычный и в Риме впервые, да еще летом, вы будете поражены видом адмиралов, ходящих в изобилии по улицам города. А некоторые даже стоят посреди и размахивают руками. Потом я уже выяснил, что это одна из разновидностей местных полицейских, в летней форме. Они такие эффектные, такие яркие, такие чистые и такие упитанные, что представить их активными невозможно. Ну, посвистит, еще куда ни шло, но для большего они не пригодны — слишком авторитетны и солидны, чтобы бегать или вести в участок...

Вечером посетили спектакль в римском оперном театре. Показывали „Лукрецию Борджиа", ту самую, папаша которой — Папа Александр Шестой — занимался такими делами, которые никак не под стать Его Святейшеству: и кутил, и пил, и любил и убивал. Он был бы сейчас очень кстати к ансамблю, живущему в Кремле и возглавляющему бесклассовое общество.

— Ничего, не плохо, — резюмировал Ардов спектакль — слушать можно.

Это он после зальцбургской и венской опер так „оперился", что стал скуп на оценки...

Пока мы раскатываем по городу, мимо нас мелькают чудеснейшие постройки, около которых надо ходить, любоваться и даже трогать руками. Вот на одной из площадей стоит памятник Виктору Эммануилу с могилой неизвест-

ного солдата, что теперь модно в каждой стране. Как было бы хорошо устроить вместо этой могилы „Свалку известных вождей". Вот понавезли бы!

Этот памятник критики расценивают по разному. Он огромен, этот монумент, просто колоссален, занимает по площади чуть ли не целый квартал. Весь из белого мрамора, начинается ступенями и поднимается в несколько этажей, заканчиваясь фигурой короля на белой лошади. Одни говорят, что это памятник целой эпохе, другие, что он великолепен по выдумке и исполнению, третьи, что он напоминает собой свадебный торт с фигуркой на вершине, четвертый, что его громоздкость уродует его красоту, пятые, это мы, соглашаемся со всеми понемножку, но остаемся при своем мнении, а оно... я уверен, что когда вы увидите этот памятник, то целиком с ним согласитесь...

А Дворец Юстиции? А Башня Ангела? А Термы Каракалла, [illegible] с легкой руки Беньямино Джильи, среди ароматных олеандр, под покровом теплой ночи устраивались оперные спектакли на фоне древних развалин, на открытой сцене. И это каждый вечер в июле и в августе. Сборы достигали 25 тысяч человек...

А мы только любуемся и вместо того, чтобы посетить, щелкаем фото-камерами и едем мимо. Да, это правда: Италии надо отдать месяцы, чтобы увидеть самое драгоценное, самое древнее и самое дорогое, по настоящему.

Ведь по существу, наша поездка другого названия не заслуживает, как „Галопом по Европам". Ну, на большее дешевый турист и не может расчитывать.

Все же на площадь святого Петра мы попадаем не раз и вот, как то любуясь ею, зданиями, колоннами, махиной собора, фонтаном, скульптурами и выдающимся расположением всего ансамбля, мы увидели смену караула швейцарской стражи, у входа непосредственно в Ватикан, где пребывает Папа. Стража вооружена винтовками с примкнутыми штыками-ножами и одеты гвардейцы, как персонажи итальянской комедии Дель-Арт. В беретах, в камзолах с рука-

вами-буфф, в чулках и туфлях и очень все молодые и красивые.

Что же они не стареют в таком святом месте или их, как хор венских мальчиков, „омолаживают" периодически? Наша группа здесь упорно задерживалась. Глядя на наших дам, а особенно на „бисову вдовичку" и осиротевшую жену, Гриша изрек:

— Мало им красивых мужчин, им еще этих не хватает!

И все наши мужчины с ним согласились...

Потом у нас был „свободный день" и нам удалось попасть самим в домик апостола Петра, где он был в заточении. Маленький, сырой, с земляным полом и полутемный, но все же домик.

Нас сманили посетить один курорт Дуиджи, в полутора часах езды от Рима, где лечатся от камней в желчном пузыре и почках, от простаты и тому подобных радостей нашего возраста. Наши спутники этот курорт знают и он очень популярен; они сразу же повели нас к источнику „Бонифаче 8", где люди пьют горячую и холодную целебную воду. Времени у нас было мало и поэтому мы выпили около литра на брата. Глупость одна, никакого облегчения от этих болезней мы не почувствовали, да их, кстати, у нас и нет.

Завтра идем в музей Ватикана и посетим Сикстинскую Капеллу. Ух, интересно. Что день грядущий нам готовит?

Мы все уже достаточно устали, многие потеряли по несколько фунтов (никто еще их не находил), но бодримся и делаем вид, хотя предстоящая встреча с Испанией и Францией электризует и настраивает на игривый лад.

Ватиканский музей это амфилада скучных комнат, со шкафами-раздевалками для кардиналов. Скульптуры, картины, картины, залы, коридоры. Им нет конца и краю. Народ валом валит, работают два лифта, чтобы облегчить подъем, но люди идут и пешком тоже.

Был, говорят, такой Папа Юлий Второй. Диктатор, какого свет не видывал и он позвал к себе Микельанжело и, как „босс", сказал ему:

— Хватит тебе возиться с мрамором и дышать пылью при его шлифовке. Тут ты нужнее. Бери ведерко с красками, на вот тебе пять лир на кисти и малюй себе на здоровье!

Это было чуть ли не 500 лет тому назад. Шесть лет лазил по стенам и потолку этот гений и нарисовал на десяти тысячах квадратных футов около четырехсот гигантских фигур.

И как нарисовал? Краски свежи и только слегка потускнели, а незаметный желтоватый электрический свет создает иллюзию освещения их солнцем. Мы, стоящие на полу капеллы, чувствуем себя раздавленными этим величием бессмертного творения. Но это еще не все.

Капелла, сама по себе, небольшая церковь с алтарем. Пол выложен красивой мозаикой, вокруг тяжелые скамьи, на которых сидят усталые туристы. Сидят, смотрят и только вздыхают. Над ними изображено рукой гениального скульптора сотворение мира, но не резцом, а кистью. Там есть все: и Бог-Саваоф и всемирный хаос (не теперешний, а еще до Адама), жизнь в раю, грехопадение (в лучшем смысле слова), изгнание из рая, всемирный потоп и тому подобное.

Со всего мира, еще в те времена, ехали люди в Рим, чтобы взглянуть на чудо сотворенное Микельанжело, а через 22 года, Папа Павел Третий упросил художника, чтобы он расписал стену сзади алтаря Сикстинской Капеллы, на тему по собственному выбору и никакого разговора о социалистическом реализме не было.

И Мастер в возрасте 56 лет взялся; опять пять лет неустанной, тяжелой, изнурительной работы. Это был „Страшный суд". Описывать его не к чему. Этот „суд" надо видеть воочию и тогда только можно будет понять и почувствовать все величие этой картины, созданной необузданной фантазией ее творца. Потом уж, при Павле Четвертом, всех голых грешников „одели", пририсовавши им куски одежды.

А одинокий, дряхлый и полуслепой великий скульптор и художник продолжал рисовать ибо в этом и был смысл его неповторимой жизни. Равных ему — нет до сих пор!

Да, надо сознаться, что картины, статуи, мосты, дворцы, фонтаны и соборы подавались нам ежедневно огромными порциями и мы пришли к выводу, что нельзя же все время питаться рахатлукумом...

Да, завтра, последный взгляд на площадь перед собором св. Павла (мы должны еще раз проехать мимо) и ...прощай Рим! „Прощай", какое страшное слово!

Удалось нам увидеть и русскую церковь. Она светлая, просторная и большая. В ней был человек в рясе говоривший с большим акцентом. Тихо и безнадежно пусто... Свершилось! Наш автобус похож на ветеринарную лечебницу на колесах: почти все больны. Правда, нет раковых больных, нет скончавшихся от сердечного удара и нет случаев заболевания холерой. Но все чихают, сморкаются, кашляют. Усталость уже давно тоненькой струйкой вливается в наш отдохнувший организм. Жизненный тонус снижается и несмотря на то, что впереди пьянящий Париж, начинаются нездоровые разговоры о доме, о семьях, о службе и чудесных привычках, связанных со шлепанцами, телевизором и партией в картишки, в субботу вечером. Вот уж, действительно „что имеем не храним-потерявши — плачем". Прежде мы пели, шутили, флиртовали даже, а теперь, через 20 минут после отъезда, все затихают. Кто глотает таблетки, кто сосет конфетки, кто потягивает кьянти, а кто просто дремлет, стукаясь головой о стекло, как осенняя муха.

Повторяю: свершилось, в последний раз проезжаем по величественной площади мира, бросаем последний взгляд на собор и мимо.

„Аривидерчи Рома"...

Мы едем в Пиззу. Дороги никто не замечал. Все переваривали римские впечатления, писали письма, делали заметки и вздыхали... И кто его знает... Вот приехали.

Узкие, с неприятным запахом, улицы запачканные собаками... Грязь и бумаги. Куцая и облезлая площадь с памятником какому-то Эммануилу. Уверен, что если коммунисты придут в этом городе к власти, они не оторвут голову

грозному и некрасивому военному, а прилепят на ее место голову своего какого-нибудь Ульбрихта. Они ведь прежде всего итальянцы. На этой площади плакаты и лозунги с серпами и молотами. Город готовится к выборам — поэтому на тротуарах так много непрочитанной литературы...

Идем к знаменитой башне, она видна уже издали.

— Костич, — кричит Гриша, — что вы мне голову морочили с этой башней? Ну, башня, как башня. Красивая, правда, но кривая же. Кому это нужно?? Да, за такую халабуду в Америке, ни одна страховая компания ни копейки не даст. Возьмите Эйфелеву, возьмите Сеаттлийскую — стоят, как люди. А эта? Загремит в один прекрасный день, да еще с туристами вместе. Я вам скажу больше: не будь она кривая, так на нее вообще бы никто не обратил внимания. Так же, как с Шекспиром — не будь он писателем — кому бы он был нужен? Правда? Дурак буду, если полезу на нее.

И полез. Полез одним из первых до самого верха и оттуда восторженно махал мне рукой, а я как наседка, носился внизу и выбирал плиту помягче, если он свалится. Перил-то нет! Жара в этом городишке необычайная, просто размягчает мозги, а ступеней в башне всего 300 и вот ползи при такой температуре... Это же просто подвиг! Она уже осела на три метра. Колокола ее исполняют семь мелодий, может поэтому она и считается восьмым чудом света... Пульхерия Ивановна с мужем тихонько и не торопясь пошли во внутрь башни. Мы уже не удивляемся — эти взойдут. Есть такие люди в жизни — молчит, но лезет. Против башни очень красивый старинный собор, где почти вся группа и засела, ожидая отхода автобуса в отель. Когда стоящие снаружи, кричали:

— Выходите, полезем на башню! — мы отвечали:

— Дураков нет, тут прохладнее, — а один из наших добавил:

— Сюда бы столики, да мороженое, тогда бы этому собору цены не было!

Ну, не бессовестный? Я считаю, что достаточно и одной „Коки"! Наконец-то мы избавились от этой башни и в оте-

ле. Ффу! Когда я захотел переодеть рубашку и открыл чемодан, то увидел, что швейцарский „Тоблер", привыкший к прохладе своих гор, попав в итальянскую атмосферу — тает от умиления и оставляет на моих рубахах шоколадные поцелуи... Вечер прохлады не дал. Как разварные судаки вышли к утреннему завтраку. Все сознавали, что еще никогда не попадали в такую духовку, ночью: только один бок разогреешь и подрумянишь, как уже необходимо переворачиваться на другой. И так всю ночь. Страшно вспомнить! Я стал нюнить, а Гриша изрек:

— Костич, это телячьи нежности. А, как вы жили в Киеве?

— Пять семейств в одной квартире.

— Ага, ну так, что вы предпочтете?

— Пиззу!

— То-то, дитя мое, — и мы пошли в ресторан.

17. — МОЛОЧНАЯ ИСТОРИЯ * АРИВИДЕРЧИ ИТАЛИЯ * МОКРАЯ НИЦЦА * ИГРОКИ * ПИСК МОДЫ —

Покидая Италию я вспомнил, что говорил о внешности местных денег. Маленькая бумажка походит на недоброй памяти „керенку", внутреннее ее содержание такое: 500 лир за доллар. Пообедать можно за тысячу, а вещи значительно дороже. Заколдованным, ласковым утром ползем по спирали все выше и выше в горы; это отроги Аппенин. Тут должен быть перевал к Франции, а пока на вершине какой-то горы, остановились у ресторана, где пили чудное кофе, но не „эспрессо" — помните! Это не для нас, этот сорт горек и очень крепок. Мы все просим „несс-кафе" и обязательно с молоком, да еще с горячим. Тут я вспомнил жуткий случай происшедший за нашим столом, еще в первые дни пребывания в этой незабываемой стране. Заказав кофе, мы его получили и начали просить молока. Мы говорили кельнеру:

— Мильк, млеко, молоко, мильх.

Но он ничего не понимал, тогда Ардов (о, Гриша!) повесил над чашкой кофе кисть своей руки и начал поочередно „доить" каждый палец. Дамы хихикали, а тот балбес все еще не мог взять в толк, что это такое. Тогда Гриша замычал и боднул его в живот головой. Бедняга закричал и умчался. Через минуту явился управляющий, говорящий по английски:

— Что здесь происходит?

А недалеко стояло четверо поваров с полотенцами. Дамы наперебой начали рассказывать, чего мы хотели и, как мистер Грегори наглядно все изобразил. Управляющий улыбнулся и сказал:

— А мы решили, что сеньор тронулся и хотели взять его в госпиталь.

— Можете идти на кухню — махнул он рукой временным санитарам. Подали горячее молоко. И все же лакей ходил прихрамывая, изображая увечье.

Пришлось усилить чаевые...

На этой вершине еще раз пригубили различные сорта итальянских вин, ели вкуснейшее мороженое и свежие фрукты, покупая за бесценок разнообразные ликеры (это для дома)... Еще не жарко, дует ветерок и поэтому все подобрели, подтянулись и некоторые даже ходят грудью вперед. Настроение у всех поднимается, но ведь и солнце тоже так, что надолго ли этот душевный порыв?.. Виды, прямо швейцарские, только дешевле. Есть весь ассортимент: и обрывы, и прозрачная даль, и туманная дымка, и деревушки, и пейзане трудолюбиво обрабатывающие... и горный бодрый воздух, но все же это не Швейцария... Совершенно незаметно спустились в долину и катим у самого синего моря. Это, о котором я пишу, чужое, не мое, да и я чужой ему и ненужный. Оно терпит меня потому, что у меня в кармане чековая книжка и независимый вид миллионера путешествующего инкогнито...

В первую половину августа число туристов в Италии достигает шести миллионов человек. Переведите это на дол-

лары и поймите: зачем работать? Если предположить, что каждый турист истратит в этой стране только по доллару — вы уже имеете внушительную цифру, но ведь есть такие чудаки, которые тратят в десять раз больше. Что тогда получится?

Рапалло — известный курорт. Пролетаем мимо. Скоро Генуя. От одних только названий голова кружится... Дожил. Генуя, один из крупнейших портов Италии и когда видишь сотни грузовых пароходов и танкеров, убеждаешься наглядно, как крепка экономика этой страны, особенно если на трубах длиннющих танкеров — написано „Эссо", „Мобил" и „Шелл", а на стенах портовых зданий колоссальными буквами, по итальянски „Кока-Кола". Читаешь и умиляешься...

Кушать шпагетти в местных ресторанах так, как вы едите дома прозаические макароны, -- нельзя. Тут их надо накрутить на вилку, посыпать обильно пармезаном и воткнуть это сооружение в рот. Если кончики макарон свисают у вас над тарелкой, не вздумайте обрывать их по одному или чиркать маникюрными ножницами, избави Бог. Моветон! Их надо втягивать со свистом в надлежащее место. Чем звучнее, чем громче все это делается, тем больше вы приобщаетесь к итальянской культуре...

Лазурное побережье! Споторн — город, где мы вступили в непосредственный контакт со Средиземным морем, Во время перекура, в пути, сошли на пляж, где громадные шумящие волны обдали нас свежим глубинным дыханием и пеной. Неповоротливые были залиты до колен водой трех цветов: желтой, синей и зеленой. Мы сохли, дышали необыкновенной чистоты воздухом, собирали ракушки (я привез домой) и любовались спинами купальщиц, с обратной стороны.

Гриша обратил мое внимание на купальный костюм „мини-бикини", сделанный из одного шнурка ботинка. Другой шнурок привязан к костюму на случай если тот смоется водой или потеряется в песке.

Сказав в душе „прощай" мы уехали, увозя с собой шорох волн, запах моря и аромат воздуха. Вот и сейчас, я до-

ма, но стоит закрыть глаза и я вижу и ощущаю средиземноморскую сказку.

Сан-Ремо! Пальмы! Казино! Пляж! Теннисные корты! Цветы! Фонтаны! Оранжереи! А вокруг насосы, день и ночь качающие... валюту, а слева море, голубеющее и единственное в мире, море! Оказывается, что это великолепное побережье называется „Итальянская Ривьера".

Таможня называется „Догана". Смешно; ведь по украински это значит „выговор". Неужели за то, что мы уезжаем? Последняя остановка на окраине этого города. Все бросаются в ближайшие магазины, где ликвидируют итальянские деньги, чтобы уже окончательно, с чистой душой явиться перед ясные очи де Голля...

Сверх всякой неожиданности пошел теплый, радостный дождик. Ах, хорошо!.. В последний раз выпили горчайший в мире напиток „кофе-эспрессо". Пикантно, нет слов. Хотя чашечки и малютки, но цены значительно больше их...

Уже не в первый раз переезжаем тяжелые, каменные мосты, в 8-10 пролетов, под которыми ребята играют в футбол. Реки, как не бывало, но дайте срок — флорентийская трагедия может повториться в любом городе Италии... Поверь нам Италия, поверь без честного слова, что покидаем мы тебя с тяжелым сердцем... Мы полюбили у тебя все: и твой народ, и твой климат, и твою природу, и твою музыку, и песни и все те сокровища, которых нет и не будет ни у кого. Забыть тебя — нельзя! Как нельзя забыть чарующий, но несбывшийся сон. И одна мысль, что мы никогда больше не увидимся доводит до слез... Как горько, что слово „никогда" с каждым годом приобретает для нас все более и более трагический смысл!...

Прости и не поминай лихом!..

И так, мы уже во Франции и уже что то знакомое: улица Аристида Бриана. Слева тоже самое море, но это уже „французская Ривьера". Для нас же это „не умер Данило..."

Сейчас, мы во Франции и принадлежим ей со всеми нашими потрохами, которые ей не нужны. Ее больше интере-

сует наша платежеспособность... Едем в горах, а внизу, налево дышит красивая бирюзовая грудь моря окаймленная жемчужным ожерельем пены, у берега, где начинается платье красавицы из цветов и деревьев. Но вот впереди полуостров. Гид объясняет:

— Прошу смотреть внимательно. Если бы вы случайно попали туда, то могли гуляя, пройти из государства в государство, не заметив, что вы нарушаете территорию чужой страны. Это Монакское Княжество, знаменитое тем, что там нет военной службы, есть знаменитое Казино в Монте Карло и не менее знаменитая княгиня Грэйс Кэлли, американская кинозвезда, которую ждали и мировая слава и миллионы, а она предпочла отдать себя семье и детям. Согласитесь, что это редкий случай, когда избегая кино-рекламы, женщина стало всемирно известной.

Попутно, мы узнали, что рулетка в начале своего расцвета, два раза обанкротилась, проиграв двум людям по 50 тысяч долларов, что не помешало счастливцам умереть нищими. Узнав об этом, Гриша сказал категорически:

— Не буду играть ни за что!

И мы решили если будет возможность посетить Монте-Карло. Военная служба нас уже не интересовала, рулетка — очень, а встреча с Грэйс Кэлли была бы приятна, если у нас хватит времени. Решено! Туда можно попасть из Ниццы, за час-полтора, а она наша следующая остановка...

Так и есть: Ницца — жемчужина Лазурного Побережья. Это правда, такая жемчужина, что к ней не подступись. Цены на вещи жуткие. Еда еще туда-сюда, с голоду не помрешь, а все остальное только в приглядку... Хотя это и Лазурный берег и солнечный край и вода в море бывает в январе в 70 градусов тепла, но нас Ницца встретила водой сверху и продолжает эти штучки уже второй день. Дождь не уступает сеаттлийскому: так там, дома, он нам ничего не стоит, а здесь все сидят в холле отеля и тоскливо смотрят на улицу. Гриша держит в руках томик любимого Чехова и брюзжит:

— Костич, когда-то Чехов сказал Бунину о Толстом так: „чудесный восхитительный старик (Толстой тогда выздо-

равливал от тифа и был в Гаспре, в Крыму), я долго сидел около его постели и когда уходил, он говорит „поцелуйте меня", а потом шепчет мне на ухо, „а все таки пьес ваших я терпеть не могу. Шекспир скверно писал, а вы еще хуже". А вечером Чехов сказал Бунину, грустно и сурово: „вот умрет Толстой и все к черту пойдет". Литература? — спросил Бунин, — „и литература, — ответил тот, — вы подумайте, как мы завидуем людям, которые видели живого Пушкина..." А ведь, правда — продолжал Гриша, — мы уже сегодня завидуем тем, кто видели живого Толстого, Чехова, Достоевского, Бунина, Шмелева, Алданова, а ведь таких людей с каждым днем становится все меньше и меньше. А что же останется на нашу долю? Шолохов? Маяковский? Евтушенко? Лучше уж говорить, что мы их не видели. Ну, читали, на крайний случай. Убогая эпоха! — и он опять погрузился в книгу.

— Вот, Костич, скажите мне: можно-ли по произведениям судить о писателе, как человеке?

— Я думаю, что наверняка.

— Я тоже так думал, а когда мне удалось познакомиться с издателем Шалома-Алейхема, чудесный юморист, между нами говоря, то выяснилось, что в частной жизни он был скучнейшим собеседником, мещанином, а до выхода „в люди" занимался самыми несимпатичными „еврейскими" профессиями: сватовством, маклерством, страхованием жизни и т. п.

А Гейне, талантливейший поэт, обладал невозможным характером. Он не имел друзей и даже самые ярые его поклонники не прощали ему незаслуженных нападок на даровитейшего умного и корректного Людвига Берне и на высокоталантливого поэта Платтена...

А прочтите его „Книгу песен!" Да, Костич в жизни такие вещи на каждом шагу. Те, кто меня мало знают теряют очень многое.

— А найдут и рады не будут!..

Ах, какое счастье! Наконец-то мы попали в хваленую Ниццу! А Сорренто, а Капри, а Рим? Вот, что покинув, можно пожалеть. Мы планировали с утра объехать и осмотреть оправу этой жемчужины, но для этого нужен зонтик, пальто и галоши. Это в Ницце-то? Когда мы ехидно спросили в отеле:

— У вас всегда дождь? — нам вразумительно ответили:

— Нет, но и не всегда солнце.

Так или иначе Гриша то читает, то поет, „не осенний мелкий дождичек". Я подпеваю. Дуэт, хоть не особенный, но чувства горечи в нем много.

Плакали наши денежки... Мы поехали в Монте-Карло. Этому предшествовали следующие события: после обеда Гриша открыл свой чемодан, вытащил оттуда черные брюки и начал их трясти, с балкона.

— Что случилось, блохи?

— Неудобно, нафталином воняют, а где ваши? Дома?

— Я приехал не на похороны, а наоборот. Хватит пиджака.

— Разве вы не видели в кинофильмах, что в казино, в Монте Карло все мужчины и дамы в смокингах.

— А мне плевать.

— Костич, помните, что из двух спорящих — виноват тот, который умнее.

— Ну, так я и есть умнее. А вы знаете, что умные всегда сомневаются, а дураки всегда уверены?

— Нет, я этого не знал, — сказал Гриша, — а это верно, вы уверены?

— На сто процентов.

Конечно гришины брюки никого не поразили, только швейцар потянул вслед ему носом. Гриша вошел очень независимо! Публика была одета, как она хотела!.. Главное — играй!

Посреди огромного стола с цифрами круг с ямками и в них тоже цифры. Новшеством явилось для нас то, что вместо вращающейся рулетки (но она была тоже), крупье бросает на круг резиновый мяч и тот, долго прыгая по всем этим углублениям и играя у вас на нервах, так как вы уже положили на определенный номер, усаживается совсем не там, где бы вы хотели. У Гриши в руках записная книжка, откуда он черпает советы, шепча что-то себе под нос.

— У меня есть система, я ждал этой встречи!

Но все же он бледен от чувства ответственности, ведь он играет и на мои деньги, тоже. На нас чистые носки и рубашки. Мы прекрасно знаем правила поведения в высшем обществе и лицом в грязь не ударим. Да, ее тут и нет... Снаружи цветы, пальмы, скамейки, обрывы и много фонарей.

Очень подходящая обстановка для будущих самоубийц, хочешь вешайся, хочешь бросайся вниз головой. Скалы, у которых можно помечтать и написать последнее письмо и безбрежная морская перспектива. Господи, как не хочется умирать!

И тут Ардов выкинул коленце: у него в руках появляется, кроме книжки, огромная пачка американских долларов (сердце у меня обрывается — можеть быть тут все наше состояние!), но он разменял где-то сорок долларов по одному и несет их так, что все видят пачку, но не замечают единиц. Всем ясно, что там по крайней мере каждая кредитка в 20 долларов.

Над Гришей просто светится нимб. Он производит впечатление человека охваченного последним пароксизмом страсти к игре и никакие другие на него уже не действуют, а сзади идет его личный секретарь с интеллигентной наружностью и лицом, на котором лежит печать обреченности. Толпа молчаливо расступается перед нами. Я хотя и в тени, но купаюсь в отраженном свете гришиной жертвенности. Люди понимают его душевное, физическое и материальное состояние и думают:

— Еще одна жертва азарта!

С каменным лицом, Гриша шепчет мне:

— Если бы они знали правду, а? Два облезлых дипи, изображают собой игроков, а самим грош-цена. У меня есть предчувствие, что мы на пороге богатства.

Он останавливается у стола, прижимая пачку к носу, как бы раздумывая. У крупье раздуваются ноздри в ожидании поживы. Но нет, моему приятелю этот стол не нравится, он переходит к следующему, где проделывает тот же трюк борьбы между долгом и пороком. Кажется, что публика переживает больше, чем он. Наконец он сует руку в карман и бросает жестом (но каким!) два франка на красное. Выходит — черное. На другом столе ставит на 15-е, а выходит роковое девятое. Тогда на 13-е, а выпало 15-е. Он бросает на 9-е, а выходит, что ни черта не выходит и я уже подсчитал 25 франков убытку из общей кассы... Он теряется и хочет бросить всю пачку, но тут уж я пугаюсь по настоящему и оттаскиваю его от соблазна.

Он сопротивлялся, но слабо и говорит, вытирая вспотевший лоб:

— Пошли, я хочу кислого молока.

Разочарование было всеобщим. Теперь он вышел очень зависимо. Когда мы сидели на скале, любуясь единственным в мире видом, я спросил:

— Гриша, вы правда, хотели бросить все деньги и сделать нас сиротами?

— О, я никогда за себя не ручаюсь, может быть, если бы я проигрался вдрызг, я бы бросился с этого обрыва к ногам Грэйс Кэлли.

Возможно, что я его еще не знаю, как следует.

Потом мы поехали ко дворцу, где живет династия Райниров.

Дворец, как все дворцы, но его большим преимуществом является то, что он не мертвая руина, не мрачная крепость обильно политая когда то человеческой кровью. Нет.

В нем люди, жизнь, детский смех, семейная радость и гордость маленького, но счастливого государства не знающего ни войн, ни инфляции, ни сегрегации, ни гангстеров, ни наркотиков, ни безработицы, ни битников. Читатель, если у вас найдутся еще „ни" — добавьте. Их тут нет. Подойдя к дворцу, я представился (а Гриша остался на скамье, он был уверен, что нас не примут) и сказал:

— Я издалека, из Америки, кино-зритель, хотел бы видеть мисс Кэлли и засвидетельствовать ей свое почтение и преклонение. Я русский, православный!

Как видно последнее слово испортило весь „бизнесс". Чиновник ответил:

— Мы уже имели дело с одним православным. Хватит, насилу избавились и захлопнул дверь.

— Ну и не надо, — бросил я в закрытые двери и мы сели на трамвай, чтобы вернуться в Ниццу...

Когда посетили знаменитый монакский аквариум, то Гриша, глядя на плавающих и охотящихся друг за другом обитателей подводного мира, изрек:

— Хотел бы я знать, кто у кого позаимствовал манеру поедом есть друг-друга, Мы у рыб или рыбы у нас.? Думаю, что они у нас. Ведь они все-же хладнокровные.

Хм, в этом есть доля истины.

Утром, удивительно свежим утром, а я люблю утренние прогулки, видел школьников идущих на надоевшие занятия. Обратил внимание на мелковозрастную парочку. У него, кроме книг и велосипеда, подруга, которую он держит за руку. На углу они прощаются, так как по-видимому учатся в разных школах. Целуя друг-друга, они наверное потеряли всякую надежду увидеться после двух часов дня. Как их жаль!..

Эти строчки пишутся в великолепном парке, типа кисловодского, только там Красные Камни и Нарзан, а здесь берег у шумного, зеленого прибоя и прибрежная галька. Так вот, если вы там сейчас, в Америке, смотрите страницы журна-

лов, где теперь отведены специальные страницы дамским модам, то мы тут видим всех этих девушек живыми и теплыми, в этих самых нарядах и с этими же самыми фигурами. Они ходят в изобилии по улицам Ниццы. Сначала мы думали, что это манекены с витрин дамских нарядов, а потом убедились, что этих девиц можно свободно ставить на окна магазинов. Много интересных экземпляров и эти кричащие, вопящие краски, как то гармонируют с городом, парком, небом, морем и зеленью. Увидев одну, такую девушку, я воскликнул, невольно:

— Гриша, смотрите, какая у нее длинная блузка!

— Святая простота, да у нее же юбки нет!

Единый, всесокрушающий ансамбль, которым нельзя не восторгаться потому что там присутствует самое главное: молодость и красота. Это же мы увидели и в знаменитых Каннах. Наши дамы только облизываются, да оно и понятно. Одень их так и немедленно вмешается полиция, а тут ажаны только подкручивают усы и... Гриша тоже.

Мы уже совсем перестали удивляться, если в густой толпе, текущей по тротуарам, получается затор. Оказывается, что впереди идущая пара забыла поцеловаться. Они останавливаются, обнимаются и замирают в бесконечном поцелуе. Тургенев, где ты? Поехали в Канны. Вы знаете, что это один из знаменитейших курортов мира, где все самое лучшее: виды, отели, кино-фестивали и кино-артисты. Магазины и люди оставлены для Парижа. Но все равно перед окнами каннских магазинов нельзя не остановиться. Они чудесны!

У моря „променад" — место, где гуляют, отдыхают, любуются водной гладью каннцы и мы грешные, а позади (куда годятся дворцы!) ряды роскошнейших зданий, в которых создано все, чтобы дать людям покой, комфорт, изысканную еду, развлечения и взять за это самую малость в трехзначных цифрах... Тут, на „Променаде" у нас произошла первая встреча с юношей в юбке. Парочка шла навстречу нам: у него длинные волосы, серьга (одна), короткая юбка и рубаха; как блузка. Она в длинных пестрых штанах, муж-

ском пиджачке, коротко острижена и в зубах сигара (это в ходу в Скандинавии). Когда они прошли мимо и мы посмотрели им вслед, то уже нельзя было определить, кто из них женского пола, а кто противоположного...

Однако Париж, а за ним и многие „Дома Мод" по всему миру уже предлагают женские платья, тонкое дамское белье, пояса с резинками для чулок — и все это для мужчин! Как обычно, всякое навшество, как бы оно не было глупо, приветствуется врачами, либералами, психологами, милитантами, левой профессурой и сильным полом.

Я не удивляюсь (а я уже перестал удивляться) если появятся для нашего брата бюстгальтеры разных размеров. Что нам терять?

А прокладывать дорогу грудью надо. Вот и будем носить. Надо же чем нибудь выделяться!

18. — УБИЙСТВО * ВОДЫ НЕ ПИТЬ * ВСТРЕЧА С ТАРТАРЕНОМ * РАСПУТИН * ИСТОРИЯ С СИРСОМ —

Берег утыкан пальмами, но значительно худшими, чем в нашей Санта-Барбаре, в Калифорнии. Очень много ресторанов-поплавков. Что отравляет настроение и портит вид, это опять таки обилие шумящих и воняющих автомобилей, которые с успехом борятся с оздоровляющей силой моря, ибо получается так: вы сидите на берегу, а от мимо мчащихся машин на вас идет свежее дыхание отработанного газа. Ваше счастье, если ветер с моря... Красавцы-отели снаружи увешаны огромными балконами, которые сами по себе являются висячими садами Семирамиды. Жить в таком отеле под силу только патрициям жизни и глядя на эту умопомрачительную роскошь, невольно вспоминаешь гибель Помпеи...

Еще: вас невольно поражает редкая смесь брюнеток с голубыми глазами. Это очень интересное сочетание и никак не устаешь смотреть на них. Уже дома все спрашивали:

— Неужели вы видели таких красивых, как Бриггит Бордо?

— Нет, — отвечал Гриша, — таких некрасивых, как она мы не видели, но таких нарядно раздетых, как она — сколько угодно.

Приехав из Канн, мы вышли из автобуса и услышали выстрел на другой стороне улицы. Вы бы видели, как вспыхнула и заволновалась толпа, а народу на улицах европейских городов очень много... И все бросились на звук выстрела. Ну, буквально в полминуты на месте происшествия бурлил бешеный поток мнений и предположений. Меня просто подчас удивляет, как человек жаден к виду крови.

Мы еле протолкались. На грязном, заплеванном асфальте лежал человек; лицо его было в крови. Убийцу, конечно, схватили, но его к сожалению мы не увидели, хотя и старались изо всех сил и считаю, что у туристов все таки должно быть преимущество. Быстро примчались полицейские машины и карета скорой помощи. Эти машины не ревут, как наши, а квакают и мигают синим светом. Отстала Америка.

Мотив покушения — ревность. Какой же чудак будет стрелять по пустякам? Но кто она? Но где она? Ну, а как она? Все это будоражит и волнует публику. Раненого увозят и полиция просит любопытных разойтись. Легко сказать. Такой случай — поговорить, посудачить и послушать. С трудом, с большим трудом сборище тает. Мы ушли последними...

Лицо старушки Ниццы довольно потрепано. Она в летах. Центральная часть города, где магазины, магазинчики и учреждения, выглядит стареньким и требует ремонта (особенно торговые ряды) но вот стоит вам выйти на набережную, как появляется вторая сторона медали — эти роскошные отели и пансионы. Сама набережная изумительна. Тут же красивый парк с эстрадой, сценой и массой кресел для отдыхающих. Спуск к морю — пустяковый, но пляж из мелкого камня, сильно напоминающий нашу Алушту с „Профессорским уголком". Помните? И набережная, и ряд вилл — это

настоящее лицо Ниццы, а все остальное кулисы, подсобная часть предприятия, работающая на туриста. Во время сезона население города удваивается.

Первая пощечина нашему американскому достоинству была нанесена именно в этом зазнавшемся городишке: при нашей попытке купить какую-то чепуху в облезлом магазинчике, зачуханный француз не принял от нас американского доллара, а попросил франки или чек и паспорт. Возмущенные до глубины души таким отношением к самой устойчивой валюте в мире, мы бросили купленную вещь в лицо продавца, которое отражалось в стеклянном прилавке и покорно дали чек и показали паспорт... Дождливым утром мы покинули чарующую Ниццу...

Впереди „фламенго", вина, бои быков, сомбреро и жгучие взгляды андалузских красавиц. Гриша плотоядно потирает руки...

В пути получаем от Майка первое предостережение: в Испании не пить воды! Лучше вино, оно дешево; умываться и чистить зубы вином, а пить минеральную воду, хотя она и дороже вина. Во время купанья (милые дамы) молчать и не разговаривать, так сказать, „набрать в рот воды".

Первая остановка в пути, попить кофе и сделать кое что другое. Вышли на свежий воздух. Ух, какой прохладный ветер дует с Пиринеев. Испания уже не за горами. Несмотря на то, что это завалящее кафе, на перепутьи, как харчевня, но тут есть первокласные продукты вроде „севенапа". Едем бесконечными полями. Кроме солнца и птиц вокруг ни души, кажется, что еще никогда сюда не приходил человек. Жутко. Но вот впереди мелькает что-то белое. Все ближе и ближе. Огромный плакат „пейте Коку-Колу".

Ффу, просто камень с души. Гид говорит, что мы въезжаем в провинцию Прованс. Не отсюда ли пошло название „прованское масло?" Вспомнил: у наших дам есть привычка проходя мимо, дружески подмигивать. Гриша это истолковал по своему и стал сам делать тоже самое жене полковника американской армии, демобилизованного после пребывания в Вьетнаме (контузия). Когда Ардов повторил этот

маневр, проходя мимо их стола, в ресторане, бывший военный схватил его за пояс, как раз у пупка, притянул к себе и прохрипел:

— Что у вас с глазом?

— Нервный тик...

— Так, — сказал муж и отпустил Гришу.

Ардов выздоровел...

На дороге плакат со стрелой „Тараскон". Господи, так здесь же жил и „творил" Тартарен из Тараскона! И вдруг залитые водою поля и согнутые, работающие на них, люди. Рис!.. Надо видеть, чтобы верить! Сразу же вспоминается удивительно правдивый итальянский фильм „Горький рис" с Сильваной Магнани в главной роли. Невольно шуточная мысль:

— Когда Китай займет Европу, ему в этой провинции готов любимый продукт и рабочая сила к нему.. Мысль шуточная, но совсем не смешно...

Мы в ресторане. Юноша, подающий нам вино, воду и еду, в пестрых чулках, красной жилетке и белой рубахе. Все помещение ресторана декорировано под конюшню. Ей-Богу!

На стенах седла, что-то вроде решетчатых ящиков, из которых торчат пучки сена. Кроме седел, уздечки, фонари, всякого рода медная посуда, пестрые, красные скатерти. Стеллажи с бутылками вина — бери не хочу! Все равно все смотрят. Одним словом довольно уютно и интересно. Владелец ресторана выбрал хороший стиль. Гриша потянулся губами к сену, но я его одернул.

— Оставьте, вы можете съесть на копейку, а он его поставит в счет на доллар.

Гриша заржал и аппетит пропал во время еды... Я подумал:

— А кто знает, может быть в свое время Тартарен ел здесь прекрасное тушеное мясо, как мы сейчас, и рассказы-

вал свои небылицы. А может быть я сижу на его стуле, плетеном, стоящем на каменном полу. А может быть даже не он сам, а его творец Альфонс Додэ, попивая чудесное вино, как мы, сидел здесь и обдумывал приключения этого милого чудака Тартарена. Все могло быть...

Удивительное дело: сколько бы нам кладбищ в пути не встречалось, в любой стране они обнесены такой высокой стеной, да еще каменной, что кажется будто бы живые боятся нежелательных визитов оттуда. Только в одной стране этого нет: к юбилею весь кирпич разобрали на стройки, а потом к чему огораживать, если через десяток лет тут будет „парк культуры и отдыха".

Город Каркассан. Он знаменит тем отелем, где мы остановились. Чудесная комната на двоих, каменный пол, высоко на потолке маленькая лампочка, при которой ни писать, ни читать, а только лежать и плевать в потолок. В углу параша. Если бы не телефон и зеркало на стене, то — камера смертников с некоторыми привилегиями.

То, что мы медленно, но верно теряем в весе — было несомненным. Я — лично не довез до дома своих собственных восемь фунтов. Тоже было и с остальными. Да, иначе и быть не могло: ведь мы не двигались только когда спали, а так: бегаем по музеям и замкам, ползем на какие-то вершины, опускаемся и поднимаемся по лестницам своих отелей, ходим по улицам бесчисленных городов и наконец, когда мы в автобусе, то нас равномерно потрясывает в собственном пару и солнечном жаре. Ну, как не похудеть?

В Париже мы решили произвести проверку и оказалось, что в среднем каждый потерял по пять фунтов человеческого веса и в то же время прибавил по пятнадцати — в своем багаже.

Сувениры даром не даются!

Утром следующего дня встали злые, холодные и дрожащие, настолько прохладно на улице. Пили кофе и не согревались. Мужчины полезли за бутылками, чем значительно подняли температуру в обеденном зале, а когда проводник

предложил посетить очередной замок, то его предложение было встречено в „молчаливые штыки".

Видно было, что замки, соборы и крепости нас переполнили до отказа и никакая старина нас уже не интересовала. Все эти даты, века и титулы не вмещаются в наших черепных коробках. С души воротит... Все хотят жить настоящим и спрашивают друг-друга о злачных местах в Париже и его окрестностях. Знатоки этого начинают у нас цениться на вес золота и подниматься в цене в своих собственных глазах. После Парижа эти „знатоки" будут обесценены, как дутые бумаги на бирже. Все станут „знатоками".

Не было бы счастья, да несчастье помогло: у нас сломалось что-то в машине и мы остановились в городке Перпиньян. Я не совсем уверен, но мне кажется, что это название имеет отношение к „Путешествию Гулливера". Тут, мы пошли на базар „Крытый рынок" (вроде Бессарабского, в Киеве). Конечно, ему далеко до „Чрева Парижа", но мы уселись, как птицы на высоких стульях „бистро" и получили по огромному бутерброду с ветчиной и кофе и все это за 50 центов. Все были в восторге и решили повторить „операцию", но сандвичи уже не полезли и мы их распихали по карманам...

Обед ели в хорошем ресторане, где видели группу молодежи с гитарами. Все длинноволосые и веселые, но чистые, не созрели еще. Один из них был вылитый Распутин. И борода, и глаза, и весь облик.

На улицах французских городов инвалиды войны не сидят на тротуарах и вокзалах, увешанные медалями и не просят милостыни, как в других странах. Нет, они в киосках или на трехколесных велосипедах (двигают их руками) продают билеты национальной лотереи, в которой главный выигрыш колоссальная сумма. В юбилейных странах такие лотереи называются государственными займами, суть которых в том, что у вас одалживают, а отдать забывают! Как в китайском банке: не пропадет и не получишь!

„Бисова вдовичка" молодится изо всех сил, охаживая то Паульсона, то чеха; она ходит вихляя, поработавшими в

свое время бедрами, и поводит подведенными глазами, а сама с лицом хищной птицы, выискивала все время среди нас очередную жертву и хотя на Гришу и не смотрела, но он умолял меня спасти его от этой женщины. Вот самомнение у человека! Говорила она круглые сутки и хохотала каким-то „гамбургским" смехом. Ее голос в автобусе не замолкал ни на минуту.

Она рассказывала о муже, который ее безумно любит (плохой признак) и забыла о том, что вначале путешествия представилась нам, как вдова. Говорила о дочери-красавице (вылитая мать) поющей в опере. Говоря о ней она подчеркивала, что у той талант заменять любую заболевшую артистку, другими словами: дочь пела не своим голосом. Гриша откликнулся на это такой „хохмой":

— У ее дочери такой диапазон, что она может петь и Руслана и Людмилу!

Около того ресторана, где мы встретили „Распутина", на улице, старая, пьяная женщина, бедно и грязно одетая, танцует под его гитару канкан. Зрелище горькое и обидное, но ее никто не останавливает; потом она обходит наши сытые столики, получая, в одном остатки невыпитого вина, в другом — мелкую монетку. Другая дама, очень хорошо и дорого одетая, сидит под вуалью, в кресле, скрывая свои до ужаса намалеванные щеки.

Ей много лет, но ей хочется казаться дамой из общества и она тихонько пристукивает, в такт музыке, ножкой и улыбается страшной улыбкой двух вставных челюстей. Обе они француженки, обе знают друг-друга, но обе не знают русского романса „были когда то и мы рысаками..."

Паспорта, на границе, проверяют оптовым способом. Наш Майк собирает их у нас и относит в караульное помещение, где их и штампуют, на нас не глядя. Мы в стране Сервантеса, Дон-Кихота и чудного вина. Все в прошлом, только вино осталось. Но страна свято чтит своего большого писателя, прославившегося на весь мир. Не знаю, увидим ли мы водку „гидальго Сервантес", но потомки рыцаря без страха и упрека уже не те.

Нет, правда, этот народ не чета итальянцам, о их горячности и шумливости я уже писал, а вот испанцы, о которых мы судим по опере Кармен и говорят, и держатся спокойно. Может быть проявляют свой темперамент только во время боя быков. В Барселоне мы битников не видели. Люди, как люди! Коротких юбок тоже нет. Одним словом впечатление от испанцев вполне приемлемое. Конечно, католическая церковь к этому тоже свою руку приложила...

На дорогах огромные плакаты — рекламы отелей и виски. Черные силуэты деревянных быков, приглашающих вас посетить их убой. У придорожных ресторанов выставлены образцы посуды и фигур из керамики. Фанерные бутыли вина очень большого размера, напоминают вам о грядущих удовольствиях... Дороги безрадостны... Поля, оливковые деревья и овцы. Ветер рвет и мечет, стараясь сдуть с нас последнюю пыль Франции.

Опять обмен денег, уже на испанские. Мы теперь не смотрим на курс. Все равно обсчитают, а если и нет, то не поверим. На первой же остановке мы приобщаемся к испанской культуре и в типичном испанском ресторане пьем сладкое, вкусное, красное, как кровь вино, за небывало дешевую цену по 10 центов за стакан; это амонтильядо. Когда я спросил почерневшего от времени хозяина:

— Ну, как вы живете тут? — он ответил:

— Так же, как сто лет назад, только шагаем в ногу с эпохой!

И вместо запыленного кувшина, со старым, выдержанным вином Испании, поставил передо мной бутылку „Пепси".

— Ниц не зробиш, дух времени.

Ура, опять с левой стороны, старый знакомый, такой милый нашему сердцу, простор. Синезеленая скатерть Средиземного моря...

Пляжи, лодки, зонтики, но все значительно беднее, чем у соседей. То, что на Итальянской и Французской Ривьере было занято отелями и вилами — здесь застроено домами,

да еще старыми, к тому же, правда с надписями, что тут сдаются комнаты. Все серо, грязно и убого.

У воды, иногда видны одноэтажные постройки, в которых можно жить туристу и очень распространены „кэмпинги" американского типа, то есть палатки с относительными удобствами и конечно дешевле всяких гостиниц и пансионов. Этот тип приюта для туристов в большом фаворе во всех европейских странах. Все это мы видим по дороге в Барселону, второй город, по величине, в Испании.

Проезжая через всякие городки, где много боковых, немощенных улиц, наблюдаем играющих в футбол ребятишек.

Один раз мы попали в такую узенькую уличку, что когда навстречу появился ослик с поклажей, то наш автобус в испуге попятился.

По мере приближения к Барселоне, дыхание большого города сказывалось на встрече с большими индустриальными постройками и из них первой была огромная фабрика „Кока-Кола". Мой пострел — везде поспел! Появляются блоки больших, жилых зданий, но все это имеет очень уж казарменный вид. Побольше, да подешевле. Майк сказал, что в Барселоне (1.8 мил. населения) такси-кэбов значительно больше, чем в Лондоне (5 мил. населения).

Вот тебе и испанцы! Центр города очень красив, в нем широкие улицы, крупные магазины и чисто. После десятичасового путешествия, достигли наконец нашего отеля. Мы поднялись на восьмой этаж (наш удел) и вышли на балкон полюбоваться на великолепный город. И что же? Прямо, против отеля, ну просто через дорогу, большущее здание „Сирс и Рубек". Захлопнули двери и закрыли их ставнями. Стоило ехать за тридевять земель — киселя хлебать!..

Спустились вниз и узнали, что восхитительный бульвар, длиною в пять миль, носит имя генералиссимуса (фу, даже тошно стало от этого слова) Франко, человека уже много лет управляющего Испанией и совмещающего в себе десятки должностей. Он уже давно обещает своему народу мо-

нархию, но... как это? „Обицянки-цицянки" и народ молчит и не возражает.

Вечерами бульвар очень фееричен и не уступает лучшим улицам Парижа. По этому бульвару в десять рядов движутся машины (пять в одну сторону и пять в другую), да еще между ними две полосы огромных, развесистых деревьев. Масштаб? Вообще, ночная жизнь города идет на уровне столиц мира. Мы смотрим в одном из ночных клубов танец „Фламенго". Это такой принудительный ассортимент для туриста в Испании, как венский шницель в Австрии, или шпагетти в Италии, или пиво с сосисками в Германии. Но мы вспомнили не раз Хозе Греко, где эта же танцулька поставлена много красивее... Пили еще „манцапиллу". Одно название чего стоит!..

Утром Гриша встал с больной головой и ясными мыслями.

— Костич, еще ни один американский турист не выкидывал такого трюка, какой я выкину в Испании.

— Обойдется без полиции?

— Не дурите. Я вчера перерыл весь свой бумажник и нашел свою сирсовскую кредитную карточку. Понятно? Нет? Сегодня я пойду к ним в магазин и наберу на нее испанских товаров: и белья, и вина, и кружев и обу...

— Вам не дадут, дорогой...

— Дадут-с! Читайте! — на карточке стояло, что она действительна всюду, где есть магазины Сирса, — а еще предъявлю свой паспорт и они удостоверятся, что я — это я! Все возьму в кредит, буду выплачивать по срокам, а весь товар вышлют на мой адрес, в Америку, как это они обычно делают. Там я все это сразу же продам, а потом...

— Обождите, вещи же обложат налогом. Может быть они тогда окажутся дороже, чем в Америке.

— Не могут они оказаться. А к тому же они все заграничные и я все равно загребу монету.

Вы только подумайте, как этому человеку везет. Ардов сел за составление заманчивого списка товаров для спекуляции, а я пошел на балкон.

Утро было свежее, хорошее, бодрое утро. Вместо надоевших нам во всех городах голубей, на высоте нашего этажа, носились ласточки, быстрые, изящные, и ловкие. Закончив работу появился на балконе Гриша и посмотрел вниз. Мимо магазина равнодушно проходили люди и ни один туда не зашел.

— Когда мы уезжаем из Барселоны? — глухо спросил Ардов.

— Завтра рано утром, в Лурд.

Мой приятель взял свой список и красивым жестом разорвал его на куски.

— Что вы делаете? Уже?

— Да, уже. Сегодня воскресенье, а какой дурак ради меня побежит сегодня открывать свою лавочку?

Вы подумайте? Из-за такого пустяка сорвалась такая грандиозная афера моего друга. Мы молча спустились, в ожидании поездки по городу.

19. — ИСПАНСКАЯ ДЕРЕВНЯ * ЦВЕТЫ И ПТИЦЫ * БЫКИ * СВЯТЫНЯ ФРАНЦИИ * ГРОТ, НО НЕ ЛАЗОРЕВЫЙ —

Проводника еще нет и мы глазеем на витрины магазинов: телевизоры по 300 долларов, а у нас уже цветные по 250. Водка „Смирновская" по 1 д. 50 ц., а у нас по пять! Как это мы зевнули, а сегодня все закрыто. Зато вина: малага, таррагона, токай, абокадо, опорто и десятки других названий мозолят глаза своими ценами. Не дороже доллара за бутылку. Ну, не сказки? Но, хоть видит око ... На проезжающих по улицам чистеньких автобусах рекламы того же Сирса, „Канада-Драй", „Женерал-Электрик" и „Филко" — кричат

во все горло. Ну, чем не наша Америка? Да, трудно конкурировать с массовой продукцией Соединенных Штатов.

Хоть робко, но настойчиво смотрит на нас просящими, косыми глазами сложная аппаратура транзисторов, радио, кино-камер и теле-ящиков, маленькая Япония. Она уже завоевала себе имя и ее автомобили „Тойота" и „Датсун", вы можете увидеть повсюду, за исключением, конечно, Советского Союза, где „Волга" и „Москвич" (без запасных частей) доминируют. Попытка продавать их в Америке закончилась полным конфузом. Да оно и понятно: можно быть советским патриотом, восторгаться достижениями СССР и живя в Америке ругать ее, но покупать здесь советские вещи?! „Патриоты" еще до этого не дошли. На это у них ума хватает. С чувством собственного достоинства, уверенные в своей правоте, стоят „Телефункены" и „Бляупункты". Эти немецкие имена всем известны давно...

Вот едут два мусорных ящика на резиновых колесах, для уборки улиц. Человек везущий их, спокойно доезжает до ближайшего дерева и садится в его тени отдыхать. Над ним не каплет. Тут дождь редкий гость (ну, а в Ницце?)...

Наше туристическое стадо, сидит в автобусе, на бульваре Франко, у дверей своего отеля и покорно ждет проводника-испанца, который с нами поедет, чтобы знакомить нас с достопримечательностями города. Прошло сорок минут, но его все еще нет. „Маньяна?". А может быть он еще в церкви? А может спит? Наша выдержка и врожденный такт и воспитанность спасают положение. Если наши дипломаты в чужих странах переносят черт знает какие издевательства и грубости, то нам сам Бог велел. И мы сидим и ждем. Мы ж такие беспомощные в чужом городе, да еще в Испании. Не нравится? Идите обратно в отель.

Прибежал все таки, запыхавшийся и лысый, извиняется в своем опоздании, но он был на исповеди и этим искупает свой грех. Страшно оригинально придумано: не покидая Барселоны, мы в течение часа „обошли" всю старую Испанию. Нас повезли в „Испанскую деревню". Так называется грандиозное сооружение, созданное в течение 2-х лет, совсем,

недавно. Это старая Испания, построенная из камней, с типичными для каждой провинции постройками, балкончиками и решетками. Тут и здание мэрии, и тюрьма, и церковь, и музей и много домов типа прошлых столетий этой страны.

В них не живут. Это „потемкинские деревни" для туристов и во внутрь не пускают, так как там нет полов. Ну, прямо, вроде советских „показух" в духе колхозов „миллионеров", с счастливым населением, драными задами и в лаптях. Все первые этажи этих домов и солидных зданий отведены под магазины. Здесь всё, шпаги, кружева, меха, посуда, вина, резьба по дереву и металлу, обувь, ювелирные изделия, открытки, жетоны и всякая требуха, на которую так падок иностранец.

Но мы уже „обескровлены". Много денег было потрачено раньше и поэтому все жмутся, экономят, „жлобятся", как сказал Гриша и бедная Испания от этого только проигрывает. Попади мы сюда вначале — досталось бы ей от нас. А сейчас? Кто открытку, кто медальон, а кто просто не заходит в эти красиво разукрашенные лавочки, чтобы не раздражать аппетит...

Вот ползет наша гоголевская пара; он ей купил косынку, в которой она была бы красивой пятьдесят лет назад, а она ему расческу с гербом Кастильи. А для чего она ему? Положить на нее папиросную бумагу и сыграть матчиш? Только. Каждый волосок у него на особом учете и каждый очень густой... Техасец несет в руках бутылку малаги, запечатанную сургучом и с ярким ярлыком, устраняющим всякую мысль о подделке. Он страшно доволен, шутка ли заплатить за такое вино 90 центов, да разве это не „биг-дил"?

На площади этой „Деревни" бюст Сервантеса. Он скромен, но он памятен. Наши спрашивают, а Гриша врет отчаянно, но все же вспомнил, что симпатию Дон Кихота звали Россинантой. Все удивляются его эрудиции, а я опять в тени.

Подъезжаем к музею, со ступенек которого (внутрь никто не хочет) открывается незабываемый вид на гордость Барселоны — фонтан, выбрасывающий девять тысяч литров

воды в час. Струи бьют вверх, переплетаются, падают, вновь поднимаются. Сколько воды и шума, но это не Рим и не фонтан Трэви!

Парк без прохлады, на горе; стоя у парапета вы глядите на море. А чем хуже вид с Владимирской горки, в Киеве? Здесь аллеи украшены малоинтересными скульптурами мифологических тётъ и дядь, массового отлива из цемента и песка... Сойдет на нашем базаре... Спускаемся к гавани. У причала деревянный парусник „Санта-Мария". 13 века — приманка для туристов. Судно настолько ново, что даже неловко за строителей.

На шумной площади красавец-памятник Христофору Колумбу в 300 футов высоты. Выглядит очень импозантно... Потом пошли на птичий и цветной базар. Боже мой, что тут творится: тут и собаки и кошки и даже обезьяны, а уж птиц видимо-невидимо. И все это кричит, поет, визжит, пищит, лает, мяукает и издает все доступные звуки. Радостно и весело галдят животные, стоящие на свободе и любуются теми, что в клетках. А потом цветы всех видов, запахов и размеров. Этот цветочный рынок значительно богаче по окраске, ассортименту и количеству, чем виденный нами в Зальцбурге.

И главное, это так красиво: гуляешь, в экзотическом саду, где голоса птиц и животных заглушают даже шум едущих мимо машин. Есть еще и старая Барселона, проехали мы и там, но автобус не рискнул завернуть в улочки, где с одного балкона на противоположный можно протянуть руку и поздороваться...

Обалдело стоим перед собором 13 века, который восстанавливается только на пожертвования, поступающие со всего мира. Уже и сейчас любопытный читатель найдет в специальной литературе снимок собора таким, каким он будет по завершении постройки. Он называется „Саград — Фамилия". Одно слово — нечто замечательное!

Рядом с этим строительством, где фигурирует человеческий гений всех времен и народов, висят на заборах пла-

каты, среди них самый завзятый посвящен водке Смирнова: рыжий казак держит в зубах шашку, на лезвие которой стоит стакан, а в него из бутылки льется водка. Нельзя не остановиться.

В Барселоне для детворы созданы 65 детских площадок, на которые мы натыкаемся разъезжая по городу, а кроме того, позади каждого дома находится патио, где дети играют, чтобы не выбегать на улицу. Толково! Очень много фонтанов на улицах города, но они отличаются шумом и обилием воды — красоты нет...

Показали нам два дома в центре города, украшенных всякими мордами страшных животных и химер. Кто в Киеве помнит дом Гордецкого, против Государственного банка, тот поймет, что я хотел сказать. Метро пересекает весь город и находится в хорошем состоянии. Красивый город Барселона, но его надо осматривать не спеша, а у нас все „скорее"... И все же — Рим. Великий город Рим! Нет равного тебе, нет!

Сегодня мы ели наш первый и последний обед в Барселоне. Нам подано было все специфически испанское. На первое содержание дна морского: моллюски, кусочки спрута, плавники акулы, обрезки от меч-рыбы (зубья), рыбий глаз и все это перемешано с рисом и полито коричневой жидкостью. О вкусах не спорят.

Гриша героически сжевал содержимое тарелки, глядя на меня глазами Муция Сцеволы изжарившего свою руку на костре. Я поступил благоразумнее, взял и поставил свою тарелку на чужой стол. Потом подали жаркое из того быка, который участвуя во многих покушениях на его жизнь, остался в живых, после этих переделок, вышел на пенсию, имел учеников и умер окруженный благодарным потомством. Такое у него было заслуженное мясо...

В пять часов дня едем смотреть бой быков. Интересно, какая разница между мексиканским и испанским убоем. И почему бой быков? Разве они бьются между собой? Нет, а вот поставить впереди букву „у" и будет очень справедливо, но никто не хочет этого делать...

Народу в цирке 30 тысяч; по структуре он повторяет римский Колизеум, но у того зияющие дыры окон, обвалившаяся крыша, мрак и мерзость запустения. Этот же снаружи украшен кафельными плитками в белую и голубую расцветку, как в ванной комнате. От нашей группы пошло человек двадцать. Мы пошли просто поневоле.

Мы ведь это удовольствие имели уже в Мексике. Хорошенького по-немножку. Смотришь и не знаешь кого жалеть: человека, быка или лошадь. Наиболее страдающим оказывается наиболее сильный. Жаль и лошадей с заклеенными глазами. Прикрытые старыми одеялами, они поднятые на рога и падая тянут под себя перепуганного на смерть „храброго" человека, который сразу же карабкается на забор.

Зная, что мы из России, одна дама спросила Гришу:

— А у вас так обращаются с быком?

— Нет, с людьми.

Молодой, но седой матадор вонзает шпагу в затылок измученного и окровавленного животного, но удар не приносит тому желанной смерти, он ходит с клинком по арене, тяжело дыша и уходя от своих мучителей. Неудача не смущает матадора и он подойдя близко к своей жертве, другой шпагой вытаскивает из его тела застрявшую и затем одним легким, едва заметным уколом в сонную артерию валит быка на землю, бездыханным...

Пятый бык, теряя последние силы, находит на арене ворота, в которые выпустили его сюда и просяще мычит желая попасть обратно в тишину и прохладу своего стойла. Напрасно. Никогда он не увидит ни своих друзей, ни своего пастбища, ни свежей травы, ни солнца... Еще несколько минут... Бывает так с людьми?

Я смотрю на лица тех, наших, кто пошел с нами. Как они были различны. Техасец — его не узнать. Где его обычная флегма? Он кричит „оле"", машет руками и вообще, как видно не жалеет о затраченных долларах. Гриша притих... Две старушки — хохотушки, у которых никогда в жизни не поднималась рука на курицу — просто в ужасе. Они

бы ушли, но куда и как? А потом потеряться посреди этой свирепо орущей толпы? Они сидят опустив головы и одна из них плачет.

„Бисова вдовичка" на арену и не смотрит: ее интересуют мужские лица и в публике, она шарит глазами, улыбается, что-то говорит сама себе и старается обратить на себя внимание, не зная, что в такой момент испанцу бык важнее любой красавицы...

Джони, бывший солдат, сидит в черной меланхолии.

Ему это не по сердцу!

Трудно сказать, что у него на душе. Хотя он и смотрит, но лицо его выражает и скуку, и безразличие, и брезгливость. Он не захвачен этим зрелищем. Опять кровь!

Когда бык еще силен, свеж и страшен все эти пикадоры, матадоры, бандерильеры разлетаются от него, как мухи, прячась за щиты или резво прыгая через ограду, а ведь было время давно-давно, когда их предки пили горячую бычью кровь, наливались мужской силой и здоровьем, а теперь глотают Ви-12 приготовленный рахитичной работницей в лаборатории Сквибб и думают, что они герои...

Вечером мы пошли смотреть знаменитый барселонский фонтан, выбрасывающий море воды вверх и в стороны. Вот это я вам доложу зрелище! Сотни цветных прожекторов превращают водяные струи то в кровь, то в густые чернила, то в молоко. Смотришь не отрываясь и кажется, что цветные комбинации не имеют предела. Каждый раз все по новому...

Странно, но в 10 часов вечера парк закрывается, фонтан гаснет.

Пора спать, завтра рабочий день. Ишь-ты какие разумные!

Утром, перед завтраком увидел, что туфли Ардова просто горят — так начищены, впрочем это было всегда.

— Гриша, почему они так блестят?

— А потому, что одеяла в отеле байковые и мы уезжаем.

— А почему вы сморкаетесь в полотенце?

— По той же причине!

Чтобы не ехать по жаре, завтрак назначен на 6.30 утра и уже за 15 минут до назначенного времени, вся орава с голодным блеском в глазах, у дверей столовой. А там тихо и только уборщица елозит по полу.

— А как же с едой на 6.30? — а она радостно улыбается.

— 6.30? Да у нас раньше, чем в 7.30 никто на кухню не придет.

— Но нам же обещали?

— Мы всем обещаем.

„Маньяна". Мы выехали в восемь часов. И все же люди не плохие. Хотя мы едем в Лурд, но мы еще в Испании. Вот гасиенды, вот крестьянские дворы, бедные, желтые, выгоревшие, безжизненные какие то... Во дворе ходят куры, понуро стоит ослик, полуразрушенный колодец. Одним словом так, как было сто лет назад. Если бы Дон Кихот посетил такую усадьбу, он бы ничему не удивился и нашел бы себе нового Санчо-Панчо.

Опять горы. Забрались мы очень высоко, тут где то будет перевал к Франции. Пропасть слева глубокая, зеленая, красивая, уютная, но попасть, туда даже вместе с автобусом — слуга покорный... Опять граница, опять проверка паспортов. В который это раз? И мы опять во Франции. Почему такой маршрут? Это тайна нашего „Туриста". Но мы уже смирились и не протестуем; им лучше знать. Каждый считает дни, а то и часы до Парижа и до дома, тоже. Все устали, это факт. Спустились и по благоустроенной проселочной дороге, усаженной пышными деревьями, едем по провинциальной Франции, к Лурду.

Поселки и городишки такие же, какими они были более полустолетия тому. Только автомобили говорят о прогрессе. За все время ни одного самолета в воздухе, а по пути: костелы, коровки, свинки, овечки, плуги и бороны... Милая, старая, патриархальная Франция горлохвата де Голля. Хотя

при нем Франция и стала термо-ядерной державой, но до второй мировой войны женщина во Франции не имела права отправить заказное письмо без письменного разрешения мужа (это правило теперь отменено), открыть счет в банке или перевезти куда-нибудь своего ребенка, хотя бы и записанного в ее паспорте. Два последних ограничения действуют и по сей день. А вы говорите — Домострой!

Мы уже 14 часов в пути и все измучились.

— Костич, — говорит Ардов, — мы с вами живем в коммунальной квартире, ибо 35 человек на 120 квадратных метров, в железной коробке и никаких коммунальных услуг.

Казалось бы — отчего устать? Сидишь, смотришь в окно, разговариваешь, кушаешь черешни, пьешь вино, ешь апельсины и яблоки. Ну, чем не райская жизнь? И все таки надоело ужасно. Приехав, сразу же поужинали и разошлись по комнатам.

Мы в маленьком, овеянном святостью, прославленном чудесами, исцелениями, великой верой людей, тысячами прибывающих сюда со всех концов света, городке Лурде... Спать... Спать... И завтра же будем знакомиться со всем более подробно и основательно.

Я не знаю, чья злая воля и дьявольская хитрость придумала устроить в районе городка военный лагерь? Целый вечер и до поздней ночи по улицам бродят толпы солдат, которые орут, кричат и поют все, что им вздумается. Конечно, это молодежь, конечно, это не запрещено, но конечно это сделано умышленно также, как и были отменены молитвы в школах Америки. Это все звенья далеко идущей цепи. Значит кому то это нужно. С трудом заснули, после часу ночи. Утром, рано, пока наши еще спали, я вышел пройтись. Тихо, солнечно, но и по провинциальному уютно.

Господи, как можно из всего, даже самого дорогого и ценного человеку — ВЕРЫ— сделать статью дохода. Сплошные магазинчики с двух сторон улицы ведущей к Святыне, торгуют в различных вариантах образками, цепочками, браслетами, статуэтками, свечами, открытками, разными изделиями, перепевающими все одну и ту же тему „Аве Мария!",

с коммерческой стороны. Значит могут жить круглый год эти люди, продающие эту дешевку глубоко верующим людям и туристам. Торгаши стоят у рано открытых своих лавок, в полной уверенности, что день пройдет хорошо. А этим „торговым точкам” несть числа.

В это раннее, теплое, июньское утро в Лурд прибыла огромная религиозная экскурсия итальянского народа, в несколько сот человек, со своими священниками и во главе с кардиналом. Они шли к храму, куда шел и я. Торжественная, чудесная служба, с горячей проповедью главы духовенства, к своей пастве.

А на улице у величественного собора десятки трехколесных экипажей, с „запряженными” в них людьми везут калек, слепых, инвалидов, разбитых полио людей, рожденных с дефектами — уродов и все они прикрыты одеялами с надписью „Италия”. Это тоже члены той же группы, приехавшие сюда с надеждой и любовью к Богу.

Тут можно было убедиться, как в малом храме вера двигает горами. Надо было только посмотреть на лица этих богомольцев, на их молитвенный экстаз и гармоничное пение всех, чтобы поверить в то, что есть еще очаги, где неугасима настоящая вера, и в своей несокрушимости стоит сплоченно и едино Христианская Церковь и что врата адовы не одолеют ее... Благодаря тому, что эта служба была ранняя, не было любопытных с фотоаппаратами, колупающих мозаику, чтобы убедиться, что это не краска...

Вышел из храма каким-то обновленным, честное слово! Чужое, большое чувство распространилось и на меня. Иду дальше, по тенистой, ярко-зеленой аллее у берега шумной и красивой реки с удивительно чистой водой. То, что я увидел мы бы на упрощенном языке назвали „банным заведением”. Здесь мраморные кабины для жаждущих если не исцеления, то хотя бы облегчения постоянных страданий. У входа беспрерывно читается (в микрофон) молитва и поминаются имена болящих, привезенных сюда на колясках для принятия ванн у святого источника. Таких тележек сотни. Больные терпеливо ждут своей очереди. Кого здесь только нет? И

старики, и военные, и женщины, и даже дети. Их коляски убраны живыми цветами, они смеются, они рады, они окружены вниманием и заботой, и любовью — им легче...

А вот и грот — центральное место Лурдовской святыни, он невелик, увешан костылями людей нашедших здесь свое исцеление. Грот закопчен миллионами свечей, которые были здесь зажжены и сгорели в течение ряда лет. Поставить свою свечу очень трудно, мест нет. Горят свечи „копеечные" и в рост человека и толщиной с его руку. От каждого по возможностям...

Свечи лежат в ящиках, с указанием их цен, а продавцов нет. Вы берете ту, что вам по карману и бросаете деньги в специальное отверстие. Вот и все. По моему это единственное еще место в мире, где есть подобное доверие... Когда я отходил от грота, к нему подходила итальянская процессия и их свечу несли на плечах два человека. На ней надпись „Неаполь".

Интересно, сколько лет теплое пламя ее огонька будет озарять грот?...

Сейчас площадь перед Гротом занята немецкой воинской частью. Полковник говорит „речь". Конечно, это не речь, а проповедь, но какая! С какой верой, с каким энтузиазмом, этот седой человек, с орденами на груди, обращается к своим солдатам. Побольше таких военных и было бы поменьше войн...

Я вижу людей распростертых ниц на каменном полу у статуи Мадонны, стоящей над Гротом, я вижу других с распростертыми руками и молитвенным взором обращенным к Св. Марии, я вижу слезы, я вижу солдат осеняющих себя крестным знамением, я вижу молодежь на коленях, я вижу, то, чего я давно уже не видел в нашем мире у людей, среди которых я живу. Я вижу глубокую, бескомпромиссную веру. Чтобы все это понять и почувствовать, надо увидеть своими глазами. Увидеть и сказать:

— Слава Тебе, Господи! Еще не все потеряно!

20. — БОЛЬНАЯ СИЛЬВИЯ * ШЕСТВИЕ СО СВЕЧАМИ * МЕЛКИЕ ЖУЛИКИ * НАПОЛЕОН * НА МОНМАРТРЕ —

Недалеко от грота из источника в скале, сочится вода, прозрачная и чистая, как слезы ребенка. Народ подходит сюда с бутылками, фляжками, термосами, флаконами, набирая целебную жидкость и увозит ее для своих близких и родных в далекие, далекие страны и даже в Америку.

Большая статуя Мадонны установлена и на площади, перед собором, вокруг цветут розы, а у ограды все те же коленопреклоненные паломники, просящие, молящие и окрыленные надеждой.

— Дай им Бог!

Кроме временно приезжающих, есть такие (а их много), что живут недалеко от источника неделями и месяцами, в специальном католическом госпитале, на всем готовом. За ними смотрят, как за малыми детьми. Ведь 90 процентов никогда не встанет, но... надеются встать. Крепко надеются и верят! Как же можно жить без надежды. Ведь каждый из нас во что то верит и на что то надеется!

Теперь можно объяснить вчерашнее солдатское пение. В город прибыли итальянские и немецкие воинские части, на поклонение святыне... То, что в Лурде — это вечно! Вечно, как мир! То, что свято для человека, то живет всегда в его сердце, в сердцах его детей и потомков. Вечное — это любовь к родине, к семье и вера в Бога. Это невозможно вытравить никакими силами. Такие места, как Лурд, Ватикан, храмы, наши Лавры, Фатима в Португалии, животворящие источники, питающие Божий мир и их целебная и одухотворенная сила — безгранична....

Кино-рекламы в городке не уступают городам других стран. Жизнь требует своего и в конце-концов помимо паломников в городе есть и другие люди.

В нашей группе есть дама, называемая Сильвией. Она часто болеет и ее сумка это просто склад, на все случаи жизни, но когда ей что либо нужно она ничего в ней найти не

может и бежит в аптеку. Она является одной из разновидностей нашего аквариума. В Лурде она не вышла к завтраку, т. к. чувствовала себя нехорошо и мы решили ее навестить. Постучали в двери ее номера.

— Войдите, — прохрипело изнутри. Повидимому Сильвия была уверена, что это кто то из отельных служащих. Она полулежала в кресле, а парик ее сидел на специальной болванке, чтобы не потерять форму, зубы полоскались в стакане, а вся косметика стояла перед ней потому что она готовилась к экскурсии. Два полушария висели на раме окна — проветриваясь. Она нас не узнала, так как контакт-линзы ее чудных голубых (как море) зрачков, лежали рядом с ресницами на блюдце. Мы ее тоже не узнали и сказав „ссори" поспешно вышли. Уф!

Когда мы рассказали, что Сильвия действительно больна и очень изменилась, другая дама с бульдожьей физией и вечной папиросой во рту, сказала:

— Как обидно. Если бы она была здорова, я бы ее обязательно навестила.

Ну, точно, как в нашей русской колонии...

Я пришел к Гроту второй раз после обеда. Толпа — еще больше. Огромное количество тележек с пациентами из госпиталя. Большая группа людей перед собором, у некоторых в руках деревянные кресты в 6-8 футов величины. Невольно вспомнил малюсенький городок Альтотинг, в Баварии, где посреди перекрестка улиц стоит церковка снаружи увешенная крестами всех размеров.

Тут, некоторые люди давшие обеты и получившие избавление или спасение (морские бури, крушения, болезни, пожары) берут на плечи крест (не символический, а тяжелый) и ползут на коленях вокруг церкви, оставляя следы своей крови от разодранных колен на истоптанных плитах...

Здесь, в Лурде перед громадной толпой выступают представители духовенства... Толпа благоговейно слушает и в то же время... на коленях молодой человек, с четками в руках. О чем он просит? О, Господи, мало ли что случается

в жизни человека. А может быть он благодарит? Ох, что то не верится. На благодарность мы туги на подъем. А вот женщина, богато и красиво одетая, тоже на коленях, вдалеке от Грота, голова опущена. Она в глубокой, всепоглощающей молитве. Она и не видит и не слышит. Она просит! Мимо идет слепая старушка, ее ведет сын, великан и красавец. Толпа у Грота не уменьшается, но опять преобладают тележки с безнадежно больными людьми. Много косынок сестер милосердия, обслуживающих этих людей...

Горят день и ночь свечи... Тихонько журчит вода у святого источника. Только ночью затихает людской шум у скалы, где Грот. Но придите сюда поздним вечером и вы увидите тех, которые просят Св. Марию о милостях „с глазу на глаз"... Сейчас народ стоит сплошной стеной и фанатично повторяет слова священника. Кто входит в Грот, тот вытирает свои руки о мокрые стены, сурового камня, целует его и стараясь сохранить эту влажность, выходит наружу. Так целый день, так месяцы, так годы... Источник веры горит не угасая. Если бы все человеческое горе, принесенное сюда, за это время собрать на площади, то получилась бы гора, высокая и страшная. А вот, от благодарности, наверное был бы холмик...

Вечером, мы здесь опять. Тихий, теплый вечер. Большие звезды, затихшие деревья и паломники процессией не менее, чем в десять тысяч человек идут держа в руках зажженные, длинные свечи (тут двухфутовая свеча стоит десять центов). Все поют несложную мелодию подсказываемую по радио...

Это было грандиозное шествие, как в Страстной Четверг. Мерцающие огоньки и тихая ночь перенесла меня в далекие, забытые времена. Глядя на эту стихийную силу поющей толпы, Гриша сказал мне:

— Костич, я никогда бы не поверил, если бы не увидел сам. Смотрите, смотрите!

Шла группа шахтеров, в своих рабочих костюмах, в касках, а сбоку на поясах горели фонарики и среди этой

толпы ехали на тележках их искалеченные товарищи. Суровые, мрачные, крепкие они шли и пели, но как пели...

В этом заколдованном вечере, это многоголосное пение было слышно даже в центре городка, хотя Грот и Базилика далеко от торговых рядов и ресторанов.

Мы смотрели, как на экипажиках везут двух прелестных девушек, они тоже держат в руках свечи, притихшие и серьезные; отсветы от огоньков блестят на их свежих и здоровых лицах. Верят ли они, надеются ли? Рядом с тележками идут молодые люди. Братья? Женихи? Друзья? Вот очаровательная француженка везет в колясочке не менее чудного негритенка. Вив ля Франс!..

Ежевечерне собор освещается снаружи электрическими лампочками, а на аллеях, среди парка, где идет шествие, длинные, высокие, как свечи, светящиеся столбы. Все это при луне и таинственно, и волшебно... Второе место после Рима с его святынями и сокровищами. Но если там мертвая красота, то тут живое величие.

И вдруг мы видим среди идущих, часть нашей группы, со свечами, умильно поющих, вместе со всеми. Конечно, во главе наших католическая сестра. Ее лицо и вдохновенное и светлое. Вот ради чего она ехала! Турист уступил место человеку и Гриша покупает две свечи и мы, став рядом, пошли тоже. Может быть, мы не были так наэлектризованы, как это огромное, поющее сборище людей, но мы шли, нас тянуло быть среди них — это несомненно!..

Это был чудный, незабываемый вечер в г. Лурд, Франция.

Уже уходя домой мы видим в аллее серую и, как будто забытую, скульптуру бедной пастушки Бернадетт, благодаря которой прославился потом город и стал местом массового паломничества всего мира. Видели фильм „Песнь о Бернадетт"? Нечто подобное произошло и в Фатима, в Португалии и на религиозные торжества выезжал туда, этим летом, сам Папа...

Ложась спать я сказал:

— Как то неловко после всего этого идти в Мулен-Руж или Фоли-Бержер.

— Костич, — назидально ответил Ардов, — во всем нужно чувство меры! Мы с вами не такие, мы — золотая середина, но без пробы. Кстати, как это еще в магазинах не додумались выпустить галстук „Аве Мария" и игральные карты с портретом Бернадетт. Перочинные ножи есть, курительные трубки есть...

— Будет, все будет, — уверил я его. Он успокоился и заснул; я тоже...

Скажу откровенно: виденное в Лурде потрясает и радует. Казалось, что нет уже на свете таких мест, где людская Вера и Всевышний Промысел так крепки и так нерушимы. Теперь убедился, что есть и верю, что этих мест достаточно, чтобы со временем из их искр разгорелось настоящее, чистое пламя, в котором сгорит вся гадость и вся нечисть разъедающие человечество, как гангренозные язвы...

Завтра мы уезжаем, покидаем незабываемый, о з а р е н н ы й чистым светом Лурд и едем в тот город, о котором кто-то сказал, что „Париж стоит обедни".

Теперь говорят проще: „он стоит долларов" и не малых. Уверен!

Поехали...

Прощай источник святой воды и чистой веры, Лурд!..

Оказывается, это на словах — рукой подать, а на самом деле до Парижа еще 800 миль. Господи, сколько тысяч миль изъездили и все никак не доберемся до дому. Соскучились, право. И по домашним, и по уюту, и по комфорту, которого ни одна страна в мире не может дать так, как дает его нам Америка...

По дороге, в маленьком городке, впервые за все время Франция приветствовала нас, в ресторане, достойными быть записанными на пластинки, французскими песенками, в исполнении бродячего певца, под его собственный аккомпанемент, на аккордеоне. Великолепно артистическое испол-

нение, с большим вкусом и талантом было преподано нам так, что все перестали жевать (ого!). Мы наградили его множеством ненужных ему аплодисментов и небольшим количеством нужных ему серебряных монет.

В этом же ресторане меня с таким наглым видом обсчитали на пять франков за бутылку вина, что мы окончательно поняли, что „туристы для Франции", а не наоборот. Это надо и понять, и почувствовать. „Спасите, грабят!", нам за границей кричать не полагается по той простой причине, что ограбляемый сам помогает этому процессу. Но после этого случая у нас окончательно созрела уверенность, что мы, здесь, в Европе, представляем собою подопытных животных, над которыми беспрерывно производятся „научные" эксперименты! И если бы в моем случае все сошло благополучно (не вышло — Джони устроил страшный скандал), то наука „сдирания шкуры" обогатилась бы еще одним прекрасным опытом для международных специалистов обсчета...

Бродя по музеям, замкам, соборам, картинным галлереям, монастырям и просто развалинам, турист осаждается целой армией налетчиков и в результате придя в отель высыпает на кровать чашечки, браслетки, брелочки, фигурки, пробочники, ложечки, термометры, косынки, пудреницы, цепочки, ножички, флакончики и тому подобное.

Главное, что этим вещам грош цена, а в Америке на половину дешевле. А тут платим в „четыре-дорога", потому что термометр присобачен к гондоле, кривая башня выдавлена на ложке, два собора на косынке и вся Швейцария на простыне. Вся эта рухлядь приводит нас в такое раздражение, что мы со зла принимаем „сонную" таблетку и заваливаемся спать и утром... все начинается сначала.

В других странах хоть стесняются, а во Франции обсчитать, недодать, обдурить — просто правило хорошего тона и поэтому мы злые, как собаки, купив сандвич, делим его пополам и запив холодной водой, бодрые и довольные спартанским образом жизни нашего бумажника, выглядим лучше всех, с нашей точки зрения.

Въезд в Париж ничем не ознаменовался и ничем нас не поразил.

Ехали по берегу Сены, с одной стороны которой старые каштаны и клены, а с другой — рыболовы и влюбленные парочки. Все это неподвижно.

Что еще можно сказать в ее оправдание?

Мы видели ее в весьма прозаическом виде, в городе. Может быть, где-нибудь вне Парижа, она не уступает Рейну и Дунаю (любой француз скажет, что это так), но тут по ней тащутся груженные баржи, а на парапетах и переплетах мостов торчат унылые фигуры с удочками в руках.

Много киосков с книгами, это — только букинисты и в свое время эти „торговые ряды" гремели! Здесь можно было найти редкую книгу, навести нужную справку у этих заслуженных деятелей книжного дела. Сейчас это все измельчало и былого энтузиазма уж нет. Да, это и не в одной только Франции. Это говорят сами букинисты. Интерес к книге падает. Племя их вымирает...

Издалека мелькает силуэт той самой Эйфелевой башни, за которую его строителя хотели убить, сослать, уничтожить и вообще стереть с лица земли за то, что он испоганил лицо прекрасного города. Теперь мнение несколько изменилось. Однако, издали она не производит впечатления, хотя и выше сеаттлийской (с вращающимся рестораном на вершине). Тексасец изрек:

— Накрутили железа и поставили вверх ногами. Большое дело!

Когда же мы подъехали ближе, то сооружение оказалось ажурным, красивым, шоколадного цвета и создает впечатление легкости и прозрачности. Очень эффектная постройка. Как всякая парижанка, она не без странности. При всей своей громоздкости и высоте (300 м.), вес ее не превышает семи тысяч тонн (значит следит за своим весом).

Еще новость: ночью она держится гордо и прямо, а стоит солнцу приласкать ее вершину, как она начинает кокет-

ничать и уклоняться от его ласк и утром отклоняется к западу на 15 сантиметров, в полдень на 10 к северу и вечером на 8 на восток. Типичное женское непостоянство. Летом она чувствует себя более независимой и выше ростом на 9 сантиметров, а зимой снижается. Ишь ты, какая зябкая...

Когда мы ужинали, то долго уговаривали кельнера придерживаться рамок международного договора, изложенного в меню, во избежание скандала. Он на все согласился и поддакивал, лишь бы получить заказ. Не желая себе портить вечер, после утомительного 12-часового переезда, уплатили совсем не то, что думали. (В Париже и Риме мы едим за свой кошт).

На другой день, утром поехали „в гости" к Наполеону. Он в соборе инвалидов. Маленький корсиканец лежит в огромном „храме", воздвигнутом над ним благодарными потомками. Но мирская слава проходит и большой саркофаг красного мрамора стоит внутри глубокой чаши, а вокруг двенадцать статуй, что-то символизирующих. Стоят неспроста! На полу выложены памятные Наполеону наименования: „Москва", „Варшава", „Иена", „Аустерлиц", „Маренго", „Пирамиды", и „Риволи"...

В тишине и благоговейно идут по истоптанным половичкам тысячи и тысячи людей; один из-за любопытства, другие из-за маршрута, третьи по инерции, четвертые идут поклониться праху человека, который, имея тенденции Гитлера, спокойно покоится на родной земле, окруженный и почетом и уважением, как земляков, так и потомков тех, кого он завоевывал. Его то из мавзолея не выкинут... Там же покоятся и его братишки Жозеф и Жером, знаменитые тем, что их родного брата звали Наполеоном. Недалеко от отца лежит и Ростановский „Орленок".

Нам очень понравился монумент над могилой (это там же) маршала Фоша: восемь солдат, ростом больше, чем в натуральную величину, несут на плечах своего командира. Идут в ногу! Очень импозатно и незабываемо. Все фигуры поставлены очень высоко, на постаменте и, как будто плывут над нами. Незримо слышишь звуки похоронного марша.

Мы ехали к Эйфелевой башне, так как всех интересовало подняться наверх и покушать в ресторане, на втором этаже. Около башни на нас набросилась стая продавцов альбомов с видами Парижа, но почему то эти „виды" они старались нам показать, когда около не было наших дам и французских полицейских. Когда мы узнали, что легкий завтрак стоит на башне 6 долларов, а тяжелый обед — 10, то аппетит у всех пропал и мы ограничились подъемом наверх (лифтом, конечно, но можно и по железным ступенькам) и любованием Парижа. Хорош городишко, хорош!...

Поехали на Монмартр.

Эта базилика Сакр-Кер удивительно красивое здание по сравнению с храмами, виденными нами раньше. Она проста, невелика, но в ней много уюта, тепла и святости. Почему? Во-первых полумрак рассеивается большим количеством горящих свечей, которые ставятся приходящими сюда людьми, а во-вторых полное отсутствие музейно-туристского духа, а наоборот церковное настроение создается беспрерывным служением у двух боковых алтарей. Главный — очень красив и сияет мрамором и золотом.

Тихо и набожно! Удивительно для этого района и для Парижа. Этот храм расположен на самой вершине монтмартского холма и к нему можно подняться сразу же из города на фуникулере.

Прохладно и ветрено...

Среди туристов снуют продавцы альбомов с видами Монтмартра. Но они, как две капли воды похожи на те, что нам предлагали около Эйфелевой башни. Удивительно пикантное однообразие. С холма открывается чудесный вид на Париж с неизменным силуэтом Башни вдалеке. В стороне, в двух кварталах от Базилики, небольшая площадь вся в зеленых, пышных деревьях и под ними цвет и сила будущего Парижа — художники малюющие портреты, пейзажи и все, что взбредет в голову.

Интересны сами создатели будущих шедевров. Они патлаты, немыты, небриты, но безусловно талантливые люди,

которые и живут только от продажи своих картин. Попадаются действительно хорошие полотна, но не знаешь висят ли они для рекламы и созданы ли они именно тем художником около которого выставлены.

Принято считать, что когда человек рисует с натуры, она находится перед ним: вид, особа, натюр-морт и тому подобное. Тут этого нет. Я стою рядом с художником, рисующим перспективу улицы, церковку вдали, деревья на первом плане и пешеходов. Я верчу головой во все стороны, но ничего подобного не нахожу. Допустим, что пешеходы были, даже больше чем два, но всего остального я не вижу нигде. Как видно, этот вид рисуется годами и с закрытыми глазами. Разве турист поймет?

Тут же за три франка вырезают ваш силуэт. При мне за три минуты одна дама получила свой, как две капли воды похожий на художника. Она испуганно уплатила деньги и ушла качая головой. Ну не талант?

Здесь же на площади можно недорого пообедать. Тут дешевенькие ресторанчики к вашим услугам. Получилось как то странно: показали нам меню, но выбрать по своему вкусу, кто что хочет, не позволили, а только „от сих и до сих" и все за 12 франков. А если вы хотите иначе, то — нет! В одной из стран, где „живется весело сегодня", назвали бы это принудительным ассортиментом, но столовая такая уютная (типа американского „салуна"), по стенам и решетчатому потолку вьются цветы и висят гроздья винограда, (их не сорвешь — они на проволоке), пестрейшие скатерти, приятные плетеные стулья и прохладно. Ну, куда тут протестовать? Сели, съели и... остались довольны.

Вкусное хорошее вино входило в цену обеда. Свежие пирожные, хороший кофе и настроение и все это за 12 франков. Когда пришлось расплачиваться, то оказалось по 17. Наценка, расценка, обслуживание... — Да разве мы поймем? Один только Джони положил 12 франков:

— Ни копейки больше, — и ушел.

Ему можно, он мужчина, солдат.

После сытого обеда походили еще по улицам.

Дома здесь старые и требуют хорошего ремонта, но никого это не смущает, а нас тем менее. Новыми домами нас не удивишь, а вот уборная в жилом доме типа „орлом" поразит хоть чье воображение. Но я вам расскажу более смешную вещь: перед отъездом я был у своего приятеля Игоря и у них была в гостях дама из Канады. Она рассказала, что дамская уборная в новом только что отстроенном киевском метро (дама ездила навестить родных) устроена по такому же принципу: круги в полу и нет перегородок...

А вы говорите, юбилей!...

Сегодня мы еще посетим Лувр, величественный ансамбль зданий, имеющий 2000 комнат протяженностью в 25 миль. Есть нечто подобное и в Мадриде (музей Прадо), но значительно меньшего масштаба...

В Лувре собраны ценности, которым нет цены. Накопленные веками и собранные со всех концов света. Если там есть сокровища из Эрмитажа или Третьяковской Галлереи или из Кремлевских Палат или дворцовых кладовых, то это вполне понятно: „фирма" в связи со своим 50-летним юбилеем объявила дешевую распродажу...

21. — ЛУВРСКИЕ ЦЕННОСТИ * МОННА ДЖИОКОНДА * НОТР ДАМ * ВЕСЕЛЫЙ ВЕРСАЛЬ * ПАРИЖ ВЕЧЕРОМ * МУЛЕН РУЖ * ПРОБКА НА ПАМЯТЬ * ПЕЧАЛЬНЫЕ ИТОГИ * ИНТЕРВЬЮ С ГАЗЕТЧИКОМ —

Знаменитый английский аукционный дом Кристи и Сосби азартно потирает руки. Русских сокровищ в 1928 году было продано на многие миллионы, а теперь опять найдутся „лишние вещи"... Давай! Давай!

Наш гид (девушка), готовясь к этой должности, два года посещала луврский музей по три часа ежедневно и не может быть уверенной в полном знании всех экспонатов. Мы же пробыли в этой величайшей сокровищнице всех времен и народов только полтора часа.

Просто стыдно сознаться. Ну, вот можете судить о результатах. Конечно, можно пробыть здесь и день, и два, но самому, а группа уедет смотреть собор Парижской Богоматери, город, Версаль, да мало ли что есть еще посмотреть, а без транспорта, без языка, без няньки это гиблое дело. Пропадешь ни за понюх...

Вот, скажем, Венера Милосская, да разве мы сами бы узнали, что около 150 лет тому назад ее нашел греческий крестьянин на своем поле и с большими трудностями французы откупили эту редкость и привезли домой. Говорят, что не обошлось без драки при покупке, но сейчас статуя, пробывшая не менее двух тысяч лет под землей, стоит на радость человечеству в самом центральном месте Лувра. А будь во Франции советская власть, там бы стоял Ленин. Любуйтесь и восхищайтесь!...

Во время войны, когда на город падали немецкие бомбы, полуобнаженная красавица опять ушла под землю, а сейчас до будущей войны, поставлена на свое прежнее место. То, что у нее нет рук — никого не смущает ибо у нее есть вечная красота, чего, к сожалению, нет у тех, у кого есть руки.

Комплекс Лувра нечто потрясающее и огромное. Сколько надо потратить драгоценного времени, чтобы осмотреть все драгоценности. И конечно, времени жалеть не надо. Здесь оно дешевле. Ведь надо все понять, усвоить и воспринять. Это не шутка.

Из всех экспонатов музея меня больше всего заинтересовал один старичок инспектор или сторож зала, как хотите. Картины глазеют на публику, публика на них, а он на всех вместе. Это его обязанность. Помните, как один псих изрезал в Третьяковке картину „Иоанн Грозный убивает своего сына"? Ну, а в наш сумасшедший век можно ждать не ножа, а целой бомбы.

Стараясь быть тактичным Гриша подъехал к нему, как истиный дипломат:

— Папаша, сколько лет вы трубите в этом помещении?

— Да уж лет сорок, а в этом зале только десять.

— О, Господи! — ахнул Гриша. — Вот уж наверное тошно вам от этих картин?

— Нет, от публики больше.

Мы отошли...

Картин много, некоторые колоссального размера. Но есть на все вкусы: и Рубенс, и Рафаэль, и Веласкез, и Тициан, и Сезан, и Дали, и Пикассо, и Кюрассо, и Кандинский, и Шагал. Все знаменитости, одним словом.

Конкурентом Лувру является Дрезденская картинная галлерея, но думаю, что она скоро Лувр переплюнет. Совсем недавно в газетах промелькнула заметка, что она покупает в Москве бессмертное полотно „Ленин в 1917 году". Огромным достоинством этой картины является то, что не видя ее, вы уже знаете ее содержание, в то время, как всякие там Рембрандты и Утрилло на веру не берутся — их надо увидеть. Это, конечно — минус.

Большой знаток и ценитель изобразительного искусства, живущий сейчас на покое и окруженный почетом и немецкими овчарками, г. Хрущев, имя которого увековечено в анналах Объединенных Наций, дал должную отповедь абстракционистам (в наше время они назывались футуристами). Будущий Грабарь, когда будет писать свою монографию, не упустит упомянуть о жизни этого мецената.

Мы топчемся перед небольшим портретом, с большим именем. По нашему она просто „Монна Лиза", а у французов „Франческо ди Бартоломео ди Занобн дель Джиоконда". Это она та, чье имя окружено легендами. Она улыбается. Чему? Ей-Богу, нашей глупости. Небольшой портрет неинтересной дамы, огороженный со всех сторон и имеющий специальную охрану. Вот повезло женщине и прославилась.

Правда, может быть имя автора ((Леонардо да Винчи) сыграло свою роль, но факт тот, что уже 450 лет тому назад один ненормальный король (не иначе) уплатил автору тогда уже 600 тысяч долларов. Господи, за что? Сегодня стои-

мость картины десять миллиардов долларов. Ну, не сумасшествие? Публика стоит в недоумении и выискивает в портрете достоинства, которых нет. Споры об этой картине небывалые. Из-за нее кончали самоубийством (художник Люк Масперо), из-за нее двадцать лет, каждый день ходил в Лувр человек и стоял перед портретом до закрытия музея.

Ну что это, как не психоз? А супруга нашего погибшего президента госпожа Джэклин Кеннеди тоже очень увлекалась этим полотном и ее стараниями „Джиоконда" была привезена в Америку, на показ. Не знаю, но мы ничего в этой улыбающейся даме не нашли...

У статуи безголовой „Победы", имеющей такую же славу, как и Венера, Гриша попытался заговорить с французом, но тот презрительно ответил:

— Но вы же не владеете французским языком?

— Ну, а вы не владеете долларами!

В одном из залов, где стояли необыкновенной ценности вазы, девушка сказала:

— Этрусские вазы имеют такую стоимость, что разбить одну стоит дороже, чем разбить чью либо жизнь. Сегодня ваза стоит значительно дороже!

Вот вам конъюнктура рынка!.. Мы увидели еще с полсотни картин, ваз, статуй и скульптур. Начали болеть головы и все смешалось в одно.

— Вот видите, — сказала проводница, — а я ежедневно, да по три часа, да три года.

Несчастная девушка — решили мы прощаясь и собрали ей на пропитание.

Уже стоя на улице мы увидели, что в простенках здания Лувра стоят многочисленные фигуры. Это были статуи тех, кто принимал участие в строительстве, создании и содействии процветанию этого, не имеющего себе равных, музея. Дай им Бог здоровья...

Ах, вот он этот самый собор Парижской Богоматери. Мрачное и как будто бы сильно закопченное здание, как

внутри так и снаружи. Поражают два центральных окна (хотя они боковые) сделанные из мозаичного стекла еще в 13 столетии. Значит 650 лет блестят и горят под солнечными лучами, как новые эти исключительной работы витражи. Где похоронен секрет сохранения красок? Ведь шесть с половиной столетий жжет их солнце и моет непогода, но они сияют, эти неповторимые стекла.

Внутри темно и грустно. В соборе (как и в других странах) музей преобладает. Фасад здания украшен страшными мордами и разинутыми пастями. Они опасны только во время дождя, так как это водосточные трубы и очень добросовестно выполняют свое назначение. У собора две башни, на которые мы конечно поднимаемся и оттуда любуемся Парижем. Вдруг вывеска на кафе „Квазимодо", как раз напротив храма, сразу напомнила мне о захватывающем романе великого, французского романиста. Может быть я стою на том же самом месте, где когда-то стоял и этот уродливый влюбленный, если он вообще существовал, а не был плодом яркого воображения Виктора Гюго.

Сверху мы видим, как прибывают школьные экскурсии с сотнями веселой и щебечущей детворы. Около собора продаются суверниры, фотографируют желающих и опять эти злополучные альбомы с „видами". Как видно спрос есть.

Завтра Версаль и знакомство с вечерним Парижем (ух!) и „Мулен Руж (ах!).

Утром встали более или менее бодрые и сгрудились у автобуса. Ехать далеко, за город, но добрались благополучно и сразу же против нас огромная статуя Людовика 14-го на коне. И всадник, и лошадь темные, почти черные. Может быть они из металла? Гид ведет нас по залам служившим для приемов и увеселений. Имена Людовиков, их жен и любовниц сразу же ласкают наш слух. Вот куда мы попали!

Вокруг сплошной, цветной мрамор, картины, портреты кисти Веласкеза. На стенах дивный, давленный бархат, а в тех местах, где он может войти в соприкосновение с руками туриста, прикреплены огромные куски стекла. Гляди, но не лапай! Ковры, золото, бронза, серебро. Людовик в мрамо-

ре, в масле, в гобеленах. Во всех видах. Ну, чем не культ личности? Все роскошно, богато, дорого, ценно. Некоторые гобелены в стену хорошего дома. Если верить гиду, то во дворце две тысячи комнат, но „пешки сняли короля" и сейчас все принадлежит государству, которое бережет, восстанавливает и не продает ничего на сторону.

Министр культуры Франции Андре Мальро, известный писатель (куда ему до Фурцевой) многие здания в городе поставил в „леса"; и ремонтирует и восстанавливает былое величие страны. Огромный бальный зал, где: король сказал, король велел, король приказал, король желает, король принимает. Бюсы Людовиков в профиль, в анфас, задом, боком, спиной... А вот аппартаменты несчастной королевы Марии Антуанетты: спальня, кабинет, специальная комната для интимных ужинов, когда пол раскрывался и сервированный стол поднимался „пред ясные очи".

Обслуживание небольшого королевского семейства было поручено двадцати тысячам человек. Юниона у них не было и их эксплуатировали во всю, заставляя работать сверхурочно (это Гриша узнал побочным образом). Подумайте сами — две тысячи комнат и ни пылесосов, ни стиральных машин, ни рефрежираторов, ни уборных. Конечно, собьешься с ног...

Все эти Генрихи, Людовики, Вильгельмы, Юлианы, Константины, Елизаветы сидели и сидят на тронах по преемственности, в то время, как в другой стране настоящие избранники народа (99,7% — голосов „за") пользуются теми же благами и утопают в роскоши, вполне заслуженно.

Красив ли Париж? Двух мнений быть не может. Очень.

Но,как это обычно во всех больших городах есть грязные, запущенные, обшарпанные темные улицы и площади (а загляните во дворы) и наряду с ними есть места, поражающие вас своей нарядностью, красивостью, простором.

В Париже этого больше, чем в других городах Европы. Есть, впрочем, и люди такие! Распланирован он с большим вкусом и если в Риме попадаются площади, вроде Ватикан-

ской, или в Венеции площадь св. Марка и рядом — узкие улочки, созданные несколько столетий тому, то в Париже этого нет. Город места не жалел и поэтому он так горд и интересен.

Прекрасных зданий, современной стройки у него много, а перед такими, как Опера, церковь Магдалены, Луврский Ансамбль, Эйфелева Башня, Музыкальная Академия, Комеди Франсез, Пантеон, Национальный музей, Нотр-Дам, Мост им. Александр Третьего, Конкорд, и многое другое, можно стоять задрав голову и разинув рот не один час.

Но это, оказывается, еще не все. Надо посмотреть Париж вечером и для этого даже существует специальный тур „Иллюминированный Париж и ночные клубы".

Так вот: если Париж днем запружен людьми, на улицах и жарко, и ветерно, пыль и бумажки летают по воздуху, то уже вечером этот постаревший бонвиван становится подлинным красавцем. Да, еще каким! Куда Риму.

Первое место куда мы попали проехав по ярко и великолепно освещенным улицам, была площадь Конкорд. Просто дух захватило! Что это за феерический спектакль? Декорация? Оптический обман? Нет, это большая площадь, которую мы видели днем и которая нам тогда понравилась и ...только. Но это она же вечером...

Она показалась нам красивой женщиной, готовящейся к приему гостей. Все ее видели днем в затрапезном наряде, а потом она вышла к нам уже одетой, нарядной, в драгоценностях... Мы поражены, мы влюбляемся сразу. И раз и навсегда! Так и площадь Конкорд. Она вся в ожерелье фонарей. Море света! Те чудесные статуи, что днем привлекали наше внимание, сейчас, под умело расположенными рефлекторами, стали такими рельефными, такими выдающимися, что просто загляденье. А два фонтана, что днем безмолвствовали, сейчас шумят, поют, играют струями и блестками, под лучами прожекторов.

Все это искрится и горит расцвеченное тысячами огоньков бегущих машин. А если бы этих малюток — Ситроенов

не было, выиграла ли бы площадь или потускнела? Трудно сказать.

Город без автомобилей нам уже непривычен и даже будет пугать. Вандомская колонна. Этот обелиск днем сер и тускл, а сейчас как будто бы сам излучает свет. Чудеса-...

Елисейские поля. Конечно, все это одни разговоры для наивных, что на этих полях можно найти зреющий овес или видеть колосящуюся пшеницу. Я знаю страну, где есть действительно поля, а на них одни сорняки растут, а хлеб покупают за границей, а тут...

Это блестящая прямая улица, залитая светом бесчисленного количества фонарей. Масса крупных, развесистых деревьев. Исключительная перспектива, длинная ровная... Таков же прославленный Булонский лес с его аллеями, широкими „променадами”, на которых когда-то гарцевали гордые всадники и красавицы в амазонках, а в ландо катил „бомонд”.

Сейчас гордые всадники — в черных очках и кожаных тужурках — лихо мчатся на мотоциклетах, а красавицы, свесив босые ноги и распустив по ветру свой „колтун”, сидят на багажниках.

Увидев это, невольно вспомнил один американский фильм „Ангелы из ада” (с Нанси Синатра и Питером Фонда). Поставленный с предельной откровенностью и жизненной правдой, этот фильм производит такое потрясающее впечатление, что его не скоро забудешь. Да и забудешь ли?

Его и не надо забывать, если вам дорога ваша новая родина, судьба ваших детей и внуков. Постановщики этой картины даже не нашли возможным (а может быть и нужным) дать ей счастливый конец. Нагромождение ужасов в нашей повседневной жизни дано настолько убедительно, что хочется крикнуть во весь голос:

— Не прячьтесь в прохладной тени ваших холодильников. Опасность у порога! Ваша хата давно не с краю. Искры летят на крышу дома вашей семьи! Спасайте Америку пока язвы появившиеся на ее здоровом теле не превра-

тились в гангренозное воспаление всего организма. Мы не можем стоять в стороне от творящегося в стране!..

В Булонском лесу (да и всюду) лошадь заменил такси-кэб со счетчиком на боку... Времена уже не те...

„Мы подъезжаем к Эйфелевой Башне. Она вся освещена „с головы до ног", да еще на вершине вращаются во все стороны лучи света, разрезающие ночную мглу. На самом верху Башни специальная площадка для самоубийц, но к сожалению она огорожена теперь так, что „о спрыгнуть не может быть и речи".

Автобус берет резко влево и мы выезжаем на площадь перед Башней.

Вот это фонтан, так фонтан! Он огромен, как квартал хорошей улицы. Из установленных, как дула пулеметов, труб бьется со страшной силой вода в разных направлениях, так, что получается водяная, непроходимая завеса. Все шумит, грохочет, плещет, обдавая зрителей водяной пылью, относимой ветром. Пыль тоже светится, потому что под водой сбоку, снизу, со всех сторон бесконечные потоки „непромокаемого" света. Это была водяная атака, водная симфония звука и цвета. Вакханалия и смерч светящейся воды. Нечто невиданное доселе. Зрелище потрясающее и захватывающее своим масштабом...

Но когда вспомнишь волнующую и покоряющую красоту фонтана Трэви и бросание монетки через левое плечо — все тускнеет. Там романтика, а тут техника, которая не всегда все решает. Иногда сердце берет верх...

Когда я упоминал о колдунах и ведьмах обитавших в Шильонском замке, я еще не знал, что их потомки живут в комфорте и довольстве в современном Париже. Оказывается, что помимо безобидных „общин", сект и оккультных лож есть ордена „вдохновений свободной любви" (с оргиями), одинадцать церквей Сатаны и многое другое в таком же „веселом" духе. Вот-бы посмотреть! Дух времени сказывается на сеансах и служителях Сатаны и поэтому ведьмы носят „мини-юбки" а колдуны ходят во фраках с развеваю-

щимися фалдами. У них свои „храмы", подчас очень богатые и роскошно обставленные, где служатся мессы Сатане. Вспоминаю Пшебышевского. В 1965 году у ведьм был в Лондоне конгресс, на который съехались представительницы прекрасного пола сатанисток, для выработки устава. Главным божеством был, оказывается, дождевой червяк. До этого надо додуматься. Если бы это была Лига Подхалимов, ну, куда ни шло!

А то ведь женщины!

Ей-Богу! Хотя может быть в этих строчках божиться неуместно.

Прорицатели судеб, предсказатели и вообще люди имеющие связь с Люцифером (даже телефонную) обслуживают парижан и туристов-армией достигающей пятидесяти тысяч. Правда не плохо? И хлеб уж не такой тяжелый!

Есть поклонники всего: и червяка, и лука, и яйца, и огня и... пупа!

Это пикантно.

„Яичники" даже имеют свое капище, где лежит большое яйцо из мрамора и ему поклоняются, а в конце „службы" молящиеся бросаются куриными яйцами.

Нас очень интересовало попасть на моления „пуповников", где участники полураздеты и созерцают пуп друг у друга до потери сознания. Гриша был готов на любые расходы.

— Вы же хорошо знаете, что не так хорошо с деньгами, как плохо без них!

— Любоваться чужим пупком, которому не больше двадцати лет отроду, да еще если он разнополый! Будет, что рассказать.

Есть, нам говорили, секта исламистов (повидимому магометан) где моления заканчиваются массовой истерией.

А то вот еще: „секта поклонников Сатаны и черной магии". Тут уже творится действительно, черт знает что!

А в Западной Германии этих клубов более трехсот. В швейцарском журнале „Вельтвохе" Майк, который знает чем пичкать любознательного туриста, тяготеющего к цивилизации и культуре Запада, прочел нам, предварительно спросив:

— Кто болеет эпилепсией?

Таких не нашлось.

— Жаль — сказал он — а то бы сразу выздоровели. Вот вам рецепт, запишите, в Америке пригодится. Хороший, выдержанный, средневековый. Очевидцы говорят, что очень помогает. Слушайте: живых кротов положить в котел, накрыть передником, поставить на тлеющие угли и ждать пока кроты испеплятся. Потом дать пеплу остынуть и растереть его в порошок (а разве пепел не порошок?). Детям в молоко или воду-щепотку, а взрослым больше! Как рукой снимет — добавил наш гид. А я записал. Все может быть.

Подъезжаем к оперному театру. Его надо объехать вокруг, ибо он окружен обнаженными красавицами, держащими в руках тяжелые, граненые фонари. Здание грандиозное и вечером так же поражает, как и цены на билеты. Мимо Могилы неизвестного солдата проезжаем тихо и с благоговением. Она укрылась под сенью Триумфальной Арки... И тут Гриша не ударил лицом в грязь.

— А вот это, господа, всемирно известные Бранденбургские ворота, воспетые и Вольтером, и Жан Жак Руссо.

— Бедные они, — тихо сказал Джони.

— Почему?

— Да они тут и не ночевали.

— То есть, как это?

— А так. Это Триумфальные ворота.

— Хм, — сказал Ардов, — неужели перенесли?

На Могиле всегда живые цветы и скромно одетые люди поклоняются праху человека, который быть может был их отцом, мужем или братом.

Когда уже книга была в наборе, газеты принесли „радостное" известие, что на могиле не Неизвестного Солдата, а довольно таки известной личности, в Москве, благодарным потомством поставлен памятник!

Будучи твердо уверен, что это „потомство" сидит за Кремлевской стеной и оттуда потихоньку возрождает культ (м)Учителя, задаюсь таким вопросом:

— Мавзолей охраняется круглые сутки двумя часовыми, чтобы оттуда никто ничего не стянул. Однако и часовые не помогли — одного вытянули, пристроили под стену и землицей присыпали... Сейчас придавили монументом.... Так вот: не найдется ли среди потомства, живущего на просторах земли российской, человека, который пришел бы вечерком и отбил нос у бюста, если не камнем, то хотя бы палкой?

Если это случится, то нужно будет ставить часового и там. Такое уже совсем никуда не годится и скомпрометирует „светлую память" почившего.

И тогда, друзья и соратники додумаются до того, чтобы останки опять положить в мавзолей, для большей сохранности. Вы думаете этого не случится?

Я позвонил Грише и он оказался твердо уверенным, что переселение состоится.

Заканчиваю: будучи в Париже просто необходимо объехать его с опытным гидом (это легко устроить через отель) и получить от этой поездки огромное и незабываемое удовольствие... особенно, если оно заканчивается в „Мулен Руж" или в „Фоли-Бержер"...

Наша махина сопя и вздыхая въезжает в улицу, где один за другим театры „Бурлеск" дешевого, среднего и дорогого пошиба. Зазывные, цветные, мелькающие, светящиеся рекламы с большими фотографиями „звезд" делают свое дело, возбуждая и зазывая тысячи людей в эти увеселительные места, а сегодня к тому же канун выходного дня. Но мы стоим выше этого. Нас не интересуют такие театры, такого типа (хватит с нас Гамбурга).

Вдали медленно вращаются пылающие крылья „Красной мельницы" прославленного на весь мир парижского кафе-шантана „Мулен-Руж". На небольшой площади разбухшие туши автобусов всех туристских компаний. Их штук тридцать. Основной контингент посетителей это мы, туристы. Рядовому французу такие визиты не по карману. Это теперь для него дорогое удовольствие, хотя нельзя сказать, что среди публики их нет. Их тоже пускают, им тоже продают билеты.

Входим. Довольно невзрачное фойе, бесцветное, я бы сказал. Только на стенах три подлинника (говорят) Тулуз Лотрека, да афиша первого представления в этом театре, а это было давно, более 75 лет тому назад. Стоит увидеть кого-либо в пальто, как его буквально срывают с плеч трудолюбивые гардеробщицы и без „калыма" вы его уже обратно не получите. Впрочем, уборные тоже платные.

Мы в зале. Оригинально, но дешево: пара круглых афишных тумб, типичных для Франции. Масса столиков „емкостью" от двух до шести человек. Позади центрального зала два яруса, тоже со столиками и как раз против сцены, а над ними брезентовый тент. Создается иллюзия, что вы сидите на улице, в кафе. Висят фонарики, а на столах электрические лампы под красными абажурами и пустые бокалы.

Туристам полагается на шесть человек две бутылки шампанского. Девушки разносят бутоньерки и вас могут сфотографировать на память о таком важном событии в вашей жизни, как посещение „Мулен Руж". Скатерти не особенно чистые, а стулья обыкновенные венские, грубые. Нет не только оперной росписи, но нет даже опереточной бутафории с претензией на хороший театр. Все потрепано и с многолетним стажем, включая наглых лакеев, не пускающих за пустой стол в рассчете, что вы сунете ему пять франков отступного.

Мы бы это и сделали, но с нами был Джони, борец за справедливость, он усадил всех нас и сказал нахалу:

— Шаррап! — и тот ретировался по шакальи оскалившись.

Почему американцев нигде не любят? В Европе, а в особенности во Франции это выясняется сразу же. Потому что у них доллары, а других — все остальное! Как эти люди не могут понять, что Америка изо всех сил старается освободиться от них (от долларов, конечно) всеми способами. Дает субсидии, займы, подъемные, покупает всякую дрянь, дает возвратные и безвозвратные ссуды, шлет десятки тысяч туристов, которые оставляют там (вне Америки) миллионы долларов, за что туристам дают почетный титул „(п)ослы доброй воли"!...

Вдруг внезапная темнота и резкие очень шумные звуки оркестра, усиленные громкоговорителями и... сердце замирает: наконец то! Мы видим бедные декорации захудалого театрика. На авансцену выскакивают 6 молодых людей — поющих и танцующих. Ох и бедно же! Ушли. Потом...

Вот тут то и начинается обвораживающее „потом". Двенадцать девушек в исключительно прозрачных костюмах, через которое просвечивает молодое тело, вышли и полупротанцевав, полупродефилировав прошлись перед нами. Хм! Не плохо! Ушли. Вышли другие, в других костюмах. Опять ушли.

Потом это число девушек стало увеличиваться, а количество ткани на них катастрофически уменьшаться и в результате на некоторых остался минимум. Но от этого все выиграли: и девушки и зрители. Прекрасная внешность, классические формы и бесподобные оценки кожи, создаваемые световыми эффектами, сделали свое дело.

— Костич, — сиял Гриша, — да ведь это же античные времена!

Солистски танцевали, а статистки или стояли или двигались. Ничего, пусть стоят, есть на что посмотреть. Есть!

Невольно вспомнил:

Поэт Генгрих Гейне дал поэтическое предание об умерших до свадьбы молодых девушках:

„В подвенечных платьях, с цветочными венками на головах, с блестящими кольцами на руках, виллис танцуют при лунном свете, как эльфы: их белые, как снег, лица прекрасны своей юностью. Они смеются с таким лукавым весельем, их зовы так пленительны, их вид так полон нежных обещаний, что эти мертвые вакханки оказываются неотразимыми".

Тогда французский поэт Теофил Готье так пленился этим прелестным (как он написал Гейне) местом, что у него мгновенно зародилась мысль, какой чудесный балет можно создать и... через три дня балет был готов и стал бессмертным. Это был „Жизель"!... Когда сцена опустела, началась эстрадная программа, вся на английском языке и это в Париже. Мы в Лондоне, в Палладиуме видели Артистов (с большой буквы), так и тут у них было всего три эстрадных номера, но каких! Бесподобная работа! В дальнейшем постановщики ревю в „Мулен-Руж" просто превзошли самих себя.

Перед сценой, из под земли показался и поднялся на десять футов большущий стеклянный бассейн, в котором девушки вели себя (под водой) выше всякой критики. Затем опять танцующие пары, одиночки и группы и все в сногсшибательных нарядах или совсем без них. В одних случаях артистки выходили с борзыми собаками, в других — с леопардами, живыми! Это, знаете, и поражает и удивляет!

Вдруг раскрылся потолок и огромный водопад с грохотом обрушил свои воды в бассейн. Борящиеся и стреляющие друг в друга тела жителей потустороннего мира, полетели туда же. Шум, выстрелы, прожектора, музыка! Дальше: если вы сможете себя представить 24 красотки, не старше 24 лет каждая, только в прозрачных шароварах, стоящих на авансцене и ничего не делающих, в то время, как за кулисами 24 других готовят что-нибудь поразительно-захватывающее, то вы поймете настроение публики еще подогретое шампанским.

Много интересного, красивого и отменно сделанного показала нам эта программа. Но главное это культ женского тела, молодого, изящного, отборного так сказать. Попасть на работу в „М. Р." не так легко. Здесь нужно удовлетворять

очень многим требованиям. Да, оно и понятно. Имя этого театра обязывает и он держит свое знамя высоко!

Тот калейдоскоп юных красавиц так искусно раздетых — надолго запомнится. Всего виденного в этот вечер не опишешь, да и описания даже десятой доли не дадут того впечатления, какое получишь когда смотришь сам, это великолепно поданное „пикантное блюдо", французского ревю. В нем и красота, и изящество, и вкус, и тот присущий только женщинам этого народа, шарм. Да, что там — увидите сами!

Затем был показан канкан, настоящий, французский, такой, каким он был много лет назад, но с... примесью, и даже большой, акробатики. По моему, это портило стиль танца, но по-видимому этого требовал дух времени. Ох, уж этот тяжелый дух!

В заключение парад всех участников в четырех плоскостях сцены, головокружительно блестящий, великолепный и величественный обилием красок, звуков и женского очарования. Для полноты удовольствия в зале, над публикой летали две красотки с точеными фигурками и разбрасывали над нею воздушные шарики. Восхитительно! Мы сидели слишком высоко и поэтому они (я говорю о шариках) нам не достались. С горя мы взяли по пробке от бутылок шампанского. Пустую бутылку выносить было неловко.

Нам приятно было узнать от одного офранцузившегося русского человека, что американские нравы и обычаи упорно проникают во французскую толщу.

Он рассказал, что в стране есть, в окрестностях некоторых городов, типичные американские ранчо, куда отдыхающие французы приезжают и превращаются на два дня в неделю в настоящих ковбоев, живя так же, как жили когда-то эти герои наших западных фильмов.

Под Парижем есть поселок и там француз развлекается во всю, придерживаясь всех обычаев краснокожих, поселяясь там на субботу и воскресенье. И за месяц их там перебывает до 20 тысяч. Даже в области выпивки, и то виски

начинает доминировать над вином и аперетивами, а уж об абсолютной победе „Кока-Кола", во всей Европе и говорить не приходится.Впрочем говорят, что водка в Америке забивает виски. Так или иначе — гордиться нечем!

Как там не говори, а американзация чего бы то ни было — хотя и шаг вперед, но подчас если не ошибочный, то неверный... Конечно, всякий здравомыслящий человек должен подвести итоги, пока они его не подвели и вот:

— Если отбросить „чаевые", то-есть попросту их не давать, а заменить их крепким дружеским рукопожатием, а „сувениры" не покупать, то тогда путешествие обойдется совсем недорого... Близким, ждущим от вас подарков можно сказать, что на американской таможне у вас все отобрали. Проверять этого никто не будет, а вы даже покажете список конфискованных вещей (кружева-белье, духи, ювелирные изделия, отрезы на платья) и это даст повод еще раз ругнуть Америку, а ведь это теперь даже правило хорошего тона...

Никак не думал, что после двухмесячного пребывания в железной коробке 35 человек, надоевших друг-другу до чертиков, могут так сердечно прощаться, проливать слезы, целоваться, оставляя на лицах в самых неподобающих местах, розовые лепестки чудесных очертаний, женских губ...

Джони, который стал всеобщим любимцем, был так облизан (он оставался еще на неделю в Париже), что был очень растроган таким к нему отношением, а оно понятно. Он олицетворял собою Америку с ее добротою, отзывчивостью и заботой о других и вдруг... за все это благодарность!? Непривычно, как-то.

Впрочем, в последнюю минуту расставания все стали казаться хорошими. Это всегда так бывает в жизни. Но быть хорошим долгое время для человека непосильный труд. Наш монолит давал трещины и расползался в разные стороны, ибо часть оставалась, а часть улетала.

В аэропорту Орли огромная толпа, нагруженная чемоданами, пакетами, кульками, сумками (итоги туров) мечется

из стороны в сторону. На втором этаже малюсенькая церковка для всех национальностей, где горят две большие свечи и стоит ряд пустых скамеек. Никого. А ведь это уютное и тихое местечко создано для тех, кто через несколько часов (несмотря на страховку) будет на 35 тысяч футов ближе к небу. Но людям не до того: надо истратить последние франки на знаменитую парфюмерию Франции, на сладчайший шоколад Швейцарии, на красивейшие ткани Азии. Ну, еще одним пакетом больше...

— Ах, Бог простит. Мы же так заняты. Дома уж отмолимся.

Суета сует и всяческая суета! Ми стоим в центре этой толпы, у прилавка и только удивляемся этим бестолковым людям. Чего толкаетесь?..

Пока я возился с этим очерком, готовя его к печати, юбилей в одной стране отгремел, ознаменовав себя стоянием на производственной вахте, перевыполнением плана, повышением норм и вызовами на соцсоревнование.

Но тут уже созрел другой юбилей: основоположника марксизма, вождя мирового про... ну, в общем вы меня понимаете. Просто говоря — сто лет со дня рождения! Расходы аховые! И поэтому в декабре прошлого года в Нью Иорке, в галлерее „Парк Берне", состоялась продажа царских драгоценностей (в который раз, о Господи!): эмали, золота, серебра, хрусталя и фарфора. Среди всего прочего там были золотые табакерки императоров Александра Второго и Николая Первого, пуншевая чаша редкого рисунка, а также картины Репина, Васнецова, Верещагина, Айвазовского, Шишкина, Бенуа, Коровина, Серова. Одним словом — дела идут, контора пишет! Ведь за чужую-то пшеницу платить нужно?...

Летим в Нью Иорк. В нашем самолете 12 человек из нашей группы, но уже собственные интересы, заботы и нужды вступают в свои права и проходя мимо друг друга, мы растягиваем губы в резиновую улыбку и с изумлением думаем:

— Что за черт? Где я видел этого человека? Это, как в романсе:

„...и баржа с дровами
легла между нами!
Мы только знакомы.
Как странно!”

Уже в Нью Йорке мы окончательно рассыпались в разные стороны и только:

„Из Франции два гренадера,
В Америку молча брели!”

Это были мы, я и мой неизменный друг Гриша Ардов.

Одна молоденькая и хорошенькая американка став на родную землю воскликнула:

— Господи, как я рада и счастлива, что я дома. Я готова обнять весь мир.

— Начните с меня, — подскочил галантный Ардов.

Домой, домой! Как много в этом звуке для сердца русского звучит. Так кажется?

Да, теперь окончательно выяснилось, что в гостях хорошо, а дома великолепно!

Гриша смотрит на карточки своих внуков и пугается:

— Костич, при моих закрученных усах и монокле, узнают ли они меня?

— А если и нет, дети любят страшные игрушки...

Когда я улетал в Европу, мой приятель Сергей Александрович сказал с жестким блеском в глазах:

— Ну и наворотите вы в своем отчете о поездке всяких небылиц — не сомневаюсь!

Я вспомнил его слова, летя домой и хочу заранее предупредить „грядущих” критиков, которые обнаружат в очерке целый ряд отступлений от истины, искажений исторических фактов и недопустимых в таком серьезном труде оши-

бок, что на все их письма клеймящих меня и Гришу полным незнанием истории и географии, я отвечать не буду. Себе дороже стоит. А если найдутся такие критики, то я им отвечу словами Эрнеста Хемингвея. Он был в Париже, вернулся домой и его спросили:

— Ну, как вам понравилась столица Франции?

— Париж? Он мне вовсе не понравился. Город оказался совсем не таким, каким я его описал в своих произведениях.

Сеаттль. Посадка. Церемония таможенного осмотра была на редкость сердечной... Таможенники прекрасно понимают, что люди, не видавшие своих близких столько времени, ни на какие подлости не пойдут!... Увидев в чемоданах груду нестиранного белья, они страшно удивились:

— Почему так много?

— Экономили доллары.

Поспешно захлопнув наши чемоданы, они нас отпустили раньше всех. Я вам не говорил, что Ардов к выходу из самолета был одет так: на голове английский котелок, римские сандалии на босу ногу, пестрая испанская рубаха, тугие в обтяжку французские штаны и огромные черные очки, купленные в Швейцарии, на лице улыбка, в руках зонтик и сбоку фляжка с итальянским вином...

По залу, тучей, как комары носились кинорепортеры.

— Костич, откуда они узнали, что мы приехали?

Хотя мы и писали, когда мы прилетаем, но жены нас встречали. Гришина его узнала и со слезами обнимает.

— Неужели я тебе дороже страховки? — удивляется он.

— Дурачок, еще спрашивает. Если бы любили только хороших и за хорошее — любовь потеряла бы свой смысл и назначение...

Увидев такую экзотическую фигуру газетчик кинулся к Грише.

— Вы повидимому из Европы? — Я перечислил тринадцать стран в которых мы побывали, а Гриша двадцать одну, где мы не были.

Репортер просто ахнул:

— Ведь это же в общей сложности тридцать три страны! Боже мой!

Что же вы вывезли оттуда?

— Две пепельницы, статуэтку...

— Нет, нет, вы не поняли меня — крикнул тот вертя ручку камеры, — я имею в виду, что ваша возможность любоваться Европой и ее ценностями дает вам право отметить в прессе самое ценное, из того, что вы там увидали. Что именно?

— О! Обратный билет, в Америку!

— Да, но люди, люди! Сколько впечатлений, споров, обменов мнений, высказываний, встреч с интересными людьми и сколько содержательных разговоров с ними!. Какие же у вас планы на будущее?

— Недельки три пожить в зоопарке!

ГАЛЧЕНОК

Галченок

Теперь у меня есть друг на верность и преданность которого я могу положиться. Мне всегда очень жаль, когда я уходя — утром, вынужден закрывать его в комнате почти на десять часов.

Мне нужно быть на работе к девяти и встав в восемь, сделав гимнастику и выпив кофе, я иду с ним гулять. Он ждет этого с огромным нетерпением и пока я ем свой утренний завтрак, Озирис сидит у стола, держа ремешок в зубах.

Мы гуляем сорок пять минут и, представьте, я тоже доволен прогулкой, так как мы дышим свежим пока воздухом и пес разминает свои уставшие без движения ноги... Ведь ради него я переехал на сто восьмую улицу в район Риверсайд, где хороший бульвар, да еще спустившись вниз, можно пустить его побегать без поводка. Это он очень ценит и стремительно носится по траве, все время оглядываясь на меня — не ушел бы!

Зная неуживчивый характер Озириса я боялся его встреч с другими собаками, но как видно он понял, что малейшее нарушение дисциплины приведет к ремешку и поэтому не обращал на них внимания, но стоило какой нибудь разыгравшейся кинуться к нему, как он скалил зубы, предупреждая о своих намерениях. Рычание дополняло картину и становилось понятным, что оскаленные зубы, в данный момент, не улыбка. А собаки умеют улыбаться, да еще как!

Подходить ко мне другим собакам было просто опасно — мой пес бросался без предупреждения. Он был ревнив и этого не скрывал.

— Ты мой и больше ничей! — говорил его взгляд.

Чтобы не быть профаном, я накупил книг по „собачьим" вопросам и мы понимаем друг-друга с полуслова. Собаки говорят. Их лай это разговор, да еще какой: известно, что охотники по лаю своей собаки поймут кого подняли его псы: волка, лису, зайца, А в деревнях хозяева и пастухи по собачьему лаю знають кто идет: свой, чужой или зверь. Это надо изучить, на это надо время и это... надо любить. Без любви не познаешь ни человека, ни зверя!

Вы не видели плачущей собаки? Да, они плачут и от боли и от грусти. Я слез не видел, но в книгах об этом пишут.

А грусть собачья? О, так, как грустил Озирис после смерти Липочки. Рассказать — не поверят. Если бы не моя забота, ласка и нежность к нему — он бы сдох от голода, но он понял, что этот человек хочет (а сможет ли?) заменить ему хозяйку и он мне поверил, вернее почувствовал.

А теперь? Теперь мы неразлучные друзья. Я даже стараюсь обедать дома, чтобы накормив его скорее пойти с ним на прогулку... Он это понимает и ценит. Когда я ухожу на службу он не грустит и не просится со мной. Он знает, что так надо. Но когда я прихожу, вот тогда бы вы посмотрели на него: глаза блестят, лает, улыбается, прыгает, ласкается, но ремешка не приносит. Он знает, что я еще буду обедать и не один, а с ним. Ах, если бы он мог говорить!

У него есть ящик с песком и другого места он не знает...

Так шла наша жизнь.

А в апреле пришло письмо из Сеаттля. Старый приятель, еще по Германии, Сергей Антокольский, писал:

„В июле еду к океану, подальше от людей. У меня новая машина. Поедем в Калифорнию. Вам тоже рекомендую настоятельно проветриться. Захватите краски и прочее. Не пожалеете..."

Тут нужно сказать, что у меня есть любимое занятие (в свободное время) — рисование. Я не портретист, но вот

натуру, природу изображаю маслом и не плохо. На одной выставке русских художников даже вывесили две моих картины.

На одной берег Гудзона, а на другой уголок Цетраль-Парка. Даже хвалили. При жизни Липочки я это все забросил — было не до этого.

А теперь ехать на натуру и тащить с собой собаку и хлопотно, и трудно. Я и бросил. Озирис забирал у меня все свободное время и я ничуть не жалел...

А вот тут, такое вдруг заманчивое предложение. Где-то на берегу Тихого океана, на горячем песке, в тишине и покое, с мольбертом и на целый месяц. Есть над чем задуматься. Что может быть лучше?

Написал Сергею, чтобы уточнил дни отпуска. Получил ответ и уже в июне договорился со своим боссом: две недели я брал за свой счет.

О, Господи! А собака?!

Как я мог выпустить это из виду? Брать ее с собой бессмысленно: и переезд, и пребывание в отеле? Все это значительно усложняло бы и обременило мой отдых.

Тут я вспомнил, что существуют такие питомники для животных, куда их отдают на время, занятые чем нибудь, хозяева. Я сначала позвонил по телефону. Меня успокоили, что еще никогда не было жалоб со стороны хозяев на плохое обращение с их питомцами.

— А со стороны животных? — Тогда в трубке рассмеялись.

— Приезжайте посмотрите. — Я и поехал. Ну и что-ж? Проволочные клетки в изобилии украшали двор питомника. Все под крышами на случай дождя. Кормушки и проточная вода. В некоторых клетках по две-три собаки.

— Если отдельная клетка, то дороже.

Лай неимоверный. Кошки в доме. Я туда не ходил.

— Ну, а как зимой?

— Зимой те животные, которые привыкли к теплу поселяются в доме, где кошки.

— Ну, что-ж — подумал я — месяц не такой уж большой срок для собаки. Живут другие, приживет и Озирис.

И никакого угрызения совести!.. Когда осталось две недели до отъезда Озирис стал волноваться. Я это определенно заметил. Он смотрел на меня как-то испытующе, при прогулках далеко не отбегал и даже шел у ноги и грустил. Несомненно.

Мне стало стыдно, как будто я совершаю предательство по отношению к близкому человеку. Ну, а разве это не так?

Разве не бывает в жизни, что мужья или жены бросают друг-друга, не сказав ни слова. Так ведь там этому предшествует длительный период недомолвок, недоразумений и ссор и уход часто является, как бы заключительным аккордом накопившемуся в семье разладу. А тут?

Что мы с Озирисом друзья в этом нет никакого сомнения. И вдруг! Я отдам его чужим людям, они его посадят в клетку, а я уеду. Что же он подумает?

А если он откажется от еды? Он может. У него достаточно и любви и гордости...

— А, глупости. Ведь в конце-концов он только собака и на такие глубокие переживания, как человек не способен.

Так успокаивал я сам себя, а Озирис почувствовал, что его ждет неприятность. Он не бросался ко мне навстречу, не подходил если я его не звал и шел гулять, как будто-бы по обязанности, а не по своей охоте....

Как он это понимал, как? Почему он чувствовал?. Мне казалось, что мое обращение с ним было таким же, как всегда, а присмотревшись я увидел, что я заискиваю, лишней лаской или куском мяса хочу его успокоить.

А получалось обратное...

Завтра вечером мне нужно было лететь, а сегодня я повез собаку в питомник.

Озирис лежал в такси у моих ног скучный и „неразговорчивый”.

Когда мы подъехали и он услыхал собачий лай, он сразу же понял, что говорили ему его сородичи, на понятном только им языке.

Там была и тоска, и гнев, и злоба, и отчаяние и зов покинутых...

Он посмотрел на меня, ох, как посмотрел, и догадался. Его шерсть поднялась дыбом и глаза засветились нехорошим блеском. Я его потянул и он... не захотел идти. Не захотел идти со мной!

Разве этого недостаточно, чтобы понять насколько была умна собака?

Равнодушный шофер подсказал:

— А вы его ножкой.

Когда я потянул сильнее он пошел. Но надо было видеть Озириса.

— Я иду, подчиняясь насилию — показывал он своим видом — но и то только потому что оно исходит от тебя. Значит так надо.

Ах, не буду размазывать. Я сдал собаку и поскорее уехал. И, клянусь, что садясь в машину я услышал вой моего преданного друга.

Да, именно — преданного. Ведь это же было с моей стороны предательством!

Так плакать может только жестоко обманутое существо.

Приехал домой, запаковал второй чемодан, проверил все в сумке, что ношу через плечо в пути и вышел пройтись. Настроение убийственное.

— А чем же я не предатель? Ведь Озирис мне верил так же, как в свое время верил своей хозяйке и та его никогда не обманывала и не обижала. Я-же, самый близкий ему человек и поступил так подло!

Спал я ужасно плохо. Встал с головной болью, а в ушах этот вой, этот жуткий, обвиняющий меня вой!

— Может быть он проклинает? Отказывается от меня? Я приеду, а он и не захочет жить у меня? Не пойдет со мной! Тот самый Озирис, которого я так обещал ей хранить и заботиться. Значит и ее память обманываю?

Часы шли, а я не находил покоя.

— Нет — сказал я — с таким настроением не едут и там, если я честный человек, я отдыха иметь не буду. Плач Озириса будет преследовать меня день и ночь.

Я позвонил в аэропорт, объяснил ситуацию и мне обещали поместить в багажное отделение ящик с собакой. Четыре часа — это не так много — успокоили меня. У него будет и еда и вода.

Как камень с сердца.

Я взял такси и помчался в питомник. Объяснил им мое душевное состояние.

— Вы не первый, так поступающий — мы вас понимаем.

Сказать по правде сердце у меня замирало оттого, как он меня встретит.

Хоть на сутки, но предательство было.

Мы подошли к клетке. Пес лежал спиной к нам. Еда стояла нетронутой.

— Озирис — позвал я — Озирис, я пришел за тобой мой дорогой песик. Идем домой. Он поднял голову и посмотрел на меня.

Господи, Боже мой. Да, ведь это был просто человеческий взгляд. Он говорил: — Стыдно?! Что ты хочешь от меня? Я не верю.

Рабочий открыл дверцу, но собака лежала и не поднималась. Я стал на колени, на грязную землю, около клетки и протянул руку.

— Идем, Озирис, идем домой, милый. Мы опять будем вместе. Хочешь?

Пес нехотя поднялся и вышел из клетки; он опустил голову и стоял. Я одел поводок и пошел.

— Ну и голова — сказал рабочий — обидчивый. Мы поехали домой и сколько я не гладил его он не реагировал. Дома я его выкупал и он лег спать. Наверное, он как и я спал плохо, а может переживал больше моего и не спал вовсе.

Мы улетели...

В Сеаттле нас встретил Сергей и когда услыхал историю Озириса и как он ко мне попал, сразу же подобрел и подружился с собакой.

Машина его было большой и удобной. Мы не спешили и шутя и играя добрались до намеченной на карте точки. Озирис был в восторге от путешествия, так как на наших остановках, где нибудь в пути он бегал, прыгал и проявлял все виды собачьей радости. Повидимому я был прощен.

Местечко называлось Ля-Хойя.

Я слыхал от художников, что тут красиво и, что для моей кисти и палитры найдется достаточно работы. Сережа не возражал — он радовался всему. Его жизнерадостность бодрила и меня. Это местечко расположено по дороге в Сан-Диего, городу, с самым лучшим климатом и самым богатым зоопарком в Америке. Городок „уступами" спускается к океану, так, что внизу великолепие водной глади, пляж и живописные скалы. А в Ля-Хойя, прямо на улицах устроены выставки картин приезжих художников, собирающихся сюда со всех концов, в поисках натуры.

Тут, подчас можно купить полотно, которое через несколько лет будет продано в тридорога. Здесь было действительно красиво. Можно отдыхать и духом, и телом. Я был очень рад и благодарен Сергею. Я видел, что смогу и поработать, и отдохнуть. Да, в сущности моя работа и будет моим отдыхом. Озирис был просто в восторге.

Я облюбовал очень дикое место: скала у самого океана и один ее угол так остро выступает, что вы только по во-

де можете зайти за него и очутиться на небольшом пляжике. Трудно даже предположить, что за углом омываемой океаном скалы есть кусочек земли. Когда я перетащил туда все свои „причиндалы", то понял, что для двух художников места там недостаточно.

По мере движения солнца и вода, и скала, и берег приобретают различные цвета и оттенки. Я очень люблю полотна, где светотени играют главную роль. Мне удавались такие эскизы и я понял, что рисуя под различными ракурсами я смогу создать несколько различных картин... Сережа же носился по побережью загорелый, веселый и радостный. Вот уж человек черпавший радости жизни пригоршнями. Встречались мы только вечерами. Один раз, стремительно засыпая, он успел мне бросить:

— Кажется надо мною всходит звездочка... Холливуда — и заснул. А утром, когда я открыл глаза, его уже не было. Повидимому он пытался увидать свою звездочку до восхода солнца, еще раз.

Нагрузившись мольбертом, треножником, ящиком с красками и резиновым матрацем для плавания, я поплелся к океану... Ах, как он хорош, утром, этот Тихий океан. Солнце золотит поверхность воды, пляж чист и вымыт за ночь и природа опять готова принимать нас, пачкающих и засоряющих ее всяческими отбросами. Но, повидимому, человек, как царь природы для этого и предназначен...

Эти ядовитые размышления, однако, не у места и я начинаю настриваться на добрый лад. У Озириса более оптимистичный характер и он радуется всем своим существом. А я продолжаю думать:

— Почему мы ссоримся, завидуем друг-другу, спорим делаем гадости ближним, а потом постепенно приходим к сознанию, что все это не нужно. Мы уйдем, а вечность с ее красотой останется. Почему мы не можем жить лучше и быть лучше? Повидимому, как нельзя переделать природу ястреба, так и человек с его недостатками остается неизменным. Жаль, конечно, но будем жить пока можно.

Вот и весь вывод.

Озирис в восторге от безбрежной водяной дали и даже лает на Тихий океан. Это, конечно, неуважение, но я его не останавливаю. Пусть. Он бегал по пляжу, но все время старается быть у меня на-виду. Он плавает, сохнет, опять плавает и когда устанет по настоящему, лежит около меня и смотрит на мою работу. Особенных восторгов он не высказывает. Еда с нами. Он только очень недоволен тем, что вода соленая. Для него я ношу в термосе чистую воду. Я им любуюсь и думаю:

— Как было бы подло наслаждаться всем этим богатством природы, а собака в это время сидела бы в тесной клетке...

Обычно я захожу за свою скалу и расставляю все для работы. Когда я плаваю, то Озирис со всех ног бросается ко мне, чтобы быть рядом. А может быть понадобится его помощь? Я надуваю ручным насосом резиновую лодку и бросаюсь в воду. Ух! Вот они незаменимые ничем ощущения, потом вскарабкиваюсь в свою лодченку — пес не хочет — и слегка покачиваясь на волнах, куря свой „кепстен", погружаюсь в воспоминания... Красота, а... ведь могло бы быть еще лучше — судьба не дала мне этого счастья! Я знаю, что упускаю чудесные моменты игры света и цвета, игры солнца и воды, но не могу иначе, ведь это так хорошо и так мало этого у нас в жизни... Покурив, причаливаю к берегу, сажусь на складной стул и усердно, забыв обо всем, работаю. Работаю с упоением, ни о чем ни думая, абсолютно. Мне только хочется поймать вот этот блик, вот это пятно на воде, сделать мазок идеально верным и близким к оригиналу. Я хочу быт точным в воспроизведении той красоты которую вижу и ощущаю всем своим существом...

Я тороплюсь, ибо мне кажется, да оно так и есть на самом деле, что если я не успею „зафиксировать" этот момент, этой красоты на полотне, он уйдет и я его никогда не увижу. Он неповторим, как первая любовь: всепоглощающая, чистая и красивая. Второй раз так не бывает. Никогда... Я тороплюсь, я нервничаю, чтобы захватить эту радость красок надолго и оставить ее для людей. Впрочем, я о них в этот момент меньше всего думаю.

Именно, здесь, у воды, я вижу, как меняется ее свет, цвет песка, скалы... Как играют светотени и, как виденное сейчас, через полчаса кажется другим. Тот, кто рисует — поймет меня. Когда солнце поднимается к зениту, я прячусь в тень скалы, у самой воды, так что она омывает мои ноги, мы завтракаем и я опять отдыхаю. Заслуженно, ибо вижу, что моя поездка не прошла даром, я поработал и привезу в Нью Иорк еще несколько полотен, о которых поспорят, но вынуждены будут признать, что в них „что-то" есть! Художники, как и артисты очень ревнивы к чужому творчеству. Доказательств очень много и в литературе, и в жизни...

Я очень доволен поездкой: окреп, прекрасно сплю, прочистил свои легкие после ньюиоркской сажи, туманов и автомобильной гари. У меня зверский апетит и я даже с удовольствием думаю о возвращении в мой Вавилон. Я его начинаю опять любить: что значит разлука. При всех его колоссальных недостатках, в нем много прелести, и это можно понять прожив в нем совсем немного. А старожилы его такие же патриоты, как одесситы и киевляне, если не больше...

И вот случилось то событие, которое и является сутью моего рассказа. Я, как всегда, забрался за скалу, поработал и прилег. Не заснул, а дремал. И вдруг вздрогнул: нет, это мне не кажется, это явь, это правда...

За скалой, с другой стороны, тоже у воды, разговаривали двое и... по-русски! Я почувствовал себя неловко — я подслушивал. Но потом я нашел себе оправдание. Я здесь „старожил", я уже две недели, как живу в Ля-Хойя и работаю за этим утесом. Мы никак не могли увидать друг-друга, так как нас разделял выступ скалы, но слышал я прекрасно. Я решил, что мое право было более „правое" и остался, а к тому же опять заговорила журналистская жилка. Конечно, я мог закашлять и этим дать знать, что есть посторонний свидетель чужой беседы, но кашель не даст им знать, что я понимаю по-русски... Там говорили:

— Чудесное место, какая красота!

— Правда? Мне писали об этом городке и я решил попробовать.

— Ну, располагайтесь, будем есть и слушать. На чем мы вчера остановились.

— Я говорил вам, что встретил Галю у ее тетки, машинистки.

— Да, да. Ну и что же?

— Машинистка эта, старая дева, часто говорила о ней. Галя ей приходилась племянницей. Она была дочерью известного инженера Шаповаленко. Вы слышали, они из Киева? Он был строителем различных объектов и даже помощником начальника строительства Днепростроя. А это уже не шутка, одним словом, ну и, конечно, член партии, при этом. Правда, специалист, знаток своего дела, но для пущей крепости вступил в партию. Так делали многие. Что они думали — это другое дело. Это дало ему огромные преимущества: хорошая квартира, положение, закрытый распределитель и даже служебная машина. Он бывал часто в разъездах и редко в Киеве. Так вот, Галя была его дочерью. Так мне рассказывала родная сестра его жены, машинистка, жившая в доме Гинзбурга, что на Институтской. Жила она в подвале, недоедая и холодая. Она никогда не ходила к сестре потому что ей туда пути были заказаны: даже в советском обществе бедные родственники неудобны. Сестра не звала ее к себе, а маленькая, старенькая Олимпиада, сама не шла. Там, у ее сестры, бывали „знатные люди" нашей страны, включая Пашу Ангелину и Марию Демченко, помните таких?

Одним словом, инженер Шаповаленко шел в ногу с эпохой и всякие родственнички были ему только помехой на его пути. Да, так вот. Однажды, когда я диктовал старушке свои материалы, дверь открылась и вошла племянница...

Наступила пауза и рассказчик замолчал.

— Да, это была Галя. Сколько лет прошло с тех пор? Ох, как много, но эта стройная фигура семнадцатилетней девушки, эти огромные глаза, черные и блестящие, длинные ниже пояса две косы, яркий маленький рот и изуми-

тельный цвет лица, до сих пор стоят передо мной. А ведь прошло уже сорок лет, а тогда мне было двадцать два. Сейчас мне седьмой десяток, у меня астма, я плохо вижу, больное сердце. Ах, о чем говорить. Немало женщин я встречал на своем пути, но Галченок оказался единственным, нестирающимся в памяти образом. Так бывает... А тетка так и засияла.

— Ну, вот, познакомтесь, наконец.

— Я вас знаю давно, мне тетя уши прожужжала: весельчак, спортсмен, интересный.

— Ну и что же? — спросил я улыбаясь.

— Третье верно, а про остальное не знаю.

Галя побыла минут десять, пошутила, посмеялась, наполнила комнату светом и радостью молодости и исчезла.

С этого и началось. Сначала мы встречались у тети и я ее провожал домой, а потом... Ах, да. Тут я узнал странную вещь. Я никогда не думал, что так бывает в жизни.

Оказывается, родная мать ее не любила и даже не скрывала этого. Галя была любимицей отца. Может быть в этом и был секрет?

Но лучшие кушанья и платья получала младшая сестра. Что это? Мать ревновала дочь к родному отцу и в отместку благоволила к Ольге. Отец-же никогда не делал разницы между дочерьми, но и жена и дочери чувствовали к кому лежало его сердце. Может потому что она была похожа на отца?

Прежде, когда Галя была младше, мать била ее, когда отца не было дома.

А, как я сказал, он очень часто бывал в разъездах.

Галя не ходила в кино, не бывала в садах и парках нашего чудесного Киева. Школа и дом, вот и вес... А летом мать забирала детей и уезжала в Пущу-Водицу, где у Шаповленко еще сохранилась (у многих отобрали) своя дача.

Только киевлянин поймет, что такое Пуща с ее не имеющим себе равного сосновым запахом! Вот я вам это рассказываю здесь на берегу Тихого океана, а сам его ощущаю, как будто лежу на песке, под нагретыми соснами...

Тоже самое я чувствую, когда говорю о Купеческом саде, ныне Пролетарском. По вечерам там так одуряюще пахло метеолой, табаком и резедой, что голова кружилась. А тут еще Лев Петрович Штейнберг со своим симфоническим оркестром...

Ах, Киев, бессмертный город!

И я сходил с ума, что не могу быть с Галей ни днем, ни вечером...

Я встречал ее, когда она шла в школу с сестрой, но не подходил, а шел по другой стороне улицы. Мое сердце шагало рядом с ней. Она видела меня и давала знать об этом или громким смехом или жестом, но строго берегла наш секрет от Ольги.

Возвращаясь домой, она иногда заходила к тете (это было по дороге), а сестра шла домой... Я был тут, как тут!

Пять-десять минут вместе. Старушка души не чаяла в племяннице. Раз, строго глядя на тетку, Галя сказала:

— Тетя, я очень люблю Михаила. Слышишь, очень! И если я иногда поцелую его при тебе не сердись, тетя. Хорошо? Не сердись.

Это было сказано с таким сердцем, с такой глубиной, что бедная женщина заплакала. Я стоял, не веря своим ушам.

— Галя, что ты говоришь, подумай?

— Я подумала, потому и сказала.

Мы ушли и молчали всю дорогу. Мы никогда еще не говорили друг-другу о своих чувствах и Галя сказала первая и где? У тети и безо всякого к тому повода. Видно, что она выстрадала эти слова и верила в свою любимую Олимпиаду, а в моем к ней отношении — не сомневалась...

Женщины в этом случае редко ошибаются. Они отличают правду любви от ее суррогатов.

Когда наступило лето — мы растерялись. Ведь Галя должна была уезжать в Пущу. Не видеться, да еще летом? Работал я где попало: то на стройке, то в канцеляриях. Теперь я нажал на все педали, чтобы, на лето опять попасть на постройку ночным сторожем. Работа несложная: целую ночь сторожить, чтобы не посягнули на строительный материал, а утром, к приходу рабочих нагреть бак. Вот и все. Оплата ерундовая, но разве это важно в двадцать два года? Устроившись, я достал собаку и функции сторожа поручил ей, а сам насыпав свежих стружек в тачку, забирался на второй этаж стройки и там спал. Утром, просыпался свежий, бодрый и к приходу десятника кипяток был готов и стружки из тачки высыпаны. Значит я был на своем посту и все было в порядке.

Собака оставалась на стройке, там ее подкармиливали, а я при первой же возможности садился на трамвай и „летел" в Пущу.

Там, у озера, недалеко от их дачи, на одеялах располагались мать и дочери. Иногда мать оставалась дома и сестры приходили одни.

Полежав у воды и поплавав, Галя накидывала платье и шла побродит. Это не Америка и там не было опасно, хотя вокруг и большой лес.

Через сотню шагов (она уже знала) из-за кустов появлялся я и мы отправлялись — „бродяжить". Предусмотрительная спутница несла с собой кулек: я ведь вечно был голоден и такой кулек мне был нипочем. О чем мы говорили?

Обо всем и ни о чем. Но нам было так хорошо, так хорошо!

Я удивлялся себе: ни к кому раньше и ни к кому после я не относился так чисто, так заботливо, как к Галченку. Я не лез к ней с поцелуями, как это практиковалось у нас на Трухановом пляже, не говорил ей всякой пошлой ерунды, такой ходкой среди советской молодежи. Тысячи тем мы за-

трагивали в наших разговорах и должен сознаться, что эта семнадцатилетняя девушка была и начитаннее и серьезнее меня. Иногда она говорила так остроумно и так метко, что я диву давался и старался запомнить, чтобы потом блеснуть перед другими.

Потом она отправлялась обедать, а я сидел где нибудь поблизости в ожидании очередного кулечка.

Так летели дни, хорошие и безмятежные, насыщенные нашим первым настоящим чувством. Я понял, что полюбил. Целовались ли мы? Да, но даже в своих поцелуях я не узнавал себя. Нет, нет, тут было что-то не то!

И это „не то" была любовь!

Лето пролетело. Шаповаленко вернулись в город и вот однажды я получил по почте записку „Будь у тети". У меня дрогнуло сердце: что-то случилось.

Я не пришел, а прибежал. Тетя ничего не знала и мы сидели молчаливые и испуганные. Галя пришла в назначенное время. Не снимая пальто она бросилась ко мне, обняла и заплакала. Я никогда не видел ее плачущей ибо знал ее решительный, смелый характер и вдруг....

— Что ты? Что случилось? — тетя ничего не говорила, а стояла в углу своей комнатенки, сложив молитвенно ручки. Галя схватила мою голову и начала покрывать мое лицо поцелуями.

— Галченок мой, ну, скажи-же, не мучь...

— Мы... мы уезжаем в Харьков. Папа получил туда назначение. Через неделю... От тебя.. От Киева... От тети.... — и опять зарыдала.

Я стоял похолодевший.

— Гали не будет? Галя уходит? Что же делать? Вот смотрите — голос рассказчика дрогнул — сколько лет прошло с тех пор, а я ведь помню не только то, что она говорила, но и как была одета. Я и сейчас рассказываю вам и волнуюсь.

Провожая её домой я ничего не спрашивал и не говорил. Разве слова помогут?

Через два дня (она уже в школу не ходила), мы встретились и она сказала: — Идем к тебе.

— Ко мне?! — я жил с отцом в маленькой комнате на Думской площади. Он был на работе и знал многое о Гале. Я делился с ним. Он был удивительным другом и, как будто бы чувствовал, что мое отношение к этой девушке было не такое, как обычно. И он всячески старался такое отношение оправдать и одобрить.

Мы пришли. Я чувствовал себя неловко: у нас не было прибрано и даже не было достаточно чисто. К счастью, обе наши кровати были застелены. Галя легла на одну из них (откуда она узнала где моя?) и велела мне лечь рядом...

Мы говорили, говорили, перемежая наши слова поцелуями и слезами. Но, Господи, как это все было удивительно чисто! Может быть, если бы я проявил больше настойчивости и желания — она уступила бы. Но у меня не было этого, а было большое отчаяние и большая любовь, затмившая все остальное. Тогда я это понял!

Галченок даже не думал, что сказали бы ее родители если б узнали где она была и что делала. Я запомнил из этой последней сумбурной встречи, ее слова: — Я приеду к тебе, я приеду. Жди меня! — о, она умела принимать решения.

Они уехали... Я получал от нее письма, а в одном (это было через полгода) стояло: „Через месяц-два я буду в Киеве". Ах, какие хорошие письма она писала. Сколько там было души и чувства. Я-то знал, что для других ее душа была закрыта наглухо. Раз, придя с работы, я нашел телеграмму с извещением, что Галя будет у тети и проживет три дня. Старенькая Олимпиада смущенно сказала мне:

— За пять литров керосину я упросила соседку позвонить по прямому проводу в Харьков и сказать, что я больна и прошу, чтобы меня кто-нибудь навестил. Ну, а остальное сделала Галя.

Как прошли эти три дня? Я не помню и не буду выдумывать. Знаю только, что мы клялись в верности, но я... я

уже не был так уверен в себе, как раньше. Время и разлука делали свое дело. Прощаясь, на вокзале, Галя сказала:

— Судьба послала мне тебя, но она и забирает тебя... Я вижу.

Весной тетя сказала, что Галя кончает школу и на лето, быть может, все они (кроме отца) приедут в Пущу. Все это „может быть". Мы переписывались, но не так часто. Все же ее письма были попрежнему „верными и постоянными", если так можно выразиться...

Лежа за скалой на матрасике я слушал чужую исповедь и даже Озирис не пытался лаять, а лежал спокойно у воды. Рассказ незнакомца продолжался.

— Летом они не приехали, а осенью тетушка смущенно сказала мне:

— Миша, вы знает, Галя выходит замуж.

— Галя, замуж?!

Оскорбленное мужское самолюбие сразу стало доминировать над всеми остальными чувствами. Во-первых: почему она мне не написала? А во-вторых: где-же клятвы в верности, которые с таким жаром давались мне? А через несколько дней пришло письмо, большое и страшное. Там было:

„Я не вижу выхода, чтобы жить по человечески. Быть вместе с Ольгой и мамой я больше не могу. Я хуже домработницы. Мать не скрывает своей ненависти, а отца с нами почти нет, да я ему ничего и не скажу... Человек, которому я дала согласие, — папин давний знакомый, он в два раза старше меня, он мне совершенно безразличен, но он один раз был свидетелем „материнского" со мной обращения и сказал, что любит меня давно и, что папа давно согласен на наш брак, так как он-де знает мои условия жизни, но бессилен что-либо сделать и поэтому — мол слово за мной, Мать готова расстаться со мной хоть сейчас. Если я согласна, то мы запишемся и уедем далеко, куда-то на Урал, где он будет главным начальником на шахтах. Он обещает мне свободу, я буду навещать отца, ездить на курорт с матерью

и сестрой, но уже как независимый человек. Но самое главное, для меня — я буду ездить в Киев. Это будет главным в моей жизни".

Много хороших слов написала она, в мечтах представляя наши встречи. Она думала, что выйдя замуж останется для меня такой-же. Наивная! Я ответил ей сухо. Как бы не была она права, но она будет принадлежать другому, который будет ее называть своей, целовать, имея на это право. Какой мужчина согласится на такой дележ?.. Когда я рассказал об этом отцу и показал ее письмо, он сказал:

— Девочка переживает глубокую драму. Она пожертвовала собой, спасая свою свободу и думала приблизиться к тебе. Ведь ее брак — это сделка с совестью во имя чувства к тебе. Думая сохранить тебя — она теряет. Она не знает мужского характера.... — Потом уже, я расспрашивал Олимпиаду Харитоновну про Галченка и та говорила, что она уехала с мужем в такую глушь, где зима чуть ли не полгода и где бывают периоды, что никакая связь с миром невозможна, даже самолетами.

Заносы, бураны... Счастлива ли она? Нет, она чувствует себя очень несчастной. Ее муж оказался очень грубым человеком и все его обещания свободы сведены к нулю.

— Однако — сказала тетка — они приедут в Харьков и она навестит Киев, это твердо.

„Скажи — читала она галино письмо — Мише, что дороже его у меня нет никого на свете. Мой шахматный ход оказался неудачным и я проигрываю. „Рокировка" не спасла меня"... Она, между прочим, любила шахматы. Я слушал эти слова, написанные где-то под вой вьюги, в домике занесенным под самую крышу снегом, где мой Галченок с перебитыми крыльями бился об оконное стекло, стремясь к солнцу и теплу. Мне было ее только жаль, ведь она все-равно не моя... Образ Гали тускнел, и стирался.

Летом, в разгар сезона, я получил письмо о том, что она приедет в Киев одна и, что ее пребывание в нем зависит от меня. Я побежал к тетке. Та тоже знала о грядущем

визите племянницы и готовила ей в углу, за тяжелой портьерой уголок для ночлега.

Я пришел на другой день после ее приезда. По правде сказать, я не знал, как себя вести и волновался. Ведь все то, что было уже не повторится в таком виде, как это было прежде. Когда я вошел, красивая, молодая дама со следами страдания на лице поднялась мне навстречу и протянула руку.

В глазах ее я прочел все: и мольбу о прощении и ту же большую любовь и муку...

Все это она хотела скрыть под вымученной улыбкой, но глаза выдавали ее.

Косы уже не было и прическа делала ее и старше, и интереснее.

— Здравствуй — просто сказала она — принимаешь?

Мы разговаривали о разном, но ни слова о главном. Тетя, как мышь, притаилась в углу.

— Хочешь вечером в Мариинский парк или на Аскольдову Могилу? Если ты не занят?

Вечером мы пошли туда. Вы не знаете, но это место одно из красивейших в Киеве, на кручах Днепра. Там теперь парк и надо отдать должное-красивый и очень уютный. Но на месте могилы легендарных Аскольда и Дира стоит киоск с газированной водой. Советская власть совмещает приятное с полезным... Мы гуляли, разговаривали, смеялись, но все уже было не то. Никто из нас не протянул друг-другу руки и губ. Я считал себя оскорбленным в своем мужском достоинстве. А Галя? Она держалась просто, но гордо. Она не считала себя виноватой? Ах, так!

Только киевляне знают киевские вечера в июле месяце, да еще в его садах и парках. Мы сидели на скамье, у самого обрыва и наблюдали, как внизу проплывал пароход, шедший к Черному морю. Видели силуэт Цепного моста...

— Миша, простишь ли ты меня за мой шаг, за мое решение выбрать такую свободу? — Много-много было сказано на-

ми в этот ласковый вечер, а когда мы пришли домой к подвалу дома Гинзбурга, Галя сказала просто.

— Идем к нам. Тетя не будет ночевать сегодня. Она у подруги.

И тогда у меня проснулось то, что было глубоко спрятано во времена наших прошлых встреч. Этой ночи, единственной такой ночи, в моей жизни я не забуду никогда. Это в эту ночь я услыхал слова никогда никем не сказанные мне в таком экстазе:

— Мишук, ты мой муж и никто больше. Можно быть несколько раз замужем, можно несколько раз в жизни „любить", но только один человек бывает у женщины единственным, неповторимым и желанным, в ее жизни, если только...

Если только судьба пошлет ей его и их пути пересекутся, даже ненадолго...

Ты у меня, в моем сердце, в моих мечтах, в моей маленькой убогой судьбе — один!

Ты — мой муж, ты —отец моих детей, мое счастье, мое горе...

И опять горячие ласки и горькие слезы. Это была ночь, неповторимая в жизни человека, потому что в эту ночь чувства человеческие были обнажены до дна! Я тоже стал таким, как Галя. Я говорил тоже самое, я переживал такую радость, такое счастье, что поверьте — голос невидимого рассказчика дрогнул — если я не был женат, то в этом и вина и заслуга Галченка. Я пронес ее чувство ко мне через всю мою жизнь и вот, теперь, когда я вам рассказываю это, мне ведь не к чему рисоваться и преувеличивать.

— Да, да я верю-ответил другой.

— На другой день, мы с Галей пошли на концерт Тамары Церетели. Это была одна из лучших исполнительниц цыганских романсов в то время. Мы сидели молча прижавшись друг-к другу, держась за руки. Почему? Потому что предстоящая разлука могла быть долгой, а может быть и вечной.

Когда она уезжала, я и тетя провожали ее. Обнимая меня, она прошептала:

— Если Бог даст мне от тебя ребенка, я пойму, что еще есть смысл жить на свете.

И она уехала... А через полгода, когда я с отцом играл зимним вечером в шахматы, кто-то постучал в дверь. Мы отозвались и в комнату вошел грузный, высокий человек, с черными глазами. О, я сразу узнал эти глаза.

— Я инженер Шаповаленко. А вы Михаил? Наверное. Мне нужно с вами поговорить, можно?

Я специально приехал из-за этого из Харькова.

Отец оделся и вышел, а гость, не снимая пальто, тяжело опустился на стул.

Он пристально посмотрел на меня, губы его дрогнули и из глаз медленно, как бы нехотя покатились слезы. Я испугался и хотел встать.

— Сидите, я привез вам письмо от Гали. Я — отец. Оно шло долго, очень долго. Телеграмма опередила это письмо. Неделю тому назад она застрелилась.

Сказав это он опустил голову на стол. Ужас сковал меня. Галченок застрелился?

Тишина нарушалась тяжелым дыханием плачущего человека. — Она — очнулся он — написала мне и в своем письме ко мне приложила это — к вам. Вот оно. Я не открывал. Мне она написала, чтобы я отвез и отдал его вам в руки. Я это делаю, такова ее последняя воля.

Он встал.

— Так вот, кого она любила? — и запахнув тяжелое пальто пошел к дверям, а потом повернулся:

— Нет у нас Гали больше, Михаил. Мы осиротели с тобой — и ушел.

За скалой наступило молчание. Слышно было, как кто-то раскуривал трубку.

А письмо?

— Письмо со мной, все годы моих скитаний. Я терял вещи, здоровье, друзей, а письмо, как самое дорогое в моей жизни, я возил и носил с собой повсюду. Вот тут... Хотите прочту?

— Если это можно. Если вы, так сказать, доверяете мне, я буду тронут узнать, что...

Я насторожился. Это был уже эпилог трагической истории о погибшем Галченке. Сильный ветер со стороны океана налетел на берег. Волна поползла к ногам Озириса. За скалой раздался испуганный крик:

— Письмо мое, письмо! — и другой голос:

— Успокойтесь, мы ничего не можем сделать, его унесло в океан. Куда, куда вы...

— Ах, нет, его прибьет где нибудь к берегу. Идемте, идемте!

Было слышно, как два человека поспешно поднялись и побежали по песку в другую сторону от меня.

Я сидел подавленный всем слышанным. А ветра уже, как не бывало.

— Ну, что-ж, будем собираться собачка домой? — и пес заплясал около.

Собрав все свои вещи, я подошел к воде, чтобы помыть руки и увидел в метрах десяти от меня на воде, что-то белое. Это был несомненно конверт.

— Озирис — крикнул я — Озирис, иди возьми, принеси.

Собака поняла, бросилась в воду и через несколько минут я держал в руках письмо самоубийцы.

Озирис ожидал, что будет дальше. Конверт я бережно расправил, дал высохнуть и понес в отель.

Я хочу отдать это письмо его владельцу и поэтому и создал этот рассказ.

Если тот, кому оно принадлежит прочтет эту историю, он меня найдет легче, чем я его.

Пусть тогда обратится ко мне. ТАКОЕ письмо я буду хранить долго.

СОДЕРЖАНИЕ

—⁂—

Автор просит читателей если книга им понравится, рекомендовать её своим друзьям и знакомым.

А если нет, то написать ему!

Первую книгу писателя

«НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ"»

можно выписать от автора,

по цене $ 3.50

Адрес:

Mr. Victor Mort
113-13th Ave. E.
Seattle. Wash. 98102